Александр Измайлов

Избранные сочинения

Александр Измайлов
Избранные сочинения

АЛЕКСАНДР ИЗМАЙЛОВ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ОГИ
МОСКВА
2009

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
И37

Вступительная статья, составление и примечания
Максима Амелина

Измайлов А. Е.
И37 Избранные сочинения / Александр Измайлов. — М.: ОГИ, 2009. — 480 с.

ISBN 978-5-94282-587-4

Стихотворные произведения выдающегося поэта-сатирика и баснописца первой трети XIX века издаются отдельным томом впервые после почти 120-летнего перерыва. С предельной полнотой в книге представлен корпус басен и сказок, занимающих в творчестве Измайлова центральное место. В Приложении публикуется работа И. А. Кубасова о службе поэта вице-губернатором в Твери и Архангельске.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-94282-587-4

Подписано в печать 17.10.2009. Гарнитура Петербург.
Формат 84×108 1/32. Объем 15 печ. л.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №

СОДЕРЖАНИЕ

БАСНИ И СКАЗКИ

РАЗГОВОРЫ

ПЕСНИ

СМЕСЬ

НАДГРОБИЯ

НАДПИСИ И ЭКСПРОМТЫ

ЭПИГРАММЫ И ЭПИТАФИИ

ШАРАДЫ

КОЛЛЕКТИВНОЕ

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ПИСАТЕЛЬ ДЛЯ МУЖЧИН И ДАМ»

Имя Александра Ефимовича Измайлова (1779—1831) говорит современному любителю поэзии немного. При этом нельзя сказать, что он совершенно забыт и вычеркнут из истории отечественной литературы. Его сочинения до сих пор находятся на периферии по какой-то нелепой случайности, по досадной оплошности или в силу небрежения, которое часто возникает как следствие пресыщенности. Русская поэзия богата великими поэтами, но не сто́ит из-за этого разбрасываться менее крупными и выдающимися, каждый из которых заложил свой камень в ее основание. Если о степени развития и благополучия общества принято судить по отношению к детям, старикам и инвалидам, то состояние литературы можно оценивать по наличию изданий отечественных писателей второй величины. В России до сих пор ждут не дождутся своих исследователей и издателей многие крупные и в высшей степени оригинальные поэты XVIII—XIX вв., например В. П. Петров, А. А. Ржевский, Н. П. Осипов, Д. П. Горчаков, И. М. Долгорукий, А. П. Бунина, С. А. Ширинский-Шихматов, В. И. Туманский и другие. Корни настоящего и будущего находятся в прошлом, поэтому отсутствие или недостаток изданий старых писателей приводит к неверной ориентации в пространстве не только предыдущей, но и современной литературы и рано или поздно приведет к культурному одичанию.

Не так на сегодняшний день обстоят дела со старинной музыкой и живописью. Общемировое движение исполнителей-«аутентистов» за последние 30 лет вернуло из небытия и вывело на передний план множество забытых композиторов XVI—XIX вв. Музейные экспозиции вообще никогда не прекращались и отличались в разные времена только расстановкой определенных акцентов. Никому, например, в голову не приходило прятать в запасники работы П. Брейгеля Старшего, Л. Кранаха Старшего, Д. Тенирса Младшего (того самого Теньера, с картинами которого сравнивали сказки Измайлова) или полотна П. А. Федотова, русского художника-сатирика, очень близкого по духу нашему сугубо нелирическому поэту, которому посвящен весь дальнейший рассказ.

Несмотря на то, что литературным дебютом Александра Ефимовича стала публикация стихотворения «Смерть (Из Мальгерба)» (1798), первым произведением, обратившим на себя внимание читающей публики, можно считать его бытописательно-сатирический роман «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» (1799—1801)[1]. По прошествии времени о своем романе сам автор высказывался, и не раз, весьма иронически и критически: «Негодный роман!»[2] Или:

Осьмнадцати, не больше, лет
Урода этого я произвел на свет.

Прозу, в основном сатирическую, причем самых разнообразных малых жанров, от повестей и былей до анекдотов и афоризмов, Измайлов сочинял всю жизнь. Его повествовательному дару, вполне развернувшемуся в поэзии, вероятно, все-таки не хватало более четких сюжетных построений[3]. Некую альтернативу прозе поэт нашел в сочинении басен и сказок, которые занимают главное место в его творчестве.

С 1802 по 1830 г. Измайлов написал 134[4] басни и сказки. Этот обширный корпус по объему занимает четвертое место в русской басенной поэзии после А. П. Сумарокова, И. А. Крылова и графа Д. И. Хвостова. Только около 60 басен и сказок являются подражаниями иноязычным баснописцам, бóльшая же часть написана на оригинальные, взятые поэтом из жизни или вымышленные, сюжеты. В предисловии «От сочинителя» ко второму изданию Измайлов скромно писал: «Басни мои и сказки суть большею частию не что иное, как вольные подражания иностранным фабулистам. <...> Собственно принадлежащих мне басен очень немного. Написать хорошую басню в стихах весьма трудно, а перевести хорошо, может быть, еще труднее. По крайней мере, в первом случае сочинитель совершенно свободен; в последнем же обязан он удержать сколько возможно красóты подлинника или заменить их собственными своими»[5]. Отличительной особенностью измайловских басен и сказок является почти полное отсутствие в них морализаторских сентенций. Автором читателю предоставляется право, просмотрев подвижные картины из жизни зверей и людей, самому сделать тот или иной вывод.

Живой язык, гибкий стих и веселый юмор Измайлова за 200 лет практически не устарели. Персонажи его басен и сказок выписаны крупно, фактурно и зримо, при этом со множеством мелких подробностей и характерных деталей. Современники узнавали в них конкретных лиц, в которых

---

[1] См.: *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1910.

[2] Благонамеренный. 1823. № 1.

[3] Поскольку проза Измайлова в наст. изд. не включена, более подробно она здесь не рассматривается.

[4] Возможно, что в рукописях еще осталось несколько до сих пор не опубликованных.

[5] Басни и сказки Александра Измайлова. Издание второе, вновь исправленное и умноженное. СПб., 1816.

метил баснописец. Именно с этим обстоятельством во многом был связан успех прижизненных изданий его «Басен и сказок», выпущенных за 12 лет 5 раз. Сам баснописец, например, относил быструю распродажу первого их издания, вышедшего в 1814 г., на счет публикации в нем сатирической сказки «Стихотворец и Чорт», в которой высмеивал графа Д. И. Хвостова. Эта сказка (как и другая — «Снежный ребенок») стала настолько известна, что даже попала на народную лубочную картинку.

Написав достаточное количество басен, Измайлов решил создать и теоретическую работу о басне, основываясь в ней на изыскания французских теоретиков этого жанра XVIII в. «Опыт о рассказе басни», в котором на примерах, взятых из лучших французских и русских баснописцев, показывались особенности механизма баснописания, рассматривались конкретные достоинства и недостатки, был частично опубликован в 1817 г. в журнале «Вестник Европы», прилагался к изданиям басен и сказок 1817 и 1821 гг., а в 1826 г. вышел отдельным изданием. Любопытные высказывания о сущности басни встречаются и в его переписке. Например, в письме И. И. Дмитриеву от 4 мая 1816 г. Измайлов отмечал: «Чем более читаю Лафонтена и других славных фабулистов и критиков, тем более имею причин опасаться и не доверять самому себе. Весьма много почитаю себя обязанным отечественным баснописцам, ибо хорошие образцы на своем языке полезнее всякой теории и правил. По моему мнению, Хемницер и Крылов весьма близко подошли к Лафонтену: первый своим простодушием, а второй веселостью и живостию разговора. Но ни тот, ни другой не имеют любезной его чувствительности, силы и благородства в выражениях, которые столь удачно сохранили вы в своих подражаниях. Я удивляюсь, как Ваше превосходительство могли столь хорошо и столь близко переводить Лафонтена. От Лафонтена и от Вас узнал я, что баснописец должен быть настоящий поэт, то есть должен иметь чувство, составляющее существенное свойство поэта, и при всей простоте рассказа не унижать никогда языка богов»[6].

К «Опыту о рассказе басни» напрямую примыкают разборы басен «Воля и Неволя» И. И. Хемницера, «Кот, Ласточка и Кролик» И. И. Дмитриева, «Лягушки, просящие Царя», «Муха и Пчела» и «Лисица и Осел» И. А. Крылова. Сделаны они Измайловым в жанре примечаний, в которых рассматриваются особенности словоупотребления, точность выражений, стилистические, просодические и другие свойства этих произведений, в подражание французским критикам конца XVIII в., комментировавшим Ж. Лафонтена, прежде всего «Примечаниям к басням Лафонтена» (1796) С.-Р. Н. де Шамфора. Измайлов собирался значительно увеличить количество подобных разборов, о чем сообщал в предисловии к изданию 1826 г., но так и не удосужился.

О чужих баснях как критик Измайлов неоднократно высказывался в периодике. Он раньше всех, буквально в течение недели после выхода в свет первого издания «Басен Ивана Крылова» (СПб., 1809), откликнулся сочувственной статьей[7], в которой сравнивал крыловские басни с дми-

---

[6] Русский архив. 1871. № 6.

[7] Цветник. 1809. № 3.

триевскими. Измайлов часто бывал довольно злым и язвительным критиком. Например, в рецензии на двухчастное издание П. П. Лобысевича «Новые басни и сказки в стихах» (СПб., 1816), процитировав несколько несуразных стихов последнего:

Каким покажется прозревший мой герой?
И в сказке изъяснить возможно ли вернее... —

в «Примечании рецензента» продолжал:

Я не читал еще галиматьи такой!
Вралёва притчи дрянь — но, право, всё складнее[8].

Жанр критических и полемических приписок в стихах был изобретен и многократно опробован Измайловым. Едва ли не первым положительным откликом на публикацию 1-й главы «Евгения Онегина» была заметка[9] нашего поэта, в которой на пушкинский пассаж о женских ножках:

Люблю их ножки; только вряд
Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног... —

он шутливо возражал такой припиской:

Ну как сказать он это мог?
Как стройны ножки, невели́ки
У Евросины, Миролики,
У Лидии, у Ангелики...

Вот я насчитал четыре пары,

А может быть, во всей России есть
По крайней мере пар пять-шесть».

Александр Ефимович любил придираться к мелочам. Вероятно, эту привычку он приобрел еще в Вольном обществе любителей наук и художеств, где много лет исполнял обязанности внутреннего цензора сочинений сочленов. Способствовал ее развитию и богатый издательский опыт. В 1809—1810 гг. он издавал журнал «Цветник», в 1812 г. — «Санкт-Петербургский вестник», в 1816—1817 доиздавал две последние части 12-томного «Пантеона русской поэзии» после смерти его издателя П. А. Никольского, давнего друга и сообщника Измайлова. В 1817 г. отправившийся в заграничное путешествие Н. И. Греч, издатель «Сына Отечества», поручил ему почти полугодовой выпуск журнала

[8] Сын Отечества. 1816. № 32.
[9] Благонамеренный. 1825. № 9.

на время своей отлучки. С 1818 по 1826 г. он выпускал свой «Благонамеренный», в 1826—1827 гг. — альманах «Календарь Муз». Даже в 1829—1830 гг., во время навалившихся болезней после неудачных вице-губернаторств в Твери и в Архангельске, Измайлов намеревался издавать журнал «Любитель отечественного» и получил на него цензурное разрешение.

Журнал «Благонамеренный», доставлявший своему издателю немало хлопот, в глазах современников представал весьма сомнительным «домашним» предприятием[10]. Измайлов издавал его, что называется, в свободное от основной работы время. В эти годы он служил советником в Экспедиции о государственных доходах, потом начальником отделения в департаменте государственного Казначейства, кроме того, на нем лежали обязанности председателя Вольного общества любителей наук и художеств. В своем журнале он публиковал в основном друзей и сочленов по Вольному обществу, а также сообщников по дружескому литературному кружку, председательницей которого была С. Д. Пономарева[11]. Номера журнала иногда запаздывали с выходом, и его издатель оправдывался перед подписчиками довольно курьезными сообщениями: «Виноват издатель: гулял на праздниках»[12] или, спустя год: «Опять виноват издатель:

Как русский человек, на праздниках гулял;
Забыл жену, детей, не только что журнал»[13].

Подобные выходки плюс постоянные нападки на поэтов-романтиков настроили против измайловского журнала многих. Е. А. Баратынский в ранней — наиболее ядовитой — редакции (1822—1823) сатирического послания Н. И. Гнедичу, напечатанного в издании «Стихотворений» (1827) с заменами фамилий псевдонимами и названного «Г-чу, который советовал сочинителю писать сатиры», язвил:

Признаться, в день сто раз бываю я готов <...>
Сказать Измайлову: болтун еженедельной,
Ты сделал свой журнал парнасской богадельной,
И в нем ты каждого убогого умом
С любовью жалуешь услужливым листком:
И Цертелев блажной, и Яковлев трактирный,
И пошлый Федоров, и Сомов безмундирный,
С тобою заключив торжественный союз,
Несут к тебе плоды своих лакейских муз;
Тобой предупрежден листов твоих читатель,
Что любит подгулять почтенный наш издатель,

---

[10] См. статью: *Проскурин О. А.* Конец благих намерений («Благонамеренный», «Московский телеграф» и Александр Пушкин) // НЛО. 1999. № 40.

[11] См.: *Вацуро В. Э.* С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989.

[12] Благонамеренный. 1819. № 7.

[13] Благонамеренный. 1820. № 6.

А я тебе скажу: по мне, пожалуй, пей,
Но ум не пропивай и дело разумей.
Меж тем иной из них, хотя прозаик вялой,
Хоть плоский рифмоплет — душой предобрый малой!
Измайлов, например, знакомец давний мой,
В журнале плоский враль, ругатель площадной,
Совсем печатному домашний не подобен,
Он милой хлебосол, он к дружеству способен:
В день Пасхи, Рождества вином разгорячен
Целует с нежностью глупца другого он...[14]

Через журнал, с которым издатель самоидентифицировался, Измайлов активно занимался благотворительностью, оказывая материальную помощь и моральную поддержку бедным людям разных сословий. В «Благонамеренном» постоянно публиковались призывы к состоятельным подписчикам не только в прозе, но и в стихах. За 9 лет существования «Благонамеренного» Измайловым было получено и роздано через журнал более 10 000 руб. Он фактически принуждал к благотворительности обильно печатавшихся в журнале богатых поэтов-любителей, заставляя их подписываться на десятки экземпляров; иногда даже прибегал к откровенному шантажу ради своей благородной цели. Сам Измайлов, постоянно испытывая нужду и еле сводя концы с концами, поскольку содержание довольно обширного семейства в столице требовало приличных денег, часто на благотворительные нужды тратил и часть своих собственных средств.

Издание «Благонамеренного» поначалу приносило Измайлову немалую прибыль, однако с 1822 по 1824 г. годовой доход от журнала уменьшился с 5000 до 1500 р. Во многом это было связано с неправильной редакционной политикой издателя: Измайлов распугал ироническими выпадами молодых авторов, исповедовавших идеи романтизма («баловней-поэтов», как он их называл), и на всем старался экономить, поэтому многими текущими журнальными делами, включая чтение корректуры и развоз экземпляров тиража по книжным лавкам[15], вынужден был заниматься самолично. На свою постоянную занятость поэт часто жаловался в письмах и стихах. В журнальной статье «Ответ издателя *Благонамеренного* г. Чахоткину», Измайлов иронически описывал свое состояние так: «Поверите ли, что не так давно, с небольшим лет двадцать назад, был я тонок, как спичка, страдал одышкой и кровавым кашлем, предузнавал накануне чрез головную боль дурную погоду, одним словом: сох как былинка, таял как свечка; женился — и стал толст и здоров, а как начал издавать журнал, то сделался еще здоровее. Некогда и похворать! Теперь хожу я летом без усталости с Песков в Морскую типографию за Харламов мост, а иногда и далее... куда-нибудь на дачу; соколом взлетаю на высокие лестницы ступеней в 50 и выше; не помню уже, когда кашлял: голова моя не походит более на барометр и не

[14] *Е. А. Боратынский.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. Ч. 1. Стихотворения 1823—1834 гг. М., 2002.

[15] См. стихотворение в прозе «Рыжий конь».

болит ни от дурной погоды, ни от дурных стихов. Пока не издавал я *Благонамеренного*, то вел жизнь самую однообразную: в известное время ложился, вставал, обедал, ужинал, отдыхал, работал — теперь, кроме должности и корректуры, нет у меня ни на что определенного времени»[16].

Измайлову нравилось давать себе всевозможные иронические автохарактеристики, например такую, сделанную в неопубликованном стихотворении «В альбом сестрице» (1822):

Известный автор, сочинитель,
Поэт альбомный, фабулист,
Благонамеренный и толстый журналист,
Недельных книжечек издатель,
Член разных обществ, председатель...[17]

«Писатель для мужчин и дам» — неоднократно называет себя поэт в разных стихотворениях, и вот каково происхождение этого самоназвания. Одна из строф, написанная в 1819 г., «Дома сумасшедших» (1814—1839) А. Ф. Воейкова, пародийной поэмы о современных ему литературах, широко распространявшейся в списках, была посвящена Александру Ефимовичу:

Вот *Измайлов*! — автор басен,
Рассуждений, эпиграмм;
Он пищит мне: «Я согласен,
Я писатель не для дам.
Мой предмет — носы с прыщами,
Ходим с музою в трактир
Водку пить, есть лук с сельдями.
Мир квартальных есть мой мир»[18].

Прототип нескольких насмешливых басен и сказок Измайлова Ф. В. Булгарин вспоминал о его реакции на это: «Стих „Я писатель не для дам“ жестоко растревожил его. В день его рождения я послал ему шуточные стишки, в которых после каждого куплета был припев:

Нет, нет! ты, вопреки врагам,
Писатель для мужчин и дам![19]

Измайлов был в восторге! Стишки напечатал в „Благонамеренном“, а припев приказал вырезать на своей серебряной табакерке, которую всегда носил

[16] Благонамеренный. 1824. № 4.

[17] Русская старина. 1900. № 6.

[18] Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. / Вступительная статья, подготовка текста и примечания Г. В. Ермаковой-Битнер. «Библиотека поэта». Большая серия. Л., 1959.

[19] Стихи «На день рождения А. Е. И.», напечатанные с подписью: *Б-н*. Благонамеренный. 1823. № 16.

с собой»[20]. Однако годом ранее в том же самом журнале было анонимно напечатано (с примечаниями издателя) следующее стихотворение[21], авторство которого приписывалось то графу Д. И. Хвостову, то самому Измайлову:

НАДГРОБИЕ А. Е. ИЗМАЙЛОВУ[22]

Под камнем сим лежит Измайлов, журналист
И фабулист;
Писал стишки он в час досуга;
Оставил басенок довольно, эпиграмм;
Но Музою себе не мог найти он друга[23]
И был *писатель не для дам*[24].

Видимо, лучшим способом обезоружить неприятеля поэт считал присвоение и освоение его оружия. Подобным же образом Измайлов освоил и прозвище «русский Теньер», после того как в своем скомканно-конспективном и неглубоком «Взгляде на старую и новую словесность в России» А. А. Бестужев написал о нем: «Баснописец Александр Измайлов рисует природу, как Теньер. Рассказ его плавен, естествен; подробности оного заставляют смеяться самому действию. Он избрал для предмета сказок низший класс общества и со временем будет иметь в своем роде большую цену, как верный историк сего класса народа»[25]. Впрочем, Измайлов не заставил себя ждать с ответом. В «Сатирических ведомостях», печатавшихся в его журнале, он высмеял сочинителя: «Вчерашнего числа в здешнем обществе баловней поэтов и прозаиков было торжественное собрание. Председатель открыл заседание краткою, но сильною речью <...> За сим читали в прозе: 1) *Смотр поэтам и прозаикам*. Сочинитель г. *Безграмотный*, с фонарем критики, прошел скорым шагом по всем рядам поэтов и прозаиков, и в красноречивом репорте своем публике обличил таланты и успехи каждого писателя...»[26] А вскоре устроил целый спектакль, о котором в письме к И. И. Дмитриеву от 1 февраля 1824 г. рассказывал так: «На Святках в доме одних искренних моих приятелей давали маскарад. Мне присоветовали одеться Полярною звездою. Я надел на себя арлекинское платье. Спереди и сзади прицепил две большие из серебряной бумаги звезды, по крайней мере по аршину. На шапке торчала еще маленькая серебряная звездочка. К поясу прицеплен был фонарь критики — детский барабан с надписью:

[20] Северная пчела. 1849. № 142. 30 июня.

[21] Благонамеренный. 1822. № 14.

[22] Теперь умру спокойно: есть мне эпитафия; есть надпись к моему портрету, есть и портрет *(Примеч. Измайлова)*.

[23] Из сочинителева круга? *(Примеч. Измайлова)*.

[24] Это сказал еще и прежде один беспристрастный критик-поэт в *Доме сумасшедших*. *(Примеч. Измайлова)*.

[25] Полярная звезда на 1823 г.

[26] Благонамеренный. 1824. № 1.

Ах, лучше барабан поэта,
Чем грязный критика свисток.

Это стихи Туманского из Полярной звезды. Вошедши в залу, забил я в барабан и потом сказал экспромтом краткую речь, в которой все выражения были заимствованы из обозрения Бестужева русской словесности»[27].

Странные «дружественно-враждебные» отношения сложились у Измайлова со многими литераторами-современниками: Н. И. Гречем, Ф. В. Булгариным, П. П. Свиньиным, А. С. Пушкиным, А. А. Дельвигом и многими другими. Особой «приязнью-неприязнью» поэта пользовался граф Д. И. Хвостов («Вралёв», «Хвастон», «Графов» и т. д.). С одной стороны, Измайлов оттачивал на нем свое остроумие в эпиграммах и сказках, разыгрывал его и потешался над ним. У него был и особый портфель, называвшийся «Хвостовиадой», в котором хранились посвященные Хвостову сатирические сочинения. Пожалуй, никто из современников (за исключением князя П. А. Вяземского, у которого была своя «Хвостовиана» и целый корпус пародий на басни графа) не вылил на него столько язвительной желчи! С другой стороны, Измайлов не раз на заседаниях Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, о чем свидетельствуют протоколы, самолично зачитывал произведения графа Хвостова, печатал его сочинения в «Благонамеренном» и «Календаре Муз», писал к нему письма[28] и даже заезжал в его имение Выползова Слободка по пути из Твери.

Сочинение поэтами друг на друга язвительных эпиграмм и сатир в кипучей литературной жизни 1810—1820-е гг. было делом обычным, поэтому прислушиваться к тем или иным резким высказываниям в них не стоит. Измайлов сам возвел столько напраслины на современников, что неудивительно, почему современники нередко отвечали и ему тем же. Так, А. И. Писарев в «Певце на биваках у подошвы Парнаса» (1825)[29], пародирующем, кстати, не «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского, а, скорее, «Певца в Беседе славено-россов» Батюшкова-Измайлова (см. с. 316 наст. изд.), удостоил поэта уничижительной характеристики:

Хвала, хозяин кабака,
    Парнасский целовальник!
Певец Софрона Кулика,
    Княжевичей начальник.
Исправно насандалив нос,
    В стихах ты неисправен,
Смешишь в надгробиях до слез
    И плоскостями славен.
В твоих рассказах все скоты
    Скотами в полной мере,

[27] Русский архив. 1871. № 6.

[28] См., например: Славянин. 1828. Ч. VII.

[29] Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века. Т. 1 (1800—1840). Составил В. Орлов. М.-Л.: Academia, 1931.

И сам на них походишь ты,
Но сам ты не в потере!

Судить о достоинствах писателей необходимо не по межчеловеческим отношениям, не по острым и язвительным словам, высказанным в пылу эстетических баталий, а только по сочинениям. Измайлов жил и писал в эпоху строительства литературных репутаций и иерархий и по беспечности не заметил этой колоссальной стройплощадки. Он оказался в какой-то мере вне литературных течений своего времени, оставаясь одиноким борцом за дело литературы (такой, какою он себе ее представлял). Литературные битвы начала XIX в. давно стихли, и не стоит реанимировать и заново представлять их в режиме реального времени — это ничуть не поможет разобраться, почему одни произведения сегодня читаются так, как будто написаны вчера, а другие — мертвенны и невоскресимы.

Измайлову не слишком везло в жизни, не повезло ему и посмертно. Настали невеселые времена — 1840—1850-е гг. Поверхностной критике подверг его сочинения неистовый Виссарион[30]; всеохватную, но крайне однобокую оценку получили они в обширных статьях А. Д. Галахова[31]. Лишь на рубеже веков исследователь И. А. Кубасов, автор единственной книги[32] об Измайлове, постарался воздержаться от недальновидных высказываний. В предисловии к своей книге он писал, что в ближайшее время намеревается выпустить «Материалы для полного собрания сочинений А. Е. Измайлова», однако работа так и не вышла. Кроме того, с середины 1890-х перестали выходить и отдельные издания произведений поэта. В XX в. впервые о том, «что творчество А. Е. Измайлова заслуживает отдельного издания», высказался литературовед М. И. Гиллельсон[33]. В 1980—1990-е гг. многое для возрождения интереса к творчеству поэта сделал филолог О. А. Проскурин[34].

Настоящее издание избранных стихотворных сочинений Измайлова, предпринимаемое после 120-летнего перерыва, предоставляет современному читателю возможность самому определить, насколько были справедливы по отношению к поэту его современники и потомки.

Максим Амелин

---

[30] См.: *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1953.

[31] Современник. 1849. № 18; 1850. № 23, 24.

[32] *Кубасов И. А.* Александр Ефимович Измайлов. Опыт биографии его и характеристики общественной и литературной деятельности. СПб., 1901.

[33] См. его рец. «Ценный вклад в историю русской поэзии» на кн. «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.» / XVIII век. Сб. 5. М.-Л., 1962.

[34] См. его статьи, помимо процитированной выше: Над чем смеялся Александр Измайлов // Вопросы литературы. 1983. № 8; Неизученный эпизод полемики о старом и новом слоге // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 1; Измайлов А. Е. // Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь в четырех томах. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992 (при участии А. Е. Топтуновой); «Писатель не для дам»? / НЛО. 1993. № 2; Примерные уроки. Три эпизода полемики о старом и новом слоге в зеркале трех сочинений А. Е. Измайлова // Проскурин О. Литературные скандалы эпохи. М.: ОГИ, 2000.

БАСНИ И СКАЗКИ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПОЛЬЗА БАСНИ

Однажды — кто б поверить мог? —
К Царю, в его чертог,
Вошла вдруг Истина нагая!
Царь в гневе закричал: «Бесстыдница какая!
Как смела ты войти и кто ты такова?»
— «Я — Истина». — «Зачем?» — «Сказать лишь слова два:
Льстецы престол твой окружают;
Народ вельможи угнетают,
Ты нарушаешь сам нередко свой закон...»
— «Вон, дерзкая! вон! вон!
Гей! стражи, гей! войдите,
Возьмите, отведите
Ее в смирительный иль в сумасшедший дом!»
Хорош был Истине прием!
Вздохнула бедная — и вмиг из глаз пропала.
Охота после ей припала
Идти опять к Царю. Подумала, пошла,
Но уж не голая, как прежде, —
В блестящей дорогой одежде,
Которую на час у Вымысла взяла.
Смягчивши грубый тон, к Царю она с почтеньем
Приблизилась и с ним вступила в разговор.
Царь выслушал ее с великим снисхожденьем;
Переменился скоро Двор:

Временщики упали,
Пришел на знатных черный год,
Вельможи новые не спали,
Царь славу приобрел, и счастлив стал народ.

1802, 1813

ГОРА В РОДАХ

О чудо естества! о страх!
Гора, гора в родах!
Стонает, силится и огнь и пламя мещет!
Кипит пучина вод, дрожит столетний лес!
Вселенна целая от ужаса трепещет!
Ужель не видишь ты со высоты небес,
Всесильный Юпите́р! что делается с нами?
Ах! что сия гора на свет произведет?
Чудовищ, каковы Титаны были сами?
И, может быть, Олимп с землею пропадет?
Зло до́лжно истреблять, едва лишь происходит,
Возьми скорей перун, моление услышь!..
Но вот расселась уж — и се из ней исходит...
Всесильны небеса! — ахти! да это мышь.

1804

МОДА И ВКУС

В одно почтенное, великое собранье,
Хоть в клуб, мы скажем например,
Проводят время где в бостоне, в танцованьи,
Пришел какой-то кавалер,
Прекраснейший собою,
Но только фрак на нем не нового покрою,
А ужасть хорошо сидит.
Все ловко у него, все так к нему пристало,

Однако на него ни мало,
Никто не смотрит, не глядит,
С досады в угол он уходит. —
Вдруг растворилась дверь, встают все, дама входит
И тащит длинный хвост по пыли чрез порог.
Острижена она, да как? — *а ла Дюрок*[1]*;*
С воротником большим шинель на ней надета,
Открыта наголо вся грудь.
Бросаются все к ней, кричат: ах! как одета!
Стараются все как-нибудь,
Поближе чтобы к ней продраться,
Не могут на нее никак налюбоваться.
Хвалили страх ее сперва,
Но через час иль через два
Над нею же смеяться стали. —
Шутиха это! — все сказали.
И что ж, представьте вы, случилось наконец:
Мужчину как они получше рассмотрели,
То и признались, хоть прежде не хотели,
Что должно бы его всем брать за образец.

Читатель! странны ли такого люди рода?
Мой кавалер есть *Вкус,* а дама, знайте, *Мода.*

[1804]

ЖИВОПИСЕЦ
(Подражание Геллерту)

В Афинах, где цвели художества, науки,
Искусный живописец был.
Для денег он одних не брал и кисти в руки,
Для славы работа́л и жил;

---

[1] Пиеса сия написана еще тогда, когда стриглись все дамы и носили шинели *(Примеч. И.)*.

Для славы день и ночь он в красках всё марался,
Не знал, что отдых и покой,
Писал картины всё, писал и восхищался. —
В его пространной мастерской
С утра до вечера любители толпились
И также знатоки меж ними находились.

Художник всякой горд бывает и упрям.
Однажды написал он милую Психею,
Взглянул окончивши и в ту ж минуту сам
Пленился страстно ею,
И чтобы силу всю узнать ее за раз,
Он выставил ее поу́тру напоказ.
С нетерпеливостью гостей всё дожидался,
Глядел на дверь, на холст и гордо улыбался.
Но, о несчастие! о злополучный рок!
Поу́тру прежде всех пришел к нему знаток.
Хозяин в радости тотчас его подводит
К картине, а тот в ней погрешности находит.
«Послушайте, — ему он с лаской говорит, —
Мне кажется, что ей не так вы дали вид;
В глазах нет живости, в улыбке чувства нету,
И положение совсем не по предмету.
Знать, торопились вы?» — Художник стал тут в пень,
И стал было ему он делать возраженья,
Но тот их опроверг и ясно так, как день,
Пороки доказал его изображенья. —
Хозяин хоть не знал, что больше говорить,
Однако ж в мнении всё прежнем оставался,
И так, не смея рта в смущеньи отворить,
Уставился на холст, молчал и удивлялся.

Вдруг с шумом растворилась дверь
И щёголь в комнате в мгновеньи очутился.
Как молния, так он к картине устремился.
«Ах! браво, вот! — вскричал, — могу сказать теперь,
Что этому уж нет примера,
Постой-ка, дай в лорнет...

Божественно! — совсем живая ведь *Венера!*
Зачем тут Марса нет? —
Однако же, adieu[2], пора мне в магазин,
К портному, в Летний сад, к Лизете...
Тьфу к чорту! слово дал еще своей *кузи́н*[3]
С ней вместе...» — кончил он уж речь свою в карете.

Хоть живописец как самолюбив ни был,
Но чрезвычайно устыдился,
Что ветреник его так много расхвалил.
Лишь только в облаке от них он пыльном скрылся
И с лошадьми из глаз исчез,
Художник к знатоку, краснея, обратился
И вот что произне́с:
«Простите вы меня, что спорил я напрасно;
Картина вся скверна́, теперь я вижу ясно». —
И за́ это одно,
Что похвалил глупец, ну драть он полотно.

Писатели! и вы пример с сего берите,
И сочинения свои тотчас дерите,
Когда в восторг от них лишь при́дут дураки. —
Когда вам скажут знатоки,
Что им не нравятся пиесы ваши много,
То, может быть, они еще и судят строго.
Беды большой тут нет.
Но ежели глупцы полюбят их до страсти,
Не выпускайте вы своих творений в свет —
Дерите их скорей на части.

8 марта 1804

---

[2] Адьё (*фр.*) — прощай.
[3] Кузина (*фр.*) — двоюродная сестра.

УМИРАЮЩАЯ СОБАКА

Султанка старый занемог,
Султанка слег в постелю;
Лежит он день, лежит неделю,
Никто из медиков Султанке не помог,
Час о́т часу лишь только хуже:
Все ребра у него наруже,
Как в лихорадке он дрожит
И уж едва-едва визжит.
В кону́ре, у одра больного,
Соколка, внук его, стоял,
Не мог он вымолвить от жалости ни слова
И с нежностью его лизал.
Султанка на него взглянул и так сказал:
«Ну, видно, мой конец приходит:
Нельзя ни встать, ни сесть;
Душа из тела вон выходит...
А перед смертью как хотелось бы поесть!
Послушай, милый внук, что я тебе открою:
Две кости спрятал я, как был еще здоров;
Умру, ведь не возьму с собою.
Они вот там лежат, у дров;
Поди же, принеси их обе
И старика утешь,
Который скоро будет в гробе...
Да только сам, смотри, дорогою не ешь».
Как и́з лука стрела,
Соколка мой пустился,
В минуту воротился
И кости в целости принес.
Султанка тронут был до слез.
Ну нюхать кости он, глодать уже не может;
Понюхал и промолвил так:
«Когда умру, пускай мой внучек это сгложет...
Однако же теперь не тронь ты их никак.
Кто знает? Может быть, опять здоров я буду;
Коль веку Бог продлит, тебя не позабуду:

Вот эту кость отдам тебе,
Большую же возьму себе.
Постой, что мне на ум приходит:
Есть славный у меня еще кусок один;
Я спрятал там его, куда никто не ходит.
Сказать ли? Нет, боюсь: ты съешь, собачий сын!
Ох, жаль!..» — и с словом сим Султанка умирает.

На что сокровища скупой весь век сбирает?
Ни для себя, ни для других!
Несносна жизнь и смерть скупых.

1804, 1813

КУКУШКА

«Послушайте меня, я не совру, —
Кукушка говорила птицам:
Чижам, щеглятам и синицам. —
Была я далеко, в большом, густом бору;
Там слышала, чего доселе не слыхала,
Как Соловей поет.
Уж не по-нашему! Я хорошо певала,
Да всё не то — так сердце и замрет
От радости, когда во весь он голос свистнет,
А там защелкает иль тихо пустит трель;
Забудешься совсем, и голова повиснет.
Ну что против него свирель,
Дивилась, право, я, дивилась...
Однако же не потаю́:
По-соловьиному и я петь научилась.
Для вас, извольте, пропою
Точнёхонько, как он, — хотите?
— «Пропой, послушаем». — Чур, не шуметь, молчите!
Вот выше сяду на суку.
Ну, слушайте ж теперь: *ку-ку, ку-ку, ку-ку*!»

Кукушка хвастуна на память мне приводит,
Который классиков-поэтов переводит.

1805

НЕЖНАЯ ЖЕНА

У Лизы болен был отчаянно супруг.
Уж за попом послать хотели —
Отходную прочесть. — И Лиза у постели
Так во́пила в слезах: «О друг мой, милый друг,
Могу ль расстаться я с тобою?
Могу ли без тебя я жить?
С охотой жертвовать готова я собою,
Чтобы твою жизнь продолжи́ть.
Услышь, о Смерть, мое моленье!
Супруга пощади, возьми меня одну!
Приди скорей ко мне, прерви мое мученье!»
А Смерть как тут была, ужасное явленье!
— «Кто звал меня сюда?» — спросила Смерть жену.
Что ж Лиза отвечала?
Ни слова... пальцем лишь на мужа указала.

[1806]

МЕДВЕДЬ И ДВА ОХОТНИКА

Лихие два у нас Охотника здесь были;
Случилось запродать медвежью кожу им:
Медведя хоть они еще и не убили,
Но думали убить, и долго ли двоим?
Принесть покупщику мех славный обещали,
В задаток денег взяли,
Поели, выпили, пустились смело в лес,
И вдруг навстречу пырь Медведь к ним из берлоги.

У них тут подкосились ноги.
Один на со́сну взлез
И, сидя на суку, крестился;
Другой же мертвым притворился,
Ничком на землю пал,
Не шевелился, не дышал. —
Зверь страшный и мохнатый
Приблизился к нему и так его, проклятый,
Перевернул, обнюхав раза два,
Что тот едва-едва
Не закричал и кой уж как скривился,
Но, к счастию, Медведь великий был глупец,
А может быть, и трус, что тотчас удалился;
Смельчак тут с дерева спустился;
Открыл глаза мертвец.
Ощупал сам себя, вздохнул и приподнялся.
«С тобою, брат, Медведь шептался? —
Товарищ у него спросил, —
Скажи, что на ухо тебе он говорил?»
— «Что по порядку должно
Медведя наперед убить,
А после этого уж можно
И мех продать, и пить».

[1808]

ОСЕЛ И КОНЬ

Один шалун Осла имел,
Который годен был лишь ездить за водою;
Он на него чепрак надел,
Весь шитый золотом, с богатой бахромою.
Осел наш важничать в таком наряде стал
И, уши вверх подняв, прегордо выступал.
Навстречу Конь ему попался,
А на Коне чепрак обыкновенный был.

Тут длинноухий рассмеялся
И рыло от него свое отворотил.

Таких ослов довольно и меж нами,
Без чепраков, а с чем? — ну, догадайтесь сами!

1810, 1811

УТОПЛЕННИЦА

Не дай Бог никому капризную жену!
Одна из жен таких на мужа рассердилась.
За что? — Да он молчал, так за́ это взбесилась!
Кричала, плакала, бранилась
И кинулась в реку́ — пошла как ключ ко дну!
Муж бедный с радости иль с горя прослезился,
Как скоро до него достигла эта весть;
Но он философ был и всё мог перенесть;
Подумал и пустился
Супруги труп искать,
Чтоб долг последний ей отдать.
И так в тоске, в печали
По берегу реки тихохонько идет,
Глядит на всё, что ни плывет;
Но волны только щепки мчали,
И нет как нет жены!
Знать надобно, что шел он против быстрины.
Встречается с ним кум, дивится заблужденью
И говорит ему: «Пойдем вниз по теченью:
Кума должна вон там, гораздо ниже, всплыть».
— «Не может, братец, это быть;
Покойница во всем напротив поступала
И никому не уступала;
Против воды она, поверь мне, поплывет;
Поставит на своем, хоть три́ раза умрет».

1811

ДВА ПЕТУХА

Два Петуха согласно, дружно жили;
Явилась Курица — и в бой друзья вступили.
Чего не делает Амур?
Ах! кто истории не знает бедной Трои?
Уж там не петухи за кур,
За женщину дрались и боги, и герои.
У Петухов бой страшный был:
Летели перья вверх клочками,
Лилась из гребней кровь ручьями,
И, наконец, один другого победил.
Несчастный со стыдом в густой крапиве скрылся,
А тот победою своею возгордился,
Стрелою на забор взлетел,
Взмахнувши крыльями, запел,
И громкий крик его лишь в воздухе раздался,
То в когти он к Орлу голодному попался;
Лишился с жизнию и славы, и утех.

Без осторожности опасен и успех.

[1811]

КОШКА, ПРЕВРАЩЕННАЯ В ЖЕНЩИНУ

Был в старину такой дурак,
Что в Кошку по уши влюбился;
Не мог он жить без ней никак:
С ней вместе ночью спать ложился,
С одной тарелки с нею ел
И наконец на ней жениться захотел.
Он стал Юпитеру молиться с теплой верой,
Чтоб Кошку для него в девицу превратил.
Юпитер внял мольбе и чудо сотворил:
Девицу красную из Машки — Кошки серой!

Чудак от радости чуть не сошел с ума,
Ласкает милую, целует, обнимает,
Как куклу наряжает.
Без памяти невеста и сама,
Охотно руку дать и сердце обещает:
Жених не стар, пригож, богат еще притом:
Какая разница с Котом!
Скорей к венцу; и вот они уж обвенчались;
Все гости разошлись, они одни остались.
Супруг супругу раздевал,
То пальчики у ней, то шейку целовал;
Она сама его, краснея, целовала,
Вдруг вырвалась и побежала...
Куда же? — Под кровать: увидела там мышь.

Природной склонности ничем не истребишь.

[1811]

СОВЕТ МЫШЕЙ

В мучном амбаре Кот такой удалый был,
Что менее недели
Мышей до сотни задавил;
Десяток или два кой-как уж уцелели
И спрятались в нора́х.
Что делать? выйти — страх;
Не выходить — так смерти ждать голодной.
На лаврах отдыхал
Кот сытый и дородной.
Однажды вечером на кровлю он ушел,
Где милая ему назначила свиданье.
Слух до Мышей о том дошел;
Повыбрались из нор, открыли заседанье
И стали рассуждать,
Какие меры им против Кота принять.

Одна Мышь умная, которая живала
С учеными на чердаках
И много книг переглодала,
Совет дала в таких словах:
«Сестрицы! отвратить грозящее нам бедство
Я нахожу одно лишь средство,
Простое самое. Оно в том состоит,
Чтоб нашему злодею,
Когда он спит,
Гремушку привязать на шею:
Далеко ль, близко ль Кот, всегда мы будем знать,
И не удастся нас врасплох ему поймать».
— «Прекрасно! Ах, прекрасно! —
Вскричали все единогласно.
Зачем откладывать? Как можно поскорей
Коту гремушку мы привяжем —
Уж то-то мы себя докажем!
Ай, славно! Не видать ему теперь Мышей
Так точно, как своих ушей!»
— «Всё очень хорошо; привязывать кто ж станет?»
— «Ну, ты». — «Благодарю!»
— «Так ты». — «Я посмотрю,
Как духа у тебя достанет!»
— «Однако ж надобно». — «Что долго толковать?
Кто сделал предложенье,
Тому и исполнять.
Ну, умница, свое нам покажи уменье».
И умница равно за это не взялась.
А для чего ж бы так?.. Да лапка затряслась!

Куда как, право, чудно!
Мы мастера́ учить других;
А если дело вдруг дойдет до нас самих,
То исполнять нам очень трудно.

1811

ДРЯХЛЫЙ ЛЕВ

Когда Лев си́лен был и царствовал в лесах,
Как все его боялись!
А сделался Лев стар, все звери взбунтовались.
На злых одна узда — лишь страх.
Клятвопреступники присягу позабыли
И своего царя ко смерти осудили —
Царя, который был для них всегда отцом.
В пещере дряхлый Лев лежал перед концом,
Один, всех сил лишенный,
Болезнью, голодом и жаждой изнуренный;
От слабости едва-едва уж он стонал
И прежнее свое величье вспоминал.
Вдруг с бешенством к нему убийцы прибежали,
На полумертвого напали:
Огромный, страшный Бык
Колол его рогами;
Конь бил копытами, а Волк кусал зубами.
Скрепился бедный Лев-старик:
Молчал, хотя страдал чрез меру;
Но видя, что Осел бежит к нему в пещеру,
Затрясся и взревел:
«О, боги! умереть я с твердостью хотел
И терпеливо все переносил мученья;
А от Осла снести не в силах посрамленья!»

1811, 1815

ШУТ В ПАРИКЕ

Однажды в маскараде
Явился старый шут в неслыханном наряде:
С хрустальной запонкой и воротом косым
Из ткани пестрыя на нем была срачи́ца
Да с гульфиком большим
Атласна черна исподни́ца;

С нагнутых плеч его висел
Запачканный тулуп, но настоящий русский;
На голове же он имел
Распудренный парик французский.
За старым шу́том вслед шел молодой чудак,
В престранном тоже одеянье,
В каком-то шахматном, смешном полукафтанье,
И с колокольчиком торчал на нем колпак.
Лишь в залу чучелы вступили,
Все бросилися к ним, кругом их обступили,
Никто не мог свести с них глаз.
Старик, пожав плечьми, воскликнул: «Вижду аз,
Коликой степени достигли развращенья!
О!.. но воздержимся еще от удивленья!
О, буйно скопище безумцев и невежд!
И мужеск пол и женск совлекся тех одежд,
Которые дедов и бабок украшали.
Почто французские вы моды переняли?
Воззрите на меня, на юношу сего,
Так иноземного не на́йдешь ничего.
Всё русское на нас, изящно всё и лепо;
Мы любим старое, и вы любите слепо...»
Тут некто старика прервал
И вежливо ему сказал:
«За что всех, дедушка, поносишь?
Ты сам парик французский носишь».
О, если бы кто видел тут,
Как разозлился старый шут!
Сначала у него язык прильпе гортани;
Потом уж кое-как собрался с силой он,
И полился из уст его источник брани.
«Безбожник! — закричал, — *изменник! франкмасон!*
Сжечь надобно его, на веру нападает!»
Что ж это был за шут, никто не отгадает.

Июль 1811

СТИХОТВОРЕЦ И ЧОРТ

«Ну есть ли кто на свете
Несчастнее меня? и не было, и нет!» —
Так говорил Дамон-поэт,
Сидя один в полно́чь со свечкой в кабинете,
Вздыхая тяжело и нюхая табак,
Которым вымарал лицо, халат, колпак
И, с позволения сказать, свои творенья. —
«Кляну день своего рожденья:
Такое горе я терплю!
Уж сорок лет пишу, хвалю себя, хвалю;
Не верит мне никто, как я ни уверяю!
Уж я ли не поэт? не знаю!
По смерти памятник мне, верно, сорудят,
А нынче — посидеть со мною не хотят!
Начну читать стихи — смеются;
Печатаю — не продаются;
Пришло с Парнаса в петлю лезть!
Чтоб уважение и славу приобресть,
Каких я не искал каналов!
Платил газетчикам, издателям журналов,
Свои сам книги раскупал,
Все раздарил — а их никто и не читал!
Врагам своим писал в честь оды и посланья
И в книжных лавках стал предметом посмеянья!
Рад душу чорту я отдать,
С тем только, чтоб он стал стихи мои читать!»
Едва слова сии Дамон успел сказать,
Чорт страшный вылез из камина:
«Я здесь, условимся со мной.
Что надобно тебе?» — «Ах, мой отец родной!
Садитесь... Перевел я сцену из Расина,
Послушайте...» — «О, нет!» — «Да почему ж?» — «Спешу».
— «Послушайте, как я пишу;
Не читывали вы такого переводу.
Я вам прочту еще посланье, притчу, оду;

Стишки, ей-богу, хороши!»
— «Мне дело до твоей души;
Дай кровью мне сперва свое рукописанье».
— «В стихах? с охотою, чур, слушать наперед!»
Исполнил чорт его желанье,
Садится, а Дамон берет
Претолстую тетрадь, потеет и читает.
Чорт бедный морщится, зевает
И ничего не понимает.
Бьет час, бьет два, бьет три, четыре, пять —
Дамон не устает читать.
Прочел трагедию, лирически творенья,
За притчи принялся... Чорт потерял терпенье,
Ушел и никогда назад уж не придет.
Пускай же кто другой так чорта проведет!

1811

РАСКОЛЬНИК АВВАКУМ

Был из раскольников великий чудотворец
Седой, иссохший Аввакум;
Грехом считал он здравый ум,
За то и прозван *умоборец*.
Сей самозванец богослов
Принялся в пятьдесят уж лет за Часослов
И самоучкою стал грамоте учиться;
Учился год, другой и начал сам учить.
Тут нечему дивиться —
Невежды все хотят учителями быть.
Однажды он, надев с ушами длинну шапку,
Схвативши Библию Острожскую в охапку,
На улице большой у богадельни сел
И тоном нищенским запел:
«О православные! души не погубите,
Молиться в церковь не ходите;

Старинных образов и книг там больше нет.
Антихрист родился, Антихрист к нам грядет,
Тиснит бо книги он печатию гражданской.
Погибнет весь род христианской,
Егда начнет читать
Гражданскую печать;
А для спасения довлеет нам читати
Церковны книжицы старинныя печати». —
Так бредил Аввакум, и вдруг
Невежды около него стеснились в круг
И слушали его, хотя не понимали,
А многие и шапки сняли.
Раскольник с радости пустился пуще врать;
Врал, врал, и скопище успел себе набрать
Увечных, стариков, хромых, слепых, убогих,
Мальчишек, баб и девок многих,
И наконец из них большой составил скит.

Ах! часто и чудак бывает знаменит!

1811

ЛЕБЕДЬ, ГУСЬ, УТКА И ЖУРАВЛЬ

Две птицы плавали в пруде:
Красивый Лебедь, чистый, белый,
Да серый Гусь, дрянной. — Гляделся месяц светлый
В прозрачной, зе́ркальной воде;
Лучи его в струях играли серебристых;
Зефир чуть колебал листы дерев ветвистых,
И Лебедь начал гимн вечерний Богу петь.
Гусь этого не мог стерпеть,
Вскричал: *га! га!* — и, вытянувши шею,
Шипел, подобно змею.
Где Утка ни возьмися тут
И говорит: «Куда как хорошо поют!

Однако Гусь поет приятнее, нежнее,
Да он же и плывет важнее!»
— «Что ты, прожора, врешь! —
Прервал ее Журавль, — молчи, пока не бита!
Недаром первенство ты Гусю отдаешь:
Он есть тебе дает из своего корыта».

Кто Утка? — Подлый журналист.
А Гусь? — Рифмач-капиталист.

1811

КАЛМЫК-ОРАТОР

Калмык, который был уже довольно стар,
Довольно и сердит, пришед на булевар,
С угрюмой важностью на лавочку садится,
Глядит туда-сюда, плечами жмет, дивится
Всему, что видит он, и, будто встав со сна,
С досадой говорит: «Какие времена!
Здесь мода царствует и выдает законы:
Широкие теперь все носят панталоны,
Просторны сюртуки и что ж еще? очки!
Дают безграмотным писателям щелчки!
Девицы у себя заводят уж альбомы!
На улицах везде великолепны домы!
О развращение! о суета сует!
Все очень дорого! монеты звонкой нет!
Дворяне русские большие моты стали!
Святые в старину отцы не так живали!»
Тут стал он говорить о житии святых,
О гончих псах и о борзых,
Жалел о девушках, пустившихся в пороки,
И в воровстве давал примерные уроки;
Заврался словом так, что слушать было — *страх*.
А люди вкруг его толпились

Во фраках, в сертуках,
В кафтанах, в бородáх;
Одни смеялися, другие же крестились.
Чем кончилось? — Оратор наш устал
И с лавки встал,
Сняв шляпу, говорит он предстоящим с жаром:
«Что ж это, господа, иль я трудился даром?
Давайте-ка по пятаку».
Но в шляпу пятаков не мечут Калмыку.
Напрасно делает он многим укоризны:
По случаю *дороговизны*
За враки денег не дают. —
Спасибо и за то, что пошлин не берут.

1811

МОЛОДАЯ ВДОВА

По мертвом как ни плачь, а он уже не встанет,
И всякая вдова
Поплачет месяц, много два,
А там и плакать перестанет:
Жаль мужа, и себя ведь жаль!
На крыльях времени летит от нас печаль,
И нечувствительно спокойствие приходит.
Большое Лафонтен различие находит
Во всех вдовах чрез день и через год.
И подлинно: теперь вдова горюет, плачет,
А через год, смотри, мазурку пляшет, скачет.
Таков уж, видно, женский род!
Одна красавица лишь только овдовела;
Кричала, билася, рыдала и рвалась;
Ни пить, ни есть, ни жить на свете не хотела;
Река горчайших слез из глаз ее лилась.
Отец печалиться дал полную ей волю;
Но, видя, что уже проходит шесть недель

И что она слегла в постель,
Свою оплакивая долю,
Сказал ей: «Полно плакать, дочь!
Слезами ведь нельзя помочь.
Не ты одна вдова на свете;
Еще ты очень молода.
Муж умер? Экая беда!
Есть у меня жених прекрасный на примете,
Уж не покойному чета!
Красавец, молодец, почти в твои лета...»
— «Ах, батюшка! — вдова прерва́ла. —
Мне замуж? Мне другой венец?
Нет, нет, я в монастырь пойду!» — и зарыдала.
Смолчал и прочь пошел отец.
Источник слез помалу иссыхает.
Проходит месяц и другой,
Вдова уж менее вздыхает;
Почти забыт муж дорогой,
И слезка на глазах ее не навернется;
Невольно иногда она и улыбнется,
Увидя в зеркале, что траур ей к лицу.
Прошло уж по́лгода, глядит в глаза отцу;
Но тот не говорит ни слова.
Решилась наконец она спросить его.
«Что ж, батюшка, когда увижу я...» — «Кого?» —
«Кого хвалили вы». — «Кого же?» — «Молодова
Ну сами знаете... ха! ха!..
Красавца жениха».

1812

ОБМАН ЗА ОБМАН

Один купец на сохраненье
Железа триста пуд соседу дал в анбар,
А сам на ярманку повез другой товар.
Лукавый ввел соседа в искушенье:

Он вздумал утаить железо у себя.
«Что, братец, жаль тебя! —
Сказал хозяину, когда тот возвратился. —
Не знаешь, грех какой случился!
Анбар мой был немного худ...
Приказчики не досмотрели...
Твое железо мыши съели».
— «Неу́жли всё?» — «Все триста пуд!
Ну что же делать мне с мышами?»
Купец пожал плечами
И в сердце всю досаду скрыл.
У плу́та сын-малютка был.
Купец его в свой дом тихонько заманил
И запер в комнате; потом к себе соседа
Откушать хлеба-соли звал.
— «Ох! братец, мне не до обеда!
Ни пью, ни ем теперь: Ванюшка мой пропал!»
— «Неужто?» — «Точно так». — «Давно ли?» —
«Дни уж два».
— «Сосед! я видел сам: третья́го дни сова
Ребенка унесла, и, право, думать должно,
Что это Ваня твой...» — «Помилуй, как возможно!
Таскает ли сова ребят!»
— «И мыши, кажется, железа не едят!»
Вор не дурак был, догадался,
Покражу тотчас возвратил
И сына на обмен железа получил —
Да лгать уж на мышей боялся.

1812

КОЗЕЛ И ЛИСИЦА

Козел большой, рогатый,
Преважный с виду, бородатый,
Но по уму едва ль не брат Ослу родной,
С плутовкою Лисой дорогой шел одной.

День самый жаркий был; листок не колыхался;
Их жажда мучила, а солнце их пекло.
Шли, шли они, и вдруг колодезь им попался.
«Смотри-ка, куманёк, вода здесь как стекло!
Не хочешь ли испить?» — Лиса Козла спросила.
Безмозглый бородач в колодезь мигом скок:
Колодезь этот был, по счастью, неглубок.
Лисица, видя то, туда же соскочила,
        И взапуски ну двое пить.
Лиса, напившися, сказала: «Как нам быть,
Голубчик куманёк? Идти еще далёко;
        А вылезть вон нельзя — высоко!»
            — «Не приложу ума;
        Подумай, кумушка, сама».
— «А вот я вздумала: пожалуй потрудися,
На задни ноги встань, передними уприся
Покрепче ты в обруб, да чур не шевелися;
Отсюда вылезу я по твоим рогам,
                        А там
И кума вытащить наверх я постараюсь».
            — «И впрямь так! удивляюсь!
Уж что за кумушка! какая голова!
Да мне бы этого не выдумать дня в два.
Изволь...» — и с словом сим Лисе подставил ро́ги.
Лисица вылезла. — «Сиди же здесь, глупец!»
        Сказала, и давай Бог ноги!

Предвидеть надобно во всех делах конец.

[1812]

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

        Волк костью как-то подавился.
    Немудрено: всегда есть торопился;
        Кость стала в горле у него.
Прожора захрипел, стеснилось в нем дыханье,

Ну, словом, смерть пришла его,
И он хотел в грехах принесть уж покаянье.
По счастию, Журавль тут мимо проходил.
Страдалец перед ним пасть жалобно разинул;
Журавль в нее свой нос предлинный опустил
И кость удачно вынул.
Волк вспрыгнул с радости, избавясь от беды.
«А что ж мне за труды?» —
Спросил носатый врач. — «Ах ты неблагодарный! —
Волк с сердцем отвечал. — Да как просить ты смел?
Смотри, какой нахальный!
Благодари за то, что нос остался цел».

[1812]

КАЩЕЙ И ЕГО СОСЕД

От сребролюбия Кащей не ел, не пил
И много денег накопил;
Но в рост отдать боялся,
Чтобы не потерять на курсе серебра;
Держать и дома опасался:
Ведь скупость — глупости сестра.
Кащей так размышлял: «Бог знает что случится!
Ну, если дом мой загорится?
Ну, если в ночь через забор
Какой-нибудь отважный вор
Придет с ножом искать в моей каморке кладу?
Да я и без воров сам у себя укра́ду».
Наставил наконец его на разум бес
Снести червонцы все рублевиками в лес
И там предать их погребенью.
Кащей, за слабостию сил,
Похлопотать с собой Соседа пригласил.
Сосед был очень рад такому приглашенью.
Взяв деньги, в лес пришли густой;
Под елью их зарыли,

Огромную на них колоду навалили —
Прекрасный памятник, и прочный, и простой.
Повеся голову, Кащей пришел домой:
Не знал он от тоски, куда ему деваться:
Остался он один — что делать? чем заняться?
Считать уж нечего и не на что взглянуть?
От страха перед сим Кащей не мог заснуть,
          Теперь не может спать от скуки.
Две ночи так прошло, на третью — заступ в руки,
          И в лес идет встречать рассвет.
Колоду своротил он кой-как через силу.
               Разрыл родных могилу,
          Взглянул — ан мертвецов там нет.
               Как сноп, Кащей свалился —
          Но после встал и ухитрился:
          Перед Соседом притворился,
И так ему сказал: «Нельзя ли, брат, помочь:
Еще мешочка два, хоть в будущую ночь,
Туда же отнести; зайди-ка ты за мною».
               Сосед, прельстясь казною,
Своими уж считал последние мешки
И деньги положил туда, где были прежде;
          Но обманулся он в надежде:
Кащей их воротил в пустые сундуки.

Плут попадается нередко в дураки.

[1812]

ФИЛИН И ЧИЖ

В лесу Соловушко зарей вечерней пел,
А Филин на сосне нахмуряся сидел
          И у́кал что в нем было мочи,
               Как часовой средь ночи.
«Пожалуй, дядюшка, голубчик, перестань, —
Сказал Чиж Филину, — ты Соловью мешаешь».

— «Молчи, дурак, молчи, ты ничего не знаешь.
Что Соловей твой? Дрянь!
Ну так ли в старину певали?
И так ли молодцы из нас теперь поют?»
— «Да кто же? Соловья мы лучше не слыхали,
Ему здесь первенство все птицы отдают».
— «Неправда! Он поет негодно, вяло, грубо,
А хвалит кто его, несет тот сущий бред.
Вот Ворон, мой сосед,
Когда закаркает, то, право, сердцу любо!
Изряден также черный Грач:
Хоть мал, а свил гнездо под крышкой храма славы!
Кукушкин на кладби́ще плач
Нам тоже делает забавы.
Но Сыч! Вот из певцов певец!
Его брать должно в образец:
Кричит без умолку, прекрасно!
Скажу пред всеми беспристрастно,
Что нет здесь равного Сычу...
Зато я сам его учу!»

1812

БЕСХВОСТАЯ ЛИСИЦА

Преосторожная, прехитрая Лисица,
Цыплят и кур ловить большая мастерица,
На старости своей так сделалась проста,
Что в западню попалась;
Вертелась всячески, туда-сюда металась
И вырвалась кой-как, но только без хвоста.
Как в лес бесхвостой показаться?
Плутовка вздумала на хитрости подняться.
Взяв важный и степенный вид,
Идет в пещеру, где сбиралися Лисицы.
— «Подруги и сестрицы! —
Так говорит она. — Какой нам, право, стыд,

Что по сие мы время
Все носим гнусное и тягостное бремя —
Сей хвост, который по земли
За нами тащится в грязи или в пыли.
Какая польза в нем, скажите?
А вред весь от него я доказать могу.
Вы, верно, сами подтвердите,
Что без хвоста быть легче на бегу,
Что часто за хвосты собаки нас ловили;
Но если бы теперь хвосты мы обрубили...»
— «Остановись, остановись!» —
Одна ей из сестер сказала.
— «А что?» — «Пожалуйста, к нам задом обернись».
Кургузая тут замолчала,
Попятилась назад и тотчас убежала.

«Как страшно замуж выходить!» —
Невестам всем твердит увядшая девица.
Конечно, что ж ей говорить? —
Такая ж и она бесхвостая Лисица.

[1812]

ДЕВУШКА И ЧИЖ

«Что это за житье? Терпенья, право, нет! —
Так Лиза, девушка четырнадцати лет,
Сама с собою говорила. —
Всё хочет маменька, чтоб я училась, шила,
Не даст почти и погулять.
Едва ль три раза в год бываю я на бале,
А то вертись себе без кавалера в зале!
Куда как весело одной вальсирова́ть!»
Тут Лиза тяжело вздохнула,
Отерла слезку и взглянула
Нечаянно на верх окна,
И что ж увидела она?

Любимый чиж ее в решетчатой темнице,
Конечно, вспомнив про лесок,
Сидел на жердочке, повесивши носок.
«Ах! вольность дорога и птице! —
Сказала Лизонька. — Я по себе сужу.
О бедный Пи́пинька! Уж боле
Тебя не удержу,
Ступай, лети, мой друг, и веселись на воле...»
С сим словом отперла она у клетки дверь.
Встряхнулся Пипинька, летит в окно, кружится,
На крышу ближнюю садится.
Запел... «Как счастлив он теперь!» —
Мечтает Лизонька и видит из окошка,
Что к Пипиньке подкралась кошка,
Прыгну́ла на него и при ее глазах
Бедняжку растерзала!

В раскаяньи, в слезах
Вот Лиза что сказала:
«Как смела я на маменьку роптать!
Теперь я вижу очень ясно,
Что волю тем иметь опасно,
Кто слаб и сам себя не может сохранять».

[1812]

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ И ДВЕ ЛАСТОЧКИ

Жестокую войну
С Мышами Ласточки имели:
Кого ни брали в плен, всех ели.
Случилось как-то, Мышь летучую одну
В ночную пору
Занес лукавый в нору
К голодной Ласточке. — «Прошу покорно сесть, —
С насмешкой Ласточка сказала, —

Ты мышь? Тебя мне можно съесть?»
— «Помилуй, — та ей отвечала, —
Не ешь, а лучше рассуди,
Да хорошенько погляди:
В своем ли ты уме, сестрица?
Вот крылья у меня, я — птица!»
Окончилась война
У Ласточек с мышиным родом,
Но с птичьим уже брань они вели народом,
И Мышь летучая опять
В плен к Ласточке другой попала.
— «Ты птица? Ты теперь летала?»
— «За что меня так обижать?
Я — Мышь и из Мышей природных,
Был смелой пленницы ответ, —
Похожа ль я на птиц негодных?
На мне и перьев вовсе нет!»
В другой раз хитростью такой она спаслася,
И ложь и истина равно ей удалася.

[1812]

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Шалун великий, Ученик,
На берегу пруда резвяся, оступился
И, в воду опустясь, ужасный поднял крик.
По счастию, за сук он ивы ухватился,
Которая шатром
Нагнула ветви над прудом.
На крик Ученика пришел его Учитель,
Престрогий человек и славный сочинитель.
«Ах, долго ли тебе во зло употреблять
Мое приличное терпенье?
Воскликнул педагог: не должно ль наказать
Тебя за шалости, дурное поведенье?

Несчастные отец и мать! жалею вас!
Ну как пойдешь ты мокрый в класс?
Не станут ли тебе товарищи смеяться?..
                    Чем здесь в пруду купаться,
          Учил бы лучше ты урок.
Забыл ты, негодяй, мои все приказанья;
          Забыл, что резвость есть порок!
Достоин ты, весьма достоин наказанья;
И, ergo[4], надобно теперь тебя посечь».
Однако же педант не кончил этим речь,
Он в ней употребил все тропы и фигуры
И декламировал, забывшись до того,
          Что бедный ученик его,
Который боязлив и слаб был от натуры,
Лишился вовсе чувств, как ключ пошел на дно.

Без разума ничто учение одно.
          Не лучше ль мне поторопиться
Помочь тому, кто впал от шалости в беду?
                    За это ж с ним браниться
          И после время я найду.

[1813]

УСТРИЦА И ДВОЕ ПРОХОЖИХ

Шли два Прохожие по берегу морскому
И видят — устрица большая на песке
          Лежит от них невдалеке.
«Смотри, вон устрица!» — сказал один другому,
А тот нагнулся уж и руку протянул.
          Товарищ тут его толкнул
     И говорит: «Пожалуй, не трудися,
Я подыму и сам, ведь устрица моя».
                    — «Да, как бы не твоя!»
— «Я указал тебе...» — «Что ты? Перекрестися!»

[4] Эрго (*лат.*) — значит.

— «Конечно, первый я увидел...» — «Вот те раз!
И у меня остёр, брат, глаз».
— «Пусть видел ты, а я так даже слышал носом».
Еще у них продлился б спор,
Когда б не подоспел судья к ним *Миротвор*.
Он начал с важностью по форме суд допросом,
Взял устрицу, открыл —
И проглотил.
«Ну, слушайте, — сказал, — теперь определенье:
По раковине вам дается во владенье;
Ступайте с миром по домам».

Все тяжбы выгодны лишь стряпчим да судьям!

Март 1813

ГОРЛИЦА И МАЛИНОВКА

«Позволь сказать тебе, сестрица: ты чудна, —
Так Горлица одна
Малиновке-певице говорила, —
Ты никого еще в лесу не полюбила.
Что ты монахиней живешь
И только от утра до вечера поешь?
Хоть петь и весело, а, право, веселее
Весною жить сам-друг.
Ах, поцелуй один всех песен мне милее!
Послушайся меня, мой друг:
Жить надобно для наслажденья;
Возьми любовника». — «Спасибо за совет, —
Сказала скромно ей Малиновка в ответ. —
Мне скучно быть без упражненья,
Я быть свободною хочу
И счастлива сама собою».
— «Прощай же, Бог с тобою!
Пой на просторе ты, я к Голубку лечу».
При сих словах они расстались

И долго, долго не встречались;
Но наконец, лет через пять,
Увиделись опять.
Кокетка Горлица уж очень устарела,
Потух в глазах огонь, чуть ноги волокла.
Малиновка с трудом узнать ее могла.
«А, здравствуй, милая! Что так ты похудела? —
Спросила у нее она. —
С дружком ты здесь или одна?»
— «Одна, — ей Горлица со вздохом отвечала.—
Ты видишь, какова я стала!
Кому теперь меня любить?
Мне платят за любовь лишь смехом да презреньем.
Куда несносно старой быть».
— «А мне так песни утешеньем
На старости моей», —
Малиновка сказала ей.
— «Неужли и теперь ты петь не перестала?»
— «Я спала с голоса давно,
Но слуха я не потеряла;
Так слушаю других, а это всё равно».

О, как полезны нам искусства и науки!
Счастли́в, кто в юности к занятиям привык:
И в самой старости не чувствует он скуки.
Пусть, сил лишась, старик
Не может более с успехом сам трудиться,
Но дарованием чужим он веселится.

Июнь 1813

ПАВЛИН, ДВА ГУСЯ И НЫРОК

Павлин дугою хвост блестящий распустил.
Все птицы любовались,
Как в перьях у него цветы переливались;
Но в луже серый Гусь другому говорил:

«Кто ждал такой тревоги?
Скажи, чего смотреть? что у него за ноги?»
— «Да, — подхватил другой, — Павлин с ног молодец!
Он, верно, танцевать здесь учит.
Чу! слышишь, как кричит?.. ну, брат, какой певец!
И кошка так не промяучит!»
— «Постойте, — молвил им Нырок, —
Я с вами, господа, согласен:
В ногах и в голосе один у вас порок,
Но у Павлина хвост прекрасен».

Ах! сколько и у нас есть критиков таких,
Которые талант отличный ненавидят
За то, что нет его у них,
И с радостью в другом свой недостаток видят!

[1813]

ДИТЯ И СЕМЬ НЯНЕК

Жена богатого степного дворянина
Рожала каждый год, но только дочерей.
А ей иметь хотелось сына —
Желанье общее отцов и матерей.
Все средства к этому она употребляла:
Платила щедрою рукой ворожея́м,
Молилась, ездила по всем монастырям...
Ее молитва не пропала:
Она беременна вновь стала,
И чуть что не в аршин
У ней родился сын.
От радости такой соседние дворяне
Легли в крестины наповал:
Перепился и стар и мал,
И не работали тот целый день крестьяне.
Заботливая мать
Семь штатных нянюшек к сынку определила:

Смотреть за ним, шить, мыть, носить его, качать, —
И должно уж сказать,
Что каждая из них с усердием служила;
Старались угождать одна перед другой.
Дитя забавный был такой,
Что, глядя на него, всё в доме веселилось.
Но вот однажды что случилось:
Наследник маленький ходить уж начинал;
Сосед отца и мать на именины звал,
Ну, как не отлучиться?
Не первый это было раз,
И на четырнадцать же глаз,
Казалось, можно положиться.
Уехали они — и нянюшка одна,
Хватив небережно вина,
Ушла на печку спать; другая заболела;
У третьей своего скопилось много дела;
К четвертой кум пришел... Ребенка одного
Покинули они, надеясь друг на дружку,
Да, как на грех, в руках его
Оставили гремушку;
Он, с нею идучи по комнате, упал
И в правый глаз себе концом ее попал.
Насилу нянек отыскали,
Перепугавшися, пришли;
Бранились, плакали, кричали,
А виноватой не нашли.
Что делать? Господам все в ноги повалились,
Лишь только из гостей те въехали во двор.
Они ужасно рассердились:
Пошел тут нянькам перебор;
Их без пощады наказали;
Но чтобы глаз сберечь у сына остальной,
Боярин с барыней, подумав, приказали
Ходить с тех пор за ним одной.

[1813]

СНЕЖНЫЙ РЕБЕНОК

Поехал в Астрахань из Вологды купец
И там жену оставил.
На Волге в три́ года он все дела исправил
И с радостию наконец
К жене в свой город возвратился;
Но как же удивился,
Увидя мальчика при ней почти двух лет.
«Послушай-ка, мой свет, —
Спросил он у нее, — да чей ребенок это?»
— «Наш, батюшка! Вот третье лето
В Петров пост будет, как я Петю родила». —
«Помилуй, три́ года ты без меня была!»
— «Что делать? виновата!
Стояла на крыльце я без тебя зимой,
Пошел вдруг снег, касатик мой,
Да попади мне в рот, и сделалась брюхата.
Не веришь? Скажет вот Ивановна-кума,
Что девочку она так родила сама.
Смотри, как Петя мил! какой он белый, нежный!
И видно, что уж снежный!
Да поцелуй его». — Купец поцеловал
И более жены расспрашивать не стал.
Она лисой к нему ласкалась,
Всем угождать ему старалась
И только что с одной
Ивановной-кумой
Тайком над ним смеялась.
Лет через шесть купчина мой
Собрался в Астрахань опять и взял с собою
Петрушу-пасынка. Тогда была весна,
А воротиться с ним он обещал зимою.
Не смела тут ему противиться жена;
Скрепясь, сынка благословила
И, правду молвить, не без слез
В путь дальний с мужем отпустила.
А тот в Москву приёмыша завез,

Да против женина желанья
В сиротский отдал дом его для воспитанья.
Пришла зима, приехал муж один,
Мать бедная беды своей еще не знает
И за воротами хозяина встречает.
«А! здравствуй, батюшка! Где ж Петинька, наш сын?
Ох! не озяб ли он?» — «Нет, не озяб, растаял
Он в Астрахани от жаро́в.
Признаться, этого, жена, я сам не чаял,
Да сделался уж грех таков!
Немудрено: ребенок слабый, нежный,
А там жары́ не то, что здесь, —
В минуту бедненький при мне растаял весь,
И видно, что был снежный!»

20 февраля 1814

КОТ И КРЫСЫ

У одного купца Кот очень разжирел.
И как не разжиреть? Лишь только спал да ел,
А на мышей и крыс совсем и не глядел.
Зато они его нисколько не боялись:
По милости его владея чердаком,
Неблагодарные над ним еще смеялись
И Ваську смирного считали дураком.
Однажды этот Кот, покушавши плотне́нько,
Пошел к ним на чердак, чтоб отдохнуть маленько;
Свернулся на полу клубком,
И что ж? проклятые ведь не́ дали покою!
Такую подняли возню между собою,
Что пол от них дрожал;
Но Кот смирнёхонько лежал.
Подумали они, что Васька их боится;
Стучат, шумят, бранят и кошек и котов, —
А он не шевелится,
Не слышит, кажется, их слов.

Вдруг Крыса бойкая, с престрашными усами,
С предлинным, в пять вершков, хвостом,
Кричит: «Да сделаем один конец с Котом!
Съедим-ка мы его; увидите вы сами,
Что очень вкусен он:
Смотрите, как жирён!
Вот и обед готов. Чего же дожидаться?
Ну! ну! за дело приниматься!
Которая из нас храбрей,
Та нос ему откусит;
За мной, за мной скорей,
Ступайте кто не трусит».
Сказала и летит вперед к Коту стрелой.
За ней все кинулись в атаку.
Что ж сделал бедный Васька мой?
Вступить решился в драку:
Вскочивши на ноги, согнулся весь дугой;
Шерсть поднялась на нем, он засверкал глазами
И начал рабо́тать когтями и зубами —
Колонну целую единым мигом смял.
Смешались Крысы, побежали,
Иные же просить себе пощады стали;
Но Кот в сердцах никак *пардона*[5] не давал
И в кучу всех поклал.

Шути, да только осторожно;
Не то в беду попасться можно.
Иной действительно смирён
И сносит долго оскорбленья;
Но если выведут его уж из терпенья,
То наглецов проучит он.

[1814]

[5] Прощения (*фр.*).

ДВА КРЕСТЬЯНИНА И ОБЛАКО

«Смотри-ка, брат Антон! —
Соседу говорит крестьянин Агафон;
А сам весь побледнел и так, как лист, трясется. —
Смотри-ка, туча к нам несется!»
— «Так что ж?» — «Как что? Да град пойдет
И хлеб у нас побьет;
Всё пропадет
Озимое и яровое;
Голодный будет год, а там, гляди, и мор!..»
— «Пустое, брат сосед, пустое!
Какой несешь ты вздор!
Не град, а дождь пойдет: давно к дождю уж парит!
Вот каплет, кажется. Уж то-то хлеб поправит!
Мы уберем его и много продадим
Да браги навари́м.
Гуляй и пей уже зимою!
Пусть дождь идет; я очень рад!»
— «Ну, посмотри, посыплет град!»
— «Нет, дождь пойдет». — «Град!» — «Дождь!
Не спорь же ты со мною».
— «Да что и спорить с дураком?»
Антон за это хвать соседа кулаком;
Тот в ухо сам его — и драка началася.
Ни град, ни дождь еще нейдет,
А кровь из обои́х уж льет!
Меж тем прочистилось, и туча пронеслася.

[1814]

НАСЕДКА

«Куда как я ужасно похудела! —
Наседка хвастала перед сестрой своей. —
Подумать: двадцать дней
На яицах сидела —

Всё время не пила, не ела,
Скажу, что много было дела!..»
— «А много ль у тебя, скажи, цыпляток всех?» —
Подруга у нее спросила.
— «Да нет ни одного, попутал как-то грех,
Все яицы передавила».

Как эта курица, точь-в-точь,
Иной твердит: «Сижу за делом день и ночь!»
И подлинно сидит, от места не отходит,
Да перья попусту с бумагой переводит.

[1814]

ПОПУГАЙ

Из клетки вылетел зеленый Попугай
И в ближней роще поселился;
А роща истинно была эдемский рай:
Ручей кристальный там, журча по ка́мням, лился;
По берегам росла шелко́вая трава,
Кусты шиповника, сенетны дерева;
Кругом же множество больших дерев, ветвистых:
Клено́в, дубов и лип душистых.
Тут жили сотни птиц: Малиновок, Дроздов,
Синичек, Пеночек, Вара́куш, Соловьев.
Лишь утром горизонт от солнца озлатится,
Огромный хор певцов пернатых уж гремит...
Все в роще веселится —
Один мой Попугай нахохлившись сидит,
С презреньем головой качает,
Певцов, певиц пересмехает
И, что в нем мочи есть, свистит.
Дрозд, по его словам, поет совсем без чувства,
А у Малиновки недостает искусства;
Не знает музыки Скворец;
У Соловья орга́н годится,

Но много надобно ему еще учиться.
Вот, наконец,
Все птицы вышли из терпенья
И говорят ему: «Ты петь нам не даешь,
Свистишь, как мы поем; но как ты сам поешь?
Дай своего послушать пенья:
Пример понятнее бывает наставленья;
Мы постараемся манер твой перенять».
Головку почесав и шею,
Свистун им отвечал: я — *мастер лишь свистать,*
А петь так не умею.

[1814]

ДВА ЧЕЛОВЕКА И КЛАД

Бедняк, которому наскучило поститься
И ну́жду крайнюю всегда во всем терпеть,
Задумал удавиться.
От голода еще ведь хуже умереть!
Избушку ветхую, пустую
Для места казни он поблизости избрал
И, петлю укрепив вокруг гвоздя глухую,
Вколачивать лишь в стену стал,
Как вдруг из потолка, карниза и панели
Червонцы на пол полетели.
И молоток из рук к червонцам полетел!
Бедняк вздрогну́л, остолбенел,
Протер глаза, перекрестился
И деньги подбирать пустился.
Он второпях уж не считал,
А просто так, без счета,
В карманы, в сапоги, за пазуху наклал.
Пропала у него давиться тут охота,
И с деньгами бедняжка мой
Без памяти бежал домой.

Лишь он отсюда удалился,
Хозяин золота явился.
Он всякий день свою казну ревизовал;
Увидя ж в кладовой большое разрушенье
И всех своих родных червонцев похищенье,
Всплеснул руками и упал —
Лежал минуты две, не говоря ни слова;
Потом как бешеный вскочил
И петлею себя с досады удавил,
А петля, к счастию, была уже готова.
И это выгода большая для скупова,
Что он веревки не купил!

Вот так-то иногда не знаешь,
Где что найдешь, где потеряешь;
Но, впрочем, верно то: скупой как ни живет,
Спокойно не умрет.

15 декабря 1814

ЯШКА-ПОВАР

У одного здесь дворянина
Проворный Яшка был детина.
Взглянул ли он на что, уж переймет как раз,
И то, над чем иной потеет
Обыкновенно целый час,
В минуту у него поспеет.
Вот этот парень-хват науке поварской
К французу отдан был учиться,
И в месяц Яшка сам кухмистер стал такой,
Что никакому с ним французу не сравниться:
По крайней мере, так он барину сказал;
А барин стол ему готовить приказал,
Да и гостей к себе позвал,
Чтоб поваром своим пред ними похвалиться.
Ну Яшка в кухне суетиться:

И жарит, и вари́т,
В руках всё у него кипит, —
Ведь дело мастера боится.
Но вот уж кушанье поставили на стол;
Хозяин за столом и гости все сидели,
Как Яшка с фартуком в столовую вошел.
Тут барин закричал: «Мы ничего не ели
По милости твоей: ты суп пересолил,
Жаркое иссушил,
Все кушанья хоть брось! Вот так-то ты учился!
И, негодяй, еще хвалился!»
— «Да я, сударь, поторопился;
А уж проворнее меня нет никого». —
Тарелкой господин пустил с стола в него,
Мигнул дворецкому; тот в сени вывел Яшку
И там, оставя лишь на нем одну рубашку,
Полсотни ло́занов в хребет ему влепил,
А сам твердил:
— «Не торопись, не торопися;
Чего не смыслишь, так за то и не берися».

Иной писатель поспешит,
Да всех и насмешит.

[1815]

КУПЕЦ МОШНИН

В Калуге был купец Мошнин,
Нет, именитый гражданин.
Торговлю отправлял он многие уж годы,
Не знал, что есть наклад, а только богател.
Чего он не имел?
Суконны фабрики, чугунные заводы,
С которых получал великие доходы;
Деревни сыновьям с чинами покупал,
И всякий перед ним поклоны в пояс клал.

Все деньги у него, как в Банке, занимали,
Однако же они в долгах не пропадали;
Приказчики его отнюдь не воровали;
Возьмет ли откуп иль подряд,
Наверное найдет тут клад!
За то его и называли
В Калуге колдуном.
Жил очень хорошо — как чаша, полон дом!
Держал открытый стол; давал пиры и балы;
Обедать ездили к нему и генералы.
Приятель Мошнину купец был Бородин.
Вот как-то подгуляв, один с ним на один,
Тот искренно ему признался,
Что счастию его в торговле удивлялся.
Мошнин расхохотался
И наконец сказал: «Послушай, брат Семен,
Всегда тот счастлив, кто умен.
Знай, я, не испытавши броду,
Не су́юсь в воду:
Есть разум у меня, и оттого богат;
Убытков не несу, зато я осторожен!»
Лет через шесть попал наш умник в Магистрат —
Не в члены, а в тюрьму! — За что ж? —
Был много должен;
Остался только лишь на нем кафтан один,
И он почти мирским питался подаяньем.
В то время с ярманки приехал Бородин;
Идет к нему и с состраданьем,
С слезами говорит: «Что сделалось с тобой!» —
«Судьба!» — тот отвечал. А вот какой судьбой
Мошнин, бедняжка, разорился:
При откупах погорячился
И всех соперников своих он победил,
Да после миллион за это заплатил.
Должник его себя тут объявил банкрутом,
Приказчик сделался из честного вдруг плутом,
Один сынок деревню промотал,
Другой сто тысяч проиграл,

А кажется, он их как должно воспитал!
К тому ж за молодой, второй своей женою
Заводы укрепил, хоть в ней нашел врага
И получил еще на старости рога.
Судьба! Судьба всему виною!

Вот так-то в счастии гордимся мы умом,
В несчастии вину всю на судьбу кладем.

19 марта 1815

СВЯЩЕННИК И КРЕСТЬЯНИН

Пришел к Священнику Крестьянин Парамон
И, сделав перед ним чуть не земный поклон,
Так говорил ему со вздохом и слезами:
«Помилуй, батюшка, что делать мне с чертями?
Из дому выживают вон!»
— «Перекрестися, Парамон!»
— «Да я уже и так крестился,
Молитву с вечера творил,
А домовой меня давил;
Всю ночь с проклятым провозился!
Послушай-ка, лежу вечор я на спине,
Гляжу — ан чорт на мне,
Лежит как будто куль с мукою
Иль с солью, так тяжёл! Ей-ей! тебе не лгу.
И что ж? пошевелить рукою,
Ни слова вымолвить никак я не могу.
Уж как-то я поворотился,
Так он с меня свалился.
Ты в семинарии, отец Иван, учился;
Пожалуй, одолжи,
Свою науку покажи,
Не дашь ли зелья мне какого
Иль корешков от домового?

А я тебе за то пшеницы четверик».
— «Я думал, Парамон, что умный ты мужик,
А вздор какой ты мелешь!»
— «Неужли, батюшка, мне ты не веришь?
Ну! право, домовой давил меня, давил!
Спроси хоть бабушку Пахомовну Ненилу.
Еще он невзлюбил
Саврасую мою кобылу.
Пришел я утром в хлев: под яслями лежит,
Сердечная, в поту и так, как лист, дрожит!
Изъездил бедную! Уж диво!..» — «Не дивися;
Вперед не на спину, а на бок спать ложися.
От крови сделалось тебе так тяжело:
Как навзничь ты лежал, она остановилась...»
— «А как кобылу-то под ясли занесло?
Небось, сама туда забилась?»
— «Конечно». — «Отчего?»
— «Да оттого,
Что муха укусила...»
— «Неправда! а нечиста сила...»
— «Да нет на свете домовых».
— «Как нет! не видывал ты их;
А я, хотя впотьмах, да видел домового:
Как уголь черен весь! собой здоров, высок!
Плечами же вельми широк...»
— «Пожалуй, не греши и не мели пустого».
— «Вот хорошо! не верь своим очам,
А верь твоим речам!
Какой ты поп! да ты совсем не христиáнин!
К тебе я на дух не пойду!» —
И, рассердившися, ушел домой Крестьянин.
Отец Иван попал в беду:
Безбожником в селе его прозвали;
Иные же ходить и в церковь перестали,
И менее чем через год
Он перешел в другой приход.

Упрямых, глупых суеверов
Ничем не можно убедить;
Опасно даже им и правду говорить.
Довольно есть тому в истории примеров.

17 мая 1815

СТРАСТЬ К СТИХОТВОРСТВУ

Как пьянство, так и страсть кропать стихи — беда!
Рифмач и пьяница равно несчастны оба:
Ни страха нет в них, ни стыда;
Один всё будет пить, другой писать до гроба.
Был на Руси один поэт,
Которого весь знает свет;
Но имени ему здесь нет.
Он, верно, за грехи на муку нам родился:
Лишь буквы выучил, писать стихи пустился,
Да как же? — со всего плеча.
Что день, то новые стихи у рифмача.
Объявлена ль война — вот радость для урода!
Прочел реляцию — и уж готова ода!
Из сродников его, из ближних кто умрет,
Он рад и этому, тотча́с перо берет
И мертвых и живых терзает без пощады.
В сатире ли его, как шу́та, осмеют? —
Он плачет от досады,
Не пьет, не ест, не спит; однако же и тут
В кропании стихов находит утешенье.
Простил бы я ему уж это согрешенье;
Пускай бы только он писал,
А то стихами он всем уши прожужжал.
Одну жену до смерти зачитал,
Другая, не прожив с ним году,
За ум взялась
И развелась.
Была б, как первая, в могиле без разводу!

Последняя жена с ним потому жила,
Что на ухо крепка была.
И люди у него никак не уживались,
Хотя для слушанья стихов чередовались.
Вот наказал злодея Бог:
Рифмач опасно занемог,
Лежит и бредит всё стихами!
Призвали до́ктора. — «Что сделалося с вами? —
Спросил тот у него. — У вас, конечно, жар?»
— «Как жару и не быть! Я, правда, хоть и стар,
Но я поэт, притом же лирик,
И лирик первый, вам не лгу...»
— «Пожалуйте-ка пульс». — «Еще сказать могу,
Что я и фабулист, и трагик, и сатирик...»
— «Вам вредно много говорить».
— «Ну, а стихи читать мне можно?»
— «Нельзя». — «Так умереть мне должно!
Что ж это вы меня хотите уморить?
Я напишу на вас за это эпиграмму.
Постойте, a propos[6]! я сочиняю драму
И выведу на сцену вас...»
— «А я вот сей же час
По власти докторской употреблю и силу:
Покрепче рот вам завяжу
И муху шпанскую к затылку приложу.
Вам, верно, хочется в могилу?»
Со страха прикусил язык себе больной.
Минуты не прошло одной,
Как доктор, прописав лекарство, удалился,
Рифмач опять читать стихи свои пустился.
Читал, читал, читал, и так он ослабел,
Что доктор, потеряв надежду, отказался,
Да и никто лечить его не соглашался.
Вот он духовного отца позвать велел.
С сердечным сокрушеньем
Покаялся ему в грехах

---

6 А пропо́ (*фр.*) — кстати.

(Не прозою, а на стихах)
И подарил его своим стихотвореньем,
Посланьем — он ко всем послания писал
И каждое в печать особо отдавал.
Сам эпитафию себе продиктовал.
Уж, наконец, язык у бедного отнялся.
И даже тут еще, пока он не скончался,
Всё стопы пальцами считал...

20 мая 1815

ЯГНЕНОК И ПОРОСЕНОК

Мужик в телеге вез Ягненка
И Поросенка.
Куда же?.. в ряд мясной!
Вот Поросенок развизжался,
Как будто бы мясник с ножом за ним уж гнался,
Кричит: *увы! увы!* — «Проклятый сын свиной! —
Сказал Мужик ему, — когда ты перестанешь?
Ну, что Ягненок не кричит?
Смотри, как он умен — молчит».
— «Нет, глуп! — прервал визгун, — меня-то не обманешь!
Он думает, что шерсть с него лишь состригут;
А я могу ли быть в покое?
Я знаю, с поросят щетины не берут,
Так верно уж меня убьют,
И на холодное пойду иль на жаркое.
Ах, не сносить мне головы!
Увы! увы!»

Полезно иногда для нас и заблуждаться,
Когда несчастия не можно отвратить.
К чему и дальновидным быть?
Чтó прежде времени нам сетовать и рваться?..

[1815]

ЛЬВИЦА И СВИНЬЯ

Расхвасталась Свинья однажды перед Львицей,
Что принесла она вдруг дюжину детей,
    И вот как говорила ей:
— «Ты, кажется, еще слывешь у нас царицей,
А одного родишь, и то не каждый год.
    Ну, что́ ваш перед нашим род?
И можно ль с нашею сестрой тебе сравниться?
    Взгляни-ка на моих ребят.
Двенадцать, видишь ли? двенадцать?..» — «Поросят;
А у меня один, но Лев зато родится».

«Георгики» писал Вергилий девять лет;
А право, в девять дней у нашего Вралёва
    Поэма может быть готова.
Зато Вралёв — рифмач, Вергилий же — поэт.

[1815]

ВОДОПАД И РЕКА

    С ужасным шумом низвергался
    Ручей кристальною стеной
    С горы высокой и крутой,
    О камни с пеной раздроблялся,
    Кипел, крутил песок, ревел
    И в берегах стрелой летел;
Ни птица, ни́же зверь к нему не приближались,
И ноги смертного в него не опускались.
      Нашелся наконец
    Один отважный молодец,
Который на коне через него пустился:
    Он от разбойников бежал
    И смелым от боязни стал.
    До бёдр конь только замочился

И вынес на́ берег противный седока.
Разбойники за ним. Он лошадь погоняет;
Скакал, скакал — и видит, что река
Ему дорогу пресекает. —
Река была неширока;
Притом весьма тиха, как зеркало гладка:
И так он смело въехал в воду.
Но что ж? в мгновение одно
Пошел с конем на дно
И на съедение немых достался роду.

Иной угрюм, суров, сердит,
Шумит, но только не вредит;
Другой так сми́рен, тих и на речах прекрасен;
Но он-то и опасен.

[1815]

ДВА ОСЛА

Шли два Осла дорогою одной
И рассуждали меж собой
О политических и о других предметах
(Они уж оба были в ле́тах).
«Что, братец? — говорит один. —
Как может мнимый наш, бесхвостый господин —
Ну, знаешь, человек — ругаться так над нами?
В насмешку он зовет ослами —
Кого же? — самых уж безмозглых дураков!
А, право, у людей не много есть голов,
Какие у ослов!»
— «И ведомо! Да вот, без лести,
Каков ты, например, у них такого нет.
Гордился бы тобой Парламент иль Совет».
— «Помилуй, много чести!»
— «Нет, нет, что чувствую, то я и говорю.

Конечно, от тебя не скрою,
И я иного члена стою;
Но что же я перед тобою?
Советовал бы я Льву, нашему царю,
Чтоб воспитать тебе наследника дал трона:
Ты, без пристрастия, умнее Фенелона.
Не поленись, любезный брат,
О воспитании нам сочинить трактат».
— «То правда, я имею знанья,
Пригодные для воспитанья,
Но не имею остроты
И красноречия, как ты».
— «Э! шутишь! А твое похвальное-то слово
Ослицам!.. Лучше бы я сам не написал!»
— «Другое у меня еще теперь готово;
Изволь, прочту тебе». О, чорт бы их побрал!
Друг дружку до того хвалили,
Что после и у всех ослов в почтеньи были.

Нет легче ничего, как нравиться глупцам:
Хвали их, и они равно тебя похвалят,
Притом и в ну́жде не оставят.
Где много дураков, житье там подлецам.

25 июня 1815

ГОРА В РОДАХ

Родами мучилась гора;
Земля вокруг дрожала.
Бедняжка простонала
С полудни до утра;
Расселась наконец — и родила мышонка!

Но это старая, все знают, побасёнка,
А вот я быль скажу: один поэт писал

Не день, не два, а целый месяц сряду,
Чернил себя, крестил, марал;
Потом, друзей созвав, пред ними прочитал...
Шараду.

30 июня 1815

СОЛОВЕЙ И ВОРОН

У одного купца был тульский Соловей.
При мне охотник сто рублей
Давал ему, но тот взять денег не решился.
Я и за двести бы продать не согласился.
Бывало, летом запоет,
Начнет свистать, щелка́ть, так всякий, кто идет
По улице, глядишь, стоит разиня рот.
Уж подлинно сказать, не Соловей был — чудо!
Любили в доме все его.
Бог знает только отчего
За ним ходили худо.
У этого ж купца был Ворон: он не пел,
А очень много ел.
Никто прожору не терпел;
Не и́наче его как черным чортом звали,
Однако пить и есть всегда ему давали.
Не дай-ка — черный чорт всем уши прокричит.
— «Да что, Михеич, наш Соловушко молчит?» —
Хозяйка как-то раз сожителя спросила.
— «Он и вчера не пел, — служанка подхватила, —
Уж нет ли типуна?»
— «А может быть линяет», —
Хозяин говорит, берет стул и с окна
Сам клетку бережно снимает;
Глядит —
Ан в клетке Соловей вверх ножками лежит.
— «Ведь умер Соловей!..» — Михеич восклицает.
— «Как так? да отчего?»

— «Ахти! да корму нет ни крошки у него!
И водопойка вон пустая!»
— «Ах, бедный Соловей! смотри беда какая!»
Что ж Ворон? — И теперь живет.

Бесстыдный с голоду, поверьте, не умрет.

[1815]

ВОРОБЬИ И ОВСЯНКА

Накрывши сетью Воробьев,
Мужик им говорил: «Вот я вас всех, воров!
Вы на́ поле мое летали,
Горох клевали!
Не долго дам теперь сидеть вам в полону́:
Всем головы сверну,
И в кашицу... Да ты, Овсянка, как попала?» —
Овсянка так ему под сетью отвечала:
— «Послушай, мужичок, всю истину скажу:
Я с ними только лишь летала,
А, право, твоего гороха не клевала.
Пусти меня; ничем тебе я не врежу.
Уж ли поступишь так со мной, как с Воробьями?»
— «Да не помилую, конечно, и тебя!
Пеняй сама ты на себя:
Зачем была с плута́ми?»

[1815]

ЛЕСТНИЦА

Стояла лестница однажды у стены.
Хотя ступени все между собой равны,
Но верхняя ступень пред нижними гордилась.
Шел мимо человек, на лестницу взглянул,

Схватил ее, перевернул —
И верхняя ступень внизу уж очутилась.

Так человек иной на вышине стоит,
Гордится — и глядишь: как раз наниз слетит.
Возьмем в пример Наполеона:
Как сатана с небес, так он слетел со трона.

19 июля 1815

ПОЕДИНОК

Осла нечаянно толкнул Лошак.
«Смотри же ты, дурак! —
Осел мой закричал. — Как смеешь ты толкаться?»
— «Ах, скот! как смеешь ты ругаться?
Я жив быть не хочу,
Когда тебя не проучу;
Разделайся со мной». — «Изволь... На чем угодно?»
— «Ну на копытах?» — «О! охотно!»
— «Мой секундант Баран». — «А у меня Козел».
Вот через час, не боле,
С Козлом Осел,
С Бараном же Лошак явились в чистом поле;
У обои́х блистает гнев в глазах.
Дрожат от ярости; друг к дружке задом стали,
И очень близко: в двух шагах.
Уж кинут же́ребий — знак секунданты дали.
Сперва Лошак лягнул — Осел лягнул потом.
Откуда ни возьмись Хозяин тут с кнутом,
Нет, с плетью, виноват! Не говоря ни слова,
Давай стегать того он и другого;
По очереди им всю спину исстегал.
«Проклятые! — из сил он выбившись, вскричал, —
Да что вам вздумалось лягаться?»
Сквозь слёз Осел на это говорит:

«Когда point d'honneur[7] велит,
Не рад, а должен драться.
Сам посуди, он стал толкаться...»
— «А он так стал ругаться...»
— «А если станете вы у меня лягаться, —
Хозяин подхватил, —
Хоть и не рад, за плеть я должен буду взяться.
Смотрите же!» — Тут он им плетью погрозил.
При взгляде на нее герои онемели;
Жест более еще подействовал, чем речь,
И после не было уже у них дуэли.

Что, если бы велели
Мальчишек розгами за поединки сечь?

1 декабря 1815

ДВА КОТА

Кот Ванька с Ваською родные братья были;
В одном дому́ они родилися и жили.
Кот Ванька тощий был такой,
Что страшно и взглянуть, — доска совсем доской.
А Васька толщиной дворецкому равнялся,
От жира он едва-едва передвигался;
Шерсть ло́снилась на нем, как будто бы атлас.
— «Нам счастье не одно, хоть мать одна у нас, —
Сказал ему скелет, — вот ты забот не знаешь,
Без мяса никогда и в будни не бываешь:
Тебе все мясоед, а мне Великий пост;
Ты только спишь, а я и сна почти не знаю,
Дом целый от мышей и крыс оберегаю;
При всем усердии я голоден...» — «И прост! —
Прервал его жиряк, — будь, братец, поумнее;
Возьми меня в пример, коль хочешь быть жирнее».

[7] Пуан д'оннёр (*фр.*) — чувство чести.

«Что ж делать мне? — скажи». — «Хозяина смеши,
На задних лапах перед ним ходи, пляши;
Подставит руки он — ты прыгай через руки
И перейми мои забавные все штуки.
Поверь, что будешь ты любим, не только сыт.
Знай, глупенький, что тот, кто людям угождает
В безделках, пустяках,— у них не потеряет;
А кто для пользы их труди́тся и не спит,
Тот часто голоден бывает».

[1815]

МАРТЫШКА И КОТ

Каштаны жарились в печи на угольках;
Мартышка на полу перед огнём сидела
И пристально на них глядела,
А Кот лежал у ней в ногах.
— «Что, Васька, — говорит Мартышка, —
Достань каштана два, так будешь молодец!»
— «Да лапу обожги! нет, я ведь не глупец!»
— «Э! неженка какой! трусишка!
Трус! трус!» — Вскочил мой Кот, в дугу себя согнул,
На лапки задние у печки приподнялся,
Переднюю к каштанам протянул,
Ожегся и назад подался;
За дело принялся опять:
То лапку к уголькам протянет,
То прочь ее, а там другою трогать станет,
И вытащил он так уже каштанов пять.
Каштаны Васька вынимает,
Мартышка же их подбирает,
Облупит, да и прямо в рот.
Вдруг, на беду, слуга идет.
Плутовка наутек; а Кот не догадался:
Работою все занимался.
Слуга на цыпочках к мошеннику подкрался,

Да за уши схватил, и ну его таскать.
Кот бедный от побой, как мертвый, протянулся,
Насилу через час очнулся,
И по́лно с той поры без пользы воровать.
Мартышка вот умна: не обожглась, не бита,
Сы́та;
А Васька глуп, так с ним случилася напасть, —
То ль дело для себя украсть!..

[1815]

ДУРАК ФИЛАТКА

У Толстосумова дурак Филатка был.
Не видывал еще я дурака такого:
Глупее барина! И барин как родного
Филатку-дурака любил,
Поил его вином и всюду брал с собою.
Филатка всё в деревне жил.
Вот как-то господин поехал с ним водою
Из Нижнего в Казань. Филат тому был рад:
На всё зевал, всему дивился;
Однако ничему в пути не научился.
Приехали назад.
Чорт дернул ключницу Маланью
О путешествии спросить у дурака.
— «Деревня наша велика,
А не сравняется ни с Нижним, ни с Казанью. —
Филатка говорит. — Церквей, крестов
Тебе не сосчитать, не только что домов!»
— «Ну что ж там, хорошо?» — «И ведомо, не худо!
А вот на Волге я, скажу, уж видел чудо!»
— «Какое!» — «Знаешь ли? бежим на парусах,
И домы-то на берегах,
Деревья все бегут. Мы к берегу пристали;
Они как вкопанные стали.
Опять поехали, опять бегут, бегут!»

— «Прямой, Филат, ты шут!
Тебе казалось так, а домы-то стояли».
— «Э, нет, Маланьюшка, бежали!»
— «По-твоему! да ты ведь, правда, без ума!»
— «Так дура ты сама!
Я говорю тебе, коль хочешь побожуся:
Бежали домы все назад».
— «Ну полно врать, Филат!»
— «Смотри, Маланья, я с тобою не смеюся.
Не веришь, что ли?» — «Нет». — «Бежали!» — «Как не так!»
— «Поверь же, говорю». — «Да разве я взбесилась?» —
Филат, чтоб убедить, покрепче сжал кулак,
Занес, и ключница во всем с ним согласилась.

Я спорить с умными люблю:
От споров с ними я учуся;
Но спорить с глупыми боюся
И им всегда во всём охотно уступлю.

[1816]

ВОЛЧЬЯ ХИТРОСТЬ

По ну́жде Волк постился:
Собаки стерегли и день и ночь овец;
Однако же и Волк был не глупец:
Вот думал, думал он — и ухитрился.
Да как же? Пастухом проклятый нарядился:
Надел пастуший балахон,
Накрыл себя пастушьей шляпой
И, опершись о посох лапой,
Подкрался в полдень к стаду он.
Пастух под тенью спал; собаки тоже спали,
И овцы все почти, закрыв глаза, лежали:
Любую выбрать мог.
«А что? — Волк думает, — когда теперь примуся

Душить овец, то вряд отсюда уберуся:
Начнут бле́ять, а я не унесу и ног.
Дай лучше отгоню подалее всё стадо.
Постой, да ведь сказать хоть слово дурам надо;
Я слышал, как пастух с овцами говорил».
И вот он пастуха как раз передразнил —
Завыл.
Поднялся вдруг Барбос; за ним Мурза вскочил;
Залаяли, бегут. Мой Волк уж прочь от стада,
Но в амуниции плохая ретирада;
Запутался он в платье и упал.
Барбоска вмиг его нагнал,
Зубами острыми за шею ухватился;
Мурза тут подоспел, за горло уцепился;
Пастух же балахон и шкуру с Волка снял.

О святках был я в маскараде:
Гляжу, стоит в кружку́ какой-то генерал,
В крестах весь, вытянут, как будто на параде, —
И как о тактике он врал!
Что ж вышло? — Это был... капрал!

[1816]

СЛЕЗЫ КАЩЕЯ

Не знаю точно кто, а проповедник славный,
Платон, Леванда ли, иль кто-то с ними равный,
Однажды в пост Великий говорил
О милостыне поученье
И слушателей всех привел во умиленье.
Кащей у кафедры стоял и слезы лил.
Знакомый у него спросил:
«Да что за удивленье?
Ты плачешь, кажется?» — «Как слёз не проливать!
Я эту проповедь вовек не позабуду».

— «Что ж, станешь ли убогим подавать?»
— «Нет, милостыню сам просить теперь я буду».

13 апреля 1816

КАРЕТА И ЛОШАДИ

Ах! если бы хотя под старость дал мне Бог
Местечко где-нибудь такое,
Где б мог остаток дней я провести в покое,
Где б взятки брать иль красть я мог, —
Клянуся честию и совестью моею,
Уж дал бы знать себя! Что? скажут: *не умею?*
Пустое! выучусь, лишь только захочу,
Да многих, может быть, еще и поучу.
Взгляните: грамоте иные не умеют,
А как живут! Как богатеют!
Вот главное: *иметь не надобно стыда*.
Отставят? — отставляй, и это не беда:
Коль наживу полмиллиона,
В отставку сам тогда пойду без пенсиона.
Рассказывал один знакомый мне купец
(Нездешний и теперь едва ли не покойник),
Что в городе у них советник был делец,
Великий взяточник, невежда и законник:
Указ прибравши на указ,
Оправит всякого за денежки как раз.
Когда напишет сам экстракт, определенье,
Хоть юрисконсультам отдай на рассмотренье:
В законах пропуска, ей-богу! не найдут,
А дела не поймут!
Так спутает, так свяжет
И белым, наконец, вам черное покажет.
Кто больше даст ему, тот у него и прав;
А там в глаза ругай, он ничего не скажет —
Такой имел уж нрав!
Проситель подарил советнику карету;

Соперник же, узнав о том через людей,
Не знаю по чьему совету,
Прислал к советнику четверку лошадей.
Он принял их, и я бы сделал то же.
Как четверня была кареты подороже,
То в пользу лошадей и сделан приговор,
Объявлено истцу с ответчиком решенье.
Вот вечером катит к советнику на двор
Бедняк, что потерял с каретою именье.
В сердцах кричит ему: «Бездельник! шельма! вор!
Ты обманул меня; отдай мою карету».
— «Да, как не так!» — «И совести-то нету!
Отдай. В присутствии при всех я расскажу».
— «Так что ж?» — «Свидетелей представлю, докажу;
К присяге ведь тебя притянем».
— «Пожалуй, присягать мы станем».
— «Ты взял карету, взял!» — «Ну что же? взял, так взял!»
— «А чалых четверню кто, кто к тебе прислал?»
— «Соперник твой, на нем ищи своей потери:
Ведь чалые свезли карету со двора.
Однако ужинать пора.
Прощай! Вот Бог! вот двери!»

22 апреля 1816

ИСПРАВЛЕНИЕ

Бездушин прежде пил, играл,
И женщин и мужчин, как дьявол, соблазнял;
Ни чести, ни родства, ни Бога он не знал;
Но вдруг потом переменился:
Ходить прилежно в церковь стал
И в землю всё молился,
А дома Библию да Штиллинга читал.
Вот этим сатана ужасно огорчился,
И говорит ему он так: «Помилуй! ты ведь не дурак,
Не стыдно ли тебе с твоим умом молиться?

Поверь мне, в святости нималой пользы нет.
То ль дело веселиться!
Прими мой дружеский совет:
В объятия мои скорее возвратися.
Ну полно, братец, не сердися;
Увидишь, буду как вперед служить тебе».
Бездушин улыбнулся
И сам сказал в себе:
«Пусть думает его, что я ума рехнулся.
Поддел я славно сатану!
А уж людей теперь, конечно, обману».

11 мая 1816

ПЬЯНИЦА

Пьяню́шкин, отставной квартальный,
Советник титулярный,
Исправно насандалив нос,
В худой шинелишке, зимой, в большой мороз,
По улице шел утром и шатался.
Навстречу кум ему, майор Петров, попался.
«Мое почтение!» — «А, здравствуй, Емельян
Архипович! да ты, брат, видно,
Уже позавтракал! Ну как тебе не стыдно?
Еще обеден нет, а ты как стелька пьян!»
— «Ах! виноват, мой благодетель!
Ведь с горя, мой отец!» — «Так с горя-то и пить?»
— «Да как же быть!
Вот Бог вам, Алексей Иванович, свидетель:
Есть нечего, все дети босиком,
Жену оставил я с одним лишь пятаком.
Где взять? Давно уже без места я, несчастный!
Сгубил меня разбойник пристав частный!
Я до отставки не пивал:
Спросите, скажет весь квартал.

Теперь же с горя как напьюся,
То будто бы развеселюся».
— «Не пей, так я тебе охотно помогу».
— «В рот не возьму, ей-богу, не солгу;
Господь порукою!..» — «Ну, полно, не божися,
Вот крестникам снеси полсотенки рублей».
— «Отец!.. дай ручку!..» — «Ну, поди домой, проспися,
Да чур, смотри, вперед не пей».
Летит Пьянюшкин наш, отколь взялися ноги,
И чу́ть-чуть не упал раз пять среди дороги;
Летит... домой? — О нет! — Неу́жели в кабак?
Да, как бы вам не так!
В трактир, а не в кабак зашел, чтобы промена
С бумажки беленькой напрасно не платить,
Спросил ветчинки там и хрена,
Немножко так перехватить,
Да рюмку водочки, потом бутылку пива,
А после пуншику стакан,
Другой... и наконец — о диво! —
Пьянюшкин напился уже мертвецки пьян.
К несчастию, еще в трактире он подрался,
А с кем? за что? — и сам того не знал;
На лестнице споткнулся и упал
И весь, как чорт, в грязи, в крови перемарался.
Вот вечером его по улице ведут
Два воина осанки важной,
С секирами, в броне сермяжной.
Толпа кругом. И кум, где ни возьмися, тут.
Увидел, изумился,
Пожал плечами и спросил:
«Что, верно, с горя ты, бедняк, опять напился?»
— «За здравие твое от радости я пил!»

У пьяницы всегда есть радость или горе,
Всегда есть случай пьяным быть;
Закаится лишь только пить,
Да и напьется вскоре.

Однако надобно, чтоб больше пил народ:
Хоть людям вред, зато откупщикам доход.

16 мая 1816

ДВА КРАСАВЦА

Приехал в Ярославль валдайский дворянин,
        Пригожий очень господин,
Красавец: волосы имел он золотые,
        Природой в кудри завитые,
        И ими так, как Феб, сиял,
        Лишь только что не сожигал;
Лицо широкое в коричневых всё мушках,
Иль, попросту сказать, в веснушках;
Глаза сафирные, но только без бровей;
Нос длинный, с маленькой на кончике прибавкой,
        Багряной, с вишню, бородавкой;
Рот самый крошечный, едва не до ушей;
Кривые, на манер клыков слоновых, зубы
И как сафьянные подушки обе гу́бы.
Вот он пошел в ряды обновы покупать —
Все безобразные ведь любят щеголять, —
И видит в лавке там сидельца молодого,
            Курносого, рябого,
Такого, что пером не можно написать,
            Ни в сказке рассказать.
        Валдаец мой остановился
            И, вздернув кверху нос,
Преважно делает ему такой вопрос:
«Не в Ярославле ль ты, голубчик мой, родился?» —
«На что вам? Так, сударь, я здешний мещанин».
— «Ты здешний? — подхватил со смехом дворянин. —
Ну, правду говорят у нас, что ярославцы
        В России первые красавцы.
Подобного тебе на белом свете нет!
        Позволь списать с себя портрет.

Что за́ это с меня попросишь?
Да истину скажи, не маску ли ты носишь?»
Сиделец ничего на то не отвечал,
С поклоном лишь ему он зеркало представил.
Увидя в нем себя, Нарцисс мой замолчал,
Как розан покраснел и дале путь направил.

Мы ближнего нимало не щадим:
В других пороки замечаем,
Других браним, пересмехаем —
А на себя не поглядим.

18 июня 1816

ПЬЯНИЦА И СУДЬБА

В ночь темную, зимой,
Подьячий пьяный шел через реку́ домой;
С прямой дороги сбился,
И где ж? — у полыньи каналья очутился,
Споткнулся и на край на самой повалился;
Заснул и думает, что он на съезжей спит;
На чистом воздухе, как богатырь, храпит.
Ну если б только он во сне поворотился —
Тогда б прощай и взятки, и вино:
Пошел бы к тюленя́м на дно!
Случись же так: Судьба тут мимо проходила,
Приближилась к нему,
Тихонько разбудила
И говорит ему:
— «Проснись, здесь полынья, опасно;
Встань, встань!.. постой, тебе я помогу...
Вот лучше ляг подальше на снегу,
Там мягче... ну, вот так, прекрасно!
Когда б ты утонул, тогда бы всю вину
Сложили на меня одну».

И подлинно! в чем мы Судьбу ни обвиняем?
Именье ль глупо расточим
Иль от страстей своих здоровье потеряем:
Всегда уже Судьбу, а не себя виним.

[1816]

КОШКИ В ПОГРЕБЕ

«Ну, Власьич, что тебе скажу, —
Купчиха толстая так мужу говорила, —
Сегодня в погреб я лишь двери отворила,
Ан погляжу —
Две крысы у меня большие под ногами,
С предлинными хвостами.
Я так и обмерла!..
Горшок со сливками уж на боку нашла.
Житья от крыс не стало!
Что б мышеловку нам купить?»
— «Вот! деньги попусту платить!
Да разве в доме кошек мало?
Возьми, Кузминишна, всех кошек и котят;
Запри на погреб их: пускай там крыс едят». —
Исполнила жена сожителя веленье,
И кошки посланы на погреб в заточенье.
Наутро к узникам Кузминишна идет,
И что же в погребе ее взор поражает!
Из кринки Машка сливки пьет,
А Васька мяса часть сырого убирает;
Котята полоткú, дичину тормошат;
Горшки и кадочки все на боку лежат.
«Ах, вы проклятые! — хозяйка закричала, —
Постойте! вот я вас!»
Рука со связкою ключей у ней дрожала,
Взмахнула ею — вмиг исчезли все из глаз,
А бедная на лед всей тушею упала,
Да так, что с полчаса не встала,

Вот жалобу она хозяину творит,
        На кошек требует управы.
Подумав, Власьич ей на это говорит:
        — «И кошки, да и мы не правы.
Оставим в погребе уж Ваську одного:
        Один он столько не наблудит;
А если станешь ты всегда кормить его,
Тогда и воровать, авось, совсем не будет».

[1816]

ВОЛК И ЛИСИЦА

        «Конечно, я не без грехов, —
Лисе Волк говорил, — а право, из Волков
        Едва ли где найдешь другова,
Который бы, как я, великодушен был.
Представь: Ягненок раз в глаза меня бранил!
Не тронул я его, не молвил даже слова.
Об этом вот никто не скажет никогда.
А если б слышала, кума, как он бранился...»
— «Да, помню: это ведь случилося тогда,
        Как костью, кум, ты подавился».

[1816]

ВОРОНА И КУВШИН

Во всех почти делах догадка нам нужна.

Ворона бедная от жажды умирала,
        И где-то на поле она
            Кувшин с водой сыскала;
                Но вот беда:
Низка была для ней в колодце том вода.
Как станешь пить? не можно влезть туда:

Кувшин велик, нельзя его Вороне сдвинуть,
Не только опрокинуть;
А надобно воды достать.
Вот стала камешки она в него бросать;
С краями наравне вода приподнялася,
И тут уже моя Ворона напилася.

[1816]

ДВА РАКА

«Всё пятится назад! Куда какой дурак!» —
Журил так сына старый Рак, —
Вперед ступай, вперед! Не то я драться стану!»
— «Да покажите мне вы, батюшка, хоть раз,
Как надобно ходить: я перейму у вас;
Извольте вы вперед, а я уж не отстану».

Слугу за пьянство барин бьет,
Но не уймет, —
А отчего? — Сам барин пьет.

[1816]

ВОЗРАЖЕНИЕ ПЬЯНИЦЫ

За пьянство Поп журил Кузьму
И вот как говорил ему:
— «Опомнись, воздержися;
Смотри: с питья ты стал каков!
Распух, в лохмотьях весь, нет даже сапогов!
Вино твой первый враг: его ты берегися,
Возненавидь...» — «Отец Егор! перекрестися!
Давно ль ты сам твердил: *люби своих врагов?*»

15 сентября 1816

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА

Предвидя свой конец, Петр-лавочник в грехах
Духовному отцу признался
И смерти дожидался.
Жена стоит пред ним в слезах.
«Не плачь, — он ей сказал, — Дуняша!
Ты знаешь, сколько нам приносит лавка наша;
Беда, коль отойдет от нас теперь Кузьма.
Выдь замуж за него, людских речей не бойся».
— «Ох! батюшка, не беспокойся:
Я это думала давно уж и сама».

22 сентября 1816

СОВЕСТЬ РАЗБОЙНИКА

Попа пред казнию Разбойник попросил.
Приходит поп. Ему тот в ноги повалился
И прослезился:
«Простит ли Бог меня?» — он у него спросил.
«Покаяться тебе чистосердечно должно...
Ну, сколько душ ты потерял?»
— «Да как упомнить можно!
Я, право, не считал».
— «А что, посты, чай, соблюдал?»
— «Помилуй, батюшка! да разве я татарин,
Чтоб не соблюл поста?
Избави Бог! Я христиáнин;
Так стану ль мясом в пост сквернить свои уста!»

И не разбойники за грех большой считают
В пост оскоромиться, обедню прогулять;
А ближнего оклеветать,
Имение и с ним нередко жизнь отнять —
В достоинство еще и в честь себе вменяют.

7 октября 1816

ОТЧАЯНИЕ МАТЕРИ

У Лизы дочка умерла.
Одна у ней в пять лет замужства и была.
Как Лиза бедная рвалася,
Кричала, билася и волосы рвала!
Не ела, не пила
И чуть вослед сама не убралася.
— «Слезами, душенька, нельзя уже помочь, —
Супруг ей говорит, — нам твердыми быть должно...»
— «Тебе быть твердым очень можно, —
Сказала Лизанька в ответ неосторожно, —
Ну, если б у тебя, сударь, скончалась дочь?»

[1816]

ДВА ДРУГА

«Друзья! на свете нет друзей и не бывало», —
Ученикам своим Аристоте́ль твердил.
Все знают, что он лгать и в шутку не любил:
Так точно, нет друзей иль очень, очень мало.
Вот я здесь, в Петербурге, знал
Двух молодых людей: в одном полку служили
И на одной квартире жили.
Таких друзей еще я, право, не видал.
Друг другу тайны все сердечны открывали;
Расчетов никаких не знали меж собой;
Что сделает один, не спорит в том другой;
Родные братья так согласно не живали. —
С гостями как-то раз в бостон они играли.
Один из них пошел не так
И утопил другого;
А тот в сердцах вскричал: «Прямой, брат, ты... чудак!
Скажите, видел ли кто игрока такого?
Зачем ты в пики шел?.. знать, в голове *мизе́р?»*

Товарищ промолчал и не сказал ни слова:
Он очень скромный был и храбрый офицер.
Схватив с стола щипцы, пустил он в друга ими
И прямо в лоб ему попал,
Да как-то шпорами своими
Задел за стол, и стол упал.
Подсвечники, стаканы зазвенели
И на пол с картами и с мелом полетели;
Вцепились в волоса друг другу игроки:
Хрустят под ними лишь хрустальны черепки;
Все члены с ярости у обои́х трясутся.
На задни ноги встав, собаки так грызутся.
Пришлось хоть разливать водой. —
— «Не стыдно ль, господа, ну что за срам такой? —
Тут гости им сказали:
Как драку начинать, не кончивши игру?» —
Послушались они и драться перестали,
А то б не быть добру!
Но чем же кончилось? Друзья, чай, помирились?
Поцеловалися? — О, нет!
Разумный дали им приятели совет:
Они в Катерингоф пустились.
Зачем? — А как же? на дуэль!
Кто что ни говори, дуэли, право, ну́жны:
Один от раны в бок на месяц слег в постель;
Другой носил костыль одиннадцать недель,
Но после этого опять уж были дружны.

[1817]

КАПРИЗ ГОСПОЖИ

«Послушай, маменька, мой друг, —
Супруге говорит супруг. —
Ванюшка давиче мне в ноги повалился...»
— «Что, верно, пьян вчера напился?

Ну, папенька, прости для праздника его».
— «Нет, маменька, не то, он, знаешь ли, влюбился».
               — «Влюбился! а в кого?»
          — «Да в горничную Катерину:
Охотою идет Катюша за него...»
— «Велю я положить женитьбу им на спину!»
— «Ты шутишь?» — «Никогда я с вами не шучу».
— «Послушай, маменька...» — «И слушать не хочу!
Жените их, а я уж на своем поставлю,
               В деревню их отправлю
          И там свиней пасти заставлю.
          Вот вздумали женить слугу!
Да я, суда́рь, терпеть женатых не могу».

27 января 1817

ОЛЕНЬ И ОВЦА

«Почтенная моя, любезная Овца! —
Олень ей говорил, — дай мне взаймы сенца;
Отдам с процентами: свидетели в том боги!
Заклада нет, но Волк тебе порука мой».
          — «Ступай-ка, с чем пришел, домой!
Я знаю: у тебя резвы, приятель, ноги;
               Возьмешь да в лес уйдешь.
          В поруки Волка ты даешь?
          Нет, нет, меня не оплетешь.
Не ростовщица я, да, право, и не дура:
Самой мне надобны как сено, так и шкура».

[1817]

ПАВЛИН, ЩЕГЛЕНОК И ВОРОБЬИ

          Щегленок дикий залетел
На дачу знатного, большого господина;

В саду, средь цветника, на куст сирени сел,
На всё с вниманием вокруг себя смотрел
И в первый раз еще увидел тут Павлина.
Подняв вверх голову, тот важно выступал,
Не шел, а, так сказать, едва передвигался,
И лишь с сиренью поравнялся,
Как бы нарочно стал
И хвост свой распустил дугою.
Блеснуло золото с лазурью, бирюзою,
При солнечных лучах то яхонты горят,
То изумруды отливают.
Все радужны цветы мелькают и блестят
И яркостью своей Щегленка взор прельщают.
От удивленья был Щегленок вне себя.
«Позволь спросить тебя, —
Сказал Синице он, — голубушка сестрица!
Какая это птица?»
— «Павлин». — «Не царь ли это птиц?..
Царь, точно, царь! Вот у него корона!
Красивей во сто раз щеглят он и синиц!
Как гордо он идет! Ну право, встал лишь с трона!
Какая шея, грудь, осанка у него!
А хвост!.. Не видывал я лучше ничего.
Но это что? О боги!
Смотри-ка: у него нехороши ведь ноги!»
— «Невежа! — вскрикнули тут хором Воробьи. —
Чьи ноги, чьи
Дурными называть ты смеешь?
Павлина? Да всех птиц прекраснее Павлин».
— «Так точно, ноги лишь...» — «Да что ты разумеешь?
Уверить хочет всех один!
Нет, братцы, этого снести никак не можно!
Павлина нашего ругать Щегленок смел!
Клевать его, клевать!» — Щегленок улетел
И опытом узнал, что никогда не должно
О недостатках птиц почтенных говорить,
А позволяется лишь только их хвалить.

[1817]

ВИШНЯ И ПТИЦЫ

На вишне ягоды лишь только покраснели,
Откуда птицы налетели,
По веткам, по сучкам посели;
Чирикают, поют
И вишни спелые наперерыв клюют.
Когда же все их ощипали,
Вспорхнули и пропали.

Давно ль Пахом наш жил, как знатный господин?
Ах, сколько у него тогда гостей бывало!
И все приятели. Теперь как перст один:
Ни денег, ни друзей не стало.

[1817]

КАЩЕЙ И ЛЕКАРЬ

Кащей не в шутку захворал,
Пять дней уж с сундука не сходит;
Не ест, не пьет и глаз почти не сводит;
Пришло невмочь, за лекарем послал.
Явился врач, ему лекарство прописал:
«Сейчас же, — говорит, — пошлите вы в аптеку».
— «А много ль денег дать велите человеку?»
— «Не знаю, право, что возьмут...
Ну, дайте двадцать пять, вам сдачи принесут». —
— «Что ж делать? Так и быть! Сейчас пошлю Ванюшку.
Иван, приподними ты у меня подушку;
Возьми, вот пять алтын!
Вот гривна!.. Кажется, дал лишний грош один.
Постой-ка: раз, два, три, четыре, пять — ну, верно!
Скорей с рецептом ты беги,
Да не зайди в кабак. Куда как это скверно!..
Не грязно на дворе, так скинь ты сапоги».

Разинул лекарь рот, как будто видел чудо;
Не верил он своим глазам, ушам.
«Вы поняли меня, — сказал он, — очень худо;
Пошлите двадцать пять рублей...» — «Не дам, не дам!
Как двадцать пять рублей! О, Господи мой, Боже!
Во сне ли я иль наяву?»
— «Здоровье ведь всего дороже».
— «Как двадцать пять рублей! За что?» — «Да за траву,
Микстуру, капли и пилюли».
— «Да полно, оживу ли
От этих я лекарств? Ведь я едва дышу;
За что же двадцать пять рублей терять напрасно!»
— «Хотя вы и больны опасно,
Не бойтесь: я еще кой-что вам пропишу
И, так сказать, из мертвых воскрешу,
Лишь только вы ко мне доверенность имейте
И денег не жалейте.
Я за свои труды полушки не хочу:
Вы бедный человек, без платы вас лечу,
А даром получать лекарство невозможно.
Вам подкреплять себя хорошей пищей должно;
Для супа рябчиков или цыплят купить
И лучшее вино с водой отварной пить.
Возьмите вы себе рейнвейну иль лафиту,
Хоть в пять рублей...» — «Совсем нет аппетиту!»
— «Придет. Пошлите ж двадцать пять...
Коль денег нет у вас, пожалуй, я достану».
— «Отец мой, за тебя молиться Богу стану».
— «Я вам служить сердечно рад.
Вот этот сундучок отдайте мне в заклад».
— «Да разве на полу больному мне валяться?»
— «Нет, я пришлю кровать:
На ней покойнее вам будет почивать.
Давайте-ка сундук, извольте приподняться.
Ты за извозчиком сходи теперь, Иван!»
— «Куда? Останься здесь, болван!..

Помилуйте!» — «Ну, выбирайте:
Лечитесь или умирайте».
— «Уж лучше так умру; оставьте вы меня».
— «Прощайте; не прожить вам дня.
Отца духовного позвать вы прикажите
И гроб получше закажите.
Уж не ударьте в грязь лицом,
Распорядите всё перед своим концом,
Чтоб после не было ни споров, ни тревоги.
В шесть лошадей возьмите дроги,
Покров богатый, балдахин...»
— «Не беспокойтесь, я не знатный господин;
Не для того копил всю жизнь свою именье,
Чтобы на мотовство пошло, на погребенье!
Могу я обойтись без этих пустяков».
— «Есть у меня собранье черепов,
Но нету черепа скупого;
Продайте мне свой труп, купить его готов;
Не сыщете купца другого».
— «Когда не шутите, то я себя продам».
— «Серьезно говорю». — «А много ли дадите?»
— «Ну, двадцать пять рублей я дам».
— «Нет, мало!» — «Сколько же хотите?»
— «По крайней мере сто». — «Как можно? Пятьдесят».
— «Прибавьте». — «Шестьдесят,
И ни копейки боле.
Поверьте, что другой вас даром не возьмет.
Простите!» — «Быть по вашей воле:
Давайте по рукам, да деньги наперед!»

29 декабря 1817

КУПЕЦ БРЮ́ХАНОВ

Когда б я был богат, я всё бы спал да ел,
Еще бы пил — и так бы растолстел,

Что б скоро с *Пробтером*[8] сравнялся.
Ничем бы уже я тогда не занимался:
Сидел бы и лежал;
Стихов бы даже не писал,
А только б прежние приятелям читал.
Однако чересчур быть толстым также худо.
В Москве я знал купца — осьмое, право, чудо!
Представьте, он в сажень почти был в вышину
И два аршина в ширину.
Однажды из его кафтана,
Без спора, без хлопот,
Обил обойщик два дивана
И для жены еще украл тут на капот.
Ну, нечего сказать, мой Брюханов был диво!
А как тянул он пиво,
Как ел! Зато не мог ходить
И заставлял себя по комнатам водить.
Держал он, по совету
Искусных докторов, престрогую диету,
Пускал и кровь — всё пользы нету.
Без ужина сыпáл на жестком тюфяке
И, наконец, на голом сундуке.
В лице немного станет хуже;
Глядишь — а платье уже!
К несчастью, мой толстяк купец
Бездетный был вдовец.
Одни приказчики с ним жили,
И многие из них сродни ему хоть были,
Но в лавках у него и в доме всё щечили.
Добра-то же, добра!
Ломилися шкапы от серебра.
Однако без смотренья
Дошел бы наконец совсем до разоренья:
Он счётов трú года уже не поверял;
Так мудрено ль и весь утратить капитал?

---

[8] Ужаснейшей толщины англичанин, о котором Княжнин упоминает в послании «От дяди Рыфмоскрипа племяннику» *(Примеч. И.)*.

Решился Брюханов жениться,
Не для того чтобы наследников иметь,
А чтоб жена могла за домом приглядеть,
И перестал лечиться.
Когда есть деньги у кого,
Хоть будь урод, пойдут охотно за него.
Притом же не искал жених наш ни богатства,
Ни красного лица: искал себе жену
Для облегчения в заботах, для хозяйства;
И сваха честная нашла ему одну
Девицу пожилую,
Лет по́д сорок такую,
Пресмирную, хозяйку дорогую:
Без арифметики по пальцам всё сочтет,
Крупинка у нее и та не пропадет;
Пример для всех купчих: тиха, скромна, учтива,
В компании важна и молчалива.
Нельзя пересказать, как Брюханов был рад,
Что Бог ему послал такой завидный клад.
Какое сделал он приданое невесте
И сколько подарил парчи ей, жемчугу́,
Серег, перстней — всего припомнить не могу,
А свахе — сто рублей да лисью шубу в двести;
В три тысячи ему стал на другой день бал.
Лишь только молодой на нем не танцевал.
Вступила наконец в хозяйство молодая —
Пошла тут кутерьма такая,
Что Боже упаси,
Святых вон понеси!
С утра до вечера бранится и дерется,
А мужу бедному всех больше достается.
Как скажет что — беда; беда, коль и молчит.
Пропал сон у него, пропал и аппетит.
Прошло недели три, четыре —
Кафтан день ото дня становится всё шире;
Вот начал уже сам ходить:
Пойдешь и нехотя, как палкой станут бить.
Нашел в супруге он находку!

Куда девалася его вся толщина!
Как раз избавила его от ней жена —
Простыми средствами — и вогнала в чахотку:
Осталась через год лишь тень его одна!

От лишней тягости кто хочет свободиться,
Тому на злой жене советую жениться.

22—23 января 1818

ПРОСТОДУШНАЯ

Параша девушка премилая была;
        В деревне с матерью жила
И вместе с ней хозяйством занималась;
        Скромне́нько, просто одевалась,
        Романов в руки не брала
И кроме «Сонника» других книг не читала,
        А только кружева плела
            Да в пяльцах вышивала.
Исполнилося ей уже семнадцать лет;
            Пора узнать ей свет,
        Пора пристроить уж и к месту.
Приданого ж за ней — большой в Зарайске дом,
        Пять тысяч в Банке серебром
И триста душ. Не правда ль, что невесту
        Такую дай Бог хоть кому...
Хоть предводителю в уезде самому.
        Но женихи в уездах редки:
Сорокины, мои зарайские соседки,
        В девицах всё еще сидят,
А им уже сто лет обеим, говорят.
        По первому пути зимою,
        Лишь начался́ Филиппов пост,
Парашу маменька взяла в Москву с собою,
        И прямо — на Кузнецкий мост.

Там у француженок обнов ей накупила,
Как куколку ее по моде нарядила
И начала учить Парашу танцевать,
Чтоб святками могла в собраньи побывать.
Вот святки уж пришли: Параша выезжает
　　　　И с важной маменькой своей
　　　　Собранья, клубы посещает.
Недели не прошло, явилося у ней
Двенадцать женихов, штаб-, обер-офицеры,
　　　　Большéю частью кавалеры;
Но всех счастливее был ротмистр Пустельгин:
Параше только он понравился один,
И чем же? — черными, поддельными усами.
　　　　Другие были с орденами
　　　　　　И лучше во сто раз,
　　　　Но без усов, так им отказ.
В крещенье Пустельгин с Парашей обручился;
От радости он ум последний потерял;
Всем уши о своей невесте прожужжал.
«По чести, — говорил, — я век бы не женился,
Когда бы феникса такого не сыскал:
Красавица, умна, скромна, тиха, послушна,
И что милей всего, то очень простодушна.
Невинность сущая, а ей семнадцать лет!
Поверьте, что другой такой в столице нет.
　　　　В сорочке, право, я родился!»
　　　　Чрез месяц Пустельгин женился,
И новый сделал в долг себе к венцу мундир;
Невеста множество имела бриллиантов —
　　　　В копейку свадебный стал пир!
　　　　При громе певчих, музыкантов
　　　　Шампанское лилось рекой;
　　　　　　А ужин был какой!
Пять лучших поваров его приготовляли;
Часов в одиннадцать из-за стола уж встали.
　　　　　　Лишь польский заиграли,
Парашу увели — все гости по домам —
За исключением двух самых близких дам.

Вот новобрачную раздели;
Сидит в дезабилье́ на креслах у постели.
Явился в шла́фроке пред ней ее супруг.
Параша бедная краснеет.
Целует он ее — и вдруг
Она, как смерть, бледнеет,
Вся сморщилась, и слезы на глазах.
«Что, ангел мой, с тобой?» — спросил ее муж. — «Ах!
Ах, дурно, дурно мне! нет мочи! помогите!..»
— «Прикажешь каплей, что ли, дать?
Или за доктором послать?»
— «За акушером? да, скорей, скорей пошлите».

[1818]

НЕСЧАСТНЫЙ ЛЮБОВНИК

Ах, до чего любовь нас ни доводит!
Кто не дурачился от ней?
Она и стариков с ума нередко сводит
И губит молодых чувствительных людей,
Тот, слышишь, от любви, как Вертер, застрелился,
Другой зарезался, иной же утопился.
Вот, например,
В княжну Белянкину влюбился
Султанов, молодой, прекрасный офицер,
Богатый: триста душ имел у нас в Рязани,
Четыреста в Орле и восемьсот в Казани,
А век секретарем служил его отец!
Султанов был собою молодец,
Воспитан, лихо одевался,
Прекрасно танцевал;
Одним княжне не показался —
Чин для нее был очень мал:
Поручик, — а она желала
Иметь супругом генерала.

Сыскался генерал, и с лентой и звездой,
Беззубый, правда, и седой, —
Посватался: княжна в звезду его влюбилась
И руку дать ему охотно согласилась.
Жених для свадьбы нанял дом,
Купил себе парик, и эта весть как гром
Сразила юношу. Вот наш любовник бедный,
Нечесаный, небритый, бледный,
Является к своей неверной
И падает к ее ногам.
— «Позвольте, — говорит, — открыть мне сердце вам.
Жизнь или смерть?.. Скажите!»
— «Что, что вам надобно?» — «Ах! только откажите
Сопернику... еще брак можно отменить!»
— «Прошу меня в том извинить:
Уж дело сделано, уж поздно... —
«Коль так, жестокая!..» — вскричал Султанов грозно,
И с словом сим в глазах испуганной княжны
Он шпагу обнажает,
Поспешно к сердцу приставляет,
И вмиг... опять кладет в ножны.

[1818]

СЛУЖАНКА

Беда некстати разболтаться!
В какой-то дом пришла
Служанка наниматься.
— «Скажи мне, душенька, где прежде ты жила?
Что делала?..» — «Жила-с я у моста́ Тючкова,
У маклера Волчкова.
Женат, сударыня, на третьей он жене;
Дочь старшая меня немного помоложе;
Совсем почти уж сед, а приставал ко мне!
Бог знает что сулил, да честь всего дороже!

Я отошла. Потом жила у Покрова́,
У Галкиной. Она вдова;
При флоте здесь служил ее муж комиссаром.
У ней жил мичман бедный... даром...
Племянник — по ее словам.
Уж правда или нет, о том судить не нам.
Хоть беден, но зато и молодец собою!
Ему осьмнадцать лет, а ей уж тридцать пять!
А как она ряба! худа! доска доскою!..
Изволила меня к нему приревновать!
У немца-доктора я после нанялася —
И тут не ужилася:
Муж мот, жена скупа.
Представьте: кофею мне даже не давала!
Да и сама какой пивала?
С цикорием! — Еще жила я у попа;
Немного пил старик; дочь у него невеста.
Скажу, что модница! Зато коса, глупа!..»
— «Прощай, голубушка, ищи другого места».
— «Помилуйте! Да чем я так противна вам?
Сшить, вымыть, выгладить умею,
Всё в доме сделать разумею,
И десять лишь рублей...» — «Полушки я не дам»,
— «Да чем же так я несчастли́ва?
Чем не понравилась?» — *«Болтлива!»*

21—22 ноября 1818

КРЕСТЬЯНИН И КЛЯЧА

«Ну, матушка! О, дьявол! Стала! —
Филат так кляче говорил
В лесу, где дров он пропасть нарубил
И воз престрашный навалил. —
И с места не сошла еще, а уж устала!
Дворянка!.. Я тебе вот дам!» —
При слове сем схватил Филат мой хворостину,

И ею ну возить он бедную скотину
И по спине, и по бокам.
Упала кляча на колени,
Как будто милости хотела сим просить.
Филат неумолим, терпеть не может лени
И продолжает бить.
Приподнялась она тут нехотя на ноги
И кой-как потащила воз.
— «Пошла! Пошла! легко: смотри, какой мороз!»
Но кляча стала вдруг опять среди дороги
И далее нейдет.
Опять Филат ее сплеча дубиной бьет,
Упала бедная и уже не встает,
Не тронется, не шевелится.
Филат, приметя то, дивится.
Посмотрит — кляча умерла.
Как взвоет мой мужик: «Одна лишь и была
Лошадушка — и та вот пала!
Пропала голова моя теперь, пропала!
Чем прогневил тебя, о Господи! Филат?»
А сам, бездельник, виноват!

Уж нечего сказать, крестьяне
Как мучат бедных лошадей!
Не хуже, право, чем людей
В какой-нибудь глуши дворяне.

[1818]

ЛЕВ И ЛИСИЦА

И умному всего предвидеть невозможно;
Но ежели придет беда,
То в случае таком ума терять не должно:
С умом и от беды спасешься иногда.
Лисица от собак в пещеру забежала
И, Льва увидев там, присела, задрожала.

Потрясши гривою, разинув страшный зев:
«Добро пожаловать! — сказал с насмешкой Лев. —
Пора уж, право, и обедать.
Хочу я твоего мясца теперь отведать».
— «О, правосудие небес! —
Вверх голову подняв, Лисица возопила. —
Так точно, правду ты, Зайчиха, говорила:
За грех родителей и детям мстит Зевес.
И я... за мать свою... казнь люту принимаю».
— «Что бредишь ты? Совсем тебя не понимаю».
— «О, государь! Прости мой справедливый страх;
Всё в кратких объясню словах.
В осеннюю однажды пору
К покойной матушке моей
Зайчиха от дождя зашла погреться в нору.
Грех дурно говорить о матери своей;
Но от тебя, монарх, я ничего не скрою
И, как пред Богом, пред тобою
Должна всю истину сказать:
Прожорлива была моя покойна мать.
Пришелицу она мгновенно растерзала.
Та, умираючи, сказала —
Не позабыть мне ввек ее последних слов, —
Сказала: «Будет тот наказан от богов,
Гостеприимства кто законы нарушает
И странников в своем жилище умерщвляет, —
Погибнет он, и весь его погибнет род!»
И подлинно, чрез год
В норе, где мать моя Зайчиху умертвила,
Земля, обрушившись, убийцу задавила».
Лев призадумался. «Пошла, — сказал, — пошла!
Дарю тебе живот». Лисица поклонилась
Его величеству и от него пустилась,
Как и́з лука стрела.

16 февраля 1819

СМЕРТЬ И СТИХОТВОРЕЦ

Уж крепом ночь давно небесный свод одела,
И первые давно пропели петухи.
Все спали, лишь старик Хвастон писал стихи;
Свеча пред ним в ночном шандале догорела,
И в табакерке уж не стало табаку —
Как вдруг нечаянно к седому дураку
Явилась Смерть. Хвастон не испугался.
«Зачем,— спросил ее, — невовремя пришла?»
— «Да за тобой, старик! Ведь ты уж записался...»
— «Помилуй, мать моя! да ты с ума сошла!
В театре здесь меня еще не увенчали,
И в Академии... сказать тебе стыжусь...
Не получил еще я золотой медали.
Тебя, сударыня, я вовсе не боюсь:
Тот жив, бессмертен тот, которого сравняли
С Расином, Депрео, и кто в своих стихах
Сияет, как в день Феб один на небесах...
Дай притчи мне мои поправить и посланья,
Прибавить двадцать, тридцать од,
                Почистить *Россомаху,*
Трагедию мою, — тогда изволь, без страху
Пойду в Елизиум». — «Урод! прямой урод!
Неу́жели тебе писать не надоело?
Смотри, как от стихов твое иссохло тело!
        Пора уж, право, на покой!»
        — «Да разве я старик какой?
Давно ли стал писать? Не будет и полвека!
                А сколько, например,
                Жил Фонтенель, Вольтер?
Я разве хуже их? Такого человека,
        Как я, должна ты пощадить...»
        — «Да ты кого щадил, мучитель?..»
— «Прошу учтивее со мною говорить:
Чрез десять лет за мной ты можешь приходить».
— «Чрез десять лет? Нет, нет, проказник-сочинитель:

Изволь теперь сбираться в путь!» —
«Нельзя ли как-нибу́дь
Отсрочить, матушка, хоть на два, на три года?
Я напишу тебе за это мадригал;
А хочешь, к завтрему еще поспеет ода!
Ранёхонько пошлю в один журнал,
Благонамеренный...» — «Недостает терпенья!» —
Вскричала Смерть и косу занесла.
— «Постой! у ног твоих молю, чтоб ты дала,
Из милости, из сожаленья,
Мне сроку на десять, не более, минут!»
— «На что же? принести в грехах, что ль, покаянье?»
— «Нет, кончить это вот последнее посланье
И эпитафию себе...» — «Прямой ты шут!
Да только о твоей кончине здесь услышут,
То эпитафию тебе, поверь, напишут.
Марш! марш!» — Удар за словом вслед!
И на творения свои упал поэт,
Косою смерти пораженный!
Глаза, в которых огнь поэзии потух,
На стол, где он писал, остались обращенны;
А дух его, бессмертный дух,
Нисшел во области Плутона.
Там, в мрачном Тартаре, тень грозная Хвастона
Читает всем свои стихи.

Не дай Бог в ад теперь попасться за грехи!

4—5 марта 1819

КЛЯТВА ПЬЯНИЦЫ

Филат жене своей с похмелья побожился,
Что пуншу в рот он не возьмет.
Посмотрит ввечеру — чуть жив домой идет.
«Бессовестный! опять напился!

Где был?»
— «У свата Емельяна».
— «Пунш пил?»
— «Нет!.. рому выпил три стакана».

[1820]

СОБАКА И ВОР

Посв[ящается] С. Д. П[ономарев]ой

Вы любите собак — как их и не любить?
Ну есть ли зверь другой умнее,
Усерднее, вернее,
Великодушнее? — Нет и не может быть!..
Собака рада смерть принять за господина.
Не всякая... Но Гектор и Мальвина[9],
Конечно, с радостью умрут за госпожу.
Позвольте, быль одну теперь вам расскажу.

Жила-была собака пребольшая,
Предобрая, презлая;
Ласкала всех своих,
Бросалась на чужих —
И только что бросалась,
А не кусалась,
Затем что на цепи привязана была.
Жизнь пренесчастную вела;
Представьте: бедной есть дни по́ два не давали,
А как начнет визжать — бивали!
Хозяин же ее богатый был купец
Пафнутий Сидорыч Заржавин,
Обманщик, ростовщик, скупец!
Ну настоящий жид, а впрочем, христиа́нин:

---

[9] Имена собак г-жи П[ономарев]ой *(Примеч. И.)*.

Посты он свято наблюдал,
Заутрени не пропускал
И по полушке в день на рубль процентов брал.
Жил у него Степан-работник,
Престрашный до вина охотник.
За пьянство Сидорыч журил его, бранил
И в наказанье не кормил;
Степан же с голоду всё пил —
Пил много, а работал мало.
Вот у хозяина терпения не стало:
Согнал его он со двора,
Отдав ему пашпóрт да гривну серебра
И вычтя сто рублей из договóрной платы.
Что делать? бедного всегда прижмет богатый!
Степан грозил Заржавину судом,
И к надзирателю он с просьбой обратился,
Просил и частного, но толку не добился;
Итак, вздохнув, пошел — куда? — в питейный дом.

Ах, до чего страсть к пьянству не доводит!
Несчастный мой Степан
Напился с горя пьян;
И что ж ему на ум приходит? —
Отмстить хозяину, обворовать его;
А он не воровал ни разу до того.
«Ведь я свое возьму! — Степан так рассуждает. —
Теперь же ночь темна; — ничто не помешает:
Меня Барбоска знает».
Решился и пошел. Уже через забор
Он перелез к Заржавину на двор.
К нам! к нам! — ужасный лай раздался.
Степан к себе Барбоску подозвал,
Погладил, хлебца дал;
А тот замолк и к вору приласкался.
Чтоб время не терять,
Степан стал в узел собирать
Белье, которое тут на дворе висело.
Уж он свое окончил дело

И шел с узлом к воротам смело.
Барбоска за́ ворот его
И оземь — только не кусает;
Тот хочет встать — он не пускает,
Лег на него и лает.
Хозяин прежде всех услышал страшный лай;
Вскочил он с сундука, кричит: «Огня давай!
Вставай, Макарьевна, вставай!
Гаврила, Павел, Карп! вставайте!
Фонарь, фонарь скорей давайте!
Барбоска лает; верно, вор!
Гаврила! Ты возьми запор,
Ты водонос, а ты топор!
Ступайте все передо мною.
Макарьевна, поди и ты хоть с кочергою.
А я за вами с фонарем.
Пойдем, пойдем!»
Пошли — Барбоска пуще лает.
Степан ни жив ни мертв лежит.
Вот вор! Барбоска, усь!..» — Макарьевна дрожит
И кочергу из рук роняет.
«Постой, вот мы тебя! Ребята! бей, вяжи!
Что у тебя в узле? скажи!
Ба! ба! да это наш Степан-работник!
Ах ты, разбойник!
Смотрите-ка, белье всё наше он собрал!»
Степан просить прощенья стал,
И наконец его простили,
Когда порядочно уже поколотили.
Пафнутий Сидорыч Барбоске изъявил
При всех свое благоволенье,
Иль, попросту сказать, его он *похвалил*,
А похвала — большое награжденье!

6 августа 1820, 14—17 апреля 1821

СМЕТЛИВЫЙ ЭКОНОМ

Хемницер говорит: *где сборы,*
Тут и воры!
А я скажу: где есть расход,
Там, верно, и доход
Всегда тому бывает,
Кто деньги выдает или что закупает.
Был у меня один приятель эконом,
Который в пять-шесть лет себе построил дом,
По крайней мере тысяч во́ сто,
А жалованья брал в год триста девяносто
И шесть рублей — за вычетом на госпита́ль.
Покойник умер! Очень жаль!
Мы часто в шашки с ним играли
И пунш пивали.
На свадьбе дочери его попировали
И славно подгуляли —
Шампанским запоил!
«А что, Клим Сидорыч, — я у него спросил, —
Воруешь ты? Скажи всю правду-матку;
Скажи, пожалуйста». — «На что тебе? Ха! ха!
Сам знаешь, кто же без греха?»
— «А много ль в год?» — «Ну, тысяч по десятку,
А может быть, и с лишком два».
— «Вот ты купил теперь дрова...
Почем?» — «По десяти, и то едва-едва
Знакомый уступил; зато дрова какие!
Здоровые, сухие!
Осины нет, всё березняк!»
— «Какую ж цену в счет поставишь ты? Двенадцать?»
— «Избави господи! да что я за дурак!»
— «Неу́жели тринадцать?»
— «Смешон ты право мне!» — «Четырнадцать?
Пятнадцать?»
— «Да, как тебе не так!

По десяти купил, по десяти поставлю;
Знай, никогда в цене полушки не прибавлю.
Но са́жен сот пяток я у себя оставлю».

3 сентября 1821

ВСТРЕЧА ДВУХ ПОДРУГ

Две дамы встретились в рядах.
«Ах!
Прасковья Марковна! вы́ ль это?»
— «Я, Анна Дмитревна; вот нынешнее лето
Из Твери приплыла». — «Ах, Боже мой! лет пять
Мы с вами не видались!
Привел же Бог увидеться опять.
(Тут три́ раза они поцеловались.)
Как рада я!.. Но как переменились вы!
Ужасно похудели!..»
— «И вы не очень подобрели!»
— «Конечно, замужем?» — «Увы!
Четвертый год...» — «А кто супруг ваш?» —
«Крючкотворец,
Советник Праволов; богат, но страх как скуп!
Ревнив!..» — «А у меня и стар, и глуп,
И к этому же стихотворец!»
— «Я взаперти живу, не вижу и людей;
Взгляну ль в окно — и он шумит, кричит, ругает...»
— «А у меня такой злодей:
И день и ночь всё мне стихи свои читает!»
— «Скажу вам: муж мой ведь вдовец;
Он был женат, не знаете ль? на Ленской, —
И уморил ее!» — «А мой-то молодец
Двух жен отправил уж к Смоленской.
Представьте: первая сошла совсем с ума;
В чахотку он вогнал вторую;
Не знаю, право, и сама,
От виршей чувствую тоску такую...»

— «Смотрите! вслед за мной ревнивец мой бежит;
Не даст поговорить мне с вами!»
— «И мой вон тащится!.. Душа так и дрожит...
Ах, боже мой! и со стихами!»
Ревнивец прибежал. — «Парашенька, друг мой!
Как ты замешкалась! Пора, пора домой!
Что ж стала?» — «Не браните;
Я встретилась вот здесь с подругою моей;
Пять лет мы не видались с ней,
А вместе выросли...» — «Как рад я!.. Извините...
Рекомендуюсь вам... имею честь...
Однако же часов уж шесть...»
— «А у меня посланье есть! —
Вскричал, к ним подошедши,
Рифмач седой и сумасшедший. —
Анюта! знаешь ли? тебе я написал
Прелестный мадригал!
Послушай...» — «Батюшка! да постыдись народу
И дай с знакомыми ты мне поговорить».
— «А смею вас, сударь, спросить,
Читали ли вы оду
На погребение Прибыткина-купца?
У холмогорского певца,
Ей-богу, нет такой! Войдемте в эту лавку,
Я оду вам прочту, да притчей пять в прибавку».
Сказал и за́ ворот советника схватил;
А тот хоть изумился,
Но за руку жену с собою потащил.
Народ пред лавкою столпился
И по Гостиному двору прохода нет.
Бессовестный поэт,
Что силы есть, стихи читает,
Жена напрасно унимает,
Купец из лавки выгоняет,
Сиделец головой качает —
Он ничего не примечает,
А всё читает да читает,
И от себя ревнивца не пускает.

Тот всё молчал, молчал,
Но напоследок закричал:
«Ой, караул!» — и побежал.
Рифмач за ним — кричит: *«Держи! держите!*
Я притчей не читал еще, а вы бежите», —
И оба скрылися из глаз.
«Ну, матушка, таких проказ, —
Прасковья Марковна сказала, —
Признаться, я не ожидала.
Мой Петр Кондратьевич ревнив,
Взыскателен, сварлив,
Но всё сносне́й, чем ваш мучитель».

Я сам, к несчастью, сочинитель;
Писать стихи люблю
И уж никак не утерплю,
Чтоб не читать *друзьям* свои стихотворенья;
А бедная моя жена —
Пошли ей, Господи, терпенья! —
Хотя не хочет, но должна
Сидеть и слушать, как читаю басни, сказки, —
Молчит голубушка и только щурит глазки.
Ах! знаю по себе, что всякий метроман
Жены своей тиран.

Ноябрь — 4—5 декабря 1821; 1822

ЗОЛОТАЯ СТРУНА
(Из Патрю)

На лире порвалась струна;
Обыкновенная была она.
Вот навязали вмиг другую,
Однако не простую,
А золотую!
И лира начала блистать.

Но стали как на ней играть,
Не та уже была гармония, что прежде.

Коль именитому невежде
Стул в Академии дадут —
Чего ждать тут?

16 декабря 1821

БЛИНЫ

На Масленице здесь один
Приезжий дворянин
Просил приятеля к себе блинов покушать.
(Не лучше ль есть блины, чем оды, притчи слушать?)
Пришел тот и принес с собою аппетит.
И водка, и икра уж на столе стоит.
Хозяин на людей кричит
И подавать блины велит.
«Скорее ж подавайте!..
Угодно водочки?.. полнее наливайте!»
Вот подали блины —
Чернёхоньки все, сожжены!
«Назад, назад! Я этих есть не стану!
Скажите Куприяну,
Чтобы прислал других,
Да не таких.
Получше... слышишь ли? с яичками, с припёкой!
Скорее ж!» — «Слушаю-с», — сказал лакей высокой,
Ушел, и через пять минут
Блины другие подают.
Блины уж были не такие —
С припёкою! зато прекислые, сырые.
«И этих есть нельзя! Вот, право, грех каков!
Но делать нечего, быть, видно, без блинов!

Хоть хлебца нам к икре подайте!
Селедку, масла, сыру дайте.
Скажу вам, у меня ведь повар золотой!
И предводитель наш такого не имеет;
Готовить кушанья он только не умеет —
Ну, каши не сварит простой.
Но, впрочем, я им страх доволен».
— «Да чем? желал бы знать». — «Ах! как он богомолен!»

17—18 декабря 1821

ТАК ДА НЕ ТАК

В одной губернии был жадный Губернатор,
Без взяток жить никак не мог.
(Давно уж отрешил его наш император,
Да ниспошлет ему за то здоровье Бог!)
Однажды поутру пришел к нему приятель,
Питейных сборов содержатель,
И говорит: «Из Питера сейчас
Я получил письмо; мне пишут, что в Правленье
К вам с той же почтою отправлен уж указ
Сената, чтобы мне отдать за долг именье
Корнета Дурова. Вот делай одолженье!
Наличных у меня взял тысяч шестьдесят!
А за имение дадут ли пятьдесят?..
Но сам я виноват; введите во владенье».
— «Не можно, братец, сделать *так*».
— «Как?
Сенат велел, так сделать должно».
— «Я говорю, что *так* не можно».
— «Помилуйте, Сенат...»
— «Пустое, брат!
Ну, будто ты не понимаешь?
Сам знаешь,
Что ничего нигде не делается *так*».
— «Ах! извините, я дурак!

Забыл вам доложить: ко мне вчера прислали
Из Оренбурга две прекраснейшие шали;
Из них одну...»
— «Да обе уж пришли: я подарю жену,
Другую дочери». — Проситель поклонился
И с шалями чрез пять минут назад явился;
А губернатор тот же час
Послал секретаря в Правленье,
И секретарь принес откупщику указ
О вводе во владенье.
Вот надо делать как!
Хоть так, однако же не *так*.

20 января 1823

МАКАРЬЕВНИНА УХА

Макарьевна уху сварила:
Десятка три ершей,
Налимов двух и двух лещей,
Со стерлядью большой в кастрюлю положила,
Да лу́чку, корешков — и соли не забыла.
Кондрата Козмича с хозяйкой пригласила
И дорогим гостям ушицу подает.
Отведали — но в душу им нейдет.
Что ж так? — Проклятая уху пересолила.

Иной остряк иль *баловень-пиит*
Уж так стихи свои пересоли́т,
Или, как говорят поэты-обезьяны:
Положит густо так *румяны,*
Что смысла не видать.
Охота же кому бессмыслицу читать!

12 февраля 1823

ПЕВЧИЕ

Богатый дворянин, приезжий из Калуги,
Привез в Москву певцов,
Иль певчих — сорок молодцов!
А эти певчие его все были слуги.
Реге́нтом же у них был пожилой гуслист
Срамченко, подканцелярист.
Весь хор глушил один басист,
Лакей Потап кривой, ужасная машина!
Аршин между плечьми, а ростом в три аршина!
На крылосе он был всех выше головой
И за каретою стоял всегда кривой.
Тено́р был первый — псарь Гаврюшка,
Альтист — форейтор, хват Андрюшка;
Дишкантик же солист, осьми не больше лет,
Сиротка, все его Богдашей называли
И одному ему поу́тру чай давали.
Он лучше был других одет
И был любимец господина,
Который содержал его почти... как сына
И в ключницы возвел его родную мать,
Девицу, так лет в двадцать пять.
Вот он в Москве зовет гостей к себе откушать,
Да с тем, чтобы и певчих слушать;
А певчих эдаких — Срамченко уверял —
И в Киеве он не слыхал.
За стол лишь только гости сели —
И певчие запели:
Визжат, ревут, орут,
Так уши и дерут.
Но кончился концерт. — «Понравилось ли пенье?» —
Хозяин говорит с улыбкою гостям.
«Угодно, верно, было вам
Узнать, имеем ли терпенье?» —
Сказал ему один известнейший артист.
«Помилуйте, концерт Бортнянского...» — «Я знаю;

Но певчих-то учил не он...» — «Нет-с, а гуслист».
— «Который в музыке невежда, утверждаю.
Поверьте мне, ваш хор
Вам только стыд, срам и позор.
Бортнянского прекрасны сочиненья;
У ваших же певцов
Нет даже голосов,
Не только что уменья;
Не знают вовсе нот,
И всякий, хочет как, поет».

Не много пользы нам законы доставляют.
Хоть как они будь хороши,
Коль судьи их не понимают. —
А если нет в судья́х ни смысла, ни души?

28 марта 1823

БЕГУН И КЛЯЧА

Однажды — право, вам не лгу —
Я видел — где же? — на бегу,
Зимою экипаж чудесный,
Мой кум, чудак известный,
В большие о́бшивни нарочно заложил
Залёта, рысака лихого,
Красивого и молодого;
А *Сивку,* старого, хромого,
Который и воды лет пять уж не возил
И ростом с ко́зу был,
Припряг он тут же на пристяжку.
«Смотрите, — говорил, — свернется как кольцом!»
Сам, набекрень надев фуражку
И в руки вожжи взяв, сел в сани молодцом.
Народ вокруг него толпится;
Кто лишь ни взглянет, удивится.

Один плечами жмет,
Тот улыбается — *Залёт* копытом бьет.
Вот наконец мой кум пошевелил вожжами —
Залёт летит, как вихрь; а *Сивка* — вверх ногами!
Вмиг на́ бок о́бшивни, оглобли обе вон.
Что ж Кум? — упал, бедняжка, он;
Но встал, встряхнулся
И усмехнулся.
— «*Залёт,* — сказал, — домой, я знаю, прибежит».
— «Да ты совсем ума рехнулся! —
Ему Тит Карпыч говорит, —
Как можно *бегуна* запрячь и *клячу* вместе?» —
На это кум ему в ответ:
— «Ступай-ка, дедушка, ступай к своей невесте!
На голове волос, во рту зубов уж нет;
А хочешь, старый хрыч, жену взять в двадцать лет!»

[1823]

ПРИКАЗНЫЕ СИНОНИМЫ

Какой-то человек имел в приказе дело.
Он прав был и богат; и так, взяв денег, смело
К секретарю ранёхонько идет,
Челом ему, а сам мошонку вынимает
И перед ним на стол крестовики кладет.
Тот, бросивши перо, просителя сажает,
Но с денег сам не сводит глаз.
— «Вчерашнего числа в приказ
Я подал, батюшка, прошенье...»
— «Читал его, ты прав! всё знаю!» — «А решенье
Когда последует? осмелюся спросить».
— «Да стоит только *доложить*...
А там и в город свой ты можешь убираться,
Чем здесь напрасно проживаться».
— «Счастливо ж оставаться!» —

Проситель через день пришел опять в приказ:
«Что ж, батюшка, указ
По делу моему? Когда б сегодня можно...»
— «Ведь я сказал тебе, что *доложить* мне должно». —
Проситель принужден был с месяц тут прожить
И слышал то ж да то: *лишь только доложить*. —
Не знал что делать челобитчик;
Но сжалился над ним повытчик.
— «Ну полно, не тужи, —
Шепнул он так ему, — всю правду мне скажи,
Что дал секретарю?» — «Да двадцать пять целковых».
— «Ну так десяточек еще ты доложи,
Да мне пять рубликов. Учи вас, бестолковых!
Не смыслите, что *доложить*
Все то же, что и *приложить*.
Фунт чаю взять еще с тебя за объясненье!»
Истец исполнил всё тотчас,
И на другой же день как раз
Поспел экстракт, определенье,
И выдали ему указ.

[1823]

ЛГУН

Павлушка *Медный лоб* — приличное прозванье! —
Имел ко лжи большое дарованье;
Мне кажется, еще он в колыбели лгал!
Когда же с барином в Париже побывал
И через Лондон с ним в Россию возвратился,
Вот тут-то лгать пустился!
Однажды... ах, его лукавый побери!..
Однажды этот лгун бездушный
Рассказывал, что в Тюльери
Спускали шар воздушный.

«Представьте, — говорил, — как этот шар велик!
Клянуся честию, такого не бывало!
С Адмиралтейство!.. Что? нет, мало!
А делал кто его? — Мужик,
Наш русский маркитант, коломенский мясник,
Софрон Егорович Кулик,
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это летом в ночь,
В день именин Наполеона.
На шаре вышиты герб, вензель и корона.
Я *срисовал* — хотите, покажу?..
Но после... слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шаре посадили
Пять тысяч человек стрелков
И музыку со всех полков.
Все лучшие тут виртуозы были.
Приехал Бонапарт, и заиграли марш.
Наполеон махнул рукою —
И вот Софрон Егорыч наш,
В кафтане бархатном, с предлинной бородою,
Как хватит топором —
Канат вмиг пополам; раздался ружей гром —
Шар в небе очутился
И вдруг весь газом осветился.
Народ кричит: «Diable! Vive Napoléon!
Bravo, Monsieur Sophron!»[10]
Шар выше, выше всё — и за звезда́ми скрылся...
А знаете ли, где спустился?
На берегу морском, в Кале!
Да, опускаяся к земле,
За сосну как-то зацепился
И на суку повис;
Но по веревкам все спустились тотчас вниз;
Шар только прорвался и больше не годился...

[10] Дьябль! Вив Наполеон! / Браво́, мосьё Софрон! (*фр.*) — Черт возьми! Да здравствует Наполеон! Браво, господин Софрон!

Каков же мужичок Кулик?»
— «Повесил бы тебя на со́сну за язык, —
Сказал один старик. —
Ну, Павел, исполать! Как ты людей морочишь!
Обманывал бы ты в Париже дураков,
Не земляков.
Смотри, брат, на кого наскочишь!..
Как шар-то был велик?»
— «Свидетелей тебе представлю, если хочешь:
В объеме будет... с полверсты».
— «Ну как же прицепил его на со́сну ты?
За олухов, что ль, нас считаешь?
Прямой ты *Медный лоб*. Ни крошки нет стыда!»
— «Э! полно, миленькой, неу́жели не знаешь,
Что *надобно прикрасить иногда»*.

15 сентября 1823

РОЗА И РЕПЕЙНИК

Репейник возгордился,
Да чем же? — С Розою в одном саду он рос!

Иной молокосос,
Который целый курс проспал и проленился,
А после и в писцы на деле не годился,
Твердит, поднявши нос:
«С таким-то вместе я учился!»
— «Хорош тот, слова нет; ему хвала и честь,
Да что, скажи, в тебе-то есть?»

[1823]

МАЧЕХА И ПАСЫНОК

У Мачехи был Пасынок, ребенок
Лет двух иль трех, не более того.
Удобрилась она однажды до него
И молочка дала. — «Ну, трескай, постреленок!
И ложки-то держать не можешь ты, урод!
Подай... разинь же рот.
Вот за грехи корми из рук своих чертенка,
Как будто бы цыпленка,
И нянчись с этаким большим!
Смотри: весь облился́!» — Тут ложку обернула
И ею в глаз так ткнула,
Что сделала навек кривым.

Не оттого ль у нас пословица взялась:
Хоть кормят ложкою, а стеблем колют глаз?
Есть благодетели, которые над нами
Хотят всегда быть господами
И точно как слугу трактуют бедняка.
Ах, лучше не хлебать век целый молока,
Но быть с обоими глазами!

[1824]

КУЛИК-АСТРОНОМ

«Кулик велик! Кулик
Велик! Кулик велик!» —
Так хрюкала в лесу Свинья, или Веприца,
Большая мастерица
И врать,
И жрать.
— «Да полно же тебе! — сказала ей Лисица. —
Что клеплешь ты на Кулика?
Чем эта птица велика?

Лишь только нос большой, как у кастрюли ручка;
А сам он что за штучка?
Ты, видно, спятила, Хавроньюшка, с ума».
— «Ах ты, безбожница-кума!
Да знаешь ли, Кулик мой — *гений-самоучка*,
Великий астроном!
Что перед ним мясник коломенский Пахом!
Кулик мой, по своей охоте,
Весь день и ночь всё на болоте...»
— «А что же делает он там?»
— «На кочку с кочки он, мой миленький, летает
И звезды носиком считает;
А астрономии ведь выучился сам,
Не зная грамоте, и по одним звездам
Всё, всё тебе расскажет
И что где есть покажет.
Однажды указал мне кучу желудей...»

Есть свиньи из людей,
Которые невежд хвалами превозносит,
Да за́ это у них чего-нибудь и просят.

22 февраля 1824

СЛОН И СОБАКИ

Брылан, задорный беглый пес,
С большой Свиньей схватился,
Возился с ней в грязи, возился,
Свиною кровью обагрился,
Всю Сви́нью искусал, прогнал и... поднял нос.
«Знай, наши каковы кусаки! —
Сказал он ей. — И век Брылана поминай!»
Возрадовались все его друзья Собаки.
«Ай! ай! —
Визжит, вертя хвостом,

Брех, пудель сухощавый. —
Покрыл себя, Брылан, ты славой!
Ай, ученик! Ай, друг!
Прославил ты наш круг!»
— «Ай, ай! Брылан! ай! ай!» — кричат тут и щенята.
— «Хвала, свиной герой!» — «Послушайте, ребята! —
Брылан преважно возгласил. —
Чуть-чуть я у Свиньи хвоста не откусил.
Когда же сладил со Свиньею,
Примусь и за Слона.
Ну что, в родню хоть толст,
Да не в родню, быть может, прост.
Друзья! за мной!
Я знаю, Слон идет теперь на водопой.
Марш на Волынский двор!»
За ним все побежали...
Увидели Слона, смешались, задрожали,
Попятились. — «Стой, толстый, стой! —
Кричит Брылан. —
Как смел обидеть ты дворняжку?»
— «Какую?» — «Завирашку!
Проси прощения; не то, брат, на дуэль.
Заставлю пролежать в сарае пять недель».
— «Да отвяжись, чего ты хочешь?
Не прыгай высоко, ведь на клыки наскочишь».
— «Что пред дворняжкою ты виноват, скажи,
И всею правдою в неправдах нам служи:
Велим ли проучить кого, так размозжи;
Кого лизать — лижи».
— «Лизать?» — Вот Слон тут осердился,
Брылана хоботом схватил,
Через решетку вмиг его в канал спустил,
И где же? — в полынье, каналья, очутился!..
А Пудель?.. На язык хотя он и остер,
Но немец так хитер,
И совестней притом: нет, он не горячился
И впереди щенят бежать назад пустился.

Хоть как собака ни сильна,
Но где ей укусить Слона!
Беда, когда дойдет до драки;
Не трогайте ж Слонов, Собаки!

2 апреля 1824

СОБАКА И СЕКРЕТАРЬ

Вот Софьи Дмитревны не стало!
И Гектор стал совсем другой,
Уж не такой,
Что был при ней. Бывало,
Ни на кого он не глядел
И, кроме барыни, других знать не хотел,
Хлеб белый нюхал, а не ел!
К одной лишь госпоже ласкался,
На слуг и на гостей рычал,
Поэтов-баловней — и тех не отличал!
Всё по диванам он, как граф какой, валялся!..
Но после Масленой всегда приходит пост...
Теперь Гектóр, поджавши хвост,
Лежит — но только не в диванной.
А где же? В кухне, на полу,
В углу,
И без подушечки сафьянной.
Поверят ли тому? Хлеб черный начал есть!
«Гектóрка!» — скажет кто — ему и это в честь.
Уже *Гектóринькой* его не называют,
Уж на диван его, на креслы не сажают
И *кушаньки* ему невовремя дают.
Кому его кормить? — Слегла в постель Варвара,
Залай лишь только он — того и жди удара.
О варвары! Гектóра бьют
Не розгой тоненькой, как барыня бивала,
А чем попало!

Не возвратить ему счастливых прежних дней!
О госпоже своей и день и ночь он тужит.
Что более ее не видит, ей не служит.
О Гектор! не один жалеешь ты об ней!

Имел я честь знать барина большова[11],
Который был не так умен,
Как Софья Дмитревна Пономарева,
Но горд — как фараон.
На старости он был влюблен
В секретаря; а тот был Гектора умнее,
Однако не честнее:
Не только что с чужих — и с родственников брал.
Поклонится ему, бывало, генерал —
Он на него почти не взглянет,
А милость — говорить коль станет
И за руку возьмет; ходил, поднявши нос,
И, Господи прости! как пес,
На бедных всех просителей кидался,
Облает всякого, лишь только не кусался.
Так вел себя он до того,
Пока начальника его,
Вельможу гордого известнейшей породы,
Уволили на теплы воды;
Секретаря же, подлеца,
Изо дворца
Препроводили в караульню.
Тут вспомнил фаворит цирюльню,
В которой некогда учился кровь бросать,
Пока он не умел еще ее сосать.
В уединеньи, в заточеньи
И в сильном огорченьи
Что делать, как не пить?
И так он пил, для подкрепленья духу,
Сперва шампанское, там ром, а там сивуху —

---

[11] Не верьте: это уже не быль, а сказка — впрочем, нравоучительная *(Примеч. И.)*.

И той не всякий день, к несчастью, мог купить!
И трезвый он и пьяный всё сердился.
На гауптвахте тут с полгода просидел;
Потом освободился
И *находился*
До самой смерти *не у дел.* —
Никто об нем не пожалел.

Временщики! временщики!
Не забывайтесь, не гордитесь —
И если вы не дураки,
Учтиво, ласково со всеми обходитесь,
Поверьте — гордые хоть поздно, но падут,
А добрые нигде не пропадут.

1824

ЧЕРНЫЙ КОТ

Посв[ящается] А. Я. Н[икольской]

Вы любите Кота?
Любите: он ведь сирота,
Малюткой вам еще достался;
Кто подарил его, тот с жизнию расстался.
Отличен всем ваш Кот: умом и красотой,
Пленяет взоры он своею пестротой.
Какая белизна с блестящей чернотой!
Гордяся быть у вас слугою,
Как важно спину он сгибает вверх дугою
И, ластяся вкруг вас, *мурлычет и ворчит.*
Как мил, когда против дивана,
Свернувшися клубком, он на шкафу лежит
И, шейку приподняв, по временам глядит,
Как госпожа его сидит
За нотами у фортепьяна;

Огонь блестит в его глазах;
Игрою вашей очарован,
Лежит, как будто бы прикован,
Не думает и о мышах.
Да ест ли он мышей?..
Он вами избалован;
Шерсть лоснится — так он жирен.
А, нечего сказать, прекрасен и умен!
Коты и все умны, но только лицемеры.
Я знаю многие примеры.
Сказать ли сказку вам про черного Кота,
Который уж в преклонные лета́
В молоденькую мышь влюбился
И чуть-чуть жизни не лишился?..
Кот этот был злодей;
В амбарах, в погребах его все трепетали
И усачом его Арабом называли;
Жестокосердием превосходил судей
В республиках во время бунта —
Хотя говядины ел каждый день полфунта,
Но всё мышей, и крыс, и воробьев ловил,
Ловил — да и давил.
Однажды Мышку он увидел молодую,
Такую
Прелестную, какой ни разу не видал, —
Увидел — изумился,
Глазами засверкал
И по уши в нее влюбился
На старости мой черный Кот.
Подвластны все любви — и человек и скот.
Хотел Кот броситься пред Мышкой на колени,
Но та бегом, бегом из комнаты да в сени,
И в норку юрк.
Простерся Кот перед норою,
Лежит гора горою.
«Виновница моих смертельных мук! —
Он мышке говорит, вздыхая
И лапу в нору запуская. —

Люблю, люблю тебя — дай на себя взглянуть...
Я честный Кот, все кошки это скажут,
И боги пусть меня накажут,
Коль я хочу...» — «Я не хочу! —
Из норки Мышь кричит Арабу-усачу. —
Ну не хочу и не хочу!»
Поджавши хвост, повеся вниз головку,
Пошел Кот бедный прочь;
Опять пришел назад, провел у норки ночь;
Не только говорил — и плакал; но плутовку
Никак не мог он убедить,
Чтоб вышла, показала глазки;
Напрасно было всё — как слезы, так и ласки.
Решился наконец ее он подарить
И говорит: «Послушай,
Вот, милая, тебе ветчинный свежий жир,
Голландский лучший сыр,
Конфекты... Я уйду, ты без меня покушай».
Сказал, дары свои у норки положил,
Вздохнул и скрылся.
Назавтра Кот опять с гостинцами явился,
И с месяц каждый день к жестокой он ходил,
Чего он ей ни говорил,
Чего, чего ни приносил,
Но тщетно всё — любить его Мышь не хотела,
Или хотела, да не смела.
А Кот
Совсем уж стал не тот:
Разбоем он не занимался,
По крышам, чердакам, амбарам не таскался,
Мышей и крыс не ел,
Ужасно похудел,
Чуть ноги волочил и так, как тень, шатался.
К возлюбленной его о том дошла молва.
Неопытная удивилась;
От жалости едва-едва
Она не прослезилась;
Но на свидание с зубастым не решилась,

Хотя и слышала, что скоро он умрет.
Вот наконец приходит к норке Кот. —
Чуть дышит! В чем душа! Совсем доска доскою!
«В последний раз тебя, мой свет, я беспокою, —
Так говорит губитель прежний крыс. —
Ты на меня не осердись —
Грешно и на врагов пред смертью их сердиться, —
Пришел с тобою я проститься.
Что делать, если я любимым быть не мог;
По крайней мере, я умру теперь у ног
Твоих... Прости!..» — С сим словом протянулся.
Лежит час, два — не смеет и дохнуть.
Вот Мышке вздумалось на мертвеца взглянуть;
Из норки выползла... поближе... Кот очнулся,
Как тигр, на бедную прыгну́л,
Когтями так ее давнул,
Что только пикнула — *и поминай как звали.*
С отчаянья, с печали
Не знал что делать Кот.
Вот Мышку в зубы он берет,
Потом перед собой кладет... —
Глядит, как сибарит на статую Венеры;
Глядел, глядел,
Да всю и съел, —
Опять стал есть мышей, опять он растолстел.
Всего противней мне Тартюфы-лицемеры!
О, как бы я был рад,
Когда бы поскорей они попали в ад!

[1824]

СВЕКРОВЬ И НЕВЕСТКА

«Стыда в тебе нет, молодица! —
Невестушку свою журила так свекровь,
Шестидесяти лет вдовица,
Которая давно забыла уж любовь

И только лишь себя да водочку любила,
Пила, бранилась, девок била. —
Сегодня середа!
А что ты делала?» — «Что?» — «С мужем целовалась!
Поу́тру давеча к светлице я подкралась;
Всё видела в замок!» — «Ну что же за беда?
Ведь с мужем, не с чужим: так в этом нет стыда!»
— «Да, греховодница, сегодня середа!
Дивлюсь, как не болят у вас, проклятых, губы!
Без поцелуев им зимою как без шубы!
В чем сласть нашли?» — «Да что твой мед!»
— «А я так третий год,
Голубушка моя, вдовею;
Вот не целуюсь, а жива!
Да и в замужестве была я такова!
Не вешалась Пахомычу на шею.
Скажи, видала ль ты когда,
Чтоб мы с ним целовались?
Об Масляной... Святой... да разве вот тогда,
Как помири́мся с ним... а редко ведь дирались!»
— «Да полно, матушка-свекровь!
Ведь мы с Панкратьичем вам не мешали драться;
Так не мешай нам целоваться,
Когда Господь нам дал совет, да и любовь.
Состареемся мы и перестанем сами
Друг дружку целовать».

Увы, проходит всё с лета́ми!
Нельзя век в куклы нам играть,
Нельзя век целый танцевать;
С лета́ми всё, всё оставляем,
И что любили мы, в других то осуждаем,
А осуждать грешно, —
Но осуждать любовь грешно, да и смешно.

[1824]

ФАДЕЙ С ФОНАРЕМ

Лихой был в старину у нас боец кулачный,
Фадей *Чугунный лоб,* мужик не так-то взрачный.
Он, правда, силы не имел
И биться не умел;
Зато был очень смел.
Идет Фадей однажды с бою,
Повеся голову. — «Ай, ай! —
Кричит, с ним встретившись, насмешник Николай. —
Что сделалось, Фадей, с тобою?
Добро бы ночью, а то днем
Идешь ты с фонарем!»
— «Да бились мы теперь вдвоем».
— «С кем?» — «С Александром-Колотушкой».
— «О, это, брат, ведь не с Павлушкой!
Недолго с ним и до беды!
Да ты как будто из воды!
Мокрёхонек, как мышь!» — «Я на Фонтанке бился,
Погорячился, оступился,
Упал
И в полынью попал».
— «Ну, славно ж в полынье, Фадей, ты окрестился!
Смотри же, почитай, брат, крестного отца».
— «Не ставлю я его совсем за молодца
И за кулачного бойца.
Счастли́в он, что на льду вдруг так я поскользнулся,
А то бы у меня сам перекувырнулся».
— «Однако ж каково теперь твоим бокам?»
— «И Колотушкиным досталось... кулакам!
Распухли, чаю!
Беда ему, когда его где повстречаю!..»
— «В другой-то раз
Побереги другой свой глаз».
— «Подбей он: я его вот та́к и... *обругаю*».

14—15 апреля 1824

ДУРА ПАХОМОВНА

«Не дай Бог с дураком связаться», —
Сказал Иван Андреевич Крылов.
А с дурою?.. Могу признаться,
Что дура во сто раз опасней дураков,
И тем опасней, чем моложе,
Красивее, лицом пригоже.
Боюсь дур молодых, пригожих не люблю,
А старых и дурных, ей-богу! не терплю.

Пахомовны-старушки сын,
Не помню города какого мещанин,
Который некогда был где-то маркитантом,
Решился сделаться... бумажным фабрикантом!
Весь нужный инструмент достал
И по ночам работать стал.
На пробу сделал он синюшку
И матушку свою старушку
Послал бумажку разменять.
Та в лавочке и разменяла,
Хоть в деньгах счет не так-то знала,
Да и на что старухе знать?
Вот мастер наш прилежно работает,
Бумажки всё приготовляет,
А матушка меняет,
И разменяла так она бумажек шесть.
Знать надобно б и честь,
Нет, дай седьмую ей принесть.
«Откуда, старая, бумажки ты таскаешь? —
Воскликнул лавочник Егор. —
Где взять тебе? Твой сын и пьяница, и вор.
Уж не фальшивые ль бумажки ты меняешь?»
— «Фальшивые? Что ты, козлина борода!
Мой сын *сам* делает бумажки...» — «Сам?» — «Да! да!»
Плохая вышла шутка!
У лавочки стояла будка.

«Фадеич! — лавочник с испуга закричал, —
Сюда!..» — и за́ ворот старуху крепко взял.
Явился в лавочку Фадеич с миной важной,
С секирою, в броне сермяжной.
Он грамоте немножко знал
И ассигнацию фальшивою признал.
Мгновенно учинил свое распоряженье,
Чтоб мастер с фабрики куда не ускользнул,
Пахомовну раз пять ругнул,
А к надзирателю отправил доношенье.
Потом к Пахомовне гурьбою в дом пошли
И за работою сынка ее нашли;
Веревкой обои́х рука с рукой связали;
На съезжую с триумфом отвели,
Судили, наказали —
И слезы тут не помогли!
А бедная уж выла, выла,
Что сдуру и себя, и сына погубила.

28 и 30 мая 1824

СУДЬЯ ФАДЕЙ

Нет, не было еще такого из судей,
Каков был в старину *Чугунный лоб* Фадей:
Цыгане все ему в бесстыдстве уступали!
Служил он в коннице, как ротмистр Брамербас,
И из конюшни вдруг переведен в Приказ!
Как в старину места давали!
Однако же Приказ не то ведь, что Парнас!
И на Парнасе здесь кого мы не видали?
Фадей
Не из ученых был людей,
Не так-то грамотен; в Приказе ж был подьячий
Подьячий с приписью, искусник, сын собачий!
Знал все крючки, но не был смел;

Блудлив, как кот, труслив же, как зайчишка,
Подьяческая так душишка!
И потому один не мог он делать дел.
Подьячий походил на хитрую собаку,
Которая исподтишка
Кусает, а не лезет в драку,
Чтобы не потерять ушкá.
Фадей же сдуру лез всегда, как конь в атаку.
Но, впрочем, был он не дурак:
Судил почти всегда вот так:
«Как смел ты вопреки закону
Для церкви поправлять икону?» —
Он подсудимого в присутствии спросил,
А подсудимый сам иконописец был.
Тот отвечает смело:
«А мне какое дело?
Отец Василий мне икону эту дал;
Так я ее и подновлял».
— «Добро бы подновлял ты краски,
Зачем, скажи, переменял?
Такие ль были прежде глазки?
Такой ли носик?» — «Нет, уж слишком мал был нос;
Так я его прибавил:
Один глаз был велик; так я его убавил,
Да и спрямил, чтобы угодник не был кос».
— «А знаешь, сказано, что *аще кто прибавит*
Или убавит,
Да будет проклят тот!»
Вот как Священное писанье понял скот!
— «Помилуйте!..» — «Ни слова больше!
Вот я тебя уйму!
В тюрьму!
Я знаю, как судить: ведь я и вырос в Польше!»
Избави, Господи! нас от таких судей,
Каков безграмотный *Чугунный лоб* Фадей!

30–31 мая 1824

ДВА ПОПУГАЯ

Что напишу в альбом двум умницам девицам,
Родным между собой сестрицам?
По мадригальчику? — Нет, нет!
Нет, молоды еще! И старшей много ль лет? —
Что в мадригалах? — Лесть пустая!
И, право, мудрено талант в них показать.
Не лучше ль сказочку сказать?..
Послушайте ж: два были Попугая:
Один — Жоко́,
Другой — Коко́.
Двум милым барышням они принадлежали,
И барышни их баловали:
Нередко у сестриц
На ручках видели обеих птиц;
Они легохонько чесали им головку
И знали всю сноровку,
Как их заставить закричать,
А после замолчать.
Раз двадцать в день иной к их клеткам подходили,
Бисквиты, сахар приносили...
Но вдруг они свои визиты прекратили.
— «Коко! Коко! —
Вскричал, нахохлившись, Жоко, —
Вот барышни-то нас совсем и позабыли!
Непостоянницы!..» — «Дурак! —
Коко сказал на это так, —
Как благодетельниц ты наших обвиняешь!
Да разве ты не знаешь,
Что барыня больна?
Почти уж две недели
Лежит без памяти, не говорит она;
Так барышни сидят всё у ее постели.
Наш барин, вице-адмирал,
И тот в коллегию уж ездить перестал.
Вот он смерть на морях видал,

Да так, как ныне, не боялся.
Уж Арнд — не мастер ли лечить? —
И тот едва не испугался.
Дай Бог, чтоб он ее болезнь мог облегчить,
Чтобы она была по-прежнему здорова,
И счастие, покой появятся здесь снова.
Авось услышит Бог мольбы ее детей
И нежного супруга
И сохранит для них супругу, мать и друга?..
А ты на барышень роптать никак не смей.

Нравоучение в прибавку:
Чтобы оправдывать или чтоб обвинять,
Потребно выслушать всю справку
И хорошо ее понять.

Эпилог

Конечно, барышни, усердно вы молились
И Бог услышал вас,
Что маменьку вам спас.
О, если б вы ее лишились —
Тогда б, тогда...
Неизъяснимая была для вас беда!
Что в вашем возрасте всего, всего нужнее
Девицам? — Умная, чадолюбива мать.
А вашей маменьки быть можно ли нежнее,
Добрее и умнее?
Старайтесь же во всем ее вы утешать.

[1825]

СТРЕЛКИ

«Что у тебя, брат, глаз завязан?»
— «За шалость я свою наказан».

— «Как?» — «Отличиться захотел
И окривел».
— «Каким же образом?» — «Стрелялся,
Да вот без глаза и остался».
— «С кем?» — «С Джоном Портером». — «О, знаю молодца!
Не тратит попусту свинца».
— «Да так ли я, как он, стреляю!
Я в десяти шагах в туз пулей попадаю.
Прицелился ему прямёхонько я в лоб...
Хлоп!..»
— «Убил его? Он повалился?..»
— «Нет, милой, нет:
Вдруг разорвало пистолет...
Вот грех какой случился!
А он и рад тому, спустил курок тотча́с
И пулю посадил мне в глаз.
Уж есть чем хвастаться! В три четверти аршина
Был пистолет его! Ведь экая машина!
И пистолет притом какой?
Отменный! В Англии сто фунтов стоит пара,
А у меня дрянной такой,
И тот взял, знаешь ли, у казака Макара,
Который из него лет восемь не стрелял,
Не чистил, в сырости держал;
А вычистить его я сам не догадался.
Теперь мне пистолет чудеснейший попался,
Звал Джона я опять; но нет, плут отказался.
Не знаю, как отмстить. Скажи, брат, научи,
Что делать мне теперь? — «Что делать?.. Глаз лечи,
Да и пожалуйста, молчи».

Август 1825

ПОМЕЩИК И УПРАВИТЕЛИ

Помещик Вякалкин хозяин славный был;
В своих владениях лет двадцать сряду жил,

И управлял он сам своими деревнями;
В одной деревне погостит —
Глядишь, где и не ждут, в другую прикати́т,
И чуть что где не так — разделка со спина́ми.
О, Влас Перфильевич был строгий человек,
Не баловал крестьян и старост больно сек.
В деревне прожил бы он, может быть, весь век;
Но страсть к одной, в Москве воспитанной, девице
Заставила его пойти опять служить;
Женился он на ней, да и остался жить
С женою молодой, с родней ее в столице;
А в отчины свои послал
Пять управителей и строго наказал,
Чтобы в теченье года
Семь тысяч каждый дал, не менее, дохода.
И отчины могли такой доход давать;
Уж как Перфильичу не знать?
В деревне взрос сам с борода́ми,
И арендатором он был бы меж жидами.
Проходит год,
И каждый управитель шлет
И деньги, и отчет.
Что ж пишет первый управитель? —
«Отец и покровитель!
Служить вам верою и правдою я рад;
Но прошлого весною
Червь яровое съел, а летом сильный град
Побил озимое — власть ваша надо мною!
Вот выручили, что могли:
Три тысячи сто двадцать три рубли».
Другой же в рапорте нижайше изъясняет:
«Уж я ль служить вам не хотел?
Да волей Божией овин зимой сгорел...»
Пять тысяч с сотнями он только посылает.
А третий пишет так: «Хоть уродилась рожь,
Но скотский-де теперь у всех дворян падёж,
И все лишилися кура́жу,
Что не на чем возить хлеб в город на продажу...

Однако продал я, что мог».
Две тысячи пятьсот приходу весь итог.
Четвертый полного дохода
Не мог дать потому, что умер вдруг Увар,
Первейший винокур, который был хоть стар,
Но был главой, душой завода
И в уважении у пьющего народа.
Без действия завод стоит,
Казенная ж палата настоит
О выставке вина, и строго;
Купили у других — убытка вышло много.
Во всякой отчине напасть!
Что делать? Божья власть!..
Но пятый Бога, знать, боялся
И так о выгоде господской постарался,
Что *десять тысяч* выслал вдруг!
Не управитель это — друг!
Перфильич рассердился
На первых четверых.
«О, воры! я вот их!» —
За ужином он так проговорился.
Но воры ведь не без родни,
Не без друзей — не дураки они;
Хоть хоронить концы и не всегда умеют,
Но покровителей, заступников имеют.
И у Перфильича защита есть плутам,
А всё от дам:
Старушка-ключница Марина,
Христина-нянюшка, кормилица Ирина,
Шутиха пьяная, любимица Макрина —
Все, со слезами на глазах,
Идут к Перфильичу — и в ноги чебура́х,
Лишь только выходить хотел он из столовой.
— «Простите, батюшка, Петра:
Родной мне внук!» — «Матвей мне брат крестовый».
— «Ивану Дудкину, кормилец, я сестра».
— «Егор мне, барин, кум». — Все вдруг заговорили
И хором все завыли.

Как не разжалобить и в жалость не привесть?
И у Перфильича ведь также сердце есть...
Для слуг и для родных. — Он, рассмотрев отчеты,
Вздохнул, присел к бюро —
И за перо.
Вот циркуляр его работы:
«Приемля в уваженье, —
Так пишет к первым четверым
Плутам приказчикам своим, —
Несчастье, невзначай постигшее именье,
Рекомендую, чтоб на следующий год
Безотговорочно был собран весь доход».
А пятому он дал, конечно, награжденье?
Терпенье, господа, терпенье!
На награждение не так Перфильич скор.
Он к пятому послал такое отношенье:
«Хоть у тебя и перебор
И больше продано, чем прежде, ржи, пшеницы,
Но чечевицы
В продаже вижу я лишь на сто шестьдесят,
А за год перед сим на двести пятьдесят;
Тогда ж и цены были плохи.
Нет, видно, есть в тебе, брат, блохи...
Да я их выгоню — не позабудь того!»

Каков Перфильевич?.. Повесил бы его!

10 апреля 1826

ГОРДЮШКА-КНИГОПРОДАВЕЦ

Был здесь давно один мерзавец
Гордюшка, плут книгопродавец.
По честности и по уму
Вином бы торговать ему
В какой-нибудь корчме, и то не христианской —
В жидовской иль магометанской.

А походил он на жида!
Без совести и без стыда
На белый свет родился,
Рад удавиться и за грош;
А впрочем, всем он был хорош;
Немножко грамоте учился,
Мог двоеточие от точки отличить,
Мог объявление о книге сочинить,
Любил для барышей душой литературу,
В «Оракулах» держал всегда сам корректуру;
Ученых пьяниц он погодно нанимал
И компиляции в свет с ними издавал.
Жаль, не писал стихов Гордюшка!
Одна почтенная старушка
По смерти мужниной вдруг в нищету пришла;
Что было лишнее, кой-как распродала,
В ломбард иное заложила;
Одну лишь комнату топила —
Так берегла дрова
И деньги бедная вдова.
Занемоги она еще весной ненастной —
Как быть?
Лекарства не на что купить.
Но добрый лекарь частной
Старушке страждущей помог.
Да наградит его сам Бог!
А Он всегда тех награждает,
Кто бедным вдовушкам охотно помогает.
Узнал торгаш Гордей,
Что после мужа есть шкап целый книг у ней.
Вот он к больной приходит,
В постели бедную находит
И говорит: «У вас, я слышал, книжки есть...
Хоть торга книгами не можно нынче весть...
От книг так плохи авантажи,
Что лучше продавать, поверьте, калачи...
Но на комиссию я взял бы для продажи;
Позвольте посмотреть». — Дают ему ключи.

Вот шкап он отпирает —
Шкап книгами набит.
Гордюшка их перебирает.
На титулы глядит,
Понюхает иную,
То улыбнется плут,
То рожу сделает такую,
Как будто долг с него берут.
Смотрел, глядел час целый,
В затылке почесал;
Потом с осанкой гордой, смелой
Презрительно сказал:
«Хоть счетом книг и много,
Но разобрать коль строго,
Так мало тут добра.
Ну что? „Деяния Петра“,
Да Ломоносова, Державина творенья,
И Дмитриева сочиненья,
Жуковского, Карамзина —
И только ведь из русских!»
— «А сколько, батюшка, зато здесь книг французских,
Латинских, греческих?» — «Да все ведь старина!
Расина, Боало, Корнеля всяк имеет;
По-гречески ж не всякий разумеет.
А, правду молвить, и латынь —
Хоть кинь!
Народ наш деловой, торговый и вои́нской —
На что же нам язык латинской?..
Однако, так и быть,
Рад всё у вас купить,
Коль сходно отдадите.
Ну, много ли, сударыня, хотите?»
— «А сколько б дали вы?» — «Да что вас обижать?
Извольте: дам я... *двадцать пять*».
— «Как? Двадцать пять рублей? За всё?.. Не грех вам это?»
— «Да рассудите: нынче лето;
А до зимы
Почти ведь не торгуем мы.

Не выручишь, ей-богу, и на лавку!»
— «Я лучше их сожгу! Как? двадцать пять!» — «Жаль вас!
Извольте, так и быть, в добавку
Еще *пять* рубликов, и деньги сей же час!»
— «Подите ж вон!» — «Ну, десять я прибавлю.
Хотите *тридцать пять*?
И шкап, пожалуй, вам оставлю,
Да буду, матушка, вас вечно поминать».
Старушка рассердилась,
С Гордюшкой побранилась
И гонит плу́та вон.
Нейдет, однако, он,
Торгуется, клянется,
Что покупателя другого не найдется,
И наконец
За сотню книги все купил у ней, подлец!
Возрадовался мой Гордюшка,
Что им ограблена так бедная старушка.
А после на пятак взял рубль он барыша.
Куда ж пойдет душа
Такого торгаша?
В ад, разумеется, конечно!
По приказанью трех безжалостных сестер
Из книг, им проданных, там сделают костер,
И будет жариться он вечно.

[1826]

БАБУШКА И ВНУЧКА

«Натанцевалась ли, сударыня, вчера? —
Так бабушка Ненила
Петровна внучке говорила. —
Всю ночь до самого утра
Ты, как юла, вертелась
И в зеркало один раз только посмотрелась.

Ох! этот вальс
Погубит вас!
Жаль, право, нет закона,
Чтобы не танцевать на ба́лах котильона!
А ваш проклятый pot pourri[12]
Лукавый побери!
Чуть не стрелялися из-за него в Твери.
Вперед не дам тебе я воли
И буду за тобой глядеть:
Не всё вертись; изволь и посидеть...
Чай, на ногах мозоли?»
— «Нет, бабушка, не чувствую я боли,
Ниже усталости... да молодым ногам
Что может сделаться?.. А доложу я вам,
Когда мы танцевали,
Вы всё в бостон да в вист играли.
Как жаль мне было вас!
Устали, верно, ваши ручки;
Послушайтеся вашей внучки:
Ну, поиграйте час,
Два, три — а то как можно в ваши ле́та
Играть с семи часов до самого рассвета?
Не хуже ль это, чем наш вечный котильон?»
— «Пошла же, грубиянка, вон!» —
Вскричала бабушка Ненила
И картами в лицо насмешнице пустила.

Мы часто молодых за шалости браним,
Упреков же себе и слышать не хотим.
Однако же кому стыднее:
Нам, старикам, иль молодым?
Кто должен быть умнее?
Мы, кажется, — скажу как моралист:
Вертитесь, барышни, вертитесь;
А вы, почтенные, на милых не сердитесь
И знайте свой бостон да вист.

---

[12] Попурри (*фр.*).

Девица, сделавшись старушкой,
Займется, как и вы, бостоном, вистом, мушкой.

13 февраля 1827

ДВОРЯНКА-БУЯНКА

Как могут люди забываться!

Прилично ль дамам драться?
Одна из городских и самых важных дам,
По долгу христианки
Вошедши в Божий храм,
Плывет, поднявши нос, как гордые дворянки,
Которые крестьян, мещан
Едва ли чтут за христиан,
Жеманится, пыхтит. Лакей большой пред нею.
Но в церкви теснота — прохода не дают.
«Что ты зеваешь, плут? —
Кричит она лакею. —
Не может растолкать, урод,
Приказных этих модниц,
Чепёшниц и купчих-платочниц.
Пусти меня вперед!»
И барыня моя — нет, барышня, девица,
Рванулася вперед, как львица.
С отважностью лихого мясника,
Который с братией своей из кабака
Стремится на́ площадь рвать голову с быка,
Идет она и всех толкает под бока
На обе стороны локтями,
Ступает с форсу каблуками
На ноги секретарш смиренных и купчих,
Да и ворчит еще на них.
Вот вдруг вперед взглянула —
Стоит смирнёхонько тут барышня одна,

Одета запросто и молится она.
Буянка так ее толкнула,
Что та упала на амвон.
Раздался вопль и стон.
Диакон оглянулся
И содрогнулся.
Невольно вздрогнули на крылосе дьячки,
От ужаса у них приподнялись пучки.
Но чем же кончилось? — Она остановилась.
Не извинилась
И Богу с важностью дворянской помолилась,
Потом же на уборы дам
Глядела и косилась.

О, стыд! о, срам!
И это сделала дворянка и девица?
Проклятая! срамница!
Будь я архиерей иль хоть протоерей,
То, право б, проучил злодейку:
На паперти б ее поставил у дверей
Вздев ожерелье ей железное на шейку[13].
Сошлось бы множество народа поглядеть.
Дай, Господи, ей век весь в девках просидеть.

11 апреля 1827

СОБАКА НА СЕНЕ

Собака на́ сене лежит
И к сену не пускает,
От злости вся дрожит
И лает:
«Не дам, не дам, не дам я вам, ворам.
Не дам, не дам!»

---

[13] В старину надевали в церквах железные ошейники на тех, которые делали там какое-либо бесчиние. Ошейники сии прикованы были цепью к стенам *(Примеч. И.)*.

К Собаке злой, проклятой
Ни добрый Конь, ни Вол рогатой,
Не только что смиренная Овца
Не смеют подойти, рвануть клочок сенца;
А между тем Козел смердящий, бородатый
С надменной важностью стоит
С двумя Козами
Перед ее глазами;
Блея́т, кряхтят
И сено взапуски едят.
— «Да что ж Собака-то? Ужель она не видит?» —
Нет, видит; но Козла с Коза́ми не обидит;
Они хоть сено и едят,
Да говорят:
«Вот пес, какого не бывало:
Как много лает! Как спит мало!
Собакам всем честь и краса!
Ах, надобно ему дать золотой ошейник!» —
Нет, этот пес-мошенник!
Дубиной бы такого пса
Или каменьем, для примера,
Как шельму-лицемера.
А об Козла, об Коз
Не худо б изломать пука́ три добрых лоз.

1827

ТЬМАКА

Как разлилася Тьмака!
Бывало, без хлопот
Переходили в брод
Через нее и лошадь, и собака.
Теперь же хоть какой высокий фланго́во́й
Уйдет в нее, и с головой.
Теперь сравнялася с крутыми берегами,
Покрыта барками, не только челноками.

Чем Тьмака не река?
И глубока,
И широка.
Походит несколько она на игрока,
Который не *наверняка*
Играет.
Такой игрок бывает
Не всё счастли́в:
То у него прилив, а то, увы, отлив!
То потчует он стерлядя́ми,
Шампанское течет рекой;
Под час иной
Квас кушает, из лавочки, с сельдями.

1828

КУЛАЧНЫЕ БОЙЦЫ

В Москве фабричный был Семен, силач, боец:
Зараз из печи изразец
Своею вышибал железной пятернею;
Когда же, на бою, являлся пред стеною,
Все опрокидывал и гнал перед собою.
Страх, ужас перед ним,
А клики радости и похвала за ним.
По окончании сраженья
Героя нашего ведут все с торжеством
В питейный дом
Для угощенья.
Хотя Семен
И очень был силен,
Но полугарное вино еще сильнее.
Однажды сделался хмелён,
Как писарь первого числа, или еще хмельнее.
Хмель поборол его, сшиб с ног,
И встать уж он не мог:

Лежит и, утомясь от славы,
Спокойно спит себе на берегу канавы.
Там утром спящего еще его нашли
И будочникам двум, врагам его, сказали;
А те с веревкою пришли
И руки накрепко назад ему связали.
Ну тормошить его: «Вставай,
Семен, вставай! Пора опохмелиться!»
— «Давайте, братцы!» — «Нет, давай
Не пить теперь, а биться.
Вот раз тебе, вот два, вот три!
Вперед не говори,
Что ты один боец». — *«Ах, руки развяжите*
Да тут-то удальство свое мне покажите».

Не велено лежачих бить.
Бессильному грешно уж мстить;
И как же с теми драться,
Кто средств лишен обороняться?

Май 1828

ЗАВЕТНОЕ ПИВО

Фома на завтрак звал Кузьму
И после водки
Так говорил ему:
«Покушай-ка селедки.
Ну что за сельдь! крупна! жирна!
А как вкусна!
Голландская! ей-богу! без обману!
У Королёва брал. Тебе-то лгать не стану...
Вот свежая икра
Из осетра...
Прикажешь лу́чку
Зеленого?.. Попробуй эту штучку:

Балык, да ведь какой балык!
Ну так, как мед, во рту и тает.
Нельзя не есть; возьми кусочек невелик».
— «Помилуй, эдак я не стану и обедать».
— «А сёмужки нельзя никак чтоб не отведать;
Ведь из Архангельска прислал в гостинец сват.
Покушай, брат!»
— «Фома Панкратьевич! покушал я довольно».
— «Э! как тебе не стыдно? Полно.
Чем только лишь богат,
Тем гостю дорогому рад...
А вот грибочки:
Тут рыжички, а здесь груздочки;
И тех отведай, и других.
Груздочки хороши, а рыжики так диво!
Здесь не найдешь таких —
Из Вологды!» — «А в кружке что?» — «Да пиво».
— «Ну, накормил ты молодца́;
Пожалуй-ка теперь пивца».
— «Вот этого нельзя; пей, если хочешь, водку».
— «Помилуй, ты меня соленым всё кормил,
А пива жаль тебе!» — «Я звал ведь на селедку;
О пиве ж ничего тебе не говорил».
— «Умилосердися! дай промочить мне глотку».
— «Пей водку».
— «Ведь пиво есть?» — «Есть про себя,
Не про тебя».
— «Хотя кваску вели подать, Панкратьич».
— «Есть, Елизарьич,
И квас,
Да лишь про нас».
— «Ей-ей, пить хочется!» — «А знаешь, на *хотенье* —
Терпенье!»
Терпение Кузьма тут вовсе потерял,
Встал,
За кружку хвать рукою;
Другою

Он так хозяина толкнул,
Что опрокинул тот стол с завтраком и стул.
Упал — кричит: «Ай, караул!»
Рукой дрожащею хватает
За свой кровоточивый лоб,
Сквозь слёз грозит, ругает.
Молчит гость, пиво допивает
И об пол кружку хлоп.

Красавицы-кокетки!
Ведь это вам наветки!
Зачем собою нас прельщать?
Зачем любовь в нас возбуждать
Притворной нежностью и хитрыми словами,
Когда мы не любимы вами
И не хотите вы руки своей нам дать?
Вам весело, как мы любовию к вам жаждем;
Смеетесь вы — мы страждем.
Не корчите Фому —
Не то попасть вам на Кузьму.

23 мая 1828, Вологда

ДВЕ КОЗЫ

По жердочке чрез ров шла чопорно Коза,
Навстречу ей другая.
«Ах, дерзкая какая!
Где у тебя глаза?
Не видишь разве ты, что пред тобою дама?
Посторонись!»
— «Направо кру́гом обернись
Сама, а я упряма...
Да почему ты дама?
Такая же коза, как я».
— «Как ты? Ты чья?
Ты шустера Абрама,

А я — исправница! Исправник барин мой!
Майор!» — «Так что ж? И мой осьмого также класса;
Честнее твоего драбанта Брамербаса,
Да поумней, чем твой.
Абрам Самойлыч Блут, штаб-лекарь,
Всем лекарям у нас в губернии пример:
Он оператор, акушер;
Им не нахвалится аптекарь.
А твой исправник-то головкой очень слаб,
В делах он знает меньше баб;
Лишь мастер драться с мужиками,
Дерет с них кожу он обеими руками.
Неправду, что ли, говорю?
Пойдем к секретарю
Иль к стряпчему; спроси». — «Вот я ж тебя рогами».
— «Есть роги и у нас; бодаемся мы сами».
Сошлись, нагнувшися, и стукнулися лбами;
Летит исправница, штаб-лекарша летит,
Летят вниз обе вверх ногами.
Ров преглубокий был; на дне лежал гранит,
Бух Козы об него, и поминай как звали!
Вороны с галками тут долго пировали,
Пустая, право, честь —
Вперед идти иль выше сесть.
Что до меня, так я, ей-богу,
Дам всякому скоту дорогу.
Признаться, я ведь трус:
Скотов и женщин злых особенно боюсь.

30 августа — 2 сентября 1828

ЗМЕЯ И СВИНЬЯ

«Премудрая Змея! —
Сказала ей Свинья, —
Боятся все тебя за то, что ядовита.
И я сердита,

Да не сильна.
О! если б я была величиной с Слона,
Тогда бы не дала я над собой ругаться.
Должно быть весело тому, кого боятся!
Не столько хочется мне свежих желудей,
Как славы, чтоб и я могла пугать людей;
Чтобы передо мной дрожали
И от меня без памяти бежали».
Змея в ответ:
— «Хавронья! у тебя догадки вовсе нет.
Ведь ты валяешься в грязи?» — «Ну что ж? валяюсь.
Случится иногда, как чорт перемараюсь».
— «Марай же и врагов своих,
Коль хочешь быть страшна для них». —
Как за́ это Змею Свинья благодарила!
Боялись все ее замаранного рыла.

Кто сам замаран, тот марает и других.

[1828]

СКУПОЙ И ОКУЛИСТ

Не дай Бог сделаться слепым!
Глаза беречь, да и беречь нам до́лжно.
Случилося несчастье со Скупым:
Ослеп — и денежки ему лишь щупать можно;
А денег у него два полных сундука;
Бумажки трех цветов, и все как с молотка,
По сотням, тысячам разложены им в кипки
(Нельзя взглянуть на них без радостной улыбки)
Мешочки с золотом и с серебром мешки.
Как метроман свои стишки,
Так точно скряга мой любил свои монеты.
Простительно в преклонны леты!
Бывало, по ночам не спал;
В том только находил одно лишь утешенье,

Что денежки считал
В уединенье,
Перетирал,
А иногда и целовал
В сердечном восхищенье.
Как больно для Скупца утратить вовсе зренье!
День для него то ж, что и ночь.
Взялся́ ему помочь
Искусный Окулист, однако же не даром:
Он тысячу рублей, не больше запросил.
Весть эта громовым Скупцу была ударом:
Уж он молил его, молил,
Уж торговался, торговался;
Но меньше пятисот тот взять не соглашался!
И наконец
Решился мой слепец Скупец.
Вот Окулист к слепому приезжает,
Перед собой его сажает
И дело начинает;
Ему не в первый было раз:
Пол-операции окончил он счастливо.
У скряги правый глаз
Уже глядит — о диво!
Вскочил со стула он
И оператору поклон:
«Благодарю!» — «Садитесь!»
— «Отец мой! не трудитесь».
— «А как же? а другой-то глаз?»
— «Да право, совестно мне беспокоить вас.
Притом, признаться, больно;
А глаза одного с меня весьма довольно:
Уж мне давно за шестьдесят!
Вот, батюшка, вам *двести пятьдесят*!»

[1828]

ФОРТУНА И ДОСТОИНСТВО

(С ФРАНЦУЗСКОГО)

Фортуна, хоть слепа, одна без палки шла
И на Достоинство вдруг как-то набрела:
«Ах, милой мой! — сказала, —
Искала я тебя, искала!
Измучила себя.
Что скажешь?» — «Ждал тебя».

[1828]

ВЫСТАВКА МАНУФАКТУР

На выставке мануфактур,
Близ биржи Петербургской,
Случился подданный французской,
Monsieur... как чорт его? monsieur... monsieur Belcourt[14]!
Со вкусом человек, притом же и с именьем,
Да и с уменьем.
В товарах толк он знал:
Товары русские из первых рук скупал
И за французские богатым продавал
Двойной, не более, ценою
С madame Belcourt[15], своей женою.
Вот он то левою, то правой стороною
По выставке идет, глядит
На вещи разные и вздохи испускает.
Легонько в бок его толкает
Купец с бородкою и громко говорит:
— «Чтó так, мосье, сердит?»
— «А, здравствуй!» — «Что же ты невесел
И нос повесил?

[14] Мосье... мосьё... мосьё Белькур (*фр.*) — господин Белькур.
[15] Мадам Белькур (*фр.*).

Иль вещи здесь не хороши?»
— «Изрядны!» — «Слушай-ка, в Париж ты напиши,
Чтобы вещей тебе оттудова прислали.
Мы прежде вам свои товары продавали;
Теперь же и без вас сбывать их средство есть.
Вот видишь, нам какая честь!»
— «Вам честь, а нам так горе!
Придется запереть мне магазин наш вскоре!
Но это только между нас.
Прощай!» — «Hélas![16]»

[1828]

СОБАЧЬЯ ЗАВИСТЬ

Барбоска у крыльца избы людской лежал.
К нему без памяти вдруг Жучко прибежал
И говорит: «Барбоска!
Ведь господа
Приехали из Питера сюда,
А с ними Моська,
Хрипунья старая, Полкан...»
— «Щенчишка?» — «Погляди, какой стал великан!
Да как пристал к нему ошейник...»
— «Ошейник? Ах, мошенник!
Давно ли я таскал за шиворот его!
Нам, старикам, так ничего?
Ну, право, господа не знают,
За что так награждают!
Да попадись он мне, то я уж проучу:
Как за уши схвачу
И тряску
Такую дам...»
— «А вот он сам;
Ну, дай-ка, брат, ему острастку».

[16] Элас (*фр.*) — увы.

Взглянул Барбос —
По жилам пробежал мороз;
Собаку страшную он видит пред собою;
Полканка был не то, что за год перед сим,
Нет, не Барбоске ладить с ним.
Ретироваться он хотел бы прежде бою.
Вскочил подлец. Не знает, что сказать,
Хвостом вертит — и ну щенка лизать.

Вот так-то Гур Пафнутьич рассердился
На Разумова, что тот орден получил:
«Да как он к нам определился,
Я уж тогда... в архиве был
Помощником! А он был что? — мальчишка,
Так, школьник, писаришка.
Теперь асессор, кавалер!
А я уж тридцать лет как обер-офицер,
Но нету у меня и бронзовой медали;
Писцу же так крест дали!»
— «Послушай, Гур: был Разумов писцом,
И мы с тобой писцами были;
Он после сделался дельцом,
Служил с отличием; за то и наградили.
Что сделает он в день,
Того, хоть пять очков надень,
Не сделаешь и в год, как ты ни хоробрися.
Молчать, архивна крыса!»

[1828]

ОРЕЛ И СОРОКА

«Что ты себя не бережешь? —
Спросила раз Орла Сорока,
Болтунья белобока, —
И змей без милости клюешь?

За что, скажи, их ненавидишь?
Летаешь ты близ солнца в облаках
И лишь змею увидишь,
Уж глядь, и на земле — змея в твоих когтях,
Кольцом так, бедная, и вьется;
Смотри: когда-нибудь ведь и в тебя вопьется,
Ужалит, так пеняй сам на себя.
Не трогай змей». — «Не слушаю тебя,
Трещотка и оракул леса,
А слушаю Зевеса.
Он зренье острое, полет нам мощный дал
И силу не на то, чтоб их употреблял
Для дел ничтожных и напрасных,
Но чтобы гадов сих опасных
С лица земли я истреблял.
Пускай глупцы зовут меня излишне строгим,
Неосторожным, дерзким, злым.
Всем пагуба от змей. Природный враг я им.
И истребляя их, я спас чрез то жизнь многим».

[1828]

ЧИЖ И СТРИЖ

Гулял с женою муж в саду,
И на беду
Пред ними птичка пролетела
И на рябину села.
«Смотри, смотри, жена, — вон Чиж!»
— «Не Чиж, Иваныч, Стриж».
— «О, вздор ты, дура, говоришь,
Уж я сказал, что Чиж, так ты должна мне верить»,
— «Вот хорошо! Не верь своим очам,
А верь твоим речам».
— «Я знаю, чем тебя уверить:
За палкой не заставь сходить».
— «Стриж! — стану всё я говорить.

Чижи зеленоваты,
Стрижи же черноваты
И длинноваты.
Слепой увидит: это стриж».
— «Молчи ж!» —
И хлоп жену по уху.
— «Разбойник! только пить сивуху
И бить жену. Пей, варвар, кровь мою,
А я за правду постою.
Стриж, а не Чиж!» — Иваныч за сивуху
Еще дал плюху:
«Молчи». — «Не замолчу,
Не покорюся палачу.
Стриж, а не Чиж!» — И битва закипела.
Михевна уступить тирану не хотела,
Язвит его, чем в силах, языком,
А он так кулаком.
Кокошник на гряду свалился,
Иваныч мой остервенился,
Михевну за косу схватил
И сильною рукой в крапиву потащил.
На крик несчастной прибежали,
Но без десятских двух никак бы не отняли.
Калганиху-лекарку взяли,
Но знание ее, увы, не помогло!
Просили знахаря Вавилу —
Ничто Михевну не спасло:
От скверного Стрижа пошла она в могилу.

Не спорь из пустяков
И не беси злых дураков;
Как язвы, ссоры удаляйся;
Но где потребует долг, совесть — не молчи
И говори, а не кричи:
Без сердца убедить старайся.

[1829]

ФОНАРЬ

Поставили на улице фонарь —
И у́няли ночного вора.
Плут секретарь
Остерегается прямого прокурора.
То ль дело воровать впотьмах?
То ль дело командир, который не читает,
Не смыслит ничего в делах,
А подписью своей бумаги утверждает!
Хвала от всех воров, воришек — темноте,
Невежеству и глупой доброте.

[1829]

КЛЕВЕТНИК

Степана соблазнил однажды ночью бес:
Он в сад к соседу перелез,
Не для того чтоб прогуляться
И чтоб природой наслаждаться,
А просто — яблоки покрасть:
Имел к ним страсть.
Вот кра́дется он к яблоне по саду,
И вдруг раздался лай: *кто там! кто там!* —
Степашка в ретираду.
За ним бежит Брылан, страх нищим и ворам,
Бежит и лает.
Мой вор —
Как галка, на забор.
Брыланка, припрыгну́в, хватает
Воришку за сапог;
Но в сад стащить не мог,
А прохватил зубами ногу,
И до́ крови, ей-богу!
«Добро же, — раненый пробормотал сквозь зубы, —
Я заплачу́ тебе; увидишь, что не скуп,

Да и не глуп».
Хозяин поступал с Брыланом благородно:
Его он уважал
И на́ цепь не сажал;
Брыланка днем ходил, куда ему угодно.
Однажды утром он гулял в мясном ряду,
И на беду
Степашка также там случился;
Он на него давно уж злился
И вот как, дьявол, ухитрился:
В Брылана сзади он воткнул
Иголку иль булавку.
Тот на него; он: *караул!* —
И в лавку,
Как молния, юркну́л.
— «Ай, братцы! помогите!
Взбесилася! Вишь, пена на губах?» —
При сих словах
Всех о́бъял страх!
(Чего вы от невежд хотите? —
Народная толпа
Робка, дерзка, глупа!)
К несчастью, двое тут квартальных умных были,
Которые пред тем травни́к в харчевне пили.
— *Бей!* — закричал один: Брылана окружили
И приняли дубьём.
Один его ножом,
Другой же топором.
И в пять иль в шесть минут невинного убили.

Вот как от клеветы за верность погибают!
В аду клеветников змея́м предпочитают. —
Крылов ведь не солжет, а это он сказал.
Откуда только взял? —
Чай, в книжке греческой старинной прочитал[17].

[17] И. А. Крылов несколько лет тому назад выучился сам собою греческому языку и уже давно читает в подлиннике греческих классиков *(Примеч. И.)*.

Я ж видел в линии Перинной
Эстамп большой, российской и старинной:
Суд Страшный. Там клеветники
Повешены за языки;
Под ними же огонь пылает,
А бес змеями их с плеча так и стегает.
Не худо б и живых их жечь
Или на перекрестках сечь
Под барабан лоза́ми...
Одних клеветников... А клеветниц? — Щипцами
Горячими им язычки припечь.

[1829]

БУФЕТЧИК И ДВОРЕЦКИЙ

И дом помещичий, и двор
Разбойники в ночь окружили.
По счастью, вовремя ворота притворили
И на запор.
Решились дать отчаянный отпор:
Кто взял топор,
Кто косу, кто косарь, кто вилы,
И стали твердо у ворот,
Чтоб отразить бунтующий народ.
Разбойники, что есть в них силы,
Ломают ворота́ — трещат на верея́х.
Они ломают,
А с крыш по них стреляют,
Каменья, кирпичи бросают;
Бабенки плачут и ругают,
И крик, и вопль, и вой, и страх,
И ужас на дворе, и даже в чердаках.
Но не теряется нисколько дисциплина:
Военного они имели господина —
Полковник барин был. Он с трубкою в зубах
И саблей острою в руках

Разбойникам не угрожает,
Но всем распоряжает
И духу придает своим.
Вот вдруг бежит с крыльца Максим,
По званию буфетчик,
Десятерым не сладить с ним.
Откуда ни возьмись Клейнгунд, дворецкий немчик,
Большой газетчик.
Максима он остановил:
«А после ужина твой рюмки перемыл?»
— «Нет, Карл Крестьянович, я утром перемою:
Теперь позвольте-ка мне к бою».
— «Нет, нет!
Марш на буфет.
Сей час пошел, скотина!»
— «Сюда, Максим, вперед!
Не слушай басурмана, врет!» —
Раздался голос господина.
И вот Максим уж у ворот.
Он вытащил запор, взмахнул, стоит и ждет.
Ворота растворились:
Колонна в ворота́ идет,
Рогатины и ружья появились.
Как хватит наш Максим запором по ногам,
Так человек семь повалились,
И в то ж мгновенье барин сам
Вскричал: *пали!* — и полетели пули,
Разбойники вздрогну́ли,
Попятились. — *Вперед!* — На них весь тиснул двор.
Максим, отбросив свой запор,
Схватил одной рукой косарь, другой топор,
И ну рубить по чём попало.
А немчик, что его за рюмки так бранил,
Со страху трубку уронил.
Колонны вмиг не стало.
Рассеялись... *Лови их! бей! вяжи! ура!*
Победа! торжество! Разбойники разбиты...

А рюмки все-таки осталися немыты
До самого утра.

[1829]

КАНАРЕЙКА И СОЛОВЕЙ

В красивой клетке у окна
В саду висела Канарейка,
И пела целый день она;
Вдали ж, где из берез одних была аллейка
К смородинным, малиновым кустам,
В уединеньи там
Пел соловей всю ночь и рано по утрам.
И человек, и зверь, и птица,
И всё, что ни имеет кровь,
Весною чувствует всесильную любовь.
Вот познакомилась с певцом певица.
Для Соловья забыт бездельник Попугай
В зеленом щегольском мундире;
Всех птиц милее, лучше в мире
Певице Соловей — как запоет, так рай.
И Соловей, любимец розы,
Нередко ночью покидал
Свои душистые березы,
У дома под окном по цветнику порхал
И в чаяньи награды
В сиреневых кустах давал ей серенады.
Он Канареечку всем сердцем полюбил.
Сначала, как артист, неловок, робок был,
Но наконец решился
И в страсти пламенной, вздыхая, объяснился.
Чувствительная ж дщерь Канарских островов,
Желтей соломы и лимона,
Зажмуряся, в полтона
Пропела, что и ей мил лучший из певцов.

Любовники уговорились
В лес дальний улететь.
Забыли клетку запереть:
Жених с невестою пустились,
При покровительстве небес,
В желанный лес.
Летели долго — прилетели
Уж к вечеру, в густой куст сели,
Поцеловались и запели...
А с самого утра не ели.
Вот новобрачная супругу говорит:
«Как весело тебя мне слушать!..
Однако же нельзя ль чего-нибудь покушать?» —
— «Сейчас, о ангел мой!» — И соловей летит,
Как бы от ястреба пустился,
Через минуту воротился.
— «О друг моей души!
Вот мураши,
И очень хороши!
Вот муравьиные яички...»
— «Не для воспитанной, суда́рь, в столице птички.
Бисквитов принеси, конфет!»
— «Увы, в лесу их нет!»
— «Нет? Что же, с голоду мне умереть здесь должно?»
— «Пожалуй, семечек найти на поле можно».
— «Да?! стану семя я клевать?!»
И ну тут милого ругать,
Ужасно рассердилась
И к Попугаю в сад опять переселилась.

Неопытные женихи!
Когда пленитеся *воспитанной* девицей,
Не разлучавшейся с роскошною столицей, —
Прочтите вместе с ней мои стихи:
Коль кушать согласится
Из *незабудок суп* — советую жениться.

[1829]

ОБМАНЧИВАЯ НАРУЖНОСТЬ

Приятель у меня старик-проказник был;
Богатый человек, почти и не служил —
Отставлен с крестиком. В Москве он мало жил,
А более в своей любимой подмосковной;
Имел там дом огромный,
Большой фруктовый сад
И áнглийский еще, иль парк-оранжереи,
В которых рос отличный виноград,
Зверинец, свой оркестр и разные затеи:
Имел актеров крепостных,
Актрис, певиц, танцовщиц ловких,
Наемных трех французов бойких
Да сотни две собак, и гончих, и борзых.
Пять тысяч душ ему досталося в наследство,
Да долгу нажил миллион;
Так деньгами сорить мог он.
Его любило всё соседство.
И как же не любить?
Где всласть поесть, попить,
Повеселиться? —
У Дурнева. А денег где занять,
Когда нужда случится? —
У Дурнева ж. Расписку только дать,
Какую вздумает он сам продиктовать,
И на условия все тотчас согласиться.
Случалось, иногда брал туфли он в заклад,
Халат, кушак, иль шапку, или миску;
А деньги возвратишь — отдаст тебе расписку,
Залог и сумму всю назад.
К своим собакам звал соседских по билетам;
Рожденье праздновал любимых лошадей;
Дурачился, сказать уж правду, не по лéтам;
Но, впрочем, не был он в числе дурных людей
И делал иногда, что должно.
Проказничать богатым можно.

В деревне Дурнева когда я навестил,
Меня он славно угостил;
Музы́ка за столом гремела,
И первая певица пела.
Вот отобедали. — «Что, не угодно ль в сад?»
— «О, рад!»
Пошли. Какой чудесный там каскад!
Какие мостики, беседки и руины!
Куда ни взглянешь, всё картины.
«А это что за храм? —
Вскричал я в изумленье,
Увидя с куполом, с колоннами строенье;
Уж подлинно сказать, что было загляденье! —
Что там?
Какое божество сей храм в себе скрывает?»
— «Наружность иногда обманчива бывает[18],
И это, господин поэт, вам не во гнев,
Не храм, а хлев!»
— «Как хлев?» — «Войдите
И поглядите»,
Толкаю дверь, вхожу
И с поросятами свиней тут нахожу.
«Ну, видишь ли мои затеи?
Не все еще; в другом покое есть и змеи.
Войди, увидишь сам, что правду говорю».
— «Покорнейше благодарю...
Повеса ты, повеса!
Ну стоит ли, скажи, потратить столько леса,
Искусства и труда
Для змей и для свиней? Ужели нет стыда
Тебе дурачиться в твои почтенны ле́ты?»
— «А ваша братья-то, поэты,
Что делают? Не то ли ж, что и я?
На что дар многие из вас употребляют!
Цветы поэзии фигурно рассыпают,
А под цветами глядь — или в грязи свинья,
Иль ядовитая змея.

[18] Стих И. И. Дмитриева *(Примеч. И.)*.

Но свиньи у меня других хоть не марают,
А змеи не кусают.
Желаю знать, что б ты на это отвечал?»
Я... промолчал.

[1829]

СКОТИНИН И СВИНЬЯ

Скотинину один знакомый говорил,
Что он напрасно
Так страстно
Свиней любил;
Что даже и опасно
Бывает от свиней. —
«Ну так, ведь ты, брат, всех умней!
Чего Свиней мне опасаться?
Они меня и любят, и боятся.
А без Свиней, ей-ей, тебе не лгу,
И жить я не могу:
Я вырос со Свинья́ми,
Как ты меж умными людями,
И знаю, сказано тебе будь не во гнев,
Получше, нежели вы все, свиной мой хлев.
Не думай, чтоб меня Хавронья укусила:
Велико слово, говорю,
Расчетверю, распятерю,
Повешу на чердак окорока без рыла.
Безграмотный Тарас,
Верь, право, не глупей всех грамотеев вас».
В тезоиме́нитство свое иль именины
Скотинин вздумал сделать пир,
Сказать так, на́ весь мир.
Соседей пригласил, родных всех Простаковых,
Надел с галунчиком капральский свой мундир,
И вот в сапожках новых

Идет он с важностью на задний скотный двор,
Свиней, Свиней в грязи его там ищет взор.
— «Аксютушки! Где вы? На смотр предо мною!»
И вот одна бежит к нему *Свинья свиньею,*
Обрадовалась так, что мигом сшибла с ног;
Скотинин хоть капрал, но устоять не мог:
В обновке поскользнулся
И замертво упал, — кой-как чрез час очнулся,
И видит, что мундир, который так берег,
Испачкан, изорва́н! — и дядя Митрофана
Остался без кафтана,
Да, с месяц охая, на лавке пролежал,
Другой потом хромал. —
И всё Аксютку проклинал.

Чем при свинья́х всегда остерегаться,
Не лучше ли от них, коль можно, удаляться?

[1830]

СКОТСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

Не бойся, говорят, *суда,*
А бойся вот *судьи.* — И то беда:
Как секретарь доложит,
Так и судья плохой положит.
Напорют целую тетрадь,
Пропишут, спутают, завяжут,
И грамотному не понять,
А настоящего и главного не скажут.
Лев сделал приставом Собаку при Овца́х;
Волкам Собака страх.
Один из них хотел
Ягненком поживиться,
Схватил его и в лес понес;
Но на́гнал вора верный Пес,
И должен был Волк ужина лишиться

Да клоком шерсти поплатиться.
Волк с жалобою в суд идет —
Осел там был судья, а секретарь Лисица,
Докладывать большая мастерица, —
Гусенка на поклон секретарю несет.
Доклад Лисица подает:
От слова до́ слова прошенье прописала,
Законы подвела,
Но об Ягненке не сказала,
И как сказать? Она при деле не была.
И вот, без всяких справок
И без очны́х, как должно, ставок,
Последовал журнал, что «в силу скотских прав
За оскорбленье Волчьей чести
И вырванье с *азартом* шерсти
Взыскать с Собаки должно штраф,
Бесчестье и увечье;
А стадо всё овечье
Просителю *на время* поручить.
Собаку же от места удалить,
Для соблюденья пользы Львиной».
Что делает доклад Лисы и суд Ослиной,
Особенно в дали, в глуши!
По дудке их там и пляши.

[1830]

ВОЛК И ОВЦА

Попала на Волка́ Овца:
От стада бедная отстала.
«Ах, как умна ты стала! —
Воскликнул Волк, — но мне давно пора обедать;
Не худо твоего мясца
Теперь отведать!
Прошу покорно в лес!»
— «Иль ты забыл, что есть Зевес

И что объявлен всенародно
Льва самого указ,
Чтобы Волкам не трогать больше нас?
Так батюшке-царю угодно.
Хвала ему и честь
И здравие на многи ле́та!»
— «Не знаешь, дура, света,
Ведь надобно ж и нам что́ есть,
Медведю, тигру надо кушать;
Их также должно слушать;
У них богатые столы, большой расход.
Велика ну́жда им, что терпит наш народ!
Лев добр, простит, — от них не жди прощенья,
Ни даже после объеденья;
Как им не сделать угожденья?
Жди, что спасет тебя иль Лев, или Зевес:
До Льва-то, знаешь ли, далёко,
До Зевса же высо́ко».
Сказал и потащил бедняжку в ближний лес.
Но вдруг, как бы с небес,
Защитник к ней явился:
Не Лев и не Зевес,
А преогромный Пес.
Волк, хвост поджав, бежать пустился,
Но Пес его догнал
И разорвал,
А перед тем ему сказал:
— «То правда, Зевс высо́ко,
А Лев далёко,
Но уши и глаза у Льва повсюду есть, —
Есть слуги верные, — хвала им, слава, честь!
О всём они Льва извещают,
Леса дремучи очищают
Как от Волков-убийц
Так от наставниц их Лисиц,
Главнейших кровопийц».

[1830]

ВОЕВОДА И ПОДЬЯЧИЙ С ПРИПИСЬЮ

Быль

Был негде Воевода,
Который хоть и много брал;
Но память добрую оставил у народа
За то, что часто он секретаря бивал.
Ах, нет! не секретарь при нем был, а подьячий,
Но только *с приписью,* бездельник, сын собачий,
Мошенник, шельма, вор, *багор,* а не *крючок,* —
И часто хаживал украдкой в кабачок.
Бывало, командир ему коль что прикажет,
А он напротив скажет,
То Воевода так, как зверь,
Вдруг заревет, прихлопнет дверь
В свой кабинет или светелку,
Да и Мошнарина за холку!
Начнет как на спине писать и на боках,
Так страх!
Нередко выходил с слезами на глазах
От командира из светлицы,
И челобитчикам не смел взглянуть тут в лицы.
Попал в ежовые мошенник рукавицы!
Пред Воеводою, как струночка, дрожал.
Перо за ухо,
А пéрсты за камзол, вперед грудь, вжато брюхо,
Приказа с трепетом и плюхи ожидал.
Вот умер грозный Воевода.
На место же его прислали сумасброда:
Собою молодец,
Но не делец —
Телец,
Не бык, не вол — корова;
А об делах уж ни полслова.
Где знать ему? [. . . . .]
Хоть на руку не так-то чист,
Но в прочем человек пречестный,
Добрóтою своей в округе всем известный.

Хотя прибей его,
Так ничего:
Неудовольствия нисколько не покажет,
[.......................]:
Э! дрянь!
Ну, перестань!
Вот оседлал его Мошнарин.
Мошнарин сделался уж не подьячий — барин.
Как Воеводу ни проси,
Мошнарину ж снеси;
А то хоть *Протазан бесчестный*[19] и прикажет, —
«Нельзя!» — Мошнарин скажет.
При всех он своему начальнику грубил,
Да чуть ли пьяный и не бил.
Что не случится меж друзьями?
Коль заартачится Мошнарин, то беда!
«Андреич! напиши». — *Пишите сами!*
И на своем поставит уж всегда.
Когда покойный Воевода
Мошнарина бивал,
То он лишь по ночам пивал.
При Протазане же пить полная свобода.
Что принесут ему, бывало, ввечеру,
Допьет он верно поутру.
С утра пьян; пьяному ж ведь по колени море.
Ему люли, а православным — горе!
Случилось это всё во времена Петра,
Который более всех сделал нам добра,
Россию же и славной, и счастливой.
Вот грозный государь, но мудрый, справедливый
Приехал в город тот, в котором Протазан
С Мошнариным кормился
От тамошних граждан.
Узнал всё то́тчас сам, узнал и рассердился.

---

[19] Известное действующее лицо в старинной комедии Веревкина: *Так и должно (Примеч. И.)*.

«Ах, старый ты прелюбодей!
Посмешище людей! —
Сказал ему, призвав в каморку на расправу. —
Скажи мне: по какому праву
Ты здесь с Мошнариным твоим
В противность делаешь моим
Указам? Что ты? [. . .] Паша турецкой?
Вор писарь твой и вор дворецкой!
Ах, дрянь ты, дрянь!
Что на колени стал? Встань, встань!
К возлюбленным своим верст по десятку ходишь!
За картами все вечера проводишь!
А в школу, в госпиталь зайдешь однажды в год.
Что? слышишь ли, урод?
И кормишь ты моих солдат гнилой мукою!»
Тут государь своей рукою
Нагнул его, другою
Песочную дубинку взял
И отвалял.
Мошнарина ж, чтоб впредь не смел он куролесить,
Велел повесить
Пред воеводиным двором
С воткнутым за́ ухо пером.
Народ возвеселился
И за царя молился.

[1830]

ШУТ

Когда у нас грубее были нравы,
Держали дураков дворяне для забавы —
Жить не могли без них, как без борзых собак.
У Высоносова чудесный был дурак:
Что за фигура! что за рожа!
Венера на него в саду одном похожа,
Которую маляр окрасил за пятак.

Шут этот, иль дурак, по имени Гордюшка,
А по прозванью Чушка,
По ле́там уж почти старик,
Носил, в косоворотке русской,
По праздникам напудренный парик
И дедовский кафтан французской,
У парика висел огромный кошелек,
На кошельке звонок.
У Высоносова, бывало, соберутся
Соседи, травничку, наливок понапьются
И Чушку напоя́т,
А Чушка этому и рад.
Пойдет потеха;
Сначала смех, а там и не до смеха.
Раздразнят дурака,
Гляди и гостю даст он спьяна тумака.
Прислали к барину часы предорогие,
Каких не видано еще в деревне той,
Ниже в губернии, с цепочкой щегольской
И с репетицией, с печатками, с музы́кой.
Затейник превеликой,
Какой-то делал их француз,
По имени ж назвать его я не берусь.
Что за отделка! Что за вкус!
[. . . . .]

1830

ДВА ПУТИ

«По ле́там можете мне, право, быть отцом:
На свете много вы видали
И опытом узнали,
В провинциях и при Дворе живали;
Вас все считают мудрецом.
Что делать должен я? — скажите
И путь мне к счастью укажите».

— «Есть разные пути:
Один широк, для глаз прекрасен;
Цветами он покрыт, но скользок и опасен.
Другой же тесен; нет на нем роз и цветов,
Нет вкусных ма́нящих плодов,
Для чувств совсем нет обольщений, —
Но путь сей не ведет, как первый, к смертной сени.
Тяжелый крест велит нести
По тесному пути распятый наш Учитель,
Вселенныя Спаситель,
Чтобы придти к нему в небесную обитель».
— «Слыхал... да здесь бы как, полегче?» — «Ну так льсти,
Лукавь, забудь честь, правду, ближних, Бога:
К богатству, к почестям — в ад вечная дорога».

[Конец 1820-х]

РАЗГОВОРЫ

N.N. И N.

N.N.
Здорово, брат старик. Ах! как ты поседел!
В коллегии у вас, чай, очень много дел?

N.
Служили ведь у нас, так знаете и сами,
Что заняты всегда бываем мы делами.

N.N.
Для этого-то я от вас и перешел,
Что тяжело служить, а выгод не нашел,
Ты что к коллегии, скажи, пристал, как тесто?
Зачем не перейти тебе в другое место?

N.
К делам коллегии я более привык.

N.N.
Причина важная! чудён ты мне, старик!
Ты жалованьем лишь одним живешь с семьею,
Дохода ни рубля!.. в одних чинах с тобою
Семь лет я был назад. Вот я тебе пример:
Я *генерал* теперь, а ты *штаб-офицер*...

Ты принужден ходить пешком в такие леты!
Нет! я умней тебя: две у меня кареты,
Две славных четверни, два дома, два креста.

N.
А у меня, суда́рь, есть совесть — и чиста.

[1806]

МАТЬ И ДОЧЬ

Мать
Приятную скажу тебе, Полина, весть.

Дочь
Скажите, маменька.

Мать
Жених хороший есть.
Поговорить о нем хочу теперь с тобою.

Дочь
Вы видели его? Хорош ли он собою?

Мать
Вчера я у сестры играла с ним в бостон,
И нам понравился обеим очень он:
Умен, достаточен и не простого рода,
Князь...

Дочь
Сколько лет ему?

Мать
Да... шестьдесят два года.

Дочь
Неужто вы меня хотите погубить?
Могу ли, маменька, я старика любить?

Мать
Да разве замуж все выходят уж по страсти?..

Дочь
Старик! фи! фи!

Мать
Зато в твоей он будет власти.
Сто тысяч с деревень дохода одного!..

Дочь
Сто тысяч? маменька, иду я за него.

[1809]

РАЗГОВОР В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ

Минос, Львов и Гераков

Минос
Каких Меркурий мне на суд представил раков?
Кто ты?

Львов
Я — Павел Львов.

Гераков
Я — Гавриил Гераков.

Минос
Ну что ж вы делали?

Львов

Я сочинял для дам
«Памелу русскую», воздвигнул *«Славы храм»*,
Писал похвальные слова мужа́м великим,
Высоким слогом, но — надутым, пухлым, диким,
Предлинные слова в шесть, седмь слогов ковал,
И в Академию Российскую попал.
В Беседу тож меня по просьбе членом взяли.
В газетах с Томсоном приятели сравняли.
За речь последнюю я получил медаль
Округлоплоскую, златую...

Минос

Очень жаль!
Ну, ты, плешивый?

Граков

Я был также сочинитель.
В кадетском корпусе истории учитель.
Я по природе грек, талант писать мне дан.
Читали ль книжку вы *«О духе россиян»?*
«Для добрых»? «Меншиков»? «Советы офицерам»?
Я преимущество могу взять над Гомером
По цели...

Минос

Заврался́!

Граков

Помилуйте! Я — грек!

Минос

Хоть стоишь ты того, чтоб я тебя посек,
Однако так и быть, из милости прощаю.
В аду здесь обои́м вам должность означаю.

Граков и Львов

Какую-с?

Минос

Фуриям хочу я роздых дать.
Их должность можете на время вы занять.
Читайте в Тартаре свои вы сочиненья,
Довольно грешники почувствуют мученья.

Гераков и Львов

Дадим себя мы знать и вас благодарим!..

Минос

Ступайте ж... Но едва успеть ли вам двоим?
Да, правда, в помощь к вам годится князь Шихматов,
Захаров с причетом, Грузинцев, Висковатов,
Не знаете ль еще подобных чудаков?

Львов

Есть патриарх у нас из чуд морских — Шишков.

Гераков

Есть Палицын старик, Евстафий есть Станевич.

Львов

А Глинка-журналист?

Гераков

Еще Анастасевич.

Львов

И меценат его, Эзоп наш и толмач
Расинов...

Минос

Граф Хвостов? Вот сильный-то палач.
Молчите. Никого не надобно в прибавку —
Теперь и Фурий всех я отпущу в отставку.

[1811–1812]

КНЯЗЬ Ш[АХОВСКОЙ] И АКТРИСА Е[ЖОВА]

Ежова
Ну! что, князь, какова была у вас Беседа?

Князь
Победа, Катенька, преславная победа!
Вторую песнь своей поэмы я читал,
Злодею Пушкину себя уж доказал.
Пустился в бегство он от моего удара.

Ежова
Что аплодировать ты не послал Макара?

Князь
Беседа, дурочка, не то ведь, что партер.
Смеяться подавал собою я пример.
Когда б ты видела, как Кикин Петр смеялся!
Шихматов-целочка и тот расхохотался.
Многострадальный сам игумен наш Шишков
Забыл, как с братией ругал его Дашков.
Торжествовала вся Беседа русска слова:
Не сыпался табак на ленту у Хвостова;
Другой Хвостов глаза лукаво искосил,
Как я исподтишка за жопу укусил...

Ежова
Кого?

Князь
Карамзина.

Ежова
Неужто, князь?

Князь
Да, право.
Спроси Потемкина.

Ежова

За жопу? браво! браво!
Как ты прославился! Ай, князь! ай, молодец!
Надел ты на себя бессмертия венец.
Уж нечего сказать, что у тебя за зубы!

Князь
Век будут помнить все расхищенные шубы
И не осмелятся сажать меня в бордель.

Ежова
Прими ж награду, князь, и ляжем на постель.

Февраль — март 1812

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИК СЛАВЕНОФИЛЫ

Племянник
Почтенный дядюшка, наставник мой и друг,
Нельзя ль мне как попасть в твой любословный круг?
Любитель ревностный российского я слова.
Хочу и я писать, бумага уж готова,
Есть скляница чернил и перьев пук велик,
Что надобно еще?

Дядя

Знать надобно язык.

Племянник

Какой?

Дядя
Свой собственный: российской иль славенской.
Читай ты Библию да патерик Печерской,
Минеи-Че́тии — церковную печать
Всего нужнее нам, словесникам, читать.

Племянник
Но для чего, скажи, такое нужно чтенье?

Дядя
Чтоб старые слова вводить в употребленье.

Племянник
Каких употреблять не должно вовсе слов?

Дядя
Чужих, иль проклят будь ты во́ веки веков.

Племянник
А позволительны бывают солецизмы?

Дядя
Все это ничего, и даже галицизмы.
Простителен тому французский оборот,
Кто с тщанием слова славенски подберет.
Противны языку слова чужеязычны,
А обороты все ему весьма приличны.

Племянник
Что нужно для стихов?

Дядя
Тут тайна лишь одна,
Чтоб рифма кончилась всегда на имена;
Для прозы же нужна краса другого рода.

Племянник
Какая?

Дядя
Чтоб глагол в конце был перио́да.

Племянник
Что ж должен я писать? Подай ты мне совет.
Не можно ль о любви?

Дядя
Коль о плотско́й, то нет.
И в прозе, и в стихах хвали язык и веру,
Любовь к Отечеству и ставь нам для примеру
Пожарских, Мининых; всех предков тормоши;
Хоть проза и стихи не будут хороши,
Но цель хорошая, а этого довольно!

Племянник
Признаться, дядюшка, немножко будет больно,
В народных коль листах иль в дневнике каком
Пожалуют меня печатным дураком.

Дядя
Ты будешь мученик! Мужайся и крепися!
В броню лукавствия поспешно облекися;
Возьми бесстыдства щит и на своих врагов
Сыпь сотни, тысящи старинных бранных слов;
Кричи: «Анафема! злодеи! изуверы;
Враги Отечества и православной веры!
Влеките их на казнь! влеките на костер!»
Мы подтакнём тебе и скажем: «Как остер!»

Племянник
А если на мое такое возраженье
Последует еще другое пораженье
И нечего уже мне будет отвечать,
Что делать мне тогда?

Дядя
Что делать?.. Замолчать!

1812

ЦЕНЗОР И СОЧИНИТЕЛЬ

Сочинитель
На рассмотренье вам принес я сочиненье.

Цензор
Садитесь, сделайте-с, прошу вас, одолженье.
А как-с заглавие, позвольте вас спросить?

Сочинитель
О разуме.

Цензор
Никак-с не можно пропустить.
О разуме! нельзя-с! оно умно, прекрасно,
Но разум пропускать, ей-богу! нам опасно.

Сочинитель
Извольте наперед с вниманием прочесть.

Цензор
Пожалуйте-с.
(Берет рукопись.)
Вот здесь и карандашик есть,
Чтоб замечать места, — с нас взыскивают строго.
(Читает.)
Позвольте-с мне у вас здесь вымарать немного.
Невежда судия! За что-с судей бранить?
Нельзя ли-с, право, как-нибудь переменить?
Подумайте-с.

Сочинитель
Тут нет противного Уставу.

Цензор
Конечно-с, только мне *невежда* не по нраву.
Поставьте лучше вы: *надменный судия.*

Сочинитель
Что ж выдет из того? сумбур, галиматья!

Цензор
Ну-с! очень хорошо, покамест я оставлю,
А только-с черточку карандашом поставлю.
(Читает далее.)
Прекрасно пишете, у вас слог очень чист...
Что это? нет-с, нельзя! *безумный журналист!*
Тут-с личность, пропустить не можно, воля ваша!

Сочинитель
Помилуйте...

Цензор
Да нет-с, велит так должность наша.

Сочинитель
Клянусь, что личности тут нету никакой.

Цензор
Быть может, журналист и сыщется такой.

Сочинитель
Так что ж?

Цензор
Так-с очень может статься,
Что право будет он иметь сим обижаться.

Сочинитель
Пусть обижается, а мне что до того.

Цензор
Ей-богу! обижать не должно никого.
Достанете вражду через такую вольность,
А лучше сохранить во всём благопристойность.

Сочинитель
Врагами дураков иметь я не боюсь
И наставлений брать от вас не соглашусь.

Цензор
Я, право-с, та́к сказал, меня вы извините,
Я уважаю вас.

Сочинитель
И я.

Цензор
Перемените
Из дружбы хоть ко мне.

Сочинитель
Вам хочется шутить?

Цензор
Без этого никак не можно пропустить.

Сочинитель
Скажите, почему?

Цензор
Да пропустить опасно.

Сочинитель
Я вижу, что писал я целый год напрасно;
Пожалуйте мою мне рукопись назад.

Цензор
Я, право, пропустить ее охотно рад,
Мне очень нравится, но сами посудите...
Вы так упрямитесь, поправить не хотите...
Ну! что замечу я, так выкиньте то вы.

Сочинитель *(берет рукопись)*
Что ж будет за урод без рук и головы!

Цензор
Есть новый у меня один роман французский —
Жанлис, не то Радклиф. Не худо бы на русский
Перевести его. Я вам сейчас сыщу.

Сочинитель *(кланяется и уходит)*
Не беспокойтеся.

Цензор *(вслед ему)*
Я всё там пропущу.

1814

ГРАФ N. И ЕГО СЕКРЕТАРЬ

Граф
Послушай, a propos, что ж списки о чинах,
О награждениях, вещах и орденах?

Секретарь
Я ночь сидел насквозь, извольте, все готовы.

Граф
Кого ж ты написал?
(Пересматривает.)
Семен и Петр Вралёвы,
Мои племянники, — их должно поощрить,
С крестами, верно, уж не станут так шалить.
За ними кто? Ба! ба! Включил ты и Ослова!..
Да ведь побочный сын он князя Пустослова.
Ремизин! хорошо! играет по рублю.
Вертушкин! ну! его не очень я люблю.
Графиня?..
(Морщится и потирает лоб.)

Секретарь

Точно-с так, еще вчера.

Граф

Довольно!
Пускай и он идет, хотя другим и больно.
Мошнин! о, молод он, и как дать крест купцу...
Да, правда, должен я еще его отцу...
Чины теперь кому, посмотрим: Езельману —
Ну! немец он, пускай, — Лентягину Ивану,
Фролу Скотинину!.. как можно? он дурак!

Секретарь *(кланяясь)*
Двоюродный мой брат.

Граф

Ну! разве уже так!
(Подписывает.)

[1817]

БОГАТЫЙ И БЕДНЫЙ

Бедный
Я бедный человек, без места пять уж лет;
Старуху мать, жену, двоих детей имею,
Работать не могу, одной руки вот нет,
Да и другою я едва-едва владею.
Трудами рук своих кормила нас жена —
И та вот при смерти лежит теперь больна.
Мы просим облегчить гнетущее нас бремя...
Из милосердия нельзя ль дать что-нибудь
Голодным сим птенцам...

Богатый
Пришел ты не во вре́мя:
Вот видишь, я поел, мне надобно уснуть.

[1821]

ПРОЛОГ

Издатель *Благонамеренного (сидит за письменным столиком и держит в руке лист бумаги)*

Одно бы только слово!
И всё совсем готово!
О рифма! милая! голубушка! приди...
Нейдет, капризная, хоть как ее ни жди.
(Увидя входящую вдову.)
Что вам?

Вдова

Простите мне, что беспокоить смею.
Я ну́жду крайнюю до вас, сударь, имею:
Вы добрый человек; я бедная вдова.

Издатель *(в сторону)*

И так от вдовушек кружится голова!
(Вдове.)
Кто был ваш муж?

Вдова

Словесности учитель —
Хороший человек, ученый, сочинитель;
В чахотке уже был, а всё писал стихи
И не оставил мне, несчастной, ни крохи́...

Издатель

И дети есть у вас?

Вдова

Ах! Как не быть? Есть, есть!

Издатель

А много ль?

Вдова *(считает по пальцам)*
Раз, два, три, четыре, пять, шесть — шесть!
Все крошки, крошечки.

Издатель
Пожалуйте в субботу;
А нынче надобно окончить мне работу,
Простите, матушка.

Вдова *(уходит и возвращается назад)*
В субботу-с?

Издатель
Поутру.
Неу́жли рифмы я теперь не приберу?
(Входит офицер.)

Корнет
Рекомендуюсь вам. Принес я анаграмму,
Полдюжины шарад, акро́стих, эпиграмму,
Романс, послание, элегию, сонет
И...

Издатель
Смею вас спросить: кто вы?

Корнет
Кто я? — Поэт!
Вчера был ученик — сегодня же корнет.

Издатель
Не из Лицея ли?

Корнет
Никак нет-с — из кадет.
Позвольте.
(Хочет читать.)

Издатель

Времени теперь нисколько нет.
Есть дело у меня.

Корнет

Да дело отложите...

Издатель

Стихи свои в карман вы лучше положите.

Корнет

Вы, верно, шутите?

Издатель

Ей-богу, не шучу...
Оставьте вы меня.

Корнет

Так я вас проучу!

Издатель

Остро́, как барабан!

Корнет *(указывая на саблю)*

Остра моя подруга!
Забавен ваш журнал для своего лишь круга,
Вы площадной поэт, писатель не для дам!
Нет уважения к мундиру и усам!
Простите! Завтра к вам явлюся с секундантом
Приятелем моим, драгунским адъютантом.
(Уходит.)

Издатель

Таких наездников, как вы, я не боюсь.
Благонамеренный, известно всем, не трус.
Один, с одним пером, на дюжину вдруг выду;
Ни графам, ни князьям не дам себя в обиду.
Не струшу в бешенстве Роланда самого;

Боюсь только дам, а больше — никого.
(Человек приносит корректуру.)
Что ты? — Невовремя прислали корректуру!
Ахти! и позабыл послать письмо в цензуру!..
(Человек приносит письмо.)
Еще!
(Читает.)
        Пренужное! — Какой тут леший? — Граф!
Чтоб взял его сам бес или моргун Евграф!..
Кляну тот день и час, когда из фабулиста
Преобразился я невольно в журналиста.
Нет дня, чтоб не терпел я тысячи досад!
И жизни иногда бываю я не рад!..
Так мучиться в мои еще цветущи ле́ты!
Все бесят: цензоры, словесники, поэты!
Дивлюся, что с ума совсем я не сошел!..
А кончить надобно стихи... нашел! нашел!..

3 мая 1824

ПЕСНИ

ТАВРИЧЕСКИЙ САД

Сад Таврический прекрасной,
Как люблю в тебе я быть,
Хоть тоски моей ужасной
И не можешь истребить.

Только лишь одной природы
Ты имеешь красоты,
Просто всё в тебе: и воды,
И деревья, и цветы.

Просто всё в тебе и мило.
Для меня ты лучший сад.
Как приятно и уныло
Твой, лиясь, шумит каскад!

Ах! на травке на зеленой
Как люблю я здесь сидеть,
Дух имея утомленный,
На струи в слезах глядеть.

Ах! как временем вечерним
Хорошо в тебе гулять
По тропинкам искривленным
И о милом помышлять.

Как в тебе я ни бываю
И как много ни хожу,
Только им лишь мысль питаю,
Но его не нахожу.

Он меня не повстречает
Никогда в аллеях сих,
Вздохов он не примечает
И не видит слез моих.

Сад Таврический прекрасной,
Нету мне в тебе утех,
Но зато в тебе несчастной
Можно плакать без помех.

1800

ОПАСНОСТИ ОТ ВОДЫ
(С ФРАНЦУЗСКОГО)

Бог вздумал смертных наказать —
И шар земной вода покрыла;
Вот это может доказать,
Сколь пагубна ее нам сила.
        Друзья! не станем пить воды:
        От ней великие беды!

Честолюбивый Фаэтон,
Когда мир освещать пустился,
В ре́ку упал, и там уж он,
Раскаявшись, воды опился.
        Друзья! не станем пить воды:
        От ней великие беды!

Икар, который к небесам
Полет свой дерзостный направил,

Низвергся в море и волнам
Свой труп, и с крыльями, оставил.
          Друзья! не станем пить воды:
          От ней великие беды!

Безумцам славный образец,
Нарцисс, что сам в себя влюбился.
Несчастный получил конец,
Когда к воде лишь наклонился.
          Друзья! не станем пить воды:
          От ней великие беды!

Когда безжалостный народ
Латону бедную обидел,
То вдруг в пруде нечистых вод
Себя лягушками увидел.
          Друзья! не станем пить воды:
          От ней великие беды!

В аду, большим огнем где жгут
За малые грехи, обиды,
Там вместо казни воду льют. —
Кто ж? — душегубки Данаиды.
          Друзья! не станем пить воды:
          От ней великие беды!

В златой Астреин только век
Счастливы прямо люди были,
Тогда-то из ручьев, из рек
Все черпали вино да пили.
          Друзья! давайте пить вино:
          Ей-ей, небесный дар оно!

От Бога вместо всех наград
За добродетель дан был Ною
Прекрасный, спелый виноград,
На землю лишь ступил ногою.

Друзья! давайте пить вино:
Ей-ей, небесный дар оно!

1803, 1806, 1816

НА НОВЫЙ 1824 ГОД

Год Новый радостно встречаем
В собраньи искренних друзей;
Хозяев добрых поздравляем
И всех любезных их гостей.
Дай Бог всем в Новый год добра!
Ура! ура! ура! ура!

Дай Бог, чтоб злые не вредили,
Чтоб добрым воля здесь была,
Чтоб все спокойно, мирно жили,
Не делая друг другу зла.
Дай Бог всем в Новый год добра!
Ура! ура! ура! ура!

Дай Бог несча́стливым терпенья,
Заслугам истинным — наград,
Талантам всяким — одобренья,
А беднякам — хоть малый клад.
Дай Бог всем в Новый год добра!
Ура! ура! ура! ура!

Дай Бог в год високосный новый
Невестам лучших женихов,
Замужним молодым — обновы,
А старым — отпуск всех грехов.
Дай Бог всем в Новый год добра!
Ура! ура! ура! ура!

Дай Бог, чтоб более писали,
Чтоб всякой автором быть мог,

И чтоб бумаги больше брали
На деньги только, а не в долг.
Пора сбирать долги, пора!
Ура! ура! ура! ура!

Дай Бог, чтоб больше разбирали
Благонамеренный журнал,
Хотя б его и не читали,
И чтоб издатель восклицал:
Дай Бог подписчикам добра!
Ура! ура! ура! ура!

Дай Бог вдова́м всем утешенья,
И пожилым и молодым.
Пошли, о Господи! терпенья
И радостей побольше им.
Дай Бог всем вдовушкам добра!
Ура! ура! ура! ура!

Год Новый радостно встречаем
В собраньи искренних друзей;
Хозяев добрых поздравляем
И всех любезных их гостей.
Дай Бог всем в Новый год добра!
Ура! ура! ура! ура!

Декабрь 1823

ПЕСНЯ

На голос старинной русской песни
«Что мне нужды в свете сем страсти разбирати?»

Пусть дурачатся глупцы —
Я не замечаю;
Пусть срамятся подлецы —
Я не отвечаю;

Было б только мне вино;
Мне всего нужней оно:
Если выпью я стакан —
Весел и любезен.

Пусть безграмотный поэт
Рифмы прибирает,
Оду, притчу иль сонет
Всякому читает —
Я не слушаю его:
Мне вино милей всего;
Капельки одной не дам
За пухлые оды.

Пусть враг ближних, лицемер
В церковь с книжкой ходит
И, Тартюфа взяв в пример,
Глупых за нос водит —
На ханжей я не гляжу,
В их собранья не хожу;
А приди ко мне ханжа,
Тресну в лоб бутылкой.

Пусть всем головы кружит
Хитрая кокетка;
Перед зеркалом сидит,
Как в гнезде наседка, —
Знаю женщин всех давно!
Пью я старое вино —
Можно ли его сравнить
С молодой кокеткой?

Пусть старухи молодых
Строго осуждают;
О проказах же своих
И не вспоминают —

Злых старух я не терплю,
Пересудов не люблю,
И хороших старых вин
Я не осуждаю.

[1824]

ПЕСНЯ

Пусть задорный пес Фадей
От безделья лает
На свиней и на людей,
Сзади всех кусает.
Я Фадею не спустил,
В полынье его крестил:
Будет помнить век меня
Крестный мой сыночек.

Пусть Павлушка Медный лоб
Дураков морочит,
Лжет бездельник, как холоп,
Обмануть всех хочет.
Я бесстыдного лгуна,
Вора Павла Свиньина,
За язык, в пример другим,
На сосну повесил.

Октябрь 1824

НАВОДНЕНИЕ

Бог вздумал грешных наказать,
И Петербург вода покрыла.
Вот это может доказать,
Сколь пагубна ее нам сила.

Такой бы не было беды
И с грешниками без воды.

В эта́жах нижних, в погребах
Рыданья, стоны раздаются,
И в мутных яростных волнах,
Бочонки, кадочки несутся.
Такой бы не было беды
В эта́жах нижних без воды.

О жалость! в погребе большом
С водой напитки все смешались:
Вино и портер, водка, ром!
Ах! лучше б нам они достались.
Такой бы не было беды
С погребщика́ми без воды.

Большие лодки там плывут,
Где прежде все пешком ходили. —
Где тротуар — по горло тут!
Колоды, будки, дамы плыли!
Такой бы не было беды
Здесь в Петербурге без воды.

Досталось людям и скотам!
Скоты-то чем же виноваты?
Здесь видишь мебель, сви́нью там,
А тут плывет козел рогатый.
Такой бы не было беды
И со скотами без воды.

Вот будка едет на боку
И воин в ней, в броне сермяжной,
Какой нет ни в одном полку,
Гребет секирой с миной важной.
Такой бы не было беды
И с будочником без воды.

Вот баба здесь в чану сидит,
Метлою править к суше хочет;
Народ же с вышины глядит
И, видя бедную, хохочет.
    Такой бы не было беды
    С несчастной бабой без воды.

Ах! сколько, сколько бед вода
И в лавках книжных причинила:
Стихи Хвостова — о беда! —
И все журналы размочила.
Такой бы не было беды
Книгопродавцам без воды.

Вот если бы одно вино
По улицам здесь разлилося
Или хоть водка — все равно! —
Народу б много собралося
    И стали бы в себя тянуть:
    Никто не мог бы утонуть.

Когда бы в комнату ко мне
Вдруг хлынуло вино рекою —
Вот тут поплавал бы в вине
И черпал бы его рукою.
    В вине охотно утону
    И о воде не воздохну.

8 ноября 1824

СЫНУ МОЕМУ МИШЕ,

ОТЕЧЕСКОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ И НАСТАВЛЕНИЕ В ДЕНЬ ЕГО ИМЕНИН

Тебя, тебя мы поздравляем,
Студент Измайлов, великан!
Быть доктором тебе желаем,
Чтоб ты набил себе карман:

Старайся ты больных лечить,
Чтоб больше денег получить.

Вставай ты по утрам раненько
И в Академию спеши,
Сиди на лекции чинне́нько;
Не спи — но слушай и пиши
Все, что с кафе́дры говорят,
Как правильно людей моря́т.

Когда ж дадут тебе нож в руки,
Вот тут-то покажи себя:
Режь мертвецов на мелки штуки —
Рука не дрогнет у тебя.
Режь, Миша, будь же молодец:
Похвалит тетка, мать, отец.

Когда ж окончишь ты ученье,
Получишь полный аттестат,
Тогда примися за леченье:
Мори людей, как все моря́т.
Мори по правилам, мори —
И денежки за то бери.

Умей продлить болезнь подоле,
Когда твой пациент богат;
Получишь за труды поболе,
Да и аптекарь будет рад.
Аптекарь — нужный человек!
Бери, бери оброк с аптек!

Пускать всем пыль в глаза старайся,
Глубокомысленным кажись,
Хвали себя и наживайся;
С отцом и с матерью делись.
Даст Бог тебе за то добра!
Ура, наш Михаил, ура!

1825

НА ОТЪЕЗД В ТВЕРЬ
(Застольная песня)

Собираюся теперь
В город древний, славный Тверь.
Скоро тройку подхвачу
И как вихорь полечу —
А журнал, стихи хоть кинь!
Еду, еду — динь, динь, динь,
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.[20]

Полно думать о стихах,
Надо думать о делах,
Позабыть и Муз, и дам,
Помнить только Вакхов храм.
Корректуре уж аминь!
Не до ней — динь, динь, динь, динь,
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

А когда приеду в Тверь,
То как страшный, лютый зверь
Встречу винных продавцов.
Не потрачу с ними слов:
Чуть не так что — тотчас вынь
И положь — динь, динь, динь, динь,
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

Подниму в Твери я нос,
Буду лаять, как Барбос:
А где нужно, там согнусь
И в лисицу превращусь.
Совесть! ты меня лишь кинь!
Слышишь? чу! звенит: динь, динь —
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

---

[20] При словах: *динь, динь* надобно стучать ножом по бокалу или по стакану. Подобный refrain есть в одной французской песне о св. Людовике *(Примеч. И.)*. Refrain (*фр.*) — припев.

О, любезные друзья!
Расстаюся с вами я.
Как обязан я всем вам!
Просим милости в Тверь к нам.
Ради всех богов, богинь
Приезжайте! — динь, динь, динь
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

8 декабря 1826

БЕЖЕЦКАЯ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРСКАЯ ПЕСНЯ

Сижу на кровати, а сам я дремлю,
И, кажется, носом я рыбу ловлю.

В руке табакерка — ну, точно утюг[21], —
И на́ пол роняю со сна ее вдруг.

И раб, пробужденный паденьем сребра,
Никифор впросонках встает вдруг с одра.

Сперва табакерку он мне подает;
Подаст и меня на постелю кладет.

Покроет и скажет: «Ну спите, суда́рь:
Давно уж храпит и ваш секретарь».

Нюхну табачку, к стене обернусь,
А сам то и дело крещусь да крещусь.

Забудусь — и страшное вижу во сне:
То бес кривоносый представится мне[22].

---

[21] В самом деле, фигура у этой табакерки утюгообразная *(Примеч. И.)*.
[22] Historique *(Примеч. И.)*. Исторический *(фр.)*.

«Анафема! шельма!» — как Стентор, кричу
И по́ носу треснуть его я хочу.

То вижу отдатчиков земских, голов
И рекрутов тощих, трех меньше вершков.

«Затылок! Зачем вы даете таких? —
Где ж лучшие? Дома оставили их?»

В сторонке у двери отдатчик-холоп
Так молит глазами, чтоб крикнул я: *«Лоб!»*

Вот с просьбой мужик на коленках ползет.
И сам секретарь мой ее не поймет,

Хотя в протоколах острил он свой ум:
Скор, быстр, суетлив, — притом же мне кум.

Читаю молитвы во сне и стихи,
А всё худо спится — ну знать, за грехи!

Засну и проснуся, зевну и вздохну,
И нехотя вспомню про душку жену.

Бывало, недуг при ней — не недуг:
Все легче как вместе, как с милой — сам-друг.

Не да́й Бог в чужбине, не да́й Бог хворать,
А хуже того еще — умирать.

Хотя б кривоносый явился теперь
И снес бы на часик иль два меня в Тверь.

Нет, видно еще две недели терпеть,
А там в Волочок через Тверь полететь.

1828

ШЕНКУРСКАЯ РЕКРУТСКАЯ ПЕСНЯ

На голос «Как на матушке на Неве-реке»

Ах, вы рекруты, вы удельные,
Что удельные, нескудельные,
Мускулистые, телом чистые!
Не тужите-ка вы, ребятушки!
Ни по батюшке, ни по матушке,
Ни по душечке молодой жене,
Ни по маленьким крошкам-детушкам!
У вас батюшка — православный царь,
У вас матушка — служба царская,
Молода́ жена — пищаль меткая,
Мило детище — троегранный штык.
Послужите-ка вы, ребятушки,
Послужите-ка верой-правдою
Царю белому, православному,
Николаю ли достохвальному!
Бережет солдат как детей родных,
Входит батюшка во все ну́жды их.
Обо всех болит, как отец родной,
Для России лишь и живет одной!
Не Двина быстра́ всколебалася,
Не валы кипят, не валы шумят,
Как возго́ворят все рекру́тики,
Все рекру́тики да удельные,
Что удельные да шенкурские:
«Мы докажем все, что мы русские!
Да на что же нам и на свете жить,
Коль не станем мы хорошо служить.
Куда царь велит, туда мы пойдем,
За царя-отца мы хоть все помрем,
Царя мудрого, православного,
Николая ли достохвального!»

1829

СМЕСЬ

СМЕРТЬ
(Из Мальгерба)

О смерть! кто, кто тебя свирепей может быть?
Моленьям нашим не внимаешь,
Перстами слух себе от нас ты заграждаешь
И заставляешь слезы лить.

Убогий в хижине, соломой покровенной,
Дань тяжкую тебе, стеная, отдает,
И на престоле царь, стража́ми окруже́нной,
От твоея косы, как сельный злак, падет.

1798

СОНЕТ ОДНОГО ИРОКОЙЦА, НАПИСАННЫЙ НА ЕГО ПРИРОДНОМ ЯЗЫКЕ

Где холодно, цветы все худо там растут.
Лишь вы́ходишь, они показываться станут,
То солнечные им лучи потребны тут,
Но вместо солнца дождь, снег, град — они и вянут.

Канада есть сия холодная страна,
Цветы — писатели, а солнце — одобренье;

И наша нация, к несчастью, есть одна,
Где авторы в таком находятся презренье.

Утешьтесь, бедные! и прочие науки
Все одобряются не более у нас;
Возьмите, юноши, не книги, карты в руки,
Вертитесь, кланяйтесь — чины, места ждут вас.
Бостоном[23], танцами составить счастье можно,
А с просвещением в леса сокрыться до́лжно.

1804

ВЕРНЫЙ ЛЮБОВНИК

Напрасно вопиют, что развратился свет,
Что ныне и в любви уж постоянства нет,
Что все любовники любовниц забывают. —
Такие ль, Боже мой! они у нас бывают?
Нельзя им забывать, и вот тому пример:
Линдор был молодой армейской офицер,
От всех товарищей своих он отличался,
Красавцем, ловким он, любезным почитался.
Клариса нежная, которая была
Чувствительна весьма и столько же *мила,*
Пленясь им, и сама равно его пленила.
Сколь удивительна любви жарчайшей сила!
Ни служба строгая, ничто — ниже *бостон,*
Но даже самой *банк* не делали препон
Линдору страстному с Кларисою видаться
И счастием в любви взаимным наслаждаться.
Зима в веселостях, в утехах вся прошла,
Приятная весна за ней вослед пришла,

---

[23] *Примечание переводчика.* Может быть, карточная игра бостон получила свое название от города сего же имени, который находится в Северной Америке, где и Канада; так мудрено ли, что она там имеет великое уважение, когда и здесь без нее жить не могут *(Примеч. И.)*.

И загремела вдруг труба ужасной Славы.
Бегут толпой с полей и игры, и забавы,
Все Нимфы слезы льют, оставя хоровод. —
Линдорову полку объявлен уж поход.
Кто может описать любовников прощанье?
Их горесть, их тоску, их слезы, обниманье?
Клариса бедная наверно б умерла,
Когда бы спирту ей служанка не дала,
И в обморок она совсем было упала. —
Потом с Линдором как уже прощаться стала,
То воздымалася у ней от вздохов грудь.
«Прощай, любезнейший, меня ты не забудь!» —
Сказала так она — и книжку подарила
Ему, которую сама на память шила.
«Небось, о милая, небось!» — Линдор вскричал,
И имя он ее тут в книжке записал.

[1805]

СТИХИ НА КОНЧИНУ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПНИНА

Что слышу? Пнин уже во гробе!
Уста его навек умолкли,
Которы мудростью пленяли!
Навеки сердце охладело,
Которое добром дышало!
Навек рука оцепенела,
Котора истину писала!
Навеки мы его лишились!

О смерть! исчадье ада злое!
Зачем, зачем его сразила?
Он был еще в цветущих ле́тах!
А часто изверги ужасны,

Которы землю оскверняют,
Которы кровь пьют беззащитных,
Живут до старости глубокой!
Зачем не их, его сразила?

Как древо юное весною
В саду при солнце зеленеет
И, будучи покрыто цветом,
Плоды обильны обещает,
Плоды, которые бывают
На нем всегда год года лучше, —
Все им любуются и пе́рстом
Его друг другу указуют...
Но мрак спускается на землю —
Вали́тся цвет и лист зеленый...
Вотще садовник истощает
Свое искусство попеченья:
Прекрасно древо сохнет, сохнет,
И глядь... совсем уже засохло, —
Так точно Пнин погиб несчастный!

Сего ль, друзья, мы ожидали?..
Почтим же прах его слезами,
Цветами гроб его украсим
И памятник ему воздвигнем
Над хладною его могилой[24],
Хотя он памятник поставил
Еще давно себе и вечный —
В сердцах у нас, в своих твореньях.
О Пнин! друг милый и почтенный!
Мир праху твоему навеки!
Твое век имя будет славно,
И память вечно драгоценна
Для нас и для потомков наших!

---

[24] Друзья его хотят воздвигнуть ему памятник с надписью: «Пнину — друзья» *(Примеч. И.)*.

Когда писать, что должен, буду
Для пользы я моих сограждан,
Тогда, о Пнин, мой друг любезный!
Приду я на твою могилу
И, тень твою воображая,
Твоим исполнясь вдохновеньем,
Писать тут лучше, лучше стану.
Когда же мне судьба сулила
Еще прожить на свете долго
И небо мне сынов дарует,
То им доставлю воспитанье
По правилам, изображенным
В твоем полезнейшем журнале[25].
Тебя в пример им ставить буду
И приведу на то их место,
Где прах теперь твой почивает.
Слезами мы его окро́пим
И с благодарностию будем
Произносить твое мы имя,
Пока с тобой не съединимся.

Сентябрь 1805

---

[25] Самая продолжительная и прекрасная пиеса в «С.П.бургском журнале» 1798 года, который издавал Пнин, есть «О воспитании». Мысли, находящиеся в ней, большею частию почерпнуты из творений славного Филанджиери. Над сим сочинением трудился один почтенный друг Пнина, но, кажется, и сам Пнин тут участвовал. «С.П.бургский журнал» был первым опытом его упражнений в словесности, но, к чести издателя, до́лжно присовокупить то, что сей журнал есть из лучших наших ежемесячных изданий и что нет в нем ни одной почти пиесы, которая бы не служила к пользе или к наставлению читателей. Ах! для чего он не успел окончить свою славу «Народным вестником», который незадолго пред своею кончиною принял намерение издавать *(Примеч. И.)*.

ПРИЯТНАЯ СМЕРТЬ

Я хочу, чтоб смерть застала
С трубкою меня в руках;
Чтоб в то время предо мною
Пунш на столике стоял;
Чтоб Милена на коленях
У меня тогда была.
«О всемощная богиня! —
Так бы Смерти я сказал. —
Погоди-ка ты немножко,
Дай стакан мне мой допить,
Дай проститься мне с Миленой,
Буду я готов сей час;
Между тем мою ты трубку,
Если хочешь, покури».
Тут бы мигом пунш я до́пил,
Тут бы уж в последний раз
Милую мою Милену
К сердцу крепко я прижал
И в минуту восхищенья
Закричал бы так на Смерть:
«Что ж ты, глупая, зеваешь,
Ну! рази теперь скорей».

[1806]

НА РОЖДЕНИЕ МЛАДЕНЦА
(С АРАБСКОГО)

Родяся, плакал ты, малютка, в колыбели.
С улыбкой радостной мы на тебя смотрели.
Дай Бог, чтобы ты жизнь с улыбкой прекратил
И слезы на своей могиле заслужил.

[1806]

НОВЫЙ НАРЦИСС
(С ФРАНЦУЗСКОГО)

Нарциссу я уподобляюсь —
Поверите ли в этом мне?
Своею красотой пленяюсь,
Смотрюсь, но не в воде — в вине.
Едва себя в нем примечаю,
В восторг сладчайший прихожу,
От радости весь задрожу
И образ свой тотчас глотаю.

[1809]

УЧЕНИЕ СОКРАТА
(ИЗ ДЕМУТЬЕ)

Что философия? — Наука быть счастливым,
Вести всегда войну против страстей своих,
          Жить в мире со страстьми других,
          Быть добрым, то есть *справедливым*.
Без справедливости добра прямого нет:
          Кто справедливость нарушает,
          Тот подл или жесток бывает;
Несправедливость есть источник зол и бед.
Все состояния и должности почтенны,
Когда полезны мы, то нет для нас стыда;
Одни лишь праздные, беспечные презренны. —
          Нет удовольствий без труда.
          Дары Фортуны нам опасны;
Забавы роскоши, а не труды ужасны.
Трудитесь, бедные, чтобы без ну́жды жить,
А вы, богатые, чтоб жизнь переносить.
          Смерть добродетельных завидна;
          Порочных жизнь всегда постыдна.
Постыдно в рабстве жить. — Противиться кто слаб
          Желаньям суетным и тщетным,

Тот вольность потерял, тот самый жалкий раб.
Но близок, близок тот к бессмертным,
Кто самого себя умеет победить
И может в бедности собой довольным быть.
От честолюбия, любови убегайте,
        Любите добрые дела одни:
        Да в них проходят ваши дни,
В них честолюбие свое всё полагайте.
Они для мудрого приятнее всего,
        Скрывать их — слава для него.
        Ученья нечего стыдиться:
        Я ста́рее гораздо вас,
        Но я желал бы всякий час
И в старости моей полезному учиться.
        Что знаю, сообщаю вам;
А вы что знаете, мне также сообщите;
    Я вас учу — и вы меня учите,
Взаимно наставлять друг друга должно нам.

1810

НА КОНЧИНУ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ М. Л. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА СМОЛЕНСКОГО

О, весть плачевная! Отечества спаситель,
        Злодейских полчищ истребитель,
Вождь, мудростью прославленный в боях,
            Кутузов, галлов страх,
Любовь всех россиян, вселенной удивленье,
Как солнце в ясный день, скончал свое теченье!
            Кто даст нам столько слез,
Чтобы оплакали достойно мы героя?
Сограждане! он жизнь на жертву нам принес,
В преклонных ле́тах он лишал себя покоя,
В недугах тяжкие труды переносил
И не щадил для нас своих последних сил.

Любви к отечеству, к царю пример великой!
Кто приобрел себе блестящий столь венец?
Кто умирал когда со славою толикой?
И зависть, наконец,
Змея, которая у ног его шипела,
Умолкла, онемела!

Да в мире почие́т твой прах!
Покойся! Ты нам всем спокойствие доставил.
Твой памятник у нас в сердцах:
Ты наших жен, детей от гибели избавил;
Ты честь восстановил оружья россиян.
Уже над пропастью тиран!
И скорое его паденье —
Европы всей освобожденье —
В селениях небес твой дух возвеселит.
Там только Бог твои заслуги наградит.

1813

ЗАВЕЩАНИЕ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ

1

Предчувствуя мою кончину,
Законным королям я уступаю трон,
Чтобы из милости производили сыну
Хотя сиротский пансион.

2

Жена́м моим давать не нужно содержанье:
У первой деньги есть;
Последнюю ж на пропитанье
Возьмет к себе мой тесть.

3

От братьев не видал я никакой заслуги;
Пускай живут их чем хотят,
Пускай из королей пойдут теперь хоть в слуги;
Сестер же в госпиталь под старость поместят.

4

Остатки гвардии и войска распускаю
И благодарность им мою
За службу, раны их и голод объявляю,
Но жалованья не даю.
Где взять его, когда я сделался банкрутом?
Последняя война была без барыша.
(Обманут жестокó я Коленкуром-плутом!)
Вся собственность моя теперь: *одна душа,*
Один мой только гений!
Отказываю я их князю Сатане,
Который сочинял со мною бюллетени
И помогал во многом мне.

5

Пред смертию своей прошу у всех прощенья;
Не требую себе богатых похорон
И даже обойтись могу без погребенья.
Прощайте! помните, что был Наполеон.

1814

С. Д. П[ОНОМАРЕВОЙ],

С КНИЖКОЮ МОИХ БАСЕН

Вот книга редкая: под видом небылиц
Она уроками богато испещре́на;
Она комедия; в ней куча разных лиц,
А место действия — пространная вселенна.

Не я так говорю — Эзоп наш, граф Хвостов, —
Сию смесь рифм и слов
При баснях он своих поставил эпигра́фом.
Но мне ль равняться в баснях с графом?
Нет, граф не мне чета!
Вот у него-то простота
И острота!
Тон самый легкий, благородный!
Язык скотов он знает как природный!

Хоть басни у меня не так-то хороши,
Но это лучшие мои стихотворенья;
И я дарю их вам от сердца, от души
В знак совершенного, отличного почтенья,
Которое навек к вам сохранит
Плохой и отставной пиит,
Ваш всепокорнейший и всеусерднейший слуга
А. И.

17 сентября 1820

П. П. Давно уже, давно я басен не писал,
А всё причиною журнал.
Теперь занятия мои в литературе
В одной лишь только корректуре.
И я уже не фабулист,
Не Лафонтена подражатель,
Не переводчик, не писатель,
А так — ни то ни се — ну, словом: журналист!

С. Д. П[ОНОМАРЕВОЙ],

НА ДЕНЬ ЕЕ РОЖДЕНИЯ

Когда роди́лись вы на свет,
Вам имя *радости, веселья*[26] дали,
Так Грацию меньшую звали.
Вот боги со́брали совет.
(Мне это за секрет
Сказали дщери Мнемозины.)
Венера страх была рассержена́,
— «Что это? — говорит она, —
Теперь у нас две Евфрозины!
Мне Евфрозина дочь — чужой я не хочу.
Нет, господа, я не шучу —
Нет, *не хочу и не хочу*[27].
Велите, папенька, дать имя ей другое».
— «Минерва! — Зевс сказал, — подумай, погадай
И имя этой крошке дай...»
— «Ну как ты думаешь, какое?» —
— «Да не угодно ли хоть Мудростью назвать?
Другого имени я не могу прибрать:
Все имена такие...»
— «Что ж? Мудрость?.. Хорошо, прекрасно! —
Зевс сказал, —
Приличней имени я сам бы не прибрал.
Да будет *Мудрость,* иль *София*!
Хочу, чтобы она была
Умна, как дочь моя большая;
Любезна же и весела,
Как Грация меньшая».

25 сентября 1821

---

[26] Сначала назвали ее *Евфрозиною*, что на греческом языке значит *радость, веселье (Примеч. И.)*.

[27] Любимая поговорка покойной и незабвенной *С. Д. П[ономаревой] (Примеч. И.)*.

ЖЕНЕ МОЕЙ,

ПО СЛУЧАЮ ПОДАРЕННОЙ ЕЮ МНЕ ТАБАКЕРКИ С ЕЕ ПОРТРЕТОМ

Что это? — Твой портрет!
Как схож!.. твои глаза, твой нос, твои *ланиты,*
Румянцем розовым покрыты...
Живая будто здесь... но нет,
Ты лучше, нежели портрет.
Мале[28] сам в этом согласится.
Не веришь? — В зеркало взгляни же на себя.
Благодарю, мой друг, тебя
За дар бесценный твой. Он мною сохранится,
Доколе жизнь моя продлится.
Теперь не разлучусь я ни на час с тобой
И буду брать тебя с собой
И в департамент наш, и в общества учены,
И в типографию, куда не ходят жены,
И в лавки книжные, в цензурный комитет,
И к бедным в хижины, где даже печек нет, —
Везде, везде со мной ты будешь неразлучно.
Когда же без тебя мне сделается скучно, —
На табакерку я взгляну —
И милую мою жену
Сквозь стеклышко раз пять иль девять поцелую
И прогоню тем скуку злую.

[1821]

---

[28] Имя художника, писавшего портрет *(Примеч. И.).*

К N. N. О САДЕ Г[АНИНА]

Бывали ль вы когда у Г[анина] в саду?
Неу́жли не бывали?
Так ничего вы не видали!
Какой там памятник чудесный на пруду![29]
Нет, сходимте туда: хозяин — мне приятель,
Предобрый человек, отличнейший писатель,
Творец прекрасных драм: *Любим* и *Валерьян*[30],
Ельвира и *Иван*.
Есть у него в саду фонтан,
Который бьет вверх три аршина[31];
Есть и молочница[32], и ручка от кувшина;
Есть разны статуи: Улисс, Аякс, Вольтер,
Диана, Пифагор, Румянцев и Гомер[33];
Одни из мрамора, другие же из глины;
Клоринда, в шишаке, с копьем, из чугуна.
Куда ни поглядишь — прелестные картины!
Представьте: три горы — одна
Блестит цветными изразцами;

---

[29] Первой его супруге, с сею краткою и выразительною надписью: *Марии, другу, любви и верности*. Памятник сделан из прочной глины и обсажен красивыми елками вместо кипарисов *(Примеч. И.)*.

[30] Есть у него еще две драмы: *Ельвира, или Роза,* в которой театр представляет *Молодую турчанку,* стоящую на коленах, и *Джон, или Иван*. В сей последней драме в числе действующих лиц находятся: *Городское правление, Прескот, Львица,* и проч., и проч. Действие происходит на Антильских островах, неподалеку от морского берега, близ возвышенной горы, на степи Сары *(Примеч. И.)*.

[31] Не на три, а на четыре аршина. Так уверяет Е. Ф. Г., все его дети и служители *(Примеч. И.)*

[32] Сделанная на Охте, неизвестно из какого дерева, за 10 р. *(Примеч. И.)*.

[33] Есть еще Каракала, Фридерик II, Юлий Цезарь, Павел I, и проч. *(Примеч. И.)*.

Флаг веет на другой; на третьей виден храм,
Сооруженный в честь парнасских милых дам[34].
Весь пруд заставлен кораблями;
У пристани есть *бот,*
Чтобы *перевозить народ*[35].
На крепостном валу стоит солдат в мундире;
Три пушки близ него, а чуть ли не четыре.
Внизу в стене сидит пасто́р
За крепкою решеткою железной,
Читает Библию — похвальный труд, полезный!
А прямо через пруд мещан брадатых хор[36];
Супруги, детки их вокруг качель[37] толпятся;
Иные вверх летят, другие же вертятся;
Тут слышишь смех, там вопль и стон.
Направо — павильон.
Чего нет в этом павильоне?
Стату́и, биллиард и надпись на фронтоне:
Далёко незачем, коль хорошо и здесь[38].
По воскресеньям вечер весь
Музы́ка громкая играет;
Хозяин пудреный[39], как петушок, гуляет,

---

[34] Первая гора не имеет, кажется, никакого названия, а можно назвать ее *Муравленым царством;* вторая именуется *Древлянкою,* а третия *Парнасом (Примеч. И.).*

[35] Сии два стиха заимствованы из притчи графа Д. И. Хвостова *(Примеч. И.)*

[36] Кроме мещан бывают тут и купцы 3-й и даже 2-й гильдии, в том числе некоторые без бород *(Примеч. И.).*

[37] Друг хозяина, толстый и неуклюжий издатель *Благонамеренного,* качался однажды здесь на новых *парижских* качелях, и от тяжести его едва не оборвалась одна сиделка *(Примеч. И.).*

[38] *Незачем далеко — и здесь хорошо.* — В самом деле, очень, очень хорошо *(Примеч. И.).*

[39] Е. Ф. Г. пудрится и носит на шее голубой платок. Он может сказать о себе то же самое, что и В. Л. Пушкин:

Я с возвыше́нною хожу всегда главою *(Примеч. И.).*

А в клетке попугай[40] кричит: *дурак, дурак!*
Все могут в сад ходить[41], но только без собак[42].

[1821]

К ЧИТАТЕЛЯМ *БЛАГОНАМЕРЕННОГО*

Вот уж и праздники большие наступают.
Богатые себе обновы покупают
(О суета сует!);
У магазинов тьма карет. —
А бедные меж тем *говеют;*
Не только платья, но — и пищи не имеют.
Вот старец *Худяков* семидесяти лет,
Советник титулярной,
В *светлице темной* и прохладной,
То есть нетопленой, лежит,
Вздыхает и дрожит;
Все на диете он, хоть есть и аппетит;
Ослеп давно совсем, обременен семьею! —
Есть и еще слепец один,
Андреев, здешний мещанин
Осьмидесяти лет, с женою
Старушкою, больною.
А две несчастные вдовы: *Гринблат*
И *Пряхина* с детьми дни по́ два не едят.
У них есть сыновья большие, но калеки. —
О христиане человеки!

---

[40] В торжественные праздники ставится обыкновенно в саду Е. Ф. Г. клетка с попугаем у четырехаршинного фонтана *(Примеч. И.)*.

[41] Е. Ф. Г. записывает своеручно на особом листе знаменитых посетителей, начиная с 5-го класса *(Примеч. И.)*.

[42] На задних воротах сада была прежде надпись: *Для добрых, честных и без собак*. По сей причине долго не решался идти в этот сад известный *патриот-писатель* П. П. С[виньин] *(Примеч. И.)*.

Хоть что-нибудь пришлите в праздник им,
А если можно, и другим,
И вам сторицею воздаст за то Создатель.
Клянуся честию! — *Издатель*.

1822

В АЛЬБОМ В. И. П[АНАЕВУ]

О ты, которого труды мне так полезны,
С тех пор как издаю журнал,
П[анаев], мой сочлен, товарищ, друг любезный,
Ты хочешь, чтобы я в альбом твой написал.
Изволь — но только лишь стихами,
И вольными притом: я очень их люблю;
Гексаметров же не терплю —
Однако это между нами.
Что ж написать тебе в альбом?
Вот, право, я и сам не знаю,
А с лишком двадцать лет уж вирши сочиняю!
Беда и стыд с моим нетворческим умом:
Я в вымыслах совсем удачи не имею —
Творец *двух опытов* о мне так говорит,
А вместе с ним мой фаворит пиит,
Которого назвать по имени не смею.
И так он на меня сердит
За то, что я ему бессмертие доставил.
Бог с ним! уж я его оставил.
Хотел бы похвалить тебя от всей души;
Но мне хвалить в стихах ни разу не случалось.
Идиллии твои, поверь, не хороши...
А сколько у тебя осталось?
Три, помнится, — пришли их мне в журнал,
Пришли, *любезнейший!* ты сам ведь обещал.
Кто ж слову измени́т, тому да будет стыдно!
Ты честный человек, и по стихам то видно.

Пиши и не скрывай таланта своего;
Пиши, пока писать есть время,
Пока не тяготит забот житейских бремя.
Увы! пора есть для всего!
И заниматься здесь нельзя всегда стихами.
Беседуй же теперь почаще с пастухами,
С пастушками; укрась своими их цветами;
Не позабудь и фавнов, и дриад,
Особенно наяд;
А я им всем как буду рад!
Люблю поэзию, люблю литературу;
Но, ах! отстал теперь от прозы и стихов:
Цветник мой из чужих цветов:
Судьба велит держать мне только корректуру.

[1822]

В АЛЬБОМ С. Д. П[ОНОМАРЕВОЙ]

Счастливец, Гектор![43] ты счастливец!
Первейший ты любимец
Прелестнейшей из дам,
Которой в древности воздвигнули бы храм:
Минуту каждую она тебя ласкает,
Каплю́шкой, капелькой и *крошкой* называет,
Целует... следуешь за нею ты как тень.
Не только с нею ты бываешь целый день,
И ночь, всю ночь при ней... спишь на ее постеле,
Всегдашний страж ее небесной красоты...
Подумаешь, вот в самом деле
Как сча́стливы бывают и скоты!

[1822]

[43] Любимая ее собака *(Примеч. И.)*.

ЭЛЕГИЯ[44] НА ОТСТАВКУ ГР[АФА] Д. А. Г[УРЬЕВА]

В подвалах винных, в кабаках
Все вопиют: *увы и ах!*
Виц-губернаторы в слезах,
И воры все по винной части
Дрожат и ждут себе напасти.
А Взметнева такой взял страх,
Что не заглянет и в карманы.
Обресков стер с лица румяны;
Дубенский осовел, как пьяный;
Ждет казни Мечников Евграф,
Моргает, делает гримасы —
Теперь бы взять его в паясы!
А граф, спесивый, толстый граф
Молчит и не промолвит слова,
Краснеет только и пыхтит,
Как холмогорская корова,
И сам себе так говорит:
«Пропал и ум, и аппетит!
Не знаю-с, как в такие годы
Поехать мне на теплы воды!»

Апрель 1823

НА ПЕРЕМЕЩЕНИЕ М[ЕЧНИКОВА]

Хвала, хвала тебе, Канкрин!
    Хвала и ле́та многа!
В Сенат попал друг сатанин;
    Благодарят все Бога!
Ликуют горные и пьют,
    В церквах молебны служат;
Все Мечникова, все клянут...
    Но родственники тужат.

---

[44] Так назвал И. И. Д[митриев] *(Примеч. И.)*.

В отчаяньи Евграф-моргун:
    Зла делать он не может;
Молчит богопротивный лгун —
    Кривляясь, пальцы гложет.
Сенаторству свинья не рад!
    И шепчет: я *обижен,*
А как теперь им весь Сенат
    Замаран и унижен!

Восстань, великий Петр, восстань!
    Возьми забвенну палку,
Поди в Сенат, очисти дрянь,
    Дай бестолковым валку,
Схвати Евграшку за чупрун —
    И об пол головою!
В окно его — и чтоб моргун
    Упал там за Невою!
И чтобы труп его лежал
    В позор без погребенья.
Кто всех теснил и обижал,
    Достоин посрамленья!

1823

МОЛИТВА ПИТЕЙНЫХ ЧИНОВНИКОВ

Счастливы *горные!* томились восемь лет;
Но их мучителя в Сенат уж посадили,
        А нам, *питейным,* счастья нет!
Дай Бог Дубенскому попасть хотя в Совет —
Лишь нас бы от него скорей освободили.
Когда с креста был взят на небо прямо вор,
То и разбойник наш да будет контролер.

1823

ПИСЬМО СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ САТАНЫ К ЕГО ПРЕ[ВОСХОДИТЕЛЬСТ]ВУ Е. И. М[ЕЧНИКОВУ]

Любезнейший мой друг и брат!
Тебе, конечно, очень больно,
Что ты попал в Сенат.
Пора и отдохнуть — ты послужил довольно.
Прошу покорно в ад —
А как тебе он будет рад!
Я сам, я сам в восторге буду;
Столкну прочь от себя Иуду,
На правое к себе колено посажу
И забавлять тебя чертям я прикажу.
Шешковского тебе дам с причетом в услуги,
Сестру Али-Паши в подруги,
И если приживешь ты с ней в аду детей,
То я пожалую им все права чертей.
Ну, милый мой, решися:
Осину выбери погорче, удавися
И в Тартар провалися.
Скорей, скорей же к нам!
Тебе я праздник славный дам.
Вот тут пойдут у нас пиры и ликованья!
Прости... до скорого свиданья!

1823

ЗАВЕЩАНИЕ ДРУЗЬЯМ

Друзья! когда умру — все, все ко мне придите
И на кладби́ще проводите;
А там, уж как хотите,
Гроб до могилы донесите
(То, правда, будет тяжело,
Но, слава Богу! вас довольное число)
И, бросив на меня по горсточке землицы,
Скажите: «Дружбою он очень счастлив был

И всей душой друзей любил». —
А вы, о дамы и девицы,
Которым столько я в альбомы написал,
Которым я не льстил, хотя и угождал!
Землею ручек не марайте,
Но киньте, каждая, в могилу мне цветок;
А если жаль меня — букет или венок,
И лихом мертвого меня не поминайте.

[1823]

НА БОЛЕЗНЬ С. Д. П[ОНОМАРЕВОЙ]

София неможет!
София больна!
София в постеле
Четвертый уж день!
Все Грации плачут,
Амуры в слезах,
И Игры, и Смехи
Исчезли, как сон!
И Гектор с Мальвиной
Уныло визжат.

О боги, богини!
Взгляните с небес,
Как в спальне София
Смирне́нько лежит.
Не видно румянца
На впалых щеках;
Не видно улыбки
На алых устах;
Лишь временем вздохи
Из гру́ди летят:
У милой Софии
Смертельно болят
И щечки, и зубы!

Она простудилась:
В ней жар и озноб,
Совсем сна лишилась,
Пропал аппетит.

О боги! пошлите,
Пошлите скорей
К Софии Гигею
С целебным питьем,
Да вмиг исцелится,
Да встанет с одра!
И к нам возвратится
Веселье опять.
И Игры, и Смехи
Опять прилетят!
И Грации, Музы
Ее посетят.
София уж будет
Здоровье беречь
И слушаться станет
Родных и друзей,
Которые ей
Добра все желают,
Ее уважают
И любят душе́й.

[1823]

К ЧИТАТЕЛЯМ И ЧИТАТЕЛЬНИЦАМ *БЛАГОНАМЕРЕННОГО*

Читали ль первую статью
В *Благонамеренном* о наших *меньших братьях?*
О тех, которые здесь ходят в ветхих платьях,
Постятся в мясоед и трапезу свою
Слезами часто растворяют.
Как, бедные, они страдают!

Читали ль Филарета речь,
Речь превосходную, которую и Греч,
Собрат мой, поместил с начала
Еженедельного на этот год журнала.
Прочтите ж на *Страстной* статьи сии хоть раз,
Но только со вниманьем,
И если упадет слеза из ваших глаз
И к *меньшим братьям* состраданьем
Исполнится не втуне грудь,
То не оставьте их посильным подаяньем;
Пришлите к празднику для них хоть что-нибудь.
Ей-богу, не во что иным из них одеться
И даже нечем разговеться.
Ах! правду говорит наш пастырь, Филарет,
Что *нищеты из всех скорбей тяжеле нет*.
И философия сама тут не поможет,
Как нечего надеть и есть!
Иному корки хлеба в честь,
Да иногда и тех день целый не погложет.
А каково еще больным быть в нищете
Без всякого призренья!
Увечным иль лишенным зренья!
Ужасней нищета еще при слепоте!
Но сколь достойны сожаленья
Семейств несчастные отцы!
Терзают их сердца голодные птенцы.
Пришлите ж что-нибудь друзьям моим сердечным:
Больным, слепым, увечным,
Малюткам-сиротам, вдова́м.
Что получу, всё им немедленно раздам —
К иным же отнесу и сам.
Писатель для мужчин и дам.

[1824]

КАНТАТА НА КОНЧИНУ С. Д. П[ОНОМАРЕВОЙ]

Нет уже прелестной Грации и Музы!
Нет, ах! нет Софии милой, несравненной!
Прервались внезапно юной жизни узы —
Лейтесь, лейтесь слезы на прах незабвенной.

Ты ль это, София? Ужель это ты?
Лишилась мгновенно своей красоты!
Прелестные очи навеки закрыты,
Уста посинели, опали ланиты,
Лилеи поблекли, увянули розы,
Исчезла улыбка — лейтеся, слезы!

Окончились твои несносные мученья!
Умолк болезненный твой стон!
Грудь не колеблется. Ни вздоха, ни движенья!
Как крепок твой, София, сон!
Нет, не дождаться нам Софии пробужденья!

Дни и недели,
Месяцы, годы,
Веки пройдут;
Но не прервется
Сон твой, София!
И не погибнет
Память твоя!

Так, так: бессмертны дарованья!
А ты ли не имела их?
Ты приводила всех собой в очарованье!
В улыбке и в речах, в поступках всех твоих
(Невольное воспоминанье!)
Видна была печать ума и доброты. —
Блеснула и исчезла ты!
Лишь расцвела и — вдруг увяла!
Не *здесь — там, там* тебе цвести!

Не много ты жила, но много ты страдала!
Прости!.. прости!.. Навек прости!

24 мая 1824

ЛЮБИТЕЛЬНИЦЕ КОШЕК, С ГРАВИРОВАННЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ КОТА

Вот самый смирный кот!
Прошу принять его: от вас он не уйдет
И вам нисколько не наскучит;
Он не царапает и даже не мяучит.
Кормить не надобно: не ест, да и не пьет.
На стул или под стул его вы положите,
И будет он лежать — не тронет ничего;
Лишь дальше от мышей держите —
А то они съедят его.

[1824]

НА ОТЪЕЗД ПРИЯТЕЛЯ В МОСКВУ

Итак, ты нынешней весною
Не едешь к ревельским водам?
И хорошо! Что делать там?
Сравняться ль Ревелю с Москвою?
Чужой все в Ревеле народ,
Едят сосиски, буттерброд,
Бир-суп, воздушные салаты...
Шесть блюд не стоят саламаты....
Все по-немецки говорят
И целый день табак куря́т! —
В Москве же русские прямые,
Все хлебосолы записные!
Какие же там калачи!
Уж немцам так не испечи́!

А бархатное черно пиво?
Уже не портеру чета!
Какая сладость, густота
И крепость!.. не питье, а диво!
C'est á Moscou qu'on fait bombance[45]:
Садись скорее в дилижанс;
Но не забудь ты взять в дорогу
С собой бутылок шесть винца —
В дороге надо пить, ей-богу! —
Послушай толстого певца.
В Москву приедешь — помолися
Угодникам святым за нас;
Молись, но только не постися,
И не отъевшись, не женися;
А коль отъешься — в добрый час!
Гуляй и веселись на воле,
Поболе пей и ешь поболе,
Чтоб не болела голова;
Ходи обедать чаще в гости,
Да туком облекутся кости,
И будешь сочен, как трава
Иль злак на пажитях весною.
Назад приедешь — все со мною
Тебе воскликнут: *вот Москва!*

Ступай же с Богом, отправляйся
И нас в Москве не забывай;
В Москве недолго заживайся
И в Петербург к нам приезжай
На новую свою квартиру,
Да привези по калачу.
А я, как должно рифмачу,
Примусь тогда, примусь за лиру...
Какая лира, чорт! шучу.

---

[45] Сэ а Моску кон фэ бомбанс (*фр.*) — это в Москве, где пируют.

Играть на лире не умею,
Пером — и то кой-как владею:
Зато умею я любить
И уважать людей почтенных;
За их здоровье рад я пить
И *добрых* рад в стихах хвалить.
А для лукавых и надменных,
Пока в уме, пока дышу,
Ни полстиха не напишу,
При случае ж и укушу.
Ни крокодилов, ни лягушек
Надувшихся я не терплю,
Равно как хвастунов Павлушек;
А честных, скромных всех люблю,
Тебя люблю и уважаю
И от души тебе желаю
Здоровья, всякого добра.
Ура, приятель наш, ура!

[1824]

СЛЁНИНА ЛАВКА

У Слёнина в лавке на креслах сижу;
На книги, портреты смотрю и гляжу.

Вот бард наш Державин, вот Дмитрев, Крылов!
А вот Каталани — под нею Хвостов.

Тимковского-цензора тут же портрет.
Есть даже Гераков — Измайлова ж нет!

Авось доживу я до светлого дня!
Авось в книжной лавке повесят меня!

Чу! чу! колокольчик в сенях зазвенел;
Хозяин с улыбкой к дверям полетел.

Кого-то к нам в лавку лукавый принес?
Не граф ли? — Нет, польский задорный наш пес!

Измайлова видя, бледнеет вдруг он
И крестному батьке отвесил поклон.

Приходят Рылеев, Бестужев и Греч,
Язык бы последнему надо присечь.

Вот Сомов вбегает, вот входит Козлов!
А вот из Сената заехал Хвостов.

В собрании этих почтенных людей
К Измайлову речь обращает Фадей.

«Что? сказочки нет ли какой на меня?»
— «Есть! Бойся ты сказок моих, как огня.

Любезный мой крестник! изволь, одолжу:
Три новые сказки тебе я скажу.

Кусал пес задорный большую свинью,
А я его кинул под лед в полынью.

С поляком бездушным я бился вдвоем,
И с боя бежал он в слезах с фонарем.

Безграмотный ротмистр-беглец был у нас.
Судьею его посадил я в Приказ...»

Булгарин взял шляпу и вон побежал —
А то бы Измайлов еще продолжал.

Октябрь 1824

МОЯ МОЛИТВА

Спаси, о Господи! меня, жену, детей,
Сестру мою, родных и искренних друзей!
          Для пользы и для славы
      Пошли мне более врагов,
      Да с честию пройду путь правый!
      Дай средства жить мне без долгов;
      В трудах, в бедах пошли терпенье:
Пошли, пошли скорей большое мне именье:
Охотно с бедными избытком поделюсь.
      А ежели я возгоржусь
И совесть, ангела-хранителя, забуду,
То накажи меня как Каина, Иуду;
Пусть с лицемерами в геенне вечно буду.

[1825]

НА ПРИЕЗД Я. И. Г[ОВОРОВА]

Радость наша —
Доктор Яша
Возвратился
Из вояжа;
Не женился
На чужбине.
Ах, голубчик!
Ах, касатик!
Ах, лебедик!
Сокол ясный!
Врач прекрасный!
С другом верным
Обнимися;
К сердцу, к сердцу

Мне прижмися.
Позабудем
Нашу ссору[46];
Не сердися,
Улыбнися.

Что, привез ли
Нам гостинцу
Из дороги? —
Есть... о боги!
О друг милой!
Друг сердечной!
Нам не дорог
Твой подарок;
Дорога́ нам
Дружба друга.

Как мы рады,
Что приехал
Друг наш добрый!
Не боимся
Лихорадок,
Ни горячек,
Ни хирагры,
Ни подагры,
Ни гангрены:
Доктор Яша
За рецептик —
Все болезни
В ретираду.

Заживем же
Снова дружно:
По субботам,
Также в среду

---

[46] За стихи. — *Милые бранятся, лишь тешатся. (Примеч. И.)*

Будем вместе;
Станем спорить,
Но без сердца,
Без сарказмов. —
Оставайся
Здесь в столице
И женися
На девице
На прекрасной,
На певице
Голосистой,
На танцорке
Стройной, ловкой,
На ком хочешь,
Не женись лишь,
Друг сердечной,
На ученой,
На педантке,
На злодейке
Стихотворке.

[1825]

А. Ф. СМИРДИНУ

Любезный, честный наш Смирдин,
Питомец книжников почтенных, благородных!
[. . . . .]
Оракулов негодных
И *песенников* ты ни с кем не составлял,
Одни хорошие лишь книги издавал
И литераторам не делал притесненья;
На обхожденье ты и на платеж хорош:
Попросишь у тебя, ты и вперед даешь;
Учтив, радушен, добр, любитель просвещенья;
Гостиннодворских нет ухваток у тебя,
И благородно ты всегда ведешь себя. —

Достоин, право, ты, достоин уваженья!
Я знаю и люблю тебя уже шесть лет...
Скажу по совести, что нет
Книгопродавца здесь, как, тезка, ты, другова,
Окро́ме Сленина Ивана, острослова.
Когда к вам ни придешь,
То литераторов всегда у вас найдешь
И в умной, дружеской беседе
Забудешь иногда, ей-ей, и об обеде.
Так, в лавках у обоих вас —
Парнас...

[1826]

ДРУЖЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ ИЗДАТЕЛЮ «ТЕЛЕГРАФА» Н. А. ПОЛЕВОМУ

Радость наша,
Николаша!
Осердился,
Осрамился!
Ах, голубчик,
Умник, купчик,
Ах, кабачник,
Не сердися:
Алманачник
Даст бессмертье —
Веселися!
Не смотри ты
На Павлушку:
Он лоб Медный,
Но дворянчик...
А ты купчик!
Ах, голубчик!
Будь умнее,
Перестань ты
Аристархить

И печатать
Своевольно
Вздор курсивом,
Ставить шпильки
Со крючками
Между скобок:
Право, стыдно.
Поучися
С куликами
По-французски,
Критик русский,
Европейский,
Безбородый!
Ах, ей-богу!
Хуже слогу
В «Телеграфе»
Я не знаю.
И язык-то
Ведь не русский,
Не немецкий,
Не французский,
Так и пахнет
Он харчевней
Цареградской
Или рядом
Москательным.
Дама ахнет,
Прочитавши
Пять, шесть строчек,
И картинок
В «Телеграфе»
Больше видеть
Не захочет.
Как хохочет
Греч, Булгарин,
Каченовский
И Измайлов;
Только плачет

Друг твой верный,
Лгун прескверный,
Вор Павлушка.
А Павлушку,
Как лягушку,
Вмиг раздавит
Алманачник,
Дюжий, толстый, —
Плачь, кабачник!

Ты грамматик,
Ты статистик,
Ты историк,
Ты теорик,
Химик-практик,
Журналистик —
Много смыслишь,
Кто и спорит?
Не умеешь
Ты, однако,
Изъясняться
Благородно;
А смеяться,
Острословить,
О, издатель
«Телеграфа»,
Как у графа
У Хвостова,
Нет в тебе, брат,
Дарованья:
Шутишь плоско,
Вяло, жестко!

Радость наша,
Николаша!
Критик скучный,
Смелоручный
И бездушный!

Будь умнее,
Будь скромнее,
Перестань ты
Аристархить.
Эй, уймися,
Не срамися:
Берегися!

26 и 27 марта 1826

* * *

В Палате, в гостях ли, иль дома сижу,
Всё подле себя табакерку держу.

Гляжу и смотрю всё на женин портрет,
Зачем здесь со мною самой ее нет?

Когда бы Катюша со мною была,
То, верно, она бы меня обняла.

Не милы мне дамы-игрицы в Твери:
Весь день козыряют, чорт их побери!

15 февраля 1827

ОТВЕТ НА СЛЕЗНОЕ ПРОШЕНИЕ ТВЕРСКИХ ДАМ-СПЛЕТНИЦ

Великий государь, наш мудрый император!
Моленью дам тверских внемли́.
Здесь есть злодей виц-губернатор:
Его для нас ты удали.

Наш бедный город погрузился
В пучину тягостных грехов.

Измайлов в Тверь лишь поселился —
Житья не стало от стихов.

Неблагодарные! Зачем же вы грешите?
Смиритесь, подожмите хвост!
Теперь Великий пост,
Страстная началась — покаяться спешите.
Измайлов — друг всех дам[47], друг всех честны́х людей,
На сплетниц же старушек,
Не стоящих пяти полушек,
На старых девок злых он сам большой злодей.
Цветочки видите, а *ягодки-то* будут.
Бессмертье всем вам даст — вас век и не забудут,
И *дама важная* что хочешь говори,
Измайлов же назло останется в Твери.

25 марта 1827

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОБЕД

Приди, любезный прокурор!
К виц-губернатору откушать,
Пресвященного послушать,
Который, молвить не в укор,
Умнее даже Филарета,
Красноречивее его.
Приди же, одолжи поэта;
Стол будет постный у него.
Но не красна изба углами,
Ни винами, ни пирогами —
Красна лишь добрыми друзьями.
Теперь же праздники — гуляй!
И, если можно, приезжай
С почтенною своей подругой,
Картолюбивою супругой.

---

[47] *Дам,* а не *баб (Примеч. И.).*

Я так твою *Любовь* люблю,
Так уважаю, почитаю,
Что сам хоть в карты не играю,
Но карты для нее куплю.

8 апреля 1827

И. П. МЯТЛЕВУ,

на отъезд его из Твери

Ах, гости милые! теперь
При вас мне нравится и Тверь! —
Благодарю, что посетили
Забвенного от всех певца,
Которого здесь приютили
К продаже хлебного винца.
Не любят здесь литературы —
Здесь все почти карикатуры
(Скажу я по секрету вам),
Особенно из старых дам.
Клянусь, здесь многие дворянки
Не стоят, право, и крестьянки:
Играют в карты день и ночь
И сплетничают во всю мочь. —
Но есть здесь дама, есть богиня,
Хилкова именно княгиня;
Есть и еще дам пять иль шесть —
Приезжих, делающих честь
И полу своему, и Тве́ри —
Прекрасны, милы так, как пери;
Жеманства в них и спеси нет,
И любит их ваш друг-поэт.
Никто об них не скажет худо;
И есть у нас еще здесь чудо —
Амвросий, наш архиерей —
Краса ученых всех монахов,

Умнее многих патриархов,
А сердцем прост, как иерей,
Он истинный поборник веры,
Но не ханжа и не сердит,
Как мистики и лицемеры.
Вот был бы уж митрополит!
О всём умно как говорит,
О всём как здраво рассуждает,
И не педант, хоть много знает.
Поверите ли в этом мне?
Он судит даже о войне,
Получше многих и военных,
Своею службою надменных.
Не всякий, право, генерал —
С таким вниманием читал,
Как он, военные журналы.
Его взять можно в генералы.
Хоть ростом он довольно мал,
Но был бы славный генерал —
Дивизионный, не бригадный,
И деловой, а не парадный.

Простите, милые друзья!
При вас немножко по́дпил я
От радости! Ей-ей! ей-Богу!
Ступайте ж с Богом в путь, в дорогу.
К Полине, Мятлев, ты помчись,
От нас низе́нько поклонись
Родителям своим почтенным,
Патронам нашим незабвенным,
Пора к жене! Ей-ей! пора
Давай же Горского бутылку;
Да штопор, если нет — так вилку.
Ура, все Мятлевы! ура!

4 июля 1827

А. И. ПОНОМАРЕВУ,
НА ПОДАРЕННЫЙ ИМ МНЕ БУХАРСКИЙ БУЛАТНЫЙ НОЖ, КОТОРЫЙ ПОЛУЧИЛ ОН ОТ П. Л. Я[КОВЛЕВА]

Давнишний друг! ты мне дари́шь булат,
Да и какой еще! — Бухарской!
Подарку твоему я очень, очень рад —
Годится этот нож мне и на службе царской.
Не думай только, чтоб кого я резать стал:
К несчастью, ножичек твой мал, —
Остер — но у меня перо еще острее;
Остер, как бритва, мой язык,
Хотя не можно быть, клянусь, меня добрее.
По смерти скажут, что я был добр и велик—
Не то чтобы велик, а был великодушен
И гласу разума и Божию послушен.

1827

М. Ф. О[ХЛЕСТЫШЕВУ] НА ОТЪЕЗД ЕГО ИЗ ТВЕРИ

Прости, дивизия шестая!
Прости, добрейший генерал!
Прости, скажу еще вздыхая!
Как нас в Твери ты утешал!

Чтоб без тебя был наш воксал[48]?
Твои Орфеи-музыканты
Обворожали там наш слух,
А офицеры, адъютанты
Тверь обращали в Петербург.

---

[48] Воксал, или публичный сад в Твери, достопримечателен тем, что при устройстве оного столько посажено деревьев, сколько было дворян при открытии Тверского наместничества. Предание уверяет, будто каждый дворянин посадил по дереву *(Примеч. И.)*.

При них и наш воксал убогой
Ведь походил на Летний сад
Большой аллеей, иль дорогой,
Где по краям стояли в ряд
Купцы брадаты, величавы,
Смиренны девы златоглавы[49],
Их маменьки в цветных платках
С двумя концами на спина́х.
Куда ни обратим мы взоры —
Где, где у нас теперь танцоры?
Один улан лишь мазурист!
Теперь хоть не танцуйте, дамы!
Играйте все в бостон да в вист!

Изобретатель гидрорамы
Усатый Краузе-мудрец[50],
Когда б в стаканчике с водою
Представить мог перед тобою
Всё, что у нас внутри сердец:
То, право бы, ты удивился,
Как мы привязаны к тебе.
Приворожил ты нас к себе.
Хоть ты давно с двумя звездами
И заслужённый генерал,
Но ты не важничал пред нами
И носа вверх не поднимал.
Не важничал и не гордился —
С душой открытою, прямой
В Твери ты с нами обходился.
Как жаль, что едешь ты домой!

---

[49] Тверские девицы носят остроконечные шапочки из золотой парчи, а замужние повязывают на головы большие платки, которые сзади распускаются двумя широкими концами *(Примеч. И.)*.

[50] Соперник знаменитого Пинетти, бывший во всех столицах Европы и даже в Персии. Гидрорама — ящик, в который вставливается стакан воды. В нем, посредством оптики, представляются в уменьшенном виде настоящие предметы, животные, люди *(Примеч. И.)*.

Дай Бог тебе с твоей подругой,
С твоею умницей супругой,
Всех радостей, всех благ земных!
Прости!.. позволь себе сжать руку.
П[. . . . .] в поруку
Даю, что точно как родных
Мы любим вас и почитаем
И вам всего добра желаем.
Ты истинный христианин
Или тот *израильтяни́н*
Правдивый, *в нем же лести нету*.
Поверь нельстивому поэту.
Прости же, Бог с тобой, прощай!
И к нам опять в Тверь приезжай.

[1827]

КАШИНСКИМ И КАЛЯЗИНСКИМ РЕКРУТАМ

Здравствуйте, ребяты!
Бравые солдаты!
Полно, не тужите:
Царю послужите.
Царь у нас правдивый,
Добротолюбивый.
Доброму нас учит,
А солдат не мучит,
Бережет, покоит,
И кормит, и поит,
Тепло одевает,
Все их нужды знает.
Грех царю такому
Не служить всей правдой.
Братцы! одолжите:
Хорошо служите.
Постарайтесь, други,
Чтоб вас похвалили

И всем говорили:
«Кашинской округи
Славные ребяты —
Рекруты солдаты,
Калязинцы тоже». —
Дай этого, Боже!
Ну, братцы, простите!
В Бежецк нам пора!
Полно, не грустите.
Кликните ж: *ура!* —
Отцу-государю
Царю Николаю.

[1828]

МОЛИТВА *БЛАГОНАМЕРЕННОГО*
(В альбом кн[ягине] Е. С. Х[илковой])

Спаси нас, Господи, от злых,
Избави от людей лукавых
Защитником будь против них
В делах и начинаньях правых.

Когда нас не оставишь Ты,
Мы ничего не убоимся:
Ни зависти, ни клеветы —
И к правде смело устремимся.

За правду пострадал Ты сам,
Приял и казнь, и поруганье.
За правду обещаешь нам
Здесь тяжкий крест — там воздаянье.

Ты с кротостию поучал
Людей незлобливых, смиренных,
Но лицемеров обличал,
Мздоимцов не щадил надменных.

И в путь, проложенный Тобой,
Спаситель, устремимся смело:
Пожертвуем Тебе собой
За правое святое дело.

Но рано ль, поздно ль совесть в злых,
Змее подобно, пробудится
И сердце иссосет у них —
И род лукавых истребится!

[1828]

ВОЛГА В ТВЕРИ

Не широка, не глубока,
Обыкновенная река,
Ничем не изумляет взора;
На слабого походит прокурора:
Подобно ей, он тих, смирён;
Не так чтоб глуп, не так умен.
Воды в ней мало — в нем же духу.
Рад покровителю молчаньем угодить,
Боится правдой рассердить
Не только старшего, но даже и старуху,
Которой злой язык
Опаснее, чем троегранный штык.

1828

ИНСТРУКЦИЯ ЖЕНЕ МОЕЙ, ТВЕРСКОЙ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРШЕ

1

Хоть ты и очень мне мила,
Однако же отнюдь не смей входить в дела

Ни по которому палаты отделенью:
Не твоему, а моему ведь управленью
Палата здешняя поручена́.
Виц-губернаторше нет дела до вина,
В моем распоряженья власти,
Вино, и хлеб, и соль,
И деньги, и контроль.
Я не вхожу в дела по вашей дамской части
И слушаться в делах казны не стану дам.
Не Ева ты, я — не Адам;
Не дам
Прельстить тебя изгибистому змею, —
Льстецов, наушников и сплетников — всех в шею.
Смотри ж, пока живем в Твери,
Ни с кем не говори
Ни про уездные правленья,
Ни про палатские дела, определенья;
Не говори о том ни с кем, ниже со мной.
Не должен говорить муж о делах с женой.
Противно это Учрежденью
О управлении губерний, Наставленью,
Палатам данному; в Уставе о вине
Не сказано, чтоб муж давал отчет жене.

2

Не будь, сударыня, болтлива,
Не будь горда, властолюбива,
А также и хвастлива.
Коль станешь говорить при ком, то не спеши,
Скороговоркою в собраньях не смеши.
Не то, так прозовут насмешники чечоткой,
Сорокой иль трещоткой.
С торговок барыням примеры стыдно брать:
Им должно говорить порядочно, не врать.
Кто старее тебя, тех выше не садися,
Всегда им место уступай,

Виц-губернаторством пустым не возносися
И дамою себя *второю* не считай;
Учтиво, ласково со всеми обходися.
Хоть первый я в Тверской губернии поэт
И в храм бессмертия мной кончена дорога, —
Но я горжусь ли тем? — Нет, нет!
Притом таланты все имеем мы от Бога,
Чины ж дает Сенат, не только государь.
По мне, хороший секретарь
И даже регистратор
Почтеннее, чем злой дурак виц-губернатор.

3

Из сплетниц ежели составишь штат себе,
Которые придут к тебе
С улыбкой целовать тебя не в щечки — в плечи
И станут говорить тебе насчет других
Нарочно злые речи,
Чтоб попросила ты меня о чем для них:
Дать мужу, например, чинок иль награжденье,
Племянничка определить,
Для кума покривить душой в определеньи
Иль как-нибудь кого по службе притеснить, —
То, не прогневайся, взбешуся,
На старости с тобою разведуся.
Серьезно говорю. —
А сплетниц кофеем горячим обварю —
Пусть жалуются хоть царю.

4

Не странничай и не срамись,
У будки не садись;
Не останавливай идущих
Кухарок из мясных рядов,

Кульки под мышкою иль на плечах несущих,—
Не ревизуй у них кульков;
Не делай им пустых вопросов,
Особенно допросов
Пристрастных: сколько в год
Иль в месяц от казны хозяин получает?
Почем квартиру нанимает?
Кто у него бывает?
И как велик его неокладно́й доход?
От зависти отнюдь в лице не изменяйся
И слезы скрыть старайся,
Коль гость ест много, или пьет,
Иль скатерть невзначай вином каким зальет.
Хоть больно, лучше притворися
Иль к людям придерися
И пошуми на них побольше за столом —
Так менее съедят и скажут: «Вот и видно,
Виц-губернаторша в порядке держит дом!
Хозяйка!» — Плакать же при посторонних стыдно.

5

Перед гостями
Не осыпай меня смешными похвалами;
Не говори:
«Как мучится мой муж в Твери!
Одышка сделалась от дел, насилу дышит,
А бедненькой с утра до полуно́чи пишет!
За делом он всегда.
Поверь другим — беда!
Способностью к делам давно он всем известен.
А как умен! как добр! как честен!
Уж не возьмет ни за́ что ни с кого.
Зато у нас нет ничего...
Долги... А как берут другие!
Такой-то, например, купил недавно дом,
Признаться, пополам с грехом —

И строится теперь, да бревна-то какие!»
Подобных пустяков отнюдь не говори.
Не должно уверять нам о себе словами,
А знаешь чем? — делами.
Ей-ей! не дураки в Твери:
Хорош ли кто? — Всем это видно.
А дурень? — Ну, тому и стыдно,
А если зол, так *грех*!
И будет тот у всех
Не только что в презреньи,
Но в омерзеньи.

Февраль — 22 апреля 1828

ПЕВЦУ КУБРЫ

О речка малая, Кубра!
Славней ты Тигра и Ефрата,
Славнее, чем Дунай и Ра.
Хоть ты стру́ями не богата,
Но воспоен певец тобой,
Парнасского исполнен жара,
Соперник древнего Пинда́ра;
Своей волшебною рукой
Прославил он тебя на лире,
И стала первой ты рекой
Во всем подлунном здешнем мире!

Начало мая 1828

А. М. Л[АЗАРЕВОЙ],

по случаю отъезда ее из Архангельска

О горе! горе! горе!
Удар Бухарину! Измайлову удар!
Из *Соломбало*[51] вскоре
Вы едете на *бар,*
Через *сухое море*[52]...
А там... а там...
О вы, краса и честь архангельских всех дам,
Вы сядете на «Кульм»[53] — и в Океан пространный,
Из Океана в Зунд, известнейший пролив,
Из Зунда в Балтику, из Балтики в залив
Финляндии... потом... потом в Кронштадт желанный. —
Счастливого пути!
Дай Бог доехать вам туда благополучно.
А нам без вас как будет скучно!
Нет, дамы нам такой, как вы, здесь не найти
И некому уж делать куры.
Наказывает Бог нас, видно, за грехи!
Кому прикажете читать теперь стихи?
Любительниц литературы
Российской здесь из немок[54] нет;
Из русских также нету[55].
Притом же по секрету
Скажу я вам:
Здесь много женщин — мало дам.
Как грустно будет нам!
В таком от вас ужасном отдаленьи!
В Палате я, Бухарин же в Правленьи —

---

[51] Предместие Архангельска, где купеческая и военная гавань *(Примеч. И.)*.

[52] Так называется мелкое место *(Примеч. И.)*.

[53] Название корабля *(Примеч. И.)*.

[54] Немцами называют в Архангельске и англичан, и голландцев, и швейцар. Замечу мимоходом, что о занятиях моих в словесности тамошние немцы знали прежде русских *(Примеч. И.)*.

[55] Виноват — есть, и не одна, как узнал позже *(Примеч. И.)*.

Об вас всё будем вспоминать,
Об вас всё будем мы мечтать.
Сойдемся в Комитете,
Который по грехам бывает часто пуст
И где предмет важнейший *хруст*[56],
Тут спросим мы друг друга об Анете:
Здорова ль то она?
Не дай Бог, чтоб была больна.
Не видя на небе от облаков лазури,
Со вздохом скажем: *нет ли бури?*
И мужа вашего тут побраним вдвоем,
Что не отправил вас отсель сухим путем,
Иль по-архангельски: *горою,*
А взял на Океан с собою. —
Велите сей листок в альбомчик ваш вкле́йть,
Чтобы не вовсе нас забыть,
Нас, бедных, заключенных,
Отъездом вашим огорченных.

Июнь 1828

ПРОШЕНИЕ СТЕРЛЯДЕЙ

Его Превосходительству
Господину . . . . . . гражданскому губернатору и кавалеру

1

О друг людей!
Не пре́зри слезного прошенья
Карбанских стерлядей
И удостой ты оное прочтенья!
К сему прошению

[56] Хруст — песок *(Примеч. И.)*.

2

Нам слава в том и честь,
Когда друзья карбанского владельца
Изволят у него нас есть:
Он ими потчует от сердца.

вместо означенных

3

И потому, когда нельзя Вам здесь обедать,
Нижайше просим Вас
Отсрочить свой отъезд на час:
Нельзя ли нас хотя за завтраком отведать
Сегодня поутру?
Меж тем вы в шахматы сыграете игру.

стерлядей за неумением их грамоте
имярек руку приложил.

[1828]

ПРОЩАНИЕ С МЕЗЕНЬЮ

Прости, *Мезень*, о город *скучной*,
Где месяц *весело* я жил,
Хотя два раза болен был.
Прости, *майор* прямой, радушной
С своей супругой добродушной.
Прости, *уездный судия*,
Пришедший на Мезенски долы
От дальныя гористой Колы!
Сугуба в граде власть твоя:
Ты — и судья, и городничий...
Прости, заботливый *лесничий*,
Смотритель срубленных лесов!
Не заморозь Мезень без дров!

Прости, услужливый *исправник*!
Радушно нас ты угощал
И на оленях покатал.
Прости, беззубый наш забавник,
Штаб-лекарь, свой отживший век!
На вечеринках отличался
И тем под старость утешался,
Что молодой ты человек.
Прости и *казначей* примерный,
Трудолюбивый, честный, верный!
За подчиненными гляди
И, как отец в своем семействе,
Так ты в уездном казначействе
По-прежнему и впредь сиди.
Прости и ты, сосед-приятель,
Мезенских игр законодатель,
Почтмейстер, опытный певец!
Хоть скромен ты, но молодец!
Простите, *барыни*, *девицы*!
Составьте длинны вереницы,
Потом в большой все станьте круг —
Пусть каждую целует друг[57].

Простите ж и живите мирно,
А ссориться грешно и стыдно.
Не поминайте ж лихом нас —
Уедем скоро мы от вас.

30 декабря 1828

ПРОЩАНИЕ С АРХАНГЕЛЬСКОМ

Прости, Архангельск узкий, длинный!
Прости, широкая Двина!

[57] Этим заканчивалась одна из простонародных мезенских игр *(Примеч. И.)*.

Простите, берега картинны!
Спешу: ждут дети и жена.
Простите, с *вышками*[58] хоромы!
Простите, маленькие домы,
О коих уверял Свистин,
Что *с вышкой* дом такой один
Обходится здесь не дороже,
Как в 40—50 рублей,
Прости ему, великий Боже!
Без умысла солгал злодей![59]
Простите, длинные анбары,
Прости, большой Двинской обруб[60],
Дощаты, гладки тротуары[61],
И вы, кем красится так клуб,
Голаночки, и англичанки,
И немочки, и россиянки,
Утеха для души и глаз!
Возможно ли забыть мне вас,
Особенно играл с кем в фанты?
Простите вы, негоцианты,
Почтенны му́жи, старики!
Простите, хваты-моряки!
Как птицы, прилетите с хладом,
Потом опять на море стадом.
А слезки сколько раз текли,
Как отъезжали корабли?
Простите, добрые граждане,
Чиновники, купцы, мещане

---

[58] *Вышка* — светелка, терем, мезонин *(Примеч. И.)*.

[59] Барка, достаточная на построение маленького домика, продается иногда в Архангельске от 40 до 50 р.; но весь домик, с работою и необходимыми к нему принадлежностями, обходится в 300 и 400 р. *(Примеч. И.)*.

[60] *Обруб* — деревянное укрепление берега, набережная *(Примеч. И.)*.

[61] Превосходные деревянные тротуары устроены в Архангельске при нынешнем генерал-губернаторе (1830) и не только летом, но осенью и зимою содержатся всегда в примерной чистоте и исправности *(Примеч. И.)*.

И православные крестьяне[62]!
Спаси Господь вас от беды,
От бурь, огня и от воды,
В *Калинники*[63] ж — от града, мраза,
От гадов вредных, от *кота*
Морского[64], что страшней кита,
Страшней, чем *мор*, или зараза.

[1829]

МОЯ ИСПОВЕДЬ

К. С. М.

Кто исповедь других откроет,
Тот смертный ров себе изроет.

---

[62] Вообще крестьяне в Архангельской губернии набожны, особенно в Шенкурском уезде. В нем нет раскольников или староверов. Каждый крестьянин дважды в год служит обедни по *родителям:* в день их смерти и в день именин *(Примеч. И.)*.

[63] В Архангельской губернии есть пословица: *пронеси, Господи, Калинники* (29 июля бывает память мученика Калинника*) мороком,* т. е. туманом, сыростью. Около этого времени бывают иногда морозы, которые истребляют поспевающий к жатве хлеб. Есть там и другая пословица, что *хлеб в восемь недель поспевает из закрома в закром (Примеч. И.)*.

[64] Есть поверье между простым народом, что из Северного океана выйдет в Архангельскую губернию жадной *морской кот*, который поест много народа, но после и сам молитвами Соловецких чудотворцев погибнет. Подобно сему рассказывают, будто в окружающих Сийский монастырь (Арх[ангельского] уезда) семидесяти семи озерах, имеющих между собою сообщение, водилась огромнейшая щука, которая таскала с берегов и глотала не только ребят, но даже взрослых людей, коров и лошадей. В монастыре, как я от многих слышал, показывают чрезмерной величины рыбью челюсть или зуб, едва ли не позвонок из хребтовой кости, на котором можно сидеть как на стуле *(Примеч. И.)*.

За множеством хлопот и дел
Два года я уж не говел.
Грехов скопилось много, много:
Не исповедывайте ж строго.
Боюсь я Бога одного
И Богом только чту Его.
Не поклоняюся болвану
И гнуть спины пред ним не стану:
Болван хоть в золоте, но всем
Известно — глуп он, глух и нем,
Народ вокруг него толпится,
Когда ж он сверху вниз свали́тся,
Когда с него наряд сдерут —
Достанется болвану тут!

Нет, никогда я не божуся,
И имя Божие страшуся
Порукой всуе призывать.
И в шутках не люблю я лгать.
Притом, цензуру помня строгу,
Где был Красовский, Бируков,
Не напишу в стихах «ей-богу»
И прочих запрещенных слов.

Воров бесстыдно защищая,
У трона не скажу вблизи:
«Господь меня Сам разрази,
Когда мука́ была гнилая», —
Хотя бы вор мне был и кум.
И не придет равно мне в ум
Сказать — лоб должен быть из стали —
Тому, с кем вместе воровали:
«Как Бога, вас сюда мы ждали!»
О низость! подлый интерес!
Ну Бог ли это? Разве бес!

О, очень помню я субботу!
Отправлю почту и работу,

Оставлю, кину до утра.
Когда же поутру пора
Придет принесть для воскресенья
Во храме с прочими моленье —
Боюсь идти я в Божий храм,
Коль проповедник буйный там.
Галиматья экспромтом льется,
Народ исподтишка смеется,
Скрываются в платках носы,
Невольно вверх стремятся плечи,
Не только склада и красы —
И смысла не бывает в речи.

Жаль, право, вчуже бедных дам:
Стоят себе, потупя глазки;
Одна вздохнет, другая там, —
Ах! лучше б я читал им сказки.
Досада! стыд! и срам! и смех!
Соблазна в церкви избегаю
И редко потому бываю.
Так не на мне и этот грех.
Противу заповеди пятой,
Равно шестой, осьмой, девятой
Я никогда не согрешал:
Родителей я почитал,
Не убивал, не воровал,
Ругался только, взятки брал
(Тогда, как издавал журнал[65])
И на врагов не клеветал.

По счастью, робким я родился
И рано же притом женился.
Пять люстров я с женою жил,

---

[65] Со всех издателей — по экземпляру каждой новой книжки; с дурных литераторов не книгами, а разными вещами и даже деньгами *в пользу бедных*; с дам за стихи в альбом — кошельками, снурками и только два раза поцелуями; со старух за прозу — просвирами *(Примеч. И.)*.

С женою милой и прекрасной,
Как добрый муж, любовник страстный,
А то б, быть может, согрешил
Против параграфа седьмого.
Полюбит кто теперь седого?
Хоть я и прозван L'art d'aimer[66],
Крылова дружкой и Теньером;
Хоть *мил, умен* и *славен*... mais[67],
Что я пред юным офицером?
Ma chère, il est volage et bête[68],
Но militaire[69] и в двадцать лет!
Ах! дамам[70] нравятся не лиры,
Но с эполетами мундиры.
У статских хоть и есть шитье,
Но им плохое всё ж житье,
А эполеты, эполеты
Как много придают красы;
Притом же черные усы,
Особенно в младые леты.

Не только жен желал чужих,
Я и теперь желаю их.
Своей давно со мною нету,
Без дам нельзя же жить поэту.
Не съем я их, не укушу,
Не на́ век ведь себе прошу.
Кто нравится, той напишу
Стишки на память для альбома,
А нет, не увезу из дома;

---

[66] Ль'ар д'эмэ (*фр.*) — искусство любить.

[67] Мэ (*фр.*) — но.

[68] Ма шер, иль э воляж э бэт (*фр.*). — Моя милая, он ветреный и глупый.

[69] Милитэр (*фр.*) — военный.

[70] Хотя и не всем, особенно в Архангельске. Желательно, чтобы по примеру умниц иностранок наши провинциальные дворянки любили своих мужей, детей, рукоделье, музыку и чтенье *(Примеч. И.)*.

Кто делает в семье раздор,
Тот хуже для меня, чем вор.
Кто ж зá хлеб, зá соль и за ласки
Выносит из избы весь сор
Да выставляет на позор,
Тот истинно достоин таски.
Люблю не только молодых,
Но даже умненьких старушек:
Приятней мне беседа их,
Чем говор суетных вертушек.
Не жалую я красоты
Без разума и доброты,
Без воспитанья, просвещенья,
Без ловкости, без обращенья.
Как снег зимою, будь бела,
Как клюква-ягода, ала,
По *Галатее* нарядися,
Как стрекоза перетянися;
Но ежели глупа, иль зла,
Или завидлива без меры —
Будь лучше хоть самой Венеры,
Противней для меня Мегеры,
Нет в сердце для такой квартеры...

Вот все, вот все мои грехи!
Скажите-ка теперь мне ваши.
Переложу я их в стихи,
Чтоб знали и потомки наши.

9—11 апреля 1829

ЖЕНЕ МОЕЙ КАТЕНЬКЕ,
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Вот, ангел мой, тебе
Хранитель-Ангел и с ним *Сергий Чудотворец,*

Который жизнь провел в трудах, в посте, в мольбе.
В обители его был муж твой, стихотворец,
И Павел *недоросль, поскребыш* там же был.
У раки, иль у гроба,
Угодника молились оба.
Нас старец *гробовой* на путь благословил;
Игумен образок мне этот подарил.
И *Ангел* нас *Хранитель* сохранил
В Архангельске, Шенкурске и Мезени,
Где люди хуже, чем олени[71].
Иной, ей-богу, людоед —
Страшнее диких самоед.
Вот дар тебе в день твоего рожденья!
Ни жалованья здесь, ни взяток не беру;
Чем подарить другим? — Зато, когда умру,
Не попаду к бесáм в подземные селенья:
Не делал никому по службе притесненья,
А защищал крестьян, сколь мог, от разоренья.
За *правду* хоть теперь терплю,
А всё ее так, как тебя, люблю.
Амвросий[72] запретил мне рéвновать *лукавым*
И беззаконникам. — «Иссохнут, как трава», —
Прощаясь, мне сказал. — Ах! чтó за голова!
Быть лучше бедным, лишь бы *правым.*
Архиерея я ослушаться не мог;
За правду же заплатит Бог.

30 сентября 1829

ИНСТРУКЦИЯ ЗЯТЮ МОЕМУ И ЖЕНЕ ЕГО, А МОЕЙ ДОЧЕРИ

Опора нежная дебелого слепца,
Ты оставляешь мать и хворого отца,

[71] Не все: без праведника ни один град не может стоять *(Примеч. И.).*

[72] Покойный архиепископ Тверский и Кашинский *(Примеч. И.).*

И только что теперь из-под венца!
Прими же ты мое сердечно поздравленье,
Благословенье;
Приданого не дам тебе — причина: *нет!*
Не крючкотворец я, поэт —
А дам, пожалуй... наставленье,
Инструкцию в стихах:
Да врежутся мои слова у вас в сердцах.

1

Коль сча́стливыми быть хотите,
Друг друга искренно любите.
Любовь прямая не в словах,
Не в са́мом наслажденьи,
Но во взаимном угожденьи
Во всех поступках и делах.
Ничто без рвения и дисциплины служба —
Ничто сама любовь, коль *мать* ее не дружба.
Любовь одна — огонь или горячки жар;
В горячке бешенство, а от огня пожар.
Огнем светить, согреть, жечь и обжечься можно;
Так надо поступать с ним очень осторожно,
Не опрометчиво, с рассудком и с умом,
Не то сожжешь себя и, может быть, весь дом.

2

Хозяйка и жена должна быть терпелива,
Кротка, неприхотлива
И мужнин соблюдать покой.
[. . . . .]
Не нравятся мне женщины-буянки:
Они совсем не христианки.
А муж, коль слишком слаб,
Коль бесхарактерен и даст жену в обиду,

То, право, хуже баб,
Приятельниц хромому инвалиду.

3

Муж есть глава жене.
Она должна ему *повиноваться*[73]
И мужа своего бояться[74].
Поверь не мне,
Поверь ученику Христову,
Поверь Посланию Петрову[75]
И Павла. Слушай их, а не безбожных дам:
Для Сарры господин всегда был Авраам[76].
Зато и нам, мужьям,
Такую велено иметь любовь к жена́м,
Как возлюбил Христос Свой Храм[77].
Любить уж боле невозможно.
Не умничать, а верить должно.

4

О Боге думайте день каждый и всяк час,
И бес ревнивости да не вселится в вас.
Когда жена и муж друг друга уважают,
То подозрением пустым не обижают.
Кто чести долг во всём умеет сохранить,
Кто тверд в религии — не может изменить.

---

[73] Жены, своим мужем повинуйтеся, яко же Господу: зане муж глава жены есть, яко же Христос глава Церкви. Еф. V. 22, 23 и 24 *(Примеч. И.)*.

[74] Там же. 33 *(Примеч. И.)*.

[75] Соборное послание Св. Апостола Петра. III. 1 *(Примеч. И.)*.

[76] Яко же Сарра послушаше Авраама, господина того зовущи *(Примеч. И.)*.

[77] Мужие, любите своя жены, яко же Христос возлюби Церковь и себе предаде за ню. Еф. V. 25 *(Примеч. И.)*.

5

Хорошее перенимайте,
С хорошими людьми бывайте
И убегайте
Не только от людей лукавых, хитрых, злых,
Но даже и пустых.
Бог с ними!
Беда, ей-ей, с людьми пустыми!
Коль скучно будет вам, то лучше почитайте,
На фортепиано поиграйте.
Ну, поцелуйтеся ж — меня облобызайте.

11 мая 1830

ЖЕНЕ МОЕЙ КАТЕНЬКЕ,
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Чем подарить тебя в день твоего рожденья,
О добрая моя и милая жена,
Которая со мной страдать осуждена
И в утешенье мне дана от Провиденья!
Вещицей? — Ни вещей, увы! ни денег нет!
Стишками? — я уж не поэт,
Плохой теперь я сочинитель:
Не только для стихов — для прозы не гожусь
И бессловесным стал словесности учитель.
Так лучше о тебе я Богу помолюсь.
Бог нас не оставлял и, верно, не оставит.
Довольно показал над нами Он чудес.
Хоть ногу мне подставил бес,
Хоть я и упаду, но Бог меня восставит.
Как христианка, ты на Бога уповай,
В бедах со мной не унывай,
Своими ласками и чтеньем утешай,

Пока мои еще не укрепились глазки:
Лекарства всякого твои нужней мне ласки.

30 сентября 1830

ВОЗЗВАНИЕ К ФЕБУ

Взойди, о Феб! на небеса,
Хотя сегодня, в два часа;
Дай чистым воздухом дохнуть,
На небо светлое взглянуть.
Уж месяц дома я лежу,
По комнатам едва брожу
И спотыкаюсь, как слепец.
Томится бедный твой певец;
Тоска от у́тра до утра́:
Брать в руки не велят пера,
Ни даже в книжку заглянуть;
Вздыхает только бедна грудь.
Когда ж сойдет на землю ночь,
Сон от одра уходит прочь.
Другие крепко, сладко спят,
Читать стихов вслух не велят.
Ни декламировать, ни петь:
Нет мочи более терпеть!
О, Феб! тебе я верен был.
Когда недуг меня томил,
Стихами бредил я всегда,
Гекзаметрами иногда.
Лежу в жару, рассудка нет,
Стихами брежу, как поэт,
И воздаю тебе хвалу.
Приду я к своему столу:
На нем чернильница стоит;
Она меня к себе манит.
Тут тяжело я воздохну,
Невольно руку протяну.

Лишь за перо — *«Опять! прочь! прочь!»* —
Кричит жена моя иль дочь.
Писать больному не велят,
Глаза ведь больше заболят.
Зеленый зонтик я купил,
Но в нем еще не выходил.
Взгляну в окно — взад и вперед
Народ по площади идет;
Везде туманно и мокро́!
О сделай, добрый бог, добро,
Скорей, скорее прогляни,
Явись, блесни и прогони
Ненастные сырые дни.
Нельзя ли нынешнего дня
Из плена выпустить меня?
Нельзя ль взойти на небеса,
Хоть только на́ четверть часа?
Весь месяц дома я сижу
И никуда не выхожу.
Теперь я крепче на ногах,
Гулять бы мог я на Песках,
Хотя бы вышел в Божий храм
И помолился бы я там...
Но что я вижу? Чудеса!
Взошел уж Феб на небеса:
Мольбу мою услышал он,
Скорей, скорей из дому вон.
Пойдем, о Natalie[78], пойдем,
Никифора с собой возьмем;
Когда от слабости свалюсь,
То им авось приподнимусь.

[1830]

[78] Натали́ (*фр.*).

НАДГРОБИЯ

ПОКОЙНИЦЕ МАТУШКЕ

Страдала с лишком год — покоится теперь.
В чертоги райские отверста добрым дверь.

1802

НАДГРОБИЕ ДЕВИЦЕ ДАНИЛОВОЙ

Над урной сей рыдает Терпсихора,
И Грации стоят с Амурами в слезах:
Подруги юныя Дюпора —
Даниловой сокрыт здесь прах.

1810

ДОБРОМУ НАШЕМУ РОДИТЕЛЮ

Здесь прах покоится честного человека.
Малейшего он зла не делал и врагам;
Служил Отечеству с усердием полвека
И имя доброе оставил только нам.

1814

ЭПИТАФИЯ, НАПИСАННАЯ ПО ПРОСЬБЕ ДЛЯ НЕИЗВЕСТНОГО, ОТ СЕСТРЫ БРАТУ

Путь жизни совершил едва до половины
        И в краткий век свой испытал
Премены счастия, превратности судьбины,
Но добродетелей с богатством не терял.
        Делил последнее с убогим;
        Вреда не делал никому,
        А счастие составил многим.
О добрый, милый брат! Мир праху твоему!

1814

НАДГРОБИЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНУ

Из лавров и из роз положим здесь венец:
Под камнем сим сокрыт любимец Муз и Граций,
        Фелицы славныя певец,
Державин, Пиндар наш, Анакреон, Гораций.

13 июля 1816

НАДГРОБИЕ П. А. НИКОЛЬСКОМУ

Отличные имел Никольский дарованья,
            Ум зрелый в цвете лет,
Любовь к изящному, обширные познанья
И сердце... О мой друг! Тебя уж больше нет!
Страдал в молчании от скорби и недуга,
Страдал — и перестал, увы! теперь страдать!
        Несчастные отец и мать!
            Несчастная супруга!

2 октября 1816

НАДГРОБИЕ В. А. ОЗЕРОВУ

Переломив кинжал, бессмертна Мельпомена
Над урной сей стоит в безмолвии, в слезах:
Здесь скрыт ее любимца прах. —
Эдип, Фингал, Димитрий, Поликсена
В потомстве позднем будут жить.
Но их чувствительный творец, увы! жил мало:
Ехидна зависти в него вонзила жало
И ядом дни его успела сократить.

15 октября 1816

НАДГРОБИЕ МЛАДЕНЦУ

Покойся, милый сердцу прах!
Покойся: души всех незлобных
Младенцев, ангелам подобных,
Наслéдят царство в небесах.

[1821]

НАДГРОБИЕ М. В. МИЛОНОВУ

Любим был Музами от самых юных лет,
И жизнь его судьба исполнила отравы.
Для счастья мало жил — довольно жил для славы,
Мир праху твоему, о *бедный* наш *поэт!*

1821

НАДГРОБИЕ С. П. ВЛАСОВУ

Родясь в невежестве, стремился к просвещенью;
Был гений он при всей природной простоте;

Открытия свои привел к усовершенью
На пользу общую — и умер в нищете.

5 сентября 1821

НАДГРОБИЯ СОФЬЕ ДМИТРИЕВНЕ ПОНОМАРЕВОЙ[79]

1

Всё скрыто здесь: и ум, и красота,
Любезность, дарованья,
Вкус тонкий, острота,
Приятные и редкие познанья
И непритворная, прямая доброта.

2

Нередко в тишине ночной
Сей скромный памятник Камены окружают
И с Грациями здесь рыдают
О милой их сестре родной.

3

Недолго здесь она цвела,
Прерва́ла рано жизни узы,
Была, как Грация, мила
И образованна, как Музы[80].

Кто знал ее, слезу на прах ее уронит.

1824

---

[79] Любезнейшей, остроумнейшей женщине, с редкими дарованиями и образованием. Она скончалась после продолжительной и мучительной болезни 4 ч[исла] сего мая. Под председательством ее было здесь дружеское литературное общество. <...> *(Примеч. И.)*.

[80] Последние два стиха взяты из прежней моей надписи к ее портрету. <...> *(Примеч. И.)*.

НАДПИСИ И ЭКСПРОМТЫ

НАДПИСЬ НА ДВЕРЯХ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ ЦАРЕЙ ГРЕНАДСКИХ

(С ФРАНЦУЗСКОГО)

Бледней от страха, злодеянье!
Бледней от взора моего.
Хоть медлит Божье наказанье,
Но злый не избежит его.
Вотще неправедный гордится:
Гром страшный грянет наконец
И над злодеем разразится...
Несчастные! Здесь ваш отец.

1802, 1816

НАДПИСЬ К ЭСТАМПУ ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ РИМЛЯНКИ,

КОТОРАЯ КОРМИЛА В ТЕМНИЦЕ ГРУДЬЮ СВОЕГО ОТЦА, ОСУЖДЕННОГО НА ГОЛОДНУЮ СМЕРТЬ

Как глу́пы в старину бывали перед нами!
У нас и матери детей не кормят сами.

[1806]

НА РУССКУЮ ПЛЯСКУ ГГ. ДЮПОРА И ДАНИЛОВОЙ НА БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ 9 ИЮНЯ 1809 ГОДА

Что вижу?.. кто крылами машет?
Амур!.. Так, сам Амур летит
И, зря Данилову, с улыбкой говорит:
По-русски Душенька моя с Зефиром пляшет.

9 июня 1809

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ И. А. КРЫЛОВА,
поставленному насупротив портрета гр[афа] Д. И. Хвостова

«Что так зевает
Иван Андреевич Крылов?»
— «А видите: вот граф Хвостов
Стихи свои читает».

[Конец 1810-х]

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ С. Д. П[ОНОМАРЕВОЙ]

Всегда прелестна, весела;
Шутя кладет на сердце узы;
Как Грация, она мила
И образованна, как Музы.

1820

В АЛЬБОМ С. Д. П[ОНОМАРЕВОЙ]

Могу сказать я про себя,
Что я отнюдь не льстец: лесть, право, ненавижу, —

Умней, любезнее, прелестнее тебя
Из женщин не видал — и, верно, не увижу.

Апрель 1821

С. Д. П[ОНОМАРЕВ]ОЙ,

по случаю пробы комедии «Провинциальный Адонис», в которой она играла роль слуги Ивана

Отпу́скной никогда я не́ дал бы Ивану:
Будь барин я ему — его слугою стану.

1822

НА ЧТЕНИЕ В ОДНОМ ДОМАШНЕМ ЛИТЕРАТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ ДВУХ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

Один, нахмурившись, гудит,
    Как пес рычит и воет, —
Другой, согнувшись в крюк, сидит,
    Зубки́ оскаля, ноет.

18 декабря 1823

НАДПИСЬ К КЕГЛЯМ

Когда на шар в игре я обращу свой взор,
Всегда мне в мысль придет сердитый ревизор;
Шумит и катится, как тот, — а прикатился —
        Глядь, кто-нибудь и повалился.

1826?

НАДПИСЬ НА НИЗКИХ ДВЕРЯХ В СЕНЯХ В. П. ГОЛУБЕВА

Экспромт

Проситель, если ты велик, остерегись:
Знай, к члену Общего Призренья
Нельзя войти без *униженья* —
Смирись и наклонись.

12 апреля 1827

КНЯГИНЕ Е. С. ХИЛКОВОЙ,

в день ее ангела, 5 сентября, с баснями

Вот лучшие мои творенья!
Прошу покорно их принять
В знак моего душевного почтенья.
Когда же ляжете, княгиня, почивать,
То строчки две иль три извольте почитать
Для усыпленья.

5 сентября 1827

[НАДПИСЬ НА СТЕНЕ КВАРТИРЫ В СЕРГИЕВОМ ПОСАДЕ

под эстампом, представляющим Аполлона и муз]

Ах! ради Феба и Камен,
Молю прохожих и проезжих
Не пакостить стихами стен.
За глупые стихи сечь до́лжно бы на съезжих.
Друг графа Хвостова.

14 мая 1828

НАДПИСЬ НА ДВЕРЯХ БЫВШЕЙ МОЕЙ ПРИЕМНОЙ

Всегда и всех принять готов,
Опричь клеветников,
Наушников, льстецов и сплетниц,
Разносчиков, разносчиц
Из дома в дом пустых вестей.
Таких гостей
К себе не принимаю;
Торжественно им объявляю,
Что не приму их, не терплю;
А ежели войдут — в дверях их прищемлю.

1828

ЭПИГРАММЫ И ЭПИТАФИИ

* * *

У мужа коль с женой бывает сходен нрав,
То тут уже любовь и счастье неотменно:
Филон мой в выборе своем, ей-богу, прав —
Жена его есть он, точь-в-точь с ним совершенно.
Без поцелуев быть не могут ни часа́ —
Лишь поцелуются, и вмиг — за волоса!

[1805]

* * *

«Послушай, секретарь,
Пиши теперь же представленье,
Чтобы Глупягину чин дали в награжденье».
— «Позвольте доложить, сударь,
Есть многие у нас его гораздо старе:
И так уж говорят...»
— «Прошу не умничать, а делать, что велят:
Глупягин мастерски играет на гитаре».

[1806]

* * *

Остановися, гражданин!
Под камнем сим лежит российский дворянин:
Его прапрадед жизнь окончил под Полтавой,
Дед под Кистри́ном пал со славой,
А под Бендерами отец убит ядром.
Его ж убил... ямайский ром.

[1809]

* * *

Я месяц в гвардии служил,
А сорок лет в отставке был.
В деревне я учил собак,
Ловил зверей, курил табак,
Наливки пил, секал крестьян,
Жил весело и умер пьян.

[1809]

* * *

«Ты друг мне? » — «Друг». — «А чем докажешь?»
— «Что ни прикажешь,
Всё сделать рад».
— «Дай денег мне взаймы». — «Изволь... давай заклад».

[1809]

* * *

Под камнем сим лежит губернский предводитель.
Он был собак борзых и гончих покровитель.

[1809]

* * *

Под камнем сим лежит судья высокородной;
В губерниях свою он службу продолжал,
В Гражданской двадцать лет палате заседал,
А также был и в Уголовной.

[1809]

* * *

«Граф встал?» — «Изволил встать». — «Пожалуй, доложи
Его сиятельству, что надобность имею».
— «Извольте подождать». — «Да, братец, ты скажи,
Что я с бумагами...» — «Теперь, сударь, не смею:
Граф занимается, и что-то он сердит».
— «А кто там у него?» — «*Сапожник Джемс сидит*».

[1809]

* * *

«Уж ты ассесор, брат?» — «Так точно».
— «Да как же чин ты получил?»
— «Четыре года беспорочно
В Коллегии я прослужил
И, право, сто́ю повышенья:
Спроси хоть хочешь у кого,

В делах не сделал упущенья
Ни разу я ни одного
И, честию тебе клянуся,
Что выговора не слыхал...»
— «Я этому и не дивлюся,
У должности ты не бывал».

[1809]

* * *

Прохожий! Надпись чти сию с благоговеньем,
Ученый здесь лежит! О, коль он был велик:
Латинский, греческий, еврейский знал язык,
Прославил он себя трудами и ученьем;
Огромных то́мов в лист пятнадцать написал;
И вместо десяти невежд один... пивал.

[1809]

* * *

        Здесь *Людоморова* могила,
Он практикой своей кладбища удивил —
            И смерть *его* сразила!
Неблагодарная! Он ей ли не служил?!

[1810]

* * *

        Вралёв наш фабулист примерный:
Нет в баснях у него искусства, пышных слов,
А сколько *простоты!* Вот в них-то совершенный
                Язык скотов.

[1810]

* * *

Под камнем сим лежит великий генерал.
Его солдаты не забудут
И долго, долго помнить будут,
Как он их палками бивал.

[1810]

* * *

Смеются Простину́,
Что говорить он не умеет
И *половиною* зовет свою жену.
Ну что же? Пополам он ею и владеет.

[1812]

* * *

Клариса в чепчике степенном и салопе,
Днем молится в церква́х, бежит от мира прочь.
А ночью? — О! она подобна Пенелопе:
Что днем ни сделает, то перепортит в ночь.

[1812]

* * *

«Три сына у меня, не сходны все лицом».
— «Да, каждый схож с своим отцом».

[1812]

* * *

Клит был плохой поэт,
Теперь стал критик редкий.
Тут, впрочем, дива нет:
Из скверного вина выходит уксус едкий.

[1812]

* * *

Вздурился толстосум, наш откупщик богатый;
Хлев надобен ему, а строит он палаты.

1812

* * *

О ужас! О досада!
Гомера перевел безграмотный Глупон!
От лошади погиб несчастный Илион,
А от осла погибла «Илиада».

[1812]

* * *

Прелеста овдовела —
И плачет в два ручья. Бедняжку очень жаль:
Пред смертью мужниной она купила шаль
И обновить ее, к несчастью, не успела!

[1812]

* * *

«Что наш больной?» — «Сегодня приобщался,
Лекарства больше не берет,
И доктор отказался».
— «Ну, слава Богу! есть надежда, не умрет».

6 сентября 1814

* * *

На столп дорожный Петр, философ наш, походит:
Показывает путь, а сам по нем не ходит.

[1814]

* * *

Напрасно Лизу свет поносит,
Что нет волос у ней своих.
Я знаю, Лизанька чужих волос не носит;
У ней свои: она при мне купила их.

[1814]

* * *

«Что так ты похудел?» — «Не сплю вот третью ночь!
Не мучился такой бессонницей я сроду!»
— «Безделица! могу помочь:
Сегодня же пришлю к тебе Графо́ва оду».

[1814]

* * *

Во всем счастлив Филет!
Дан чин ему, хоть он не дослужил двух лет;
Три месяца назад женился —
И сын уж у него родился!

[1814]

* * *

«Наш общий друг Дамон
Сегодни застрелился...
Ты плачешь и в лице совсем переменился!»
— «Три тысячи мне должен он».

[1814]

* * *

Как на французов зол Хвастон!
Не могши бить живых, терзает мертвых он
Без милосердия ужасным переводом:
Расин стал от него теперь урод уродом.

[1814]

* * *

В боях щадила смерть его:
Безвредно проходил сквозь огнь, мечи и воду;
А умер отчего?
Да только выслушал одну Вралёва оду.

1814(?)

* * *

Что на Ж[уковско]го наш Шутовской взбесился?
Ж[уковск]ий трогал ли когда-нибудь его?
А как же? Асмодей в балладах у него,
Так комик за себя за самого вступился.

17 октября 1815

* * *

Подлон начальнику дочь отдал в услуженье;
Начальник бедную невинности лишил
И орден батюшке за то дал в награжденье.
Вот прямо орден-то он кровью заслужил!

[1815]

* * *

Когда б Глупон-рифмач хоть сотню бедным дал,
Тогда б смеяться уж над ним я перестал.
А сколько взять за то, чтоб похвалить Глупона? —
Да мало миллиона!

[1815]

РАЗГОВОР В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ

«Что, есть у вас Кутузова портрет?»
— «Без рамки пять рублей». — «О деньгах слова нет...
Пожалуй кстати мне Платова, Витгенштейна,
Да их *деяния*». — «Прикажете связать?»
— «Постой... *Записки*... как? *Манштейна*.
„Науку побеждать“

Суворова!.. люблю его сердечно!..
Вот карту бы еще Италии я взял».
— «Вам *генеральную?»* — «Конечно:
Я не полковник, *генерал!*

18 мая 1816

* * *

Здесь пьяный положе́н Софрон:
Авось до Страшного суда проспится он.

25 мая 1816

* * *

«Прочь с глаз, сударыня, ты стен должна стыдиться,
Не только что людей:
Имея мужа и детей,
Как на любовные дела могла решиться!
И с кем вошла ты в связь?
Ну на кого, скажи, меня ты променяла?
Не понимаю, чем понравился ей князь!
Ужели в городе ты лучше не сыскала?
Куда хорош собой!
Араб! косой! рябой!
И с бакенбардами! Ну точно обезьяна!
Орангутанг! — а с ног походит на Вулкана!
Сутуловат, горбат!..»
— «Ах! Папенька, да он богат!»

25 мая 1816

РАЗГОВОР ПРИ ВХОДЕ НА ОБСЕРВАТОРИЮ

«Швейцар! вот на! возьми билет
Да сделай, братец, одолженье,
Скажи, куда идти?» — «Уж кончилось затменье».
— «И астроном ушел?» — «Он здесь». — «Так нужды нет!
Он по знакомству не откажет
И на просторе всё мне сызнова покажет».

30 мая 1816

* * *

«Ты побледнел как смерть, и слезы на глазах!
Что сделалось с тобою?» — «Ах!
Не знаешь, на меня Господь как прогневился!
Что делать! Потерял!..»
— «Жену?» — «Да я б перекрестился,
Ни слова б не сказал».
— «Так, верно, дочери иль сына ты лишился?»
— «Нет! видишь: у меня в кармане здесь дыра...»
— «Ну что же?» — «Выпала полтина серебра».

[1816]

* * *

«Что это? В новом ты кафтане,
А шляпа как стара твоя!
Измята!.. вместе мы купили... вот моя,
Смотри, новехонька!» — Да все ведь *на болване*[81].

[1816]

[81] Bon mot покойного А. Л. Нарышкина *(Примеч. И.)*. Bon mot (*фр.*) — острóта.

* * *

Молва напрасно трубит,
Что мужа своего Кокеткина не любит.
Так может говорить лишь клеветник один:
Известно, что она всех жалует мужчин.

[1816]

* * *

Корнет наш Ипполит,
Хоть молод, никогда без дела не бывает;
Он в карты не играет,
А с трубкой вечер весь за книгами сидит.
«Какие ж книги он читает?
Военные?» — «Зачем? ведь он еще корнет».
— «Романы?» — «Не берет романа никакова».
— «Моральные?» — «О нет!»
— «Да что ж читает он?» — «Грекура и Баркова».

[1816]

* * *

«Я видел вас вчера в трагедии моей.
Вам нравится она?» — «Нимало».
— «А что ж вы плакали?» — «Сказать ли? жаль мне стало,
Что дал за креслы пять рублей».

[1816]

* * *

«Когда ты, папенька, играть в банк перестанешь?»
— «Когда ты, маменька, от всех интриг отстанешь?
Отстань, и больше карт не буду в руки брать».
— «Ну, видно, век тебе, бессовестный, играть».

28 сентября 1816

* * *

Каких лишились бы прекрасных мы стихов,
        Когда бы не писал Вралёв!
    Смеетеся? — Тут нечему смеяться:
Я правду говорю — Вралёв, конечно, глуп,
Да и полезен нам: осéлок хоть и туп,
        Но об него ножи острятся.

8 декабря 1816

* * *

    Не верят, что Хвастон
Имеет место на Парнасе. —
Там нет козла, так Аполлон
Хвастона держит при Пегасе.

7 января 1817

* * *

        «Не знаешь ты моей печали:
Пять лет копил, берег, а у меня украли...»

— «Жалею; подлинно печаль!»
— «Все, все мои стихи». — «Жаль вора, очень жаль!»

19 марта 1817

* * *

«Не знаю, как отмстить мне моему злодею,
Зоилу-демону?» — «Изволь, от всей души
Подам тебе совет: под притчею своею
Его ты имя подпиши».

[1817]

* * *

Бывало, в старину дадут судье — и пра́вы;
А нынче, например, Вралёву дать-то дай,
Да слушай у него стихи и не зевай. —
О времена! о нравы!

[1817]

* * *

«Ветрана по уши в тебя, брат, влюблена;
Женись-ка ты на ней: богата ведь она;
Пятьсот душ». — «Разве я взбесился!»
— «А что? небось стара? Ей, правда, пятьдесят».
— «Напротив, молода: когда бы шестьдесят
Ей было, право бы, женился».

15 мая 1817

* * *

Всю проповедь отца Тарасия хоть кинь;
Одно лишь слово в ней понравилось: *аминь*.

[1817]

* * *

Верзилин истинно велик!
Едва не в три аршина!
Ужасная машина! —
В нем весу десять пуд, а мозгу золотник.

1817?

* * *

Конечно, зол Глупон
И в злости не уступит зверю,
Ехидне, аспиду — однако же не верю,
Что ближнего не любит он:
Племянников к чинам представил сам Глупон.

17 февраля 1818

* * *

«Ну, милая, прощай: пора уж, я спешу».
— «Когда ж опять к нам в город будешь?
Уедешь ты отсель, совсем меня забудешь!»
— «Нет, имя я твое на память запишу».

[1818]

* * *

Все бьют у нас челом перед судьей Фомой;
А он гордее, право, Папы:
Ни перед кем не скинет шляпы
И не поклонится. — Вот *судия прямой!*

[1818]

* * *

«Всё только с книгами! Не посидит с женою!
Хотела б книгой быть — тогда бы вы, суда́рь,
Надеюсь, всякий день уж занимались мною».
— «Ах! если б, душенька, была ты календарь».

20 марта 1818

* * *

Я русский дворянин; родился я в Малмы́же[82];
Воспитан был в чужих краях
И, ах!
В России кончил дни! — Но здесь мой только прах:
Душа моя — в *Париже.*

Апрель 1818

* * *

Прохожий: дальше, прочь! под камнем сим лежит
Рифмач Галиматьин; ну, ежели он встанет?

[82] Заштатный город в Вятской губернии. Пригодился для рифмы к Парижу *(Примеч. И.)*.

С ужасной за тобой тетрадью побежит,
Начнет читать стихи и вряд ли перестанет.

28 апреля 1818

* * *

«Я слышал, не живешь ты более с женой?»
— «Терпел уж я, терпел, но наконец взбесила!
Прогнал негодную». — «Конечно, изменила?»
— «О нет, совсем не то!» — «Так, верно, нрав дурной?
Что, неуступчива она или бранчива?»
— «Ну, грех сказать: глупа, зато уж молчалива...
Да страсть проклятая!..» — «Ужли́ она пила?»
— «Пила поу́тру чай, да и детей поила,
        И чашку с блюдечком разбила,
        А чашка в пять рублей была!»

Май 1818

* * *

        «Вот на, возьми определенье;
    Я ни за что его не подпишу,
        А уж тебя, брат, попрошу
    Мне написать — ну, знаешь, голос, мненье».
        — «Что ж в этом мнении, суда́рь,
Прикажете сказать?» — «Из дела это видно!
        Как спрашивать тебе не стыдно?
        Сам должен знать: ты секретарь!»

[1818]

* * *

«Теперь вы замужем!.. и не узнаешь вас!
Теперь уж вы на нас
Не смотрите и не глядите;
Прошло то время, как...» — «Что вы сказать хотите?
Я одинаково всегда себя вела
И так же в девушках, как замужем, жила».

1 ноября 1818

* * *

Здесь Пустельгин лежит — не так-то был умен,
А нечего сказать — учен!
Всё знал, всему учился,
Проекты сочинял и день и ночь трудился...
Но только к делу не годился.

18 ноября 1818

* * *

«Здесь лавка Глазунова?» — «Тут».
— «Здесь сочинения Хвастона продаются?»
— «Нет». — «Как же?» — «Их, сударь, за деньги не берут,
А даром, та́к его знакомым раздаются».

[1818]

ПОДРАЖАНИЕ КНЯЗЮ КАНТЕМИРУ

Послушаешь одних, так очень глуп Дамон;
Другие говорят: умен!
Кому же верить до́лжно?

Не лжет ли кто-нибудь? — Никак!
Когда Дамон молчит, его счесть умным можно;
Заговорит — дурак!

19 апреля 1819

* * *

«Сейчас же выходи со мною:
Иль я убью тебя, иль ты меня убей!»
— «Да отвяжись ты, Бог с тобою:
Я, право, не мясник и не бивал свиней». —

[1819]

* * *

«Что так ты пасмурен?» — «Не спрашивай... жена...
Ужель ты не слыхал?» — «Скончалась, что ль, она?»
— «Да лучше б умерла: тогда б не осрамила!»
— «Что слышу? изменила?»
— «Нет, братец, драму сочинила». —

[1819]

* * *

У Лицемерина жена
Черна, скверна —
Медуза, верьте мне, красавица пред нею.
Не потому ль, что так она гнусна,
Супруг зовет ее всегда *душой своею?*

15 ноября 1821

* * *

«О, цензор! о, злодей!
Не пропустил элегии моей!»
— «Как? почему?» — «Да говорит, что в ней
Находит смысл двоякий.
Ну ты читал ее; ты, братец, сам поэт;
Скажи: двусмысленна ль?» — «Вот вздор! да скажет всякий,
Что в ней и *просто смысла* нет».

15 ноября 1821

ЭПИТАФИЯ ЛАТИНСКОМУ СТИХОТВОРЦУ ГАЛЛУ

На стройной лире я изменницу прославил,
Она меня безумцем прозвала —
Я ей бессмертие доставил;
Она меня ко гробу привела.

[1822]

СОЧИНИТЕЛЬ К Х...[83]

Бывало, в слякоть, в дождь, в мороз трескучий, лютый
Стою в ночь для тебя часа четыре, пять;
А для меня теперь, лентяй, е. . . . м. .ь!
Не хочешь постоять минуты!

8 декабря 1822

[83] Мысль к сим стихам подал мне лет за 10 или более покойный П. А. Кавелин. — Не знаю, от кого уже он услышал эту остроту (*Примеч. И.*).

* * *

«Я раньше выйти не могла,
Для вас я встала и оделась».
— «Ах! если б для меня разделась
  И для меня легла!»

1823

ПРИМЕЧАНИЕ К ПИЕСЕ П. Л. Я[КОВЛЕВА] «ИСКУССТВО ОТКАЗЫВАТЬ»

В неделю раза три по кипе пустячков
И в прозе, и в стихах Вралёв ко мне таскает.
— «Нельзя ли-с?» — «Александр Степаныч Бируков
    Не пропускает.
Хотел бы поместить, но, право, не могу».
   Так я на цензора сам лгу.

25 февраля 1824

* * *

Отставлен ты — хвала судьбе!
От нас скорее удалися;
А коль умен, то отравися.
Да *есть ли яд-то по тебе?*

1824

* * *

Бесчестен наш Змеяд, однако любит *честь,*
И хочется ему повыше прочих сесть.

Ну что ж? его потешить можно
И на кол посадить давно бы, право, должно.

1824

* * *

Ну, исполать Фадею!
Пример прекрасный подает!
Проти́в Отечества давно ль служил злодею,
А «Сын отечества» теперь он издает.

Ноябрь 1824

НЕСЧАСТЬЯ АНДРОМАХИ

О, как несчастна Андромаха!
Пирр бедную вдову в отчаянье привел;
Парнасский же козел,
Рифмач, палач Хвостов-неряха
Расинов снял с нее наряд
Да в сарафан одел китайчатый — и рад.
Катенин, наконец, с ней поступил тирански:
Заставил говорить без смысла по-славянски.

21 января 1825

* * *

Господь послал на Питер воду,
А граф сей час скропал и оду.
Пословица недаром говорит:
«Беда беду родит».

[1825]

* * *

В Хвостова притчах мы читаем, что петух,
В навозе роояся, нашел большой жемчу́г.
Но клада не найдешь такова,
Все притчи перерыв Хвостова.

[1826]

* * *

«Как у тебя, брат, красен нос!»
— «А вот-с пью *белое* вино-с».

[1826]

* * *

«Твои портреты очень схожи:
На лица пишешь все!» — «Нет, я пишу на рожи».

1826?

* * *

Чудак ты, Клим, из чудаков:
Не хочешь видеть дураков!
Но если ты уже таков,
То от людей, брат, удаляйся,
Один быть в комнате старайся
И к зеркалу не приближайся.

1826?

ЭПИТАФИЯ ЗАЙЧИКУ

С вечерней, утренней росой
Здесь Настя слезы проливает:
Здесь зайчик серенький, косой
Сном беспробудным почивает.
Несчастный выпрыгнул в окно
Для соблазнительной свободы,
Но смерть внизу ждала давно —
И Стиксовы он пре́плыл воды.
Ах! не один, о зайчик! ты
Погиб, упавши с высоты.

8 августа 1827

ЭПИТАФИЯ ЛАСТОЧКЕ

Здесь в малом гробике скрыт ласточкин птенец,
          Несчастный был его конец:
               Из гнездышка свалился,
          Упал... куда же? на балкон!
          У ног девичьих умер он;
Слезами Граций прах малютки оросился.

8 августа 1827

* * *

«Коль *теплое* дадут местечко мне, пойду».
— «Ты заслужил давно *претеплое*... в аду».

[1830]

ШАРАДЫ

* * *

Слог *первый* у меня то место означает,
Куда приходят корабли;
Вторый — спасителя животных на земли́;
А *целое* — того, кто всех нас одевает.

Портной

[1819]

* * *

Слог *первый* у меня есть буква или знак;
Вторый — цветок, зерно; а *целое* — козак.

Ермак

[1819]

* * *

Как *первая* моя, так и *вторая* часть
Всегда из дерева бывают.
Не дай Бог и врагу на *первое* попасть!
Второе жидким наливают,

И вещи разные туда же можно класть.
А в *целом* древнее оружие хранится,
Которое теперь в сраженьи не годится.

Колчан

[1819]

* * *

Читатель! *первое* мое ты, верно, ел:
Вещь эту всякий здесь имеет огородник;
В *последнем* некогда один пророк сидел;
А *целое* — актер... еще поэт-покойник.

Бобров

[1819]

* * *

Читатель! *первое* мое предлог
И имя — это лишь в одних печах бывает;
Второе всякому дал Бог.
Беда и стыд тому, его кто потеряет! —
На *целом* подают
То, что едят и пьют.

Поднос

[1819]

* * *

Слог *первый* — литера, *вторый* же слог — река;
Но так уже никто ее не называет.
Река сия у нас далеко протекает,

Сердита очень, широка
И *целым* всю почти Россию снабдевает.

Икра

[1819]

* * *

Слог *первый* — имя старика
Плешивого, без парика,
Но с длинною косой, с часами.
Вторый слог — на Руси у нас
Почти все то же, что указ,
Но только с цифрами, графами;
Летят отвсюду корабли
Весною к *целому*, как птицы;
Оно средь моря на земли́
И очень близко от столицы.

Кронштат

[1819]

* * *

Два слога первые — растенье.
Хоть горько, мочи нет, оно,
Но многие у нас кладут его в вино.
Последний слог — местоименье;
А в *целом* утонуть зимой немудрено.

Полынья

[1821]

КОЛЛЕКТИВНОЕ

ПЕВЕЦ, ИЛИ ПЕВЦЫ В БЕСЕДЕ СЛАВЕНО-РОССОВ

Балладо-эпико-лиро-комико-эпизодический гимн

Певец

Друзья! все гости по домам!
  От чтенья охмелели!
Конец и прозе, и стихам
  До будущей недели.
Мы здесь одни. Что делать? Пить
  Вино из полной чаши!
Давайте взапуски хвалить
  Славянски оды наши!

Сотрудники

Мы здесь одни. Что делать? Пить
  Вино из полной чаши!
Мы станем взапуски хвалить
  Славянски оды ваши!

Певец

Сей кубок чадам древних лет!
  Вам слава, наши деды!
Друзья! почто покойных нет
  Певцов среди Беседы?
Их вирши сгнили в кладовых,
  Изглоданы мышами;

Иль продают на рынке в них
Салакушку с сельдями!
Но дух отцов воскрес в сынах!
Мы все для славы дышим;
Давно здесь в прозе и стихах
Как Тредьяковский пишем!

Члены и сотрудники
Но дух отцов воскрес в сынах!
Мы все для славы дышим!
Давно здесь в прозе и стихах
Как Тредьяковский пишем!

Певец
Чья тень парит под потолком
Над нашими главами?
За ним, пред ним (о страх!) кругом
Поэты со стихами!
Се Тредьяковский в парике
Насаленном, с кудрями,
С «Телемахидою» в руке,
С Роленем за плечами.
Почто на нас, о муж седой,
Вперил ты страшны очи?..
Мы все клялись! клялись тобой
С утра до полуночи
Писать, как ты, тебе служить!
Мы все с рассудком в споре.
Для славы будем пить и жить!
Нам по колено море!

Члены
Напьемся пьяны Музам в дань,
Как пили наши деды!
Рассудку гибель, вкусу брань,
Хвала сынам Беседы!
Пусть Ломоносов был умен
И нас еще умнее,

За пьянство стал бессмертен он!
А мы... его пьянее!

Члены и сотрудники
Для славы будем жить и пить!
Врагам беда и горе!
На что рассудок нам щадить?
Нам по колено море!

Певец
Друзья! большой бокал отцов
За лавку Глазунова!
Там царство вечное стихов
Шихматова лихова!
Родного крова милый свет!
Знакомые подвалы!
Златые игры первых лет,
Невинны мадригалы,
Что вашу прелесть заменит?
О лавка дорогая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя!..

Члены
Там всё знакомо для певцов!
Там наши детки милы!
Кладби́ще мирное стихов,
Бумажные могилы!
Там царство тленья и мышей!
Там — Николев почтенный,
И древний прах календарей,
И прах газет священный!

Певец
Да здравствует Беседы царь!
Сумбур, твоя держава!
Бумажный трон твой — наш алтарь,
Пред ним обет наш, слава!

Не изменим! мы от отцов
    Прияли глупость с кровью!
Сумбур, здесь сонм твоих сынов!
    К тебе горим любовью!
Наш каждый ратник Славянин,
    Галиматьею дышит!
Бежит предатель сих дружин
    И галлицизмы пишет!

Члены и Сотрудники
Наш каждый ратник Славянин,
    Галиматьею дышит!
Бежит предатель сих дружин
    И галлицизмы пишет!

Певец
Тот наш, кто день и ночь кадит
    И нам молебны служит;
Пусть публика его бранит,
    Но он о том не тужит!
За нас стоит гора горой!
    В Беседе не зевает,
Прямой сотрудник, брат прямой,
    И в брани помогает!

Члены
Хвала тебе, Славенофил,
    О, муж неукротимый,
Ты здесь рассудок победил
    Рукой неутомимой!
О, сколь с наморщенным челом
    В Беседе ты прекрасен!
Сколь холоден перед столом
    И критикам ужасен!
Упрямство с ним старинных лет.
    Хвала седому деду!
Друзья! он, он родил на свет
    Славенскую Беседу!

Члены и Сотрудники
Друзья! он, он родил на свет
    Славенскую Беседу!

Сотрудники
Он нас, сироток, воскормил.

Потемкин
    Меня читать он учит.

Жихарев
Моих он «Бардов» похвалил.

Шихматов
    Меня в Пиндары крючит!

Певец
Хвала тебе, о дед седой!
    Хвала и многи лета!
Ошую пусть сидит с тобой
    Осьмое чудо света,
Твой сын, наперсник и клеврет
    Шихматов безглагольный.
Как ты, Славян краса и цвет,
    Как ты, собой довольный!
Хвала тебе, о Шаховской,
    Холодных шуб родитель,
Отец талантов, муж прямой,
    Ежовой покровитель!
Телец упитанный у нас,
    О ты, болван болванов,
Хвала тебе, хвала сто раз,
    Раздутый Карабанов!
Хвала, читателей тиран
    Хвостов неистощимый!
Стихи твои, как барабан,
    Для слуха нестерпимы,

Везде с стихами — тут и там!
  Везде ты волком рыщешь!
Пускаешь притчу в тыл врагам,
  Стихами в уши свищешь!
Лишь за поэму — прочь идут,
  За оду — засыпают,
Лишь за посланье — все бегут
  И уши затыкают!
Друзья! вишневки поскорей
  И выпьем в честь Весталки!
У ней давно семья детей
  И детки — очень жалки!
Сегодня оду в свет родит,
  А завтра — снова бремя!
Ей перья сам Шишков чинит
  От дел в досужно время.
За ней есть много дев других;
  Все взапуски плодятся:
Но диво в том, что чада их
  Полмертвые родятся.
Хвала, псаломщик наш, старик
  Захаров преложитель!
Ревет он, аки вол иль бык,
  Лугов пустынных житель.
Хвала тебе, протяжный Львов,
  Ковач речений смелый!
И Палицын, гроза чтецов,
  В Поповке поседелый!
Хвала, наш пасмурный Гарвей,
  Обруганный Станевич,
И с польской музою своей
  Холуй Анастасевич!

Члены

Друзья! широкий ковш пивной
  За здравье Соколова!
Он, право, чтец у нас лихой
  И создан для Хвостова!

В его устах стихи ревут,
Как волны пеной плещут:
От грома их невольно тут
Все барыни трепещут!
Хвала тебе, о наш Дьячок,
Бездушный Политковской!
Жуешь, гнусишь — и вдруг стишок
Родишь Варягоросской!
[. . . . .
. . . .]
Их груди каменной хвала!
Хвала скулам железным!

Члены и Сотрудники

Их груди каменной хвала,
Хвала скулам железным!
Но месть тому, кто нас бранит
И пишет эпиграммы,
Кто пишет так, как говорит,
Кого читают дамы!

Певец

Сей кубок мщенью! други, в строй!
И мигом перья в длани!
Сразить иль пасть, наш роковой
Обет в чернильной брани!
Вотще свои, о Карамзин,
Ты издал сочиненья;
Я, я на Пинде властелин
И жажду лишь отмщенья!

Члены и Сотрудники

Нет Логики у нас в домах,
Грамматик не бывало.
Мы Пр́олог в руки — гибни, враг,
С твоей дружиной вялой!
Отведай, дерзкий, что сильней —
Рассудок или мщенье!

Пришлец! мы в родине своей.
За глупых — Провиденье!

Певец
Друзья! прощанью сей стакан!
Уж свечки погасили:
Пробили зо́рю в барабан
И к за́втрене звонили.
Пора домой! Пора ко сну!..
От хмеля я шатаюсь!..

Хвостов
Дай басню я прочту одну
И после распрощаюсь!

Все
Ах, нет, домой, друзья, домой!
Чу!.. петухи пропели!
Прощай, Шишков, наш дед седой,
Прощай — мы охмелели;
Но ты нас в путь благослови!
А вы, друзья, — лобзанья
В завет и верныя любви,
И нового свиданья!

Март 1813

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

РЫЖИЙ КОНЬ
Элегическая или романтическая поэма

I

Кто этот высокий и толстый мужчина, едущий на дрожках, гнущихся под ним? На нем синий долгополый сюртук, из которого вышло бы два капота для людей обыкновенных; в боковом кармане его торчат бумаги[84]; на черных глазах его сияют серебряные очки; правою рукою держит он огромный зеленый зонтик; левая покоится на связке синих и алых книжек. Стройный рыжебородый кучер в синем армяке правит рыжим, белогривым и белохвостым конем; легкий конь бежит, и песчаная земля дрожит под ним. — Это издатель *Благонамеренного,* — это кучер его Антон, — это рыжий конь, питомец тучных тамбовских пастбищ, драгоценный дар журналисту от почтенного друга его.

II

С широкой, пресекаемой узким Лиговским каналом площади, известной в столице Петрополя под именем *Песков,* дрожки поворачивают в Италиянскую слободку, из оной в Офицерскую улицу, оттуда на Невский проспект и с проспекта в Грязную. — Куда едет издатель

[84] Оттопырен карман, в нем торчит, как чурбан,
Двадцатифунтовая тетрадь *(Примеч. И.).*

Благонамеренного? — В Чернышев переулок. — Приехал. Встает с дрожек. Облегченный от тяжести, конь ржет радостно. Важный Антон сходит с возвышенного своего седалища, приветствует рыжего, и оба идут тихо по широкому и чистому двору, усыпанному желтым песком. Наконец оба возвращаются к крыльцу, на которое незадолго пред тем с одышкою взошел тучный господин их. Молча сидит Антон на дрожках; рыжий трясет головою и бьет железными подковами по выпуклым голышовым каменьям.

III

Гордо сходит с крыльца дородный журналист и садится на гибкие дрожки. «Ступай!» — восклицает он громогласно. — «Куда прикажете? — вопрошает рыжебородый возница, — в типографию или к книжным лавкам?» — «К Заикину!» — Антон шевелит вожжами, рыжий летит, как молния, и вот дрожки остановились против Зеркальной линии у книжных лавок.

IV

Против крайней лавки Заикина слезает с дрожек издатель *Благонамеренного,* берет связку книжек своего журнала и входит с важностью в лавку. Из лавки Заикина переходит в огромную лавку Глазунова к Переплетчикову. Между тем *слепая* толпа народа смотрит с удивлением на рыжего коня и на рыжебрадого кучера. «Что за грива!» — говорит один. «Что за хвост!» — восклицает другой. «Что за борода!» — вопиет третий.

V

«К Слёнину!» — закричал громогласный журналист. И вот рыжий мчит его мимо Гостиного двора и Милютиных

лавок. Входит издатель *Благонамеренного* с уменьшенною связкою книжек в магазин Слёнина. Зазвенел в дверях колокольчик. Приветливый хозяин выбегает навстречу с поклоном и с улыбкою. — «Вот тебе книжки!» — «А вот вам шарады для вашего журнала». — «Давай-ка французских романов!» — «Выбирайте сами». — «Потрудись, свяжи, Иван Васильевич». — «Извольте». — «Прощай!» — «Простите». — «В департамент, Антон!» — «Прикажете приезжать за вами?» — «Нет, ступай домой легонько».

VI

И нет более рыжего! В цвете лет кончил он дни свои. Остались у издателя *Благонамеренного* одни только дрожки и сани. Пешком, в галошах, ходит он в Чернышев переулок и в Садовую. Мрачен взор его — мрачнее октябрьского неба. Не столь много сокрушался он в отрочестве своем о кончине Абрикоски и Венерки, развернувших стихотворческий дар его[85]; не столь много сетовал в юности о черной моське, о желтых канарейках, о датских жаворонках, о тульских соловьях, сколько ныне, в мужественных летах, о рыжем, белохвостом и белогривом коне.

VII

Приходит домой тучный журналист; пот каплет градом со смуглого чела его. Бледный Антон встречает его в длинных, узких, стекольчатых сенях и говорит с тяжелым вздохом: «Рыжий наш умер!» — «Умер?!» — восклицает изумленный издатель, и от восклицания его стекла в огромных опускных рамах зазвенели, и Лукьяновы голуби, клевавшие на полу пшеницу, вспорхнули,

[85] Первого оплакал он силлабическими, а вторую ямбическими стихами; последнюю же (незабвенную черную моську) стихотворною прозою *(Примеч. И.)*.

поднялись к потолку и сели в страхе на гнезда свои. — «Умер! — продолжает унылый Антон. — Я видел плачевную кончину его: ужасны были его страдания! Подобно рыбачьему челноку, колеблемому огромными валами в морскую погоду у Малого Охтенского перевоза, рыжий наш метался во все стороны. Я хотел дать ему большой ломоть хлеба; умильно поглядел он на меня, но вдруг ужасно заскрежетал зубами, захрапел — и пал бесчувствен на палевую солому».

VIII

Безмолвно идет издатель *Благонамеренного* из сеней в комнаты. В столовой встречает он супругу свою, отирающую слезы белым платком, и двоюродного брата, зарайского дворянина М. А. К[аменева]-Л[юбавско]го, испускающего тяжелые вздохи. Оба они страстно любили рыжего коня. Первая всякий раз смотрела на него из окна, как он, кивая головою, шел мерною поступью за Антоном по берегу Лиговского канала или когда Антон купал его в большом зеркальном пруде, именуемом *бассейном.* — Последний ежедневно, и утром и вечером, кормил его при себе нижегородским бобковым овсом и собственноручно давал ему початые, а нередко и целые ломти ржаного хлеба. «Что делать?» — восклицают они в слезах, увидя хозяина. — *«Обедать!»* — отвечает сей и садится за стол на древнюю и порыжелую от времени софу.

IX

Невкусны кажутся хозяевам яства, приготовленные опытною приспешницею Феклою. Непродолжительна и молчалива трапеза их. Вздыхает время от времени издатель *Благонамеренного,* вздыхает супруга его и брат, вздыхают и служители их Лукьян и Петр. Все любили рыжего, все оплакивают его кончину. Канарейки, заключенные в

решетчатых клетках, пригвожденных к окончинам, уныло и жалобно поют надгробную песнь рыжему.

X

Там, там, за Выборгскою заставою, покоится прах его! Там и длинная грива его, и красивый белый хвост! Судьба, жестокая судьба направила на него ужасную косу смерти. Погиб рыжий; но память его не погибнет. От берегов Белого моря до ущелий гор Кавказских, от Брест-Литовской заставы до пределов Восточного океана, куда только выписывается недельный журнал *Благонамеренный,* все будут сожалеть о издателе и о преждевременной кончине доброго коня его.

1823

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРСТВО БАСНОПИСЦА ИЗМАЙЛОВА В ТВЕРИ И АРХАНГЕЛЬСКЕ[1] (С 1827 ПО 1829 ГОД)

Этюд по неизданным материалам

Семьдесят пять лет тому назад, в один из ноябрьских вечеров, в Петербурге, на набережной еще существовавшего тогда Лиговского канала, в доме Моденовых, под № 283, в квартире баснописца А. Е. Измайлова происходило необыкновенное оживление. Александр Ефимович получил по службе новое назначение — вице-губернатором в Тверь и, собираясь оставить столицу, пригласил к себе на прощальную вечеринку своих немалочисленных друзей-приятелей и близких знакомых. Обширные комнаты его квартиры мало-помалу наполнялись гостями. Тут были

[1] Мысль написать предлагаемый этюд была подана нам Леонидом Николаевичем Майковым. Покойный, просмотрев однажды письма А. Е. Измайлова (в рукописи), которыми мы пользовались при составлении биографии только что названного писателя, выразил желание видеть их напечатанными или в извлечениях, или в форме связного этюда; мы выбрали последнее. К глубокому сожаленью, обстоятельства не позволили нам исполнить желания Леонида Николаевича при жизни его, и судьбам было угодно, чтобы статья, которую мы надеялись дать на просмотр дорогому руководителю, увидела свет лишь на страницах сборника, посвященного его памяти...

и уже известные, и только что начинавшие литераторы, и ученые, и чиновники-сослуживцы Измайлова по департаменту государственного казначейства[2] и другие более или менее близкие хозяину лица. Всем было весело у Измайловых: остроумный, добродушный и веселый хозяин, его красавица-жена и взрослые дети[3] умели занять гостей... Вечер близился к концу и гостям был предложен ужин. За столом шла шумная беседа, провозглашались тосты, говорились спичи, вылетали экспромты и т. п., да и сам Александр Ефимович, не упускавший случая в веселой компании продекламировать несколько строк «языком богов»,

---

Для нашей работы, кроме сведений, сделавшихся достоянием печати, послужили главным образом материалы неизданные, как то: несколько сот упомянутых выше писем Измайлова к жене и к двоюродному брату М. А. Каменеву-Любавскому, стихотворения, заметки и некоторые архивные документы. За сообщение рукописей приносим нашу искреннюю признательность внучкам покойного баснописца — Н. П. Эйхе-Янсен, Л. А. Максимовой, а также А. И. Владимировой и И. А. Бычкову. В заключение смеем думать, что читатель, знакомый с биографией А. Е. Измайлова, напечатанной нами в *Русской старине* за 1900 год, № 6 и 7, не осудит нас за повторения, если, пробегая предлагаемый этюд, встретит некоторые выдержки из писем и биографические подробности, приведенные нами ранее в только что указанной работе. Повторения эти неизбежны, как потому, что при составлении обеих работ мы пользовались одними и теми же материалами, а главное потому, что предлагаемый этюд есть все же рассказ об одном из моментов жизни Измайлова, нами раньше описанной. Здесь вице-губернаторство нашего баснописца изложено с бóльшими подробностями, которые не могли иметь места в биографии Измайлова или же не могли быть включены в рамки журнальной статьи. В защиту же самостоятельного значения предлагаемого этюда можем сказать то, что главным его содержанием служат не столько биографические подробности из жизни Измайлова, сколько рассказ о быте, нравах и особенностях тех провинциальных городов и обществ, в которых пришлось провести два с половиной года нашему писателю в качестве вице-губернатора. — *И. К.*

[2] Измайлов в то время был начальником отделения департамента государственного Казначейства.

[3] У Измайлова было три сына и три дочери.

предложил вниманию друзей следующую сочиненную им, по случаю отъезда, «застольную песню»:

Собираюся теперь
В город древний, славный Тверь.
Скоро тройку подхвачу
И как вихорь полечу.
А журнал, стихи... хоть кинь![4]
Еду, еду — динь, динь, динь,
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

И гости под такт сочинителю-хозяину позванивали ножами по бокалам:

Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь. —

А Измайлов продолжал:

Полно думать о стихах
Надо думать о делах,
Позабыть и Муз, и дам,
Помнить только Вакхов храм[5]...
Корректуре уж аминь:
Не до ней! Динь, динь, динь, динь,
Динь, динь, *и т. д.* [См. с. 212 наст. изд.]

Наконец, встали из-за стола, кончилась вечеринка, и гости начали расходиться по домам, при прощаньи осыпая любезного хозяина самыми лучшими благопожеланиями на новом предстоящем ему поприще. Но грустно было Измайлову расставаться с Петербургом, где он почти безвыездно прожил без малого полвека, где, можно сказать, сложилась жизнь его и слава: оставляя столицу, он покидал своих друзей, обширное приятное знакомство и — казалось ему —

[4] Измайлов в этот год действительно «кинул» заботы о своем журнале *Благонамеренный* и последних книжек не доиздал.

[5] В число обязанностей вице-губернатора того времени входило и наблюдение за питейным делом.

должен был расстаться с своей деятельностью как литератора, с своей любимой деятельностью, от которой за последние годы нашего писателя и без того отрывали постоянно служебные и многие другие обязанности. Что же заставило Измайлова — говоря его языком — променять «служение музам на дела Вакха»? В своей статье об Измайлове мы высказали как предположение, что причинами, побудившими нашего баснописца занять — по его собственному выражению — место «первого целовальника Тверской губернии», были расчеты чисто материальные; предположение это. благодаря недавно найденному нами письму Измайлова к его родственнику — М. А. Каменеву-Любавскому — подтверждается. «Надеюсь на Бога, — писал Александр Ефимович через три месяца по вступлении на новую должность, — Он дает мне силы снести бремя, *которое возложил я на себя для пользы моего семейства*». Действительно, жить в Петербурге, имея на руках большую семью, хлебосольному и доброму Измайлову было не под силу на те средства, которые ему доставляли служба в департаменте и деятельность литературная; он мечтал, и именно о вице-губернаторстве, еще в 1813 году, что видно из письма его к Н. Ф. Грамматину[6]. Без сомнения, Александр Ефимович стремился сам получить местечко вице-губернатора, и в данном случае с его стороны были приложены некоторые старания. Но, добившись назначенья, уезжать из столицы Измайлову — повторяем, очевидно, было нелегко, тем более что новая должность не рисовалась ему в хороших красках. Грустное настроение Измайлова при сборах в провинцию еще более усилилось, когда его неожиданно навестила серьезная болезнь, затянувшаяся на целый месяц, а от высшего начальства шли один за другим приказы о немедленном выезде. Из боязни «раздражить министра» своим промедлением,

---

[6] Библиографические записки. 1859. С. 421. См. также стихотв. его «Жене моей Катеньке [в день ее рождения» (30 сентября 1826 г.):

Виц-губернаторшей скорее быть желаю:
Я буду взятки брать,
А ты учись в бостон играть].

Александр Ефимович пустился 23 декабря 1826 года в дорогу, не успев даже вполне оправиться от болезни. На второй день праздника, 26 декабря, к 8 часам утра он был уже на берегу Волги, в виду Твери. Вот как Александр Ефимович описывает в письме к жене свой въезд в этот город и первые минуты своего в нем пребывания: «Вскоре открылась Волга. Надобно было переехать через нее... Первая наша кибитка, с позволения городового, переехала через Волгу; однако мы вышли из повозки и отпрягли одну лошадь. На другом берегу нашли нашего Ивана (ямщика), который сказал, что можно въехать в вице-губернаторский дом... Дом прекрасный, двухэтажный, только пустой. Старая софа и большой письменный стол с стеклянною чернильницей — вот вся мебель, которую мы здесь нашли. Лишь только вошли в комнаты и сбросили с себя шубы, как явились в мундирах: старший советник Ераков, с плюмажною шляпою, советник питейной части, главный надзиратель и прочие. Я посадил старика Еракова подле себя на софе и сказал другим:

— Совестно мне, господа, что вы принуждены стоять.

— Нам должно быть гораздо совестнее, — отвечал Ераков, — что мы так принимаем начальство, и ничего не приготовили к его приезду.

Тут все наперерыв стали приглашать меня к себе в дома, предлагать мне свою мебель и прочее, но я всем отказал. Вдруг является губернатор... Расцеловал меня и, увидя, что нет мебелей, тотчас велел принести от себя софу красного дерева и полдюжины стульев. — „Когда не пеклись вы, господа, приготовить нужное к приезду вашего начальника, — сказал он подчиненным, — то я сам возьму это на себя“. — Просидел у меня более часа и звал к себе обедать»[7].

На следующее же утро в квартиру Измайлова явился «присяжный» губернского правления, который своим объявлением, что «Все обстоит благополучно» и вопросом: «Не будет ли каких приказаний?» — напомнил Александру Ефимовичу, что его ждут к отправлению новых обязанностей. Но, как человек религиозный, Измайлов не хотел начинать

---

[7] Из письма от 26 декабря 1826 г.

своей новой деятельности без благословения Божия; вскоре приглашенный священник отслужил молебен и кстати «выгнал святою водою» из вице-губернаторского дома «всех немецких бесов, которые остались в нем после фон Кронека»[8]. Впрочем, на службу в присутствие Александр Ефимович отправился не так скоро: чувствуя себя еще нездоровым, он просидел более недели дома и полубольным принимал должностных лиц и просителей в кабинете вице-губернаторского дома. Свободное время он посвятил убранству своего «нового гнезда»: расставлял мебель, частью купленную, частью «одолженную добрыми людьми», развешивал по стенам портреты литераторов и хороших знакомых и т. п.; так, на письменном столе его, между семейными портретами, рядом с портретом горячо любимой им жены, удобно поместился и портрет С. Д. Пономаревой, бывшей долгое время предметом страстного платонического увлечения Измайлова, и проч. Скоро всё было приведено в порядок; Александр Ефимович поправился, сменил халат на мундир тверского вице-губернатора, и тучную фигуру петербургского «фабулиста» можно было встретить в губернском правлении, казначействе и прочих тверских присутственных местах.

Скоро начались и знакомства Измайлова; многие из них, благодаря общительности Александра Ефимовича, его добродушию и искренности, не замедлили перейти в отношения приятельские. На первых порах тверское общество понравилось Измайлову; отличное впечатление произвел на него и губернатор, и прочие должностные лица. Вот, например, как отзывается он о губернаторе В. А. Борисове в своем письме: «Губернатор человек справедливый и не дает воли грабить ворам...»[9] «Будь спокойна насчет губернатора, — писал Александр Ефимович жене, — губернатор истинно честный человек»[10]. Будучи сам человеком безупречной честности, Александр Ефимович в особенности ценил это качество в людях, и немудрено, что скоро полюбил своего начальника, показавшегося ему человеком «истинно честным», и привя-

[8] Предместник Измайлова.

[9] Из письма от 27 декабря 1826 г.

[10] Из письма от 24 января 1827 г.

зался к нему всей своей открытой душой. — «В губернаторе истинно нашел я друга и родного, — писал он, — какое участие принимает он в нашем положении! Какие добрые советы дает мне и сам советуется со мной...»[11] — «Как милостив Бог ко мне, что привел меня в такую губернию, где нашел в губернаторе истинного друга! А сколько случаев имеет губернатор сделать неприятность вице-губернатору и невинно очернить его...»[12] — «Как счастлив я, что имею в губернаторе не врага, как обыкновенно бывает, а друга...»[13] — «Ежедневно, ежечасно благодарю Бога, что служу с таким достойным и благородным человеком...»[14] Таков был губернатор в мнении Измайлова, любвеобильное и доверчивое сердце которого скоро полюбило и супругу Борисова и весь дом его. «Обедать буду у maman, — писал однажды Александр Ефимович, — так иногда называю я добрую губернаторшу. И в самом деле, любит она меня, как мать сына. Бережет для меня лучший кусочек, замечает, что более я люблю, и приказывает то для меня готовить...»[15] Взаимное расположение друг к другу Измайлова и губернатора выражалось нередко и во взаимно оказываемых любезностях. Так, губернатор постоянно приглашал «бездомного» и волею судеб с семьей разлученного Александра Ефимовича к себе обедать, заботился о распространении его сочинений и изданий и т. п., а Александр Ефимович рассыпался в любезных комплиментах его супруге, писал ей в альбом, да и самого Борисова угощал нередко плодами своей музы. Вот, например, какой экспромт сказал он ему при встрече Нового года:

Да здравствует наш добрый губернатор!
Да с нами он живет в Твери!
Не жалуют его — да черт их побери!
Лишь только б жаловал его наш император.
Пусть подлецы жужжат — об этом не тужи;
Царю и верою и правдою служи.

---

[11] Из письма от 7 января 1827 г.
[12] Из письма от 25 января 1827 г.
[13] Из письма от 28 февраля 1827 г.
[14] Из письма от 2 марта 1827 г.
[15] Из письма от 24 января 1827 г.

На сплетни, клеветы — одно лишь выраженье:
Презренье;
Клеветников ты презирай,
Приказных разрушай все подленькие штучки.
Для года нового дай Бог тебе добра.
Ура!
(Губернаторше.)
А мне поцеловать у вас позвольте ручки.

Но еще более глубокой симпатией Измайлова пользовался тогдашний архиепископ Тверской и Кашинский Амвросий[16]. Последний понравился Александру Ефимовичу с первой же с ним беседы; прослушавши же несколько его проповедей, наш баснописец решил, что Амвросий,

...молвить не в укор,
Умнее даже Филарета,
Красноречивее его...

Не раз он называл преосвященного «умнейшим, ученейшим и благороднейшим человеком»; особенно поражали Измайлова разносторонние познания Амвросия: «Как стал преосвященный рассуждать о военных кампаниях, — пишет он в одном письме, — так и военные разинули рот. Право, кажется, может он командовать армией или, по крайней мере, корпусом...»[17]

Подобную же характеристику преосвященного дает он и в одном из «напутственных» стихотворений И. П. Мятлеву, оставившему Тверь (проездом) 4 июля 1827 г. [См. с. 253 наст. изд.].

Вообще, об Амвросии Измайлов отзывался не иначе как с чувством самого глубокого уважения: «Душевно люблю этого необыкновенного человека, как за редкий ум его, превосходное сердце, так и за твердый характер», — писал он однажды жене. Измайлов любил бывать у него,

---

[16] В миру Алексей Протасов.

[17] Из письма от 18 апреля 1827 г.

и тот не оставлял его своим посещением[18], и назидательные беседы с преосвященным оставили глубокий след в душе Александра Ефимовича; он вспоминал архиепископа и впоследствии, когда был в Архангельске и когда вернулся в Петербург. Более часто Александр Ефимович встречался с преосвященным в доме князя С. А. Хилкова, супруга которого — Елизавета Семеновна (рожденная Волчкова)[19] — была, судя по письмам Александра Ефимовича, первой дамой в Твери. Тверяне называли ее не иначе как «княгиней-богиней». Наш писатель относился к своей «почтеннейшей соседке» с чувством самого глубокого уважения, в особенности за ее доброе сердце (княгиня была благотворительница); княгиня отвечала на его любезности, приглашала часто к себе и любила его беседы и чтение. Нужно заметить, что Е. С. Хилкова не чуждалась литературы и литераторов; из круга последних она имела немало знакомых. В Москве и Петербурге у ней бывали И. И. Дмитриев, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, граф Д. И. Хвостов и другие, которые и запечатлевали в ее альбоме знаки своего к ней уважения. Измайлов познакомился с ней лишь в Твери и также нередко вписывал стихи в ее альбом.

Вообще, на первых порах тверское общество удовлетворяло Измайлова, и оно, в свою очередь, было довольно новым вице-губернатором; в честь Александра Ефимовича писали даже стихи. Любезный прием, оказанный Измайлову тверянами, так расположил к Твери сердце Александра Ефи-

---

[18] См., между прочим, стихотворение Измайлова «Приглашение на обед», начинающееся словами:

Приди, любезный прокурор,
К виц-губернатору откушать,
Преосвященного послушать и т. д.

(Напечатано: Русский архив. 1871. Стлб. 1014). [См. с. 252 наст. изд.].

[19] За князем Степаном Алексеевичем Хилковым (1786—1854) была в третьем замужестве; скончалась в Москве 2 июля 1856 года. См. о ней: Северная пчела. 1856. № 151; Русский архив. 1871. Стлб. 988.

мовича, что он убедительно просил жену поспешить выездом к нему вместе с дочерьми, уверяя, что она найдет здесь прекрасное общество и все удобства жизни, и присовокупляя, что «*и луна* в Твери ничем не хуже петербургской»[20]. В особенности приятно было Измайлову встретить в лице чиновников-сослуживцев деятельных и исполнительных сотрудников; это было для него тем более важно, что, помимо исполнения текущих дел, Измайлову приходилось приводить в порядок и к окончанию дела, остававшиеся «под сукном» в ожидании его приезда и не решенные за время его болезни. К тому же надо заметить, что в круг обязанностей тогдашнего гражданского вице-губернатора входили и обязанности председателя Казенной палаты, имевшей шесть разнородных отделений: хозяйственное, лесное, питейное, казначейство, соляное и, наконец, контрольное. Помимо того, вице-губернатор председательствовал в рекрутском присутствии и по делу рекрутского приема, равно как для целей ревизионных должен был посещать и уездные казенные учреждения. Скопление такой массы разнообразных дел в одних руках, само собою разумеется, требовало от добросовестного вице-губернатора, каким был Измайлов, затраты большого количества времени и сил; а Александр Ефимович был к тому же в этой обязанности новичком; посему можно вполне поверить следующим строкам письма его к И. И. Дмитриеву от 6 июля 1827 года: «В первые месяцы моего здесь пребыванья, не столько волею, сколько неволею, так занялся питейными и другими новыми для меня делами, что едва имел время вести переписку с женой»[21]. Особенно тяжелым бременем ложилось на Измайлова исполнение, помимо своих обязанностей, обязанностей губернатора, которого он замещал на время его отлучки в уезды губернии по делам службы, а разъезды эти были довольно часты и продолжались иногда значительное время. Как тяжелы были для Измайлова эти «замещения», можно судить по следующему отрывку из вышецитированного письма его

---

[20] Из письма от 9 января 1827 г.

[21] Русский архив. 1871. Стлб. 995.

к Дмитриеву, писанного уже по приезде жены Александра Ефимовича в Тверь: «Накануне ее (жены) приезда принял я губернаторскую должность и во все продолжение моего губернаторства — клянусь богами моими: Аполлоном и Бахусом[22], — не спал покойно ни одной ночи, виделся с семейством моим только во время обеда и сидел почти безвыездно в своем кабинете, как в тюрьме»[23]. Делал разъезды по делам службы, главным образом для набора рекрутов и ревизии уездных казначейств, и сам Александр Ефимович, о чем скажем в своем месте; пока же отметим, что обязанности вице-губернатора вообще не понравились Измайлову, когда он ближе с ними познакомился, да и не могли ему нравиться по самому характеру их. Производить внезапные ревизии тех или других казенных касс; зорко следить за упущениями, воровством и лихоимством, составлявшими столь обычное явление в провинциальном чиновничестве того времени[24]; проверять состояние винных погребов; наблюдать за приходом и правильной раздачей казенного хлеба в ссуду; разъезжать то и дело из уезда в уезд; производить рекрутский набор и быть свидетелем порою удручающих сцен его и проч., и проч., — все это было не по сердцу Александру Ефимовичу после спокойной службы в Петербурге. Там жизнь его регулярно и не торопясь, на протяжении трех десятков лет, протекала по утрам в департаменте, а остальное время дня дома, за письменным столом, в мирной беседе с музами и их друзьями, с пером в руке, за книгой или корректурой или же просто в кругу горячо любимой семьи, всю горечь разлуки с которой Александр Ефимович теперь в особенности ощущал. «Пожалей ме-

---

[22] Аполлоном — как поэт и Бахусом — как чиновник, ведавший между прочим и питейными делами.

[23] Русский архив. 1871. Стлб. 995.

[24] О последнем могут дать некоторое представление следующие строки Александра Ефимовича из письма его к жене от 6 февраля 1827 г.: «Вообще о здешних канцеляристах говорят, что им несравненно приятнее взять 1 рубль с просителя, нежели получить 500 рублей прибавки жалования. Надобно, — прибавляет Измайлов, — поселить в них дух поблагороднее...»

ня, любезная Катенька! — писал он жене 14 марта 1827 г. — Солоно приходится мне от соляных дел, тяжело от медной монеты, тошно от хлеба, розданного в ссуду казенным крестьянам, и дурею я от полугарного вина. Пожалей обо мне, добрая жена: всё будет легче, как ты приедешь». Особенно не нравилось Измайлову следить за делами питейными: «Утешаюсь единственно тем, — писал он И. И. Дмитриеву, — что скоро восстановятся откупа и что недолго буду исправлять должность первого целовальника в губернии»[25]. Но откупа не восстановлялись, и Измайлов, может быть, еще долго продолжал бы «исправлять должность первого целовальника» в Тверской губернии, если бы обстоятельства скоро не переменились настолько, что он принужден был оставить Тверь навсегда.

Дело в том, что, прожив несколько месяцев на месте своего нового служения и присмотревшись поближе к окружавшему его обществу, Измайлов в нем сильно разочаровался. Начать хотя бы с того, что добрые отношения, установившиеся было на первых порах между Измайловым и губернатором Борисовым, начали постепенно ухудшаться; иногда между вице-губернатором и губернатором происходили и неприятные столкновения, кончившиеся взаимным пренебреженьем и даже враждой этих двух представителей высшей тверской администрации. Тот самый Борисов, которого раньше, как мы видели, так превозносил Александр Ефимович в своих письмах, на самом деле был весьма посредственным губернатором и недалеким, бесхарактерным человеком, находившимся во власти приближенных чиновников и своей супруги; губернаторша же, как потом выяснилось, была женщиной лицемерной и сварливой, которой боялся не только ее супруг, но и почти весь чиновничий мир Твери, между прочим и прокурор, часто бывавший ее гостем.

Вот, кстати, эпиграмма, которую Александр Ефимович написал на этого прокурора: «Волга в Твери» [См. с. 259 наст. изд.].

---

[25] Русский архив. 1871. Стлб. 995.

Вообще, представители чиновничьего мира Твери были, судя по более поздним письмам Измайлова, плохими сотрудниками по управлению губернией; к тому же чуть ли не все они находились между собою в постоянной вражде. «Комедия бывает у меня в Палате, — писал Александр Ефимович жене, — три старших члена [губернский контролер, губернский казначей и советник хозяйственной экспедиции] целуются друг с другом, а друг друга не терпят»[26]. «Года четыре тому назад, — читаем в другом письме, — этот немец [губернский казначей] во время присутствия бросал чернильницей в своего сочлена, а тот в него. Вот до чего доходили!»[27]. В особенности Александр Ефимович был недоволен двумя своими ближайшими подчиненными — Вицким и Мухиным: первый, судя по его отзывам, был большой руки плут и вместе с тем не пренебрегал при случае «поподличать», а второй был «глупее Анисьи [кухарки Измайлова], хотя и добрый малый». Строгому в правилах службы и добросовестному Измайлову было тяжело иметь дело с такими сослуживцами и постоянно поправлять и предупреждать их ошибки; письма его полны жалоб на творящиеся кругом него безобразия и упущения, чинимые сослуживцами, упущения, от которых страдали интересы губернии. Все это крайне раздражало Измайлова, заставляло удваивать энергию и создавало новые работы, а помощи ждать было неоткуда. «Один только Бог меня подкрепляет! — восклицает он в одном из своих писем. — Видно, такая моя участь, что я должен терпеть не от своих собственных глупостей, а от глупостей чужих»[28]. Единственно кем вполне был доволен Александр Ефимович, так это тем разрядом чиновников, который обыкновенно называют «мелкой сошкой». Эти скромные канцеляристы в точности исполняли все поручения своего начальника и заслужили его особенное расположение, выражавшееся со стороны Измайлова в гуманном обращении с ними, снисхождении к их слабо-

---

[26] Из письма от 12 января 1827 г.

[27] Из письма от 17 января 1827 г.

[28] Из письма от 21 февраля 1827 г.

стям и заступничестве[29]; нередко он брал их под свою защиту от нападок раздраженного губернатора, что, конечно, еще более ополчало последнего против Измайлова и давало повод ко всевозможным интригам и сплетням, в сетях которых и без того были запутаны все представители тверской интеллигенции и администрации. Сплетни в Твери, как и во всяком провинциальном городе доброго старого времени (да и настоящего), были своего рода потребностью; кумушки и наушники наводняли город своими россказнями, перенося их из дома в дом и даже предлагая их к сведению «начальствующих» в самых стенах правительственных учреждений. Последнее обстоятельство побудило Измайлова сочинить следующую «Надпись на дверях бывшей моей приемной» [См. с. 288 наст. изд.].

Правда, сначала Александр Ефимович не обращал никакого внимания на сплетни и пересуды, ходившие по городу и затрагивавшие, между прочим, и его личность, но когда они стали принимать форму доносов, Измайлов возмутился и открыто выражал свое негодованье. При этом он действовал двумя способами: во-первых, не боясь говорить правды в глаза, он «отчитывал» виновного при первом же свиданьи, причем его не стесняли ни ранг, ни положение ябедника или сплетника; во-вторых, он призвал на помощь

[29] Доказательством того, что Измайлов как начальник оставил по себе самую лучшую память, может служить следующее письмо его тверских сослуживцев и подчиненных, которое они послали, по случаю смерти Александра Ефимовича, в редакцию *Московских ведомостей*: «Чиновники здешней Палаты, — говорится в нем, — узнав о кончине почтенного начальника своего, бывшего тверского вице-губернатора статского советника А. Е. Измайлова, оставившего в сердцах их не изгладимое временем благодарное воспоминание, совершили в память его, вчерашнего числа, панихиду в Желтиковом монастыре...» Известие о сем заключается словами: «Мир праху твоему, человек благородный! Память о тебе будет жить в сердцах всех, кто знал и умел ценить тебя. Прими в селениях вечности награду за твои добродетели» (Московские ведомости. 1831. № 24). Об Измайлове как начальнике см. также в воспоминаниях П. И. Голубева (Русский архив. 1896. Кн. I).

свою музу, и в Твери, по выраженью автора одного анонимного посланья к Измайлову, «житья не стало от стихов». Но такое поведенье Измайлова еще более ожесточило против него тверян, и чуть ли не все высшее тверское общество отшатнулось от него. Впрочем, этого можно было ожидать и ранее, ибо интересы тверской интеллигенции резко расходились с интересами петербургского журналиста. Жизнь тверской интеллигенции, судя по письмам Измайлова, скорее можно было назвать прозябаньем. Утро свое представители этой интеллигенции проводили за работой в различных канцеляриях, а остальной день в погоне за средствами, как бы убить свободное время. Главным к тому средством и чуть ли не исключительным были карты; карточной игрой увлекались и мужчины, и — еще более их — женщины. Измайлова, как заклятого врага карт[30], в особенности возмущала эта всеобщая карточная эпидемия.

«Представь себе, — говорит он в одном из своих писем жене (от 27 января 1827 г.), — что здесь ежегодно продается карт на 18 000 рублей (ассигнациями). Теперь играют только в вист и бостон, а прежде играли и в банк. Нарочно записные игроки приезжали для этого в Тверь. Есть и дамы, которые понтируют и мечут банк. Спасибо губернатору — он запретил эту проклятую игру. В гостинице Гальяни[31] при-

---

[30] Александр Ефимович объявил себя врагом карт еще в первом своем юношеском романе «Евгений» и не раз восставал против них в последующих своих произведениях. О степени распространенности карточной игры в нашем обществе в начале прошлого столетия можно судить уже по тому факту, что увлечение ею вызвало со стороны императора Александра особый указ. Указ этот многим нашим писателям дал повод выразить чувство живейшей радости. (См., например, «Бытие сердца моего» кн. И. М. Долгорукого (Ч. I. Москва. 1817. С. 122—123); см. также статью Н. Ф. Дубровина в: Русская старина. 1899. № 3. С. 549, примечание).

[31] Это тот самый содержатель гостиницы «Милан», которого Пушкин по забывчивости назвал (в письме своем к С. А. Соболевскому от 9 ноября 1828 г.) вместо Гальяни — Гальони:

У Гальони иль Кальони
Закажи себе в Твери

бит лист, на котором написано, что если будут там играть в банк, то первый раз взыщется за это штраф 500 рублей, а после, не знаю — что-то еще хуже».

«Здешние дамы, — читаем в другом письме (от 15 февраля 1827 г.), — не только мужей, но и детей для карт забывают и дома редко бывают».

«Здесь не только 19-ти и 18-летние девицы страстно любят, *обожают* бостон и вист, — говорится в третьем письме (29 марта 1827 г.), — но даже девочки в 15 и 14 лет. Заниматься хозяйством и сидеть за работою *дворянки* почитают за стыд. Утро проходит у них в визитах, а вечер за картами».

Не милы мне дамы-игрицы в Твери:
Весь день козыряют, чорт их побери!

восклицает Александр Ефимович в одном из неизданных своих стихотворений [См. с. 251 наст. изд.].

Итак, Измайлов, не сойдясь в Твери с обществом мужским, не сошелся и с обществом тверских дам, хотя он считался и сам себя называл большим поклонником и даже другом прекрасного пола[32]. «Писатель для дам» не ужился с последними: его сатирическая муза нашла себе много пищи для хлесткого изображения тогдашних тверянок, и он даже поплатился за свои смелые картины в обычном при-

---

С пармезаном макарони
Иль яичницу свари —

рекомендовал поэт С. А. Соболевскому (Сочинения, т. VII, с. 204). В Твери, между прочим, и до сего времени существует Гальянова улица (*Колосов В. И.* А. С. Пушкин в Тверской губернии в 1827 г. Тверь, 1888. С. 2). Об этом же Гальяни упоминает и князь П. А. Вяземский в своем письме к А. И. Тургеневу от 8 ноября 1818 г. (Остафьевский архив кн. Вяземских, т. I. СПб., 1899. С. 142).

[32] «Измайлов — друг всех дам, друг всех честны́х людей;
На сплетниц же старушек,
Не стоящих пяти полушек,
На старых девок злых он сам большой злодей», —

говорит он о себе в одном неизданном стихотворении [см. с. 251 наст. изд.].

сущем ему теньеровском жанре. Сыр-бор загорелся из-за сказки Измайлова «Бабушка и внучка»[33], которую одна из тверских «бабушек» приняла на свой счет. На Александра Ефимовича посыпались пасквили; тот отвечал, и «дело дошло до скандала»: губернаторша начала вести усиленные интриги, чтобы как-нибудь «выжить» Измайлова из Твери, но тот в ответ на строящиеся козни отвечал посланием, в заключительных строках которого говорилось:

И, дама важная, что хочешь говори,
Измайлов же назло останется в Твери.
[См. с. 251 наст. изд.]

Говорили даже, что тверские дамы будто бы обратились с жалобой на Измайлова к губернатору и будто бы это было поводом к его скорому перемещению в другую губернию. Конечно, на это можно смотреть как на одну из сплетен, и надо думать, что поводом и причинами перевода Измайлова было нечто более серьезное, хотя несомненно, что и сплетни тут сыграли свою роль. Наши разыскания в архивах в погоне за выяснением действительных причин происшедшего конфликта Измайлова с тверскими властями и удаления Александра Ефимовича в Архангельскую губернию, к сожалению, не увенчались успехом; сам же Александр Ефимович в своих письмах и произведениях не дает каких-либо положительных объяснений по этому поводу. Но по некоторым намекам и указаниям, встреченным нами в его письмах к одному из своих родственников М. А. Каменеву-Любавскому, можно заключить, что причинами перевода Измайлова могло быть: устранение им от должности одного чиновника, настойчивое заступничество за другого (некоего Новосельского) и вмешательство в распоряжения и действия губернатора; поводом же — резкие выражения, допущенные им в сношениях с высшим начальством о тверских чиновниках и *вообще о тверском об-*

---

[33] [См. с. 150 наст. изд.] Ср. также его сказку «Дворянка-буянка» [См. с. 152 наст. изд.].

ществе. Действительно, почти все отзывы и стихотворения Измайлова, писанные им в Твери, дышат сатирой на все тверское общество[34] и на тамошние порядки, на начальствующих лиц, гимназию[35] и прочие учреждения. Характерно в этом отношении его стихотворение, написанное по случаю обратного отъезда в Петербург старинного приятеля Измайлова — И. П. Мятлева, приезжавшего в Тверь навестить нашего вице-губернатора:

Не любят здесь литературы —

говорит, между прочим, Александр Ефимович, —

Здесь все почти карикатуры
(Скажу я по секрету вам),
Особенно из старых дам.
Клянусь: здесь многие дворянки
Не стоят, право, и крестьянки:
Играют в карты день и ночь
И сплетничают во всю мочь.
[См. с. 253 наст. изд.]

Впрочем, скуку своего существованья тверяне разгоняли не только картами и вязанием сплетен, но средствами и менее предосудительными, так сказать невинными, хотя и не разнообразными и незатейливыми. Любили тверяне, принарядившись, погулять в хорошую погоду в общественном саду, где, к их удовольствию, нередко играла полковая музыка; последняя гремела и на балах, которые иногда устраивал губернатор, дворянство или какая-либо важная персона тверского общества. Большое оживление вносило

[34] Постоянными симпатиями Измайлова пользовался лишь преосвященный Амвросий, княгиня Е. С. Хилкова, ее муж и муж покойной С. Д. Пономаревой — А. И. Пономарев, живший неподалеку от Твери, да еще два-три человека и мелкие чиновники, его подчиненные.

[35] Измайлов, между прочим, был почетным попечителем тверской гимназии.

в жизнь веселящейся Твери присутствие военных, что видно и из писем Измайлова, и из следующего его стихотворения: «М. Ф. О[хлестышеву] на отъезд его из Твери»[36], которое начинается так:

Прости, дивизия шестая!
Прости, добрейший генерал! <...>

Зимою любимым развлечением тверян было катанье на санях; с особенным удовольствием и весельем катались, как и теперь водится, на масленицу. Катающиеся устраивали длинный поезд в несколько десятков саней и разъезжали по улицам, иной раз в сопровождении музыкантов. Вот как описывает одну из таких прогулок Измайлов в письме от 11 февраля 1827 г.: «...Вот мы сели с полицеймейстером и поехали, а по бокам два жандарма... За нами следовали на двух санях музыканты Внутренней Стражи; играли марши, польский, вальсы, песни и проч. За музыкантами ехали гуськом прочие катающиеся. Число саней простиралось до 35, а впоследствии присоединилось еще несколько экипажей. Сначала поехали по Миллионной (Советская) и на каждой площади делали круг, потом на Мироносицкую, с Мироносицкой мимо Гостиного двора и вице-губернаторского дома через Волгу на другую сторону; после того назад... Везде встречали нас толпы народа и снимали перед нами шапки. Гостиный двор, который, как и петербургский, выстроен в два этажа, походил па театр, то есть на ложи, наполненные народом...» В катаньи на санях и заключалось в сущности главное развлечение тверян на масленицу.

«В Твери все веселье в эту неделю состоит в санном катанье, — писал Александр Ефимович своему двоюродному брату в Петербург. — Нет у нас ни гор, ни каких других масленичных увеселений. Правда, есть театр, но, верно, у вас «на горах» или под «горами», в последнем балагане, какое бы ни было представление лучше нашего драматического спектакля». Немногим оживленнее проходила Свет-

---

[36] [См. с. 255 наст. изд.]

лая неделя, в течение которой устраивалось в Твери нечто вроде народных гуляний. Вот какое описание встретили мы в письмах Измайлова: «Пошли с губернатором на площадь... Музыканты играли что-то лениво. За качанье на качелях брали самую малую цену — по 4 коп. с человека, и никто почти не качался. Губернатор велел качать даром, то есть на его счет, и тут стали качаться одни мальчишки... В отдалении раскинута палатка; в ней показываются какие-то куклы. Семь или восемь старых баб, схватясь за руки, запели, или, лучше, заорали песню, но скоро замолчали». В другой раз при Измайлове пели песню: «Молчите, струйки чисты», затем «Стонет сизый голубочек» и «Законы осуждают предмет моей любви». — «Ну уж и певцы! — замечает Александр Ефимович. — С каким чувством пели то, чего вовсе не понимали, как коверкали слова! Смех, да и только. Стыдятся петь простые национальные песни, а поют так называемые модные». Впрочем, как-то раз «под качелями» услышал Александр Ефимович и народную песнь. «Пошли под качели, — пишет он. — Время было прелестное. Слышим пение, или, лучше сказать — оранье. Подходим к толпе. Несколько баб поют песни, но не сентиментальные, а национальную — „Во лузях“. Две молодые бабы пляшут в кругу, подпирают руками, щелкают, ёкают. Что за па! Нет, не удастся сделать таких ни Наташе[37], ни даже самой m-me Didelot[38]. После того плясали в присядку два мальчика. Наконец, затащили нас в кукольную комедию, в которой главную роль играл какой-то пленный француз». Вообще тверяне во время Измайлова были люди безжизненные и мало чем интересовавшиеся. «Тверяне нелюбопытны», — писал однажды Александр Ефимович[39]. «Не знаю, не я один, но все замечают, что здесь во всех обществах что-то мертво, не оживленно», — писал он жене 13 марта 1827 г. Единственными средствами, сближавшими тверян между собою, вне служебных обязанностей и сношений чисто деловых, были — упомянутая выше кар-

[37] Старшая дочь Измайлова.

[38] Роза Дидло — жена знаменитого балетмейстера Карла Дидло, балетная танцовщица.

[39] Из письма от 12 февраля 1827 г.

точная игра или просто хождение в гости на чашку чаю, для приятных разговоров, на званый обед. Званые обеды и вечеринки в особенности любили заводить тверские купцы, которые, по отзывам Измайлова, хотя были (за немногим исключением) «большие глупцы и обманщики»[40], но уважали вице-губернатора, отзывались о нем как о человеке, который был «при всей своей письменности и начитанности, без всякой партикулярности и амбиции»[41]. Они часто приглашали Измайлова; тот иногда не отказывал, тем более что подобные посещения давали немало пищи его наблюдательному уму. В письмах Измайлова можно встретить два-три длинных описания этих длинных купеческих обедов, тянувшихся по часам и состоявших иной раз из 7—8 блюд. Впрочем, особенно любопытного в них ничего не было, хотя некоторые приемы угощений были довольно своеобразны. Вот, например, как угощали гостей так называемой «прихожей рюмкой», то есть рюмкой вина, которую гостю подносили тотчас по его приходе: «Подносить гостям заставляют детей, и если гость не пьет, то ребенок поставит поднос на пол, ляжет на него и не встанет, пока гость не выпьет. Становятся также на колени перед гостями и кланяются им в ноги». Впрочем, гостей тотчас по приходе угощали также и чаем, причем в прежние годы чай подавали только мужчинам, а дамам предлагали клюкву и бруснику с медом. — Итак, вот какими развлечениями заполняли свой досуг наши деды, прозябавшие в Твери. Замечено, что по характеру развлечений можно судить и о всей нравственной физиономии человека и целого общества. Действительно, если бессодержательные, однообразные и грубоватые развлечения тверян могут наводить на мысль о крайней ограниченности их духовных потребностей и даже малокультурности, то факты, вырванные Измайловым из страниц деловой жизни тверян и запечатленные в письмах, могут лишь подтвердить эту мысль. На страницах писем Измайлова мы нередко можем натолкнуться на факты, красноречиво говорящие о крайней

[40] Из письма от 27 января 1827 г.

[41] Из письма от 29 июля 1827 г.

малокультурности и дикости нравов даже более или менее высших слоев тверского общества. Так, Александр Ефимович рассказывает нам об одной «интеллигентной даме» (жене инспектора Медицинской управы), «у которой удавилась девка, да еще беременная. Сказывают, что барыня секла ее два раза в день и хотела высечь в третий, но отдумала, когда ее вынули из петли»[42].

Есть в письмах его рассказы об архимандрите, который принимал в заклад... образа, и о целом ряде «взяткобрателей», ростовщиков и т. п. Но дикость нравов, какую наблюдал Измайлов в самой Твери, уступала тем зверствам и самоуправству, что имели место в уездах Тверской губернии. Вот, например, о каких фактах передает нам Александр Ефимович в своих письмах. — «У нас в Торжке, — пишет он супруге 2 марта 1827 г., — случилось весьма неприятное происшествие. Умерла скоропостижно у тамошнего городничего крепостная двенадцатилетняя девочка. После того открылось, что она незадолго перед смертью бежала, была поймана и наказана. Продержали ее всю ночь на снегу, привязав за шею веревкою. Сделали следствие: нашли на шее знаки от веревки, спина вся иссечена, и рубашка в крови; а при другом следствии не нашли уже ее и в могиле... Городничий в Торжке — бывший фельдъегерь Завитаев, а родной брат его камердинером у Государя».

Или вот, например, любопытный образчик действий лиц, властью облеченных. «В Бежецке украли из одной церкви деньги. Дворянский заседатель Чаплин, производивший следствие, требовал с священника 300 рублей и, не получив, настращал и научил церковного сторожа показать, будто деньги украдены священником с причтом, что сторож и исполнил. Дьячков же, оставя в одной рубашке, морил он в холодной комнате и грозил даже высечь самого священника и легко мог это сделать, потому что в три дня с подьячими и пьяным депутатом с духовной стороны выпил он семь ведер вина.... Когда дело поступило в уездный суд, то новый депутат с духовной стороны потребовал сторожа, на-

[42] Из письма от 19 марта 1828 г.

чал его увещевать; тот пришел в раскаяние, повалился ему в ноги и признался торжественно при всех, что научен быть заседателем Чаплиным. А священник, из церкви которого пропали деньги, чуть-чуть не сошел с ума... Этот же Чаплин подрался недавно в городническом правлении с городничим. Один дрался указною книгою, а другой — стулом...»[43]

А вот, например, факт, о котором Александр Ефимович не мог умолчать, несмотря на все свое уважение и снисхождение к духовному сану. «Недавно случилось в Клину странное происшествие, — пишет он 17 февраля 1827 г. — Приходит ночью в питейный дом солдат и стучит. Винопродавец не хотел пустить его, потому что жена третьи уже сутки мучилась родами. „Пусти его, — сказала родильница, — авось Бог даст для прохожего". И в самом деле, через несколько минут родила она благополучно. Винопродавец послал за священником и просил солдата быть восприемником младенца. Солдат согласился и окрестил, дал попу серебряный рубль, а родильнице побольше. А было у него около 500 рублей. Бес и ввел священника в искушенье: он решился отнять у солдата деньги, повалил его в полы и зарезал бы, если бы на крик несчастного не подъехала тройка...» — Таково было время, таковы были люди, нравы. Наблюдение над последними занимало Измайлова в первое время его пребывания в Твери, но скоро стало и раздражать. Когда же он в негодовании вздумал было подать протестующий голос, то тотчас заметил, что не имеет союзников. Но, не желая играть роли «гласа, вопиющего в пустыне», он не раздражал более тверских гусей своими баснями, эпиграммами и т. п., а обратился лишь к искоренению (насколько это было в его власти) и предотвращению лихоимства и прочих беспорядков в подведомственной ему Казенной палате, которая, по словам Измайлова, была «настоящим гнездом разбойников». Удалось ли бы Измайлову добиться со временем значительных результатов в этом направлении своей деятельности, судить не беремся, но, если верить его собственным свидетельствам о своих успехах,

[43] Из письма к М. А. Каменеву-Любавскому от 23 марта 1827 г.

ему всё же посчастливилось водворить некоторый порядок и дисциплину.

«...Министр сказал мне, — писал однажды Измайлов, — *чтобы я держал команду построже*. Я и выполняю в точности его приказанье. До меня, могу сказать, не было порядка и дисциплины в Палате. Потачки никому не даю, и передо мною не смеют забыться, как перед прежними вице-губернаторами, перед которыми забывались не только питейные надзиратели, но даже и винопродавцы, и которые подписывали всё, что только им ни подавали. Верно — немного вице-губернаторов, которые столько трудятся, как я». Но выполнить своих задач по части «исправления нравов» сотрудников и подчиненных подведомственного ему учреждения Измайлов не мог, как потому, что часто отлучался из Твери на более или менее продолжительные сроки по делам службы, так и потому, что встречал всегда сильную оппозицию, да и самое вице-губернаторство его в Твери было весьма кратковременно — около полутора лет. Кстати скажем теперь несколько слов о разъездах Измайлова по уездам Тверской губернии, которые он делал или с ревизионными целями, или для присутствования при наборе рекрутов. Как и следовало ожидать, более подробно говорит Александр Ефимович в письмах, при описании своих разъездов, о картинах рекрутского набора; последний будил и его полудремавшую в тверской глуши музу. Правда, вербовка новобранцев, присутствие при их освидетельствовании, решение о принятии их или забракование, выслушивание жалоб или слезных просьб родителей новобранцев и т. п. были обязанностями далеко не приятными и не легкими:

...признаюсь, — оглупел
Я от рекрутского приема, —

писал Александр Ефимович одной из своих знакомых; но Измайлов все же чувствовал себя при разъездах лучше, чем при исполнении обязанностей начальника Казенной палаты в губернском городе, если только с ним не приключалось какой-либо болезни от дорожных неудобств. Распола-

гая большим досугом, Александр Ефимович посвящал его знакомству с жителями и нравами посещаемого захолустья, а иногда от скуки писал и стихи. Впрочем, содержание сих стихов по большей части довольно прозаического характера. Так, им написана во время одного разъезда «Бежецкая вице-губернаторская песня», в которой Измайлов изображает свой тревожный сон в Бежецке: ему не спалось, а если и удавалось забыться, то тотчас перед ним вставали самые неприятные будничные картины, большею частью с сюжетом из его служебной деятельности. — То видел он

...отдатчиков, земских голов
И рекрутов тощих, трех меньше вершков, —

то мужиков, ползающих на коленях с просьбой,

Которых и сам Новико́в[44] не поймет,

и ему становилось так плохо, что он готов был ускакать в Тверь[45]. Кое-что из сцен рекрутского набора, свидетелем которых был наш писатель, занесены им и на страницы его писем. Вот, например, в каких чертах он описывает жене набор в Кашине. «Набор начался благополучно. Несмотря на неопытность мою в этом новом для меня деле и на примерную бестолковость Новикова (секретаря), я сегодня отличился: заставлял дрожать перед собою, улыбаться, хохотать и плакать не только от страха, но и от умиленья... И знаешь ли чем я более всего прославился? — Поцелуем... да, — поцелуем, сударыня! Надобно было взять одного рекрута из двух братьев; старший женат и имеет детей, младший холост. Ни просьбы брата, ни приказанья отца не могли убедить упрямого холостяка идти добровольно в солдаты; он требовал, чтобы кинули жребий. Написал я на одной бумажке: „в солдаты", а на другой — „оставаться в мужиках", свернул их, положил в фуражку и, подойдя к младшему брату, истощил все свое красноре-

[44] Его секретарь.
[45] [См. с. 213 наст. изд.]

чие, представил ему всю славу, если пойдет он добровольно в солдаты за женатого брата, и в заключение речи поцеловал его в лоб. Он перекрестился и сказал: „Видно, так Богу угодно, иду!..“» «Сколько вчера в течение четырех или пяти часов видел я разнообразных сцен: и трогательных, и смешных! — Читаем ниже. — Двум братьям очень не хотелось идти в рекруты. Старший брат их, который заступал у них место отца, не был раздет и поставлен в меру, хотя по летам можно было и его принять в солдаты. Я сказал им тут: „Не хотите идти, так поставлю старшего вашего брата“. — „Нет, батюшка, лучше мы пойдем: он вскормил, вспоил нас маленьких“. А какую ужасную харю видел я у одного плута рекрута! Как крокодильски он плакал! Вот бы с этой хари писать Лицемерие. Негодяй! Не давал отцу в течение шести лет ни копейки. Всех нас привел в негодованье, и я закричал громогласно: „Лоб!“ так, что стены потряслись»[46]. Или, вот что, например, писал он жене из Вышнего Волочка 17 декабря 1827 года: «Сегодня я так был взбешен в Рекрутском присутствии, что не могу тебе изъяснить. Часа два или три кричал с целою волостью: хотел примирить и вразумить крестьян... Во все время набора не имел я столько неприятностей, сколько в один нынешний день. Вырвали из глотки скупого дяди для сироты племянника 200 рублей. Ах, какая трогательная сцена была между двумя братьями-сиротами! Один из них объявил, что добровольно идет за брата и за братенеков (cousins) в солдаты. Казался с виду здоров, но доктор нашел у него золотуху. Тут он заплакал и сказал младшему брату: „Хотел спасти тебя, да не мог“. По настоящему надобно было идти меньшому брату, потому что братенек его был женат, но я велел кинуть жребий. Дядя вызвался дать племяннику 50 рублей награждения, если добровольно пойдет в солдаты, но тот не соглашался меньше 200 рублей. Долго спорили, кричали, но мы поставили на своем, и бедный сирота-рекрут получил 200 рублей».

Литературным памятником рекрутских наборов, производившихся Измайловым, и вообще его разъездов служит несколько его стихотворений, из которых немногие напе-

---

[46] Из письма от 3 ноября 1827 г.

чатаны. Кроме приведенных выше, следует упомянуть еще его прокламацию «кашинским и калязинским рекрутам», начинающуюся словами:

Здравствуйте, ребяты!
Бравые солдаты!
Полно, не тужите,
Царю послужите[47] *и проч.*

Но вообще муза Измайлова за время тверского вице-губернаторства нашего писателя, как мы уже заметили, полудремала, чему главными причинами были — крайний недосуг Измайлова, да и отсутствие других благоприятствующих условий. Не было и людей, которые бы умели ценить плоды его музы[48] и поддерживали бы в нем литературные интересы, как то было в Петербурге. «Ничего печатного почти не читаю, кроме сенатских указов и изредка *Северной пчелы* — писал однажды Измайлов И. И. Дмитриеву. — Не читал даже критики на мои басни, напечатанной в „Телеграфе", хотя этот журнал и получается у нас в клубе»[49]. Понятно, что при таких условиях трудно было сделать что-нибудь по части поэзии. Действительно, написал Александр Ефимович в Твери очень немного. Большинство из напечатанного, равно как и из остававшегося доселе в рукописях, нами уже указано на предыдущих страницах; отметим еще написанную им в Твери «Инструкцию жене моей — тверской вице-губернаторше»[50]. «Инструкция» эта, долго ходившая по рукам в списках, в свое время наделавшая много шума, наконец была напечатана[51], не раз перепечатывалась и год

---

[47] [См. с. 215 наст. изд.]

[48] Как мы уже видели, он навлек на себя своими произведениями даже крупные неприятности.

[49] *Русский архив*, 1871, стлб. 999.

[50] Впервые обнародована сыном Измайлова в 1875 г. (Русская старина. 1875. Т. XIV. С. 758—760), сообщившим, что «инструкция эта, как говорит семейное предание, доведена была кем-то до сведения государя и что государь при прочтении ее много смеялся».

[51] [См. с. 259 наст. изд.]

тому назад вновь по какому-то случаю появилась на страницах *Русского архива*[52]. Ввиду общеизвестности «Инструкции» приводить выписок из нее не будем.

А между тем у Измайлова было желанье поработать пером по части столь любимой им литературы. Он мечтал, между прочим, загладить свою неисправность по отношению к подписчикам на журнал *Благонамеренный*, прекратившийся по случаю его отъезда. «Надеюсь, — писал Александр Ефимович 6 июля 1827 г. Дмитриеву, — что после всех этих испытаний (служебных) буду несравненно свободнее прежнего, а, может быть, для сюрприза подписчикам на *Благонамеренный* выдам остальные номера этого несчастного журнала»[53]. Но Измайлов не имел времени даже «написать как следует письма». Мечтал он «выправить свои стишонки, коих много еще не было напечатано», но и это намерение осталось невыполненным. И Измайлову приходилось искать утешения лишь в воспоминаниях о своей прежней широкой и кипучей литературной деятельности и о далеких друзьях, друзьях литературы, оставленных им в Петербурге и продолжавших там, как бы на зависть нашему писателю, свои литературные занятия. А Измайлов в то время сидел в Твери, погруженный в заботы о питейных, соляных, рекрутских и прочих делах, сопряженных с званием вице-губернатора доброго старого времени.... В грустную минуту обидной казалась ему такая перемена роли, и он горько жалуется на это в своих письмах. Из них же мы узнаем, что он находился в переписке со многими литераторами — своими знакомыми и приятелями, но, к сожаленью, почти вся эта переписка до нас не дошла[54]. Вот, впрочем, отрывок из письма к Измайлову от племянника его П. Л. Яковлева[55], где тот говорит о Пушкине: «А. Пушкин живет здесь [в Москве] с одним из лицейских товари-

---

[52] 1900. № 11.

[53] Русский архив. 1871. Стлб. 996.

[54] Из писем Измайлова от сего времени достоянием печати стали лишь его письма к графу Д. И. Хвостову и И. И. Дмитриеву, выше нами цитированные.

[55] Из Москвы от 21 марта 1827 г.

щей. Судя по всему, что я слышал и видел, Пушкин здесь на розах. Его знает весь город; все им интересуются; отличнейшая молодежь сбирается к нему, как древле к великому Аруэту сбирались все имевшие немного здравого смыслу в голове. Со всем тем Пушкин скучает! Так он мне сам сказал. Это покажется удивительным для [П. М.] Карабанова, графа [Д. И.] Хвостова и — с позволения сказать — Б. [М.] Федорова. Пушкин очень переменился и наружностью: страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выраженье. Впрочем, он все тот же, так же жив, скор и по-прежнему в одну минуту переходит от веселости и смеха к задумчивости и размышлению. Он ревностно участвует в издании *Московского вестника*, сбирается печатать „Годунова“ и „Цыган“[56]; кажется, восемь глав „Онегина“ уже готовы».

Но само собою разумеется, что воспоминания и переписка не могли заменить ему личных свиданий и бесед со своими братьями по Аполлону и не могли служить достаточным утешеньем для него —

Забвенного от всех певца,
Которого здесь [в Твери] приютили
К продаже хлебного винца[57].

Впрочем, случай скоро доставил Измайлову возможность свидеться с некоторыми своими знакомыми-писателями, проживавшими в Москве. Случаем этим был проезд Александра Ефимовича через Москву на место нового назначения — в Архангельск, куда он высочайшим указом был переведен весною 1828 года.

Его препирательства с тверским обществом и полемика с лицами, власть в Твери предержащими, кончилась не в пользу его, несмотря на заступничество за нашего писателя

---

[56] Разумеется отдельное издание; отрывки поэмы появились в печати еще в 1825 году.

[57] Из неизданного послания к И. П. Мятлеву [См. с. 253 наст. изд.].

таких петербургских покровителей его, как И. И. Розенберг[58], И. М. Ореус[59], Д. М. Княжевич[60] и др. В ответ на последнюю бумагу Измайлова в Сенат, в которой он резко отозвался о всех представителях тверской администрации, не позабыв кое-что присовокупить и о жене губернатора, пришел указ о перемещении его вице-губернатором же в Архангельск. «Поэзия не устояла», — как выразилась не без удовольствия по поводу этого указа супруга губернатора, и Измайлов, оставив в Твери семью, приехавшую к нему всего лишь за несколько месяцев до нового назначенья, в первых числах мая 1828 года оставил навсегда

...город древний, славный Тверь.

Весь май месяц Измайлов провел в дороге. Длинный путь лежал через Москву, Ярославль и Вологду. Из всех этих пунктов Александр Ефимович посылал жене пространные письма, в которых, впрочем, мало любопытного; главным образом он говорит в них о приемах, какие ему оказывали те или другие знакомые. В Москве он виделся с И. И. Дмитриевым, а также А. Ф. Мерзляковым, М. Т. Каченовским, Н. А. Полевым и другими писателями, знакомыми по Петербургу; хотел было навестить лежавшую на одре болезни А. П. Бунину[61], да «убоялся, что замучит комиссиями». Из Москвы заезжал он в Троицко-Сергиевскую оби-

---

[58] И. И. Розенберг — в то время директор департамента государственного Казначейства (умер 16 декабря 1829 г.).

[59] И. М. Ореус — в то время тайный советник, товарищ министра финансов.

[60] Д. М. Княжевич — в то время директор департамента государственного Казначейства, впоследствии попечитель Одесского учебного округа и основатель Одесского общества истории и древностей. А. Е. Измайлов был в дружественных отношениях с братьями Княжевичами с молодых лет. Трое Княжевичей (Владислав Максимович, Дмитрий Максимович и Николай Максимович) были постоянными сотрудниками его журналов.

[61] А. П. Бунина — известная в свое время поэтесса. Она долго страдала от рака груди и в декабре 1829 года скончалась.

тель[62], а затем и в именье графа Д. И. Хвостова взглянуть на знаменитую Кубру — речку в имении графа, которую не раз воспевал в своих виршах знаменитый ее метроман-владелец[63]. Измайлов, по примеру графа Салтыкова, Державина и других писателей, обращавшихся по этому поводу с стихотворными посланиями к «Певцу Кубры», набросал следующее довольно остроумное стихотворенье, за время своего пребыванья в имении графа: «Певцу Кубры»[64].

Из городов, лежавших на пути в Архангельск, в особенности понравился нашему писателю Ярославль. «Что́ пред ним ваша Тверь! — писал Александр Ефимович жене. — На небольшом расстоянии заметил я довольно домов прекраснейшей архитектуры, каких мало в Москве и Петербурге. Вид правого берега Волги с противуположной стороны бесподобный. Представь себе крутый возвышенный берег или вал, покрытый сверху зеленью, а внизу вымощенный булыжником, с красивыми мостиками, переходами, с великолепными, показывающимися из-за него колокольнями... Прелесть! Недаром есть старинная русская песня:

---

[62] Об этом посещении лавры в письме Измайлова сохранились, между прочим, следующие строки: «Въехали мы в святую обитель и невольно соблазнились. Хоровод разбеленных, разрумяненных девиц, молодиц и молодых парней в китайчатых сюртуках пел громогласно песню, которую никакая не только духовная, но и гражданская цензура, верно, не пропустила бы. Вот refrain:

Чернечик ты мой, парень молодой!

Содержание песни то, что чернец напился до бесчувствия, потом «опамятовался и пустился плясать». В другом письме, говоря о сокровищах лаврской ризницы, Александр Ефимович восклицает: «В жизнь мою не видывал столько жемчугу и самоцветных каменьев, не говоря о других драгоценностях!»

[63] Подробности о ней см. в акад. [2-м] изд. сочинений Г. Р. Державина [под ред. Я. К. Грота]. Т. II. [СПб., 1869]. С. 304—308.

[64] Стихи эти [см. с. 263 наст. изд.] Измайлов написал карандашом на стене в китайской беседке графа под стихами «раболепного Воейкова», также некогда заезжавшего в именье графа Хвостова (из письма Измайлова к жене от 16 мая 1828 г.).

Ох ты, батюшка, Ярославль город!
Хорошо Ярославль построился *и т. д.*

Не только хорошо, *очень* хорошо, бесподобно! Можно отдать честь бывшему губернатору Безобразову. И какая в городе чистота, порядок...» И дорога из Ярославля была приятная. «Всю ночь мы ехали, — пишет Александр Ефимович, — и всю ночь слышали пенье птиц... В Вокшерском часа в два пополудни сидел я на крыльце у смотрителя, курил трубку, пил ярославский мед и слушал, как вдали пело несколько соловьев. Поехали; запели пеночки, зяблики, жаворонки; потом услышали нового соловья. Видели восхождение солнца»... Местами, впрочем, дорога была скучная и тяжелая вследствие большой грязи, из которой шестерка лошадей едва вытаскивала экипаж. Наконец, неподалеку от Вологды нашим путешественникам (Измайлов ехал с младшим сыном) пришлось надолго задержаться в каком-то захолустьи «за разрушением колесницы». Кое-как уладив ее, они с трудом дотащились до Вологды, где Александр Ефимович прочитал тамошнему губернатору, своему старому знакомому — Н. П. Брусилову[65], басню «Кулачные бойцы», сочиненную им, пока сколачивали его разрушившуюся «колесницу». В Вологде он прожил целую неделю и успел сочинить четыре басни, то есть «более одною, нежели в Твери в продолжении года и четырех месяцев», как отметил сам Александр Ефимович в письме к графу Д. И. Хвостову (*Славянин*, 1829, ч. VII, с. 254).

В Вологде же ему порассказали кое-что об Архангельске и тамошних людях. «Хвалят все, — говорит Александр Ефимович, — архангельского генерал-губернатора и ругают правителя его канцелярии: из шельм шельма. Видно, ведет меня Бог в Архангельск для ниспровержения этой шельмы... А что приятель мой Борисов? — заключает письмо Александр Ефимович. — Что супруга его? Я не забыл еще их. Довершу непре-

[65] Н. П. Брусилов вологодским губернатором был с 1820 по 1834 г. Измайлов познакомился с ним и был введен в его общество довольно рано, когда еще Николай Петрович издавал (в 1805 г.) в Петербурге *Журнал российской словесности*.

менно начатое и избавлю от этих извергов Тверскую губернию, которою Великая Екатерина хотела управлять не скипетром, а одним только *веером*. По этому случаю с веером написан и портрет ее, который поставлен в тверском дворце...»

Наконец, на четвертую неделю путешествия Измайлов въехал в пределы Архангельской губернии. «Слава Богу! Слава Богу! Мы уже в Архангельской губернии, — пишет Александр Ефимович 31 мая 1828 года. — Въехали в нее вчера в половине шестого часа вечера. На границе стоят по сторонам дороги два столба с гербами Вологодской и Архангельской губерний. На последнем изображен архангел Гавриил, которого мощи, по уверению Матвеева, покоятся в вашем тверском соборе и который поражает диавола. А какую смешную гримасу делает диавол! Точь-в-точь как иной губернатор, когда сенат потребует от него объяснения по уголовному делу».

5 июня, ввечеру, Измайлов прибыл в Архангельск. «Наконец я в Архангельске, и мне чрезвычайно грустно...» Так начинается его первое из этого города письмо к жене. Грустное ли настроение Измайлова, не покидавшее нашего писателя долгое время по приезде на место нового служения, или еще незажившая рана, нанесенная в Твери его доверчивому сердцу, сделали Александра Ефимовича как бы безучастным и скептическим к новым знакомствам; но только в длинном ряде его первых писем из Архангельска мы не найдем уже тех восторгов, того добродушия, благорасположенности к людям, которыми отличаются его первые письма из Твери. Его отзывы о людях в высшей степени сдержанны, нерешительны; ласки же и вниманье, которыми окружали его «первейшие граждане Архангельска», кажутся ему далеко не искренними. Тяжелый опыт разочарованья в людях, казалось, научил нашего писателя быть более осмотрительным в сношениях с людьми и держаться даже несколько предубежденных взглядов. Но пессимизм был несвойствен душе Измайлова, и, навеянный одними обстоятельствами, он легко был устраняем другими. Достаточно было небольшого толчка, чтобы к Александру Ефимовичу вернулось вновь его добродушное и доверчивое расположение и к людям, и ко всему окружающему. Так было с ним

и в Архангельске. Проведя несколько недель в этом городе, присмотревшись к нему, Измайлов скоро отказался от своего предвзятого взгляда на него и архангельцев и стал к последним менее подозрительным.

Правда, он не вполне доверял всем их рассказам и действиям. Не верил, например, что на устройство общественного Александровского сада было употреблено сто тысяч рублей[66], не верил ласковым и учтивым выражениям правителя канцелярии генерал-губернатора; не верил, что у генерал-губернатора действительно законная жена, и во многое другое; но все-таки Архангельск и его обитатели ему скоро понравились; мало того, новое место служения нашего писателя даже превзошло его ожиданья. «Чем более живу в Архангельске, — пишет он 12 июля 1828 г., — тем более и более он мне нравится. Какой контраст Твери. Много хвалили мне в Твери Архангельск, но он превзошел мои ожиданья. Здесь можно иметь самое приятное общество и жить без малейшего принужденья, а с истинным и большим удовольствием...» — «Несмотря на все похвалы, слышанные мною в Твери об Архангельске, — пишет он опять две недели спустя, — я никак не ожидал, чтобы здесь было мне так хорошо, как я нашел. Истинно из ада попал в рай. Здесь можно жить и свободно, и скромно. Общество здесь несравненно лучше тверского...» — «Напрасно ты думаешь худо об Архангельске, — говорит он супруге в письме от 17 августа, — скажу тебе, что после Петербурга, Москвы и Киева вряд ли найдется два или три губернских города, в которых можно было бы жить так приятно, как в Архангельске. Из

[66] «Были в Александровском саду, на который, говорят, употреблено 100 тысяч рублей, — пишет Александр Ефимович 9 июня 1828 г., — а сад этот обнесен кругом каменною оградой и — только! Есть в нем березы, сосны, травы, крапива и — только! Дорожек нету, да и на что? по траве мягче ходить... Комары выгнали нас из саду, может быть, за то, что мы усумнились, будто употреблено на сад 100 тысяч рублей. В Кашине, — вспоминает Александр Ефимович, — каленая ограда округ девичьего монастыря несравненно больше, но стала только 20 тысяч рублей. Видно, игуменья — дура...», — заключает Измайлов.

губернских чиновников, разумеется, не так-то много хороших, но, право, более и теперь, чем в Твери. И здесь теперь есть довольно дурного; *но если будет хорошее начальство, то все будет хорошо*». В довершение всех благ и к вящему удовольствию Измайлова, оказалось, что и работы казенной в Архангельске было менее, чем в Твери, да и подчиненные ему чиновники и сослуживцы были людьми более деятельными. «Вот уже более двух месяцев, как я живу в Архангельске, — пишет Александр Ефимович, — и во все время истинно не имел я столько неприятностей и беспокойств, сколько бывало в один день в Твери... Важных и таких опасных дел, какие были по Тверской палате, здесь нет. Самая важная у меня лесная часть устраивается как нельзя лучше: сами мы не плутуем, да и других не допускаем. Хоть сейчас пришли нам десять ревизоров — милости просим. В короткое время при мне и по Рекрутскому присутствию, и вообще по Палате устроен лучший против прежнего порядок; а пустяки, которыми предместники мои из тщеславия мучили понапрасну людей и отвлекали от настоящего дела, отменены...» Итак, оставшись довольным сослуживцами по Палате и значительным облегченьем служебных обязанностей, Измайлов на первых порах остался доволен вообще и архангельским обществом, и тамошними порядками. Архангельское общество составляли чиновники по гражданской службе, затем военные (главным образом моряки), наконец — значительное количество купцов русских и иностранных (последних Александр Ефимович, в отличие от купцов русских, постоянно называет в своих письмах негоциантами; большинство из них были англичане и немцы). Вот как несколькими словами характеризует Измайлов архангельское общество, сравнивая последнее с тверским: «В Твери народ все лукавый, глядит и кланяется по обстоятельствам; здесь почти все вообще ведут себя гораздо ровнее, не кланяются так низко, не улыбаются так сладко, но и не поднимают так высоко носа, как тверские наушники и двоедушники»[67]. Из чиновни-

[67] Из письма от 18 июля 1828 г. Александр Ефимович долго еще не мог забыть Твери, и в его письмах сплошь и рядом встречаем параллели, подобные вышеприведенным.

ков особенным уваженьем и любовью Измайлова чуть ли не с первого дня знакомства пользовался И. Я. Бухарин[68]. Правда, в одном из первых своих писем к жене Александр Ефимович дал довольно сухой отзыв о Бухарине[69], но, познакомившись ближе, он оценил этого достойного человека. В деле управления губернией за этим человеком была уже большая опытность. В качестве вице-губернатора или губернатора он побывал в Финляндии, на Кавказе, в Рязани, Киеве, Астрахани, — наконец, в Архангельске[70] и везде, как говорится в одном воспоминании, оставил по себе славу строгого, но честного в правилах службы и справедливого человека[71]. Измайлов сохранил нам в своих письмах следующий о нем анекдот. «Этот Бухарин во время присутствия пустил однажды зерцалом в астраханского прокурора. „Как мог ты это сделать в присутствии?“ — сказал ему покойный император. — „Терпеть не могу, государь, мошенников, — отвечал он, — и готов прибить их даже при Вашем Величестве“. Государь улыбнулся». Сам Александр Ефимович характеризует его так: «Губернатор человек благонамеренный, умный и любезный. Горд против подлецов и довольно горяч против них и невежд. С эдаким губернатором очень можно ладить. Более 20 лет он уже губернатором и очень разумеет обращение». Кстати отметим, что Бухарин был большим любителем литературы и даже сам пописывал иногда стихи; обстоятельство это также могло лишь содействовать скорейшему и более прочному сближению его с нашим писателем, что на самом деле и было. Впрочем, любителем литературы оказался в Архангельске не один Бухарин: к ней питали симпатии и некоторые другие представители архангельской интеллигенции; так, послушать

[68] И. Я. Бухарин родился в 1772 г., умер 6 ноября 1858 г. (похоронен в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря).

[69] «В лице его есть что-то *жесткое*», — писал он ей.

[70] Губернаторство в Архангельске было его последним губернаторством.

[71] См. о нем статью М. Н. Лонгинова в: Московские ведомости. 1858. № 122. (Перепечатано в *С.-Петербургских ведомостях* того же года, № 230). См. также: Славянин. 1828. VII. С. 255, примечание.

чтение Измайлова и сами почитать любили архангельские дамы. Их наш писатель занимал чтением стихов своих или чужих (между прочим Пушкина, Крылова); кроме того, он писал им «стихи в альбом», поздравительные, экспромты и т. п.; играл с ними в «вопросы и ответы». Но, конечно, интерес дам поэзией, литературой был слишком поверхностный, и единственным и постоянным более серьезным собеседником Измайлова по части литературы оставался все тот же Бухарин[72], разделявший с нашим писателем и другие его духовные интересы, каковых у Александра Ефимовича было немало. Пользуясь выпадавшим досугом, он писал стихи, усердно занимался Ломоносовым[73] и однажды высказал желанье увидеть «хорошее издание его творений», не полное, но избранное, с комментариями.

«Да, над этим надобно посидеть, — писал он гр. Д. И. Хвостову, — а комментариями немногие любят и могут у нас заниматься»[74].

Собирал он старые монеты, книги и рукописи; в одном из своих писем приводит следующие образцы из старинного рукописного письмовника:

«Обретенному сокровищу, веселию моему, по закону Божию и по преданию святых апостол и по благословению отца нашего духовного священно- и протоиерея Иоанна Колченогого, жене моей — Катерине Ивановне поклон». — «Так писали некогда наши предки, — говорит Александр Ефимович, — как явствует из присланного ко мне древнего письмовника в свитке... А ты, милая Катенька, — прибавляет он, — впредь письма свои ко мне начинай следующим образом: „О сладостному моему милосердому другу! Любовь твоя снедает утробу мою; совету моему и благодетелю, Государю моему свету, нелицемерному привету и законного

[72] Заметим кстати, что о литературе любили иногда поговорить с нашим писателем и иностранные «негоцианты».

[73] В Архангельске и в Холмогорах Измайлов разыскивал, между прочим, родственников Ломоносова и нашел некоего Лопатина, занимавшегося резьбой по кости; к сожалению, ничего интересного от него наш писатель не узнал.

[74] Славянин. 1828. Ч. VIII. С. 364.

жития восприимцу“ (имярек). — А к Мише и Павлиньке [сыновья Измайловых] так: „Рожденному от утробы моея и многогрешныма рукама моима воспитанному и во благоденствие посреди винограда Христова возрастившему сыну моему от меня рожденному (имярек) благословение...“»

Кроме того, Измайлов интересовался произведениями народного творчества и не раз приглашал к себе сказителей. Так, один из них сказывал ему однажды нараспев «сказку в виршах *о ерше*; потом спел старинную песню *о разбойничьих усах*; наконец, запел третью — *о богатыре Добрыне и злой Маринке — еретнице, безбожнице*». В другой раз по приглашенью Измайлова явился к нему какой-то мещанин Николай, архангельский Гомер, рапсод, слепой певец. «Пропел он нам, — пишет Александр Ефимович, — три песни: 1) о Добрыне Никитиче, как его превратила в тура злая Маринка и как ее самое мать Добрыни, старая Афимья Александровна, хотела оборотить в серую суку и послать в мясной ряд; 2) как царь неаполитанский Василий украл через поваренка Ивашченко-Таракашченко жену у иерусалимского царя Соломона; 3) об избавлении от рук палача Малюты Скурлаты-собаки старшего сына царя Ивана Васильевича Грозного через Никиту Романова, который приехал на панихиду царевича в цветном платье». К сожаленью, записи этих былин, сделанные Измайловым, до нас не дошли. В ничтожном количестве дошли до нас и плоды его изученья архангельского говора, «наречия». Известно из писем нашего писателя, что им составлен был «Архангельско-русский словарь», в который вошло свыше 200 слов; напечатан он не был и судьба его нам неизвестна. Единственным памятником занятий Измайлова областным говором осталось его «Письмо к издателю *Славянина*, написанное наречием жителей города Архангельска» и напечатанное в только что названном журнале (1828, ч. VIII). Вот это любопытное письмо, которое мы приводим полностью:

«Рано встаю я здесь с *места* (с постели), сброшу *окутку* (одеяло), надену *обувку* (обувь) и примусь за книгу или за перо. Когда же *обряжусь* (отделаюсь) и *облакусь* (оденусь), велю человеку *пахать* (мести) и прибирать комнаты, а сам

пойду на *угор* (на высокий берег); стою и любуюсь на величественную Двину, покрытую ладьями, *карбасами*, *шняками* (разного рода суда) и *душегубками* (челноками). *Угор* унизан красивыми деревянными домиками, а домы почти все с *вышками* (со светлицами), и в *вышках палы* (окна) открыты. — Делал я с приезда сюда визиты. Если скажут где: «*живет*» (дома), то войдешь; если же услышишь: «*повалился*» (спит), так от ворот. Был я и на *новое*[75] (на торгу, на рынке). В одном месте сельские красавицы в *отдирках* (в головных платках) продают в *туесах* (в бураках) морошку, *землянку* (землянику) и *кислицу* (красную смородину); в другом сидят с *тетерками*[76] и *шаньгами* (булками и лепешками); в третьей с горшками и *кубами* (корчагами). Был у нас недавно один путешественник (из инородцев). Лжет *дородно* (очень много). Представьте себе: уверял торжественно здешних старожилов, будто у нас в Архангельске можно выстроить порядочный домик за сорок рублей и с хлевом. По крайней мере, вдесятеро убавил[77]. Хорошо

[75] *Новоем* называют здесь торг, потому что с него привезут или принесут всегда что-нибудь *новенькое (Примеч. И.)*.

[76] Буква *е* произносится здесь часто как *ё* (*io*), например: тетёрка, дёржать, прелёстная и т. п. *(Примеч. И.)*.

[77] Это намек на П. П. Свиньина, который как раз в то время путешествовал по северным окраинам России и о виденном и слышанном делился с публикой в форме писем, печатавшихся в *Северной пчеле*. Эти письма, равно как и письма из прежних его путешествий и вообще все рассказы Свиньина, не всегда были похожи на правду, что давало повод многим писателям и журналам так или иначе отмечать эту слабость Свиньина. Кажется, более, чем от кого другого, Свиньин потерпел за свое хвастовство от Пушкина, Воейкова и нашего писателя, специально на него сочинившего басню «Лгун» [см. с. 125 наст. изд.] и нередко поминавшего его в других своих стихотворениях [см. с. 128, 138, 208 и др. наст. изд.]. Уверенье Свиньина, о котором говорится в только что приведенном письме, Александр Ефимович рассказал и в своем «Прощанье с Архангельском» в следующих строках:

Простите, с вышками хоромы!
Простите, маленькие домы,
О коих уверял Свиньин,
Что с вышкой дом такой один

у нас в Архангельске; годы теперь не *зеленые* (голодные), а урожайные; но *издержаться* и *решиться* (умереть) желал бы я лучше в Петербурге или в Москве. Простите, *доброхот*: пора за дело».

Вместе с тем в Архангельске (как и в Твери) Измайлов интересовался положением учебного дела в этом отдаленном русском городе и нередко посещал находившиеся там учебные заведения: гимназию, семинарию и немецкое училище. Судя по письмам Измайлова, и постановка учебного дела в архангельской гимназии, и подбор учителей были далеко не удовлетворительны. «Гимназия здешняя, — говорит он в письме от 21 января 1829 г., — из рук вон плоха. Ученики 4 класса не знают, как называются по-латыни Бог и хлеб! Учителя же французского и немецкого языка едва ли сами умеют читать». Плохое впечатление произвел на него и экзамен в гимназии. Вот что говорил он по поводу этого: «Нынче (27 июня 1828 г.) были с губернатором на экзамене в гимназии. Что за гимназия здесь! Во сто раз хуже даже тверской. Был и преосвященный. Роздали нам всем, почетным посетителям, разрисованные программы; на моей близ архангельского герба изображена лира с лавровым венком. Умерли бы со смеху Настинька и На-

---

Обходится здесь не дороже,
Как в 40—50 рублей.
Прости ему, великий Боже!
Без умысла солгал злодей!

[См. с. 267 наст. изд.]

О Свиньине упоминает Александр Ефимович и в письме к издателю *Славянина* [на самом деле, к графу Хвостову. — *М. А.*], напечатанном в этом журнале: «Ожидаем сюда из Соловецкого монастыря, — говорит он, — на воздушном шаре С. Послушаем его, как приедет» (*Славянин,* 1828, ч. VII, с. 254). О нем же говорит Александр Ефимович и в своих письмах к жене. Так, в письме от 11 июля 1828 г. читаем: «В 12 часов собрались мы на завтрак к Соловецкому архимандриту: генерал-губернатор, Свиньин, я и прочие чиновники. Архимандрит Соловецкий приготовил пирог молодецкий, потчевал нас рейнвейном и шампанским. Свиньин сказывал, будто получает до 60 тысяч в год, — конечно, врет».

таша[78], если бы услышали экзамен в российской словесности, особливо во французском языке. Недавно приехал сюда учитель француз из пленных, большой говорун и хвастун; берет за год 500 рублей». — Скоро Измайлов приглашен был на экзамен в семинарию; по-видимому, и этот экзамен не удовлетворил нашего писателя, хотя и был «занимательнее, чем в гимназии». — «Студент на кафедре читал какую-то речь, — говорит Александр Ефимович, описывая экзамен в семинарии, — читал, читал, насилу кончил, и я сказал: аминь. А тут пошла латынь, то есть испытанье в богословии и философии на латинском языке... Экзамен был несравненно занимательнее, чем в гимназии. Между учениками были диспуты; многие читали стихи, говорили речи». Но более, чем гимназия и семинария, понравилось Измайлову немецкое училище и учителя оного, с которыми он свел знакомство, имея в виду пригласить их для занятий с его младшим сыном. Александр Ефимович хотел было его отдать в это училище, но встретилось препятствие. Дело в том, что «по представлению директора здешней гимназии, — как говорит Измайлов, — в Немецкое училище не принимают более русских, *чтобы они не сделались еретиками*»[79].

Кроме всего перечисленного, внимание нашего писателя привлекала к себе история Архангельского края, своеобразные нравы его населения и быт инородцев, в значительном количестве обитавших тогда в Архангельской губернии. Частые разъезды, которые приходилось делать Измайлову, помогли ему как нельзя более основательно ознакомиться с этим краем в сравнительно ничтожный промежуток времени. Везде он поражался громадным богатством этого края, но вместе с тем и крайним нерадением к нему русских людей, халатностью, зависящею не столько от самого населения, сколько от плохих порядков и администрации края. «Сколько источников разнородных богатств!» — восклицает Александр Ефимович в одном

[78] Дочери Измайлова, из которых первая окончила курс в Екатерининском институте, вторая — в Смольном.

[79] Из письма от 13 июля 1828 г.

письме, говоря об Архангельском крае. В другом (от 14 декабря 1828 г.) читаем: «Об Архангельской губернии, так же как и о Сибири, можно сказать, что она — золотое дно, хотя и нет в ней золота. Здесь есть руды, и, как полагать должно, богатые. За Ижемской слободой есть богатейший источник самой лучшей нефти. Есть много разных минералов около реки Печоры и хороших каменьев... И что можно из нее сделать! и как легко! Народ здесь *единственный* — только дай направленье. А есть, впрочем, селенья, в которых месяца по три и по четыре не едят соли. В одном селении крестьяне в Великий пост питаются одним только... *молоком*, а хлеба не спрашивай; картофель же и не думали развести. В иных местах, особливо где производится заготовка лесов, крестьяне пропивают не только зарабатываемые деньги, но и все. И всё можно легко поправить, улучшить»... Любопытно при этом отметить, что Измайлов, как строгий чиновник, проведший уже не один десяток лет за канцелярским столом, успел глубоко уверовать в мощь человека чиновного, в то непобедимое значение, какое имеет для русского человека *начальник*. Выше мы уже цитировали письмо Александра Ефимовича, кончающееся в своем роде классической фразой: «...Но если будет хорошее начальство, все будет хорошо»; в духе этой фразы он продолжал высказываться и теперь, и все зло и бедствия, претерпеваемые населением, имел склонность относить на счет «начальников». Проникнутый подобными убеждениями, он всюду являлся рачительным и строгим исполнителем своих обязанностей одного из начальников края, долженствующих пещись о благе вверенного им населения; всей душой желая правильного и честного отношения к своему делу лиц, властью облеченных, он требовал неуклонного следования своему долгу не только от подчиненных, но и от сослуживцев, стоящих хотя бы и выше его чином; скажем более — он хотел преследовать и преследовал нарушение интересов казны и края там, где, строго говоря, он не имел на то полномочий или права. Его возмущало, что «хорошее житье только исправникам»[80],

[80] Из письма от 10 февраля 1829 г.

что «грабят казну очертя голову»[81], что «в казенную муку, которая поставлялась в магазейны, сыпали нарочно песок, чтобы мука была тяжелее»[82], что сам генерал-губернатор не гнушался десятирублевыми взятками[83], что «в прошлом (1828) году по одному Архангельскому уезду произведено было на одну починку дороги противозаконно собранных с крестьян 27 000 рублей, а по отчету, присланному в Казенную палату, показано только 50 рублей»[84], и т. д., и т. п. Впрочем, он всё еще верил, что «все легко можно поправить, улучшить», хотя тут же с грустью сознавался, что «в том беда, что скорее позволят делать зло, нежели добро на пользу общую»[85]. Но он твердо решился бороться со злом. Часто выставляя на вид генерал-губернатору С. И. Миницкому носившиеся неблагоприятные для него (Миницкого) слухи, а иной раз намекая и на замеченные им лично факты, простодушный Измайлов надеялся «обратить на путь истины» этого грубого и (как потом показало следствие) нечистоплотного (в рассуждении казенного добра) человека. Но генерал-губернатор купно с правителем своей канцелярии и прочими «единомышленниками» касательно общественного достояния продолжал вести дело по-прежнему и даже отвечал Измайлову на его представления грубостью. Измайлов не вытерпел и в одной из своих бумаг, адресованных в канцелярию генерал-губернатора, позволил себе выразиться о последнем и его действиях в форме, не принятой в официальных сношениях. Это окончательно вооружило Миницкого против Измайлова, и он немедленно послал в губернское правление предложение, в котором просил сообщить Казенной палате, дабы последняя сносилась с ним (Миницким) письменно или через посредство губернатора, но отнюдь не через Измайлова. Приводим полностью это оригинальное предложенье: «Получив меморию Губернского правления от 20 сего октября

[81] Из письма от 14 марта 1829 г.
[82] Из письма от 30 января 1829 г.
[83] Из письма от 25 января 1829 г.
[84] Из письма от 2 мая 1829 г.
[85] Из письма от 14 декабря 1828 г.

за № 15 418, вслед за тем получил и от г[осподина] Архангельского вице-губернатора бумагу, в копии у сего прилагаемую, я предлагаю Губернскому правлению, яко первенствующему в Губернии месту, по содержанию сей бумаги собрать надлежащие справки и ко мне представить с своим заключением, а между тем сообщить Казенной палате, дабы благоволила оная о всех делах, какие касаться будут до рассмотрения моего, обращалась бы ко мне не посредством вице-губернатора, а от лица Казенной палаты по установленному порядку, дабы генерал-губернатору не получать бумаг, наполненных, кроме невежества, *дерзостию и неосновательностию*; а г[осподину] вице-губернатору объявить, что я не имею никакой нужды в его ко мне посещениях, и потому бы он себя избавил от них. Все же, что по службе требуется, обращался бы он (sic!) ко мне посредством Казенной палаты или Начальника губернии, то есть гражданского губернатора; лично же с г. Измайловым я изъясняться не желаю».

Впрочем, Измайлов не устрашился такого предложенья, решив продолжать начатое, и с ним повторилась та же история, что и в Твери: бóльшая часть архангельского общества, державшая сторону генерал-губернатора (кроме Бухарина, чиновников Казенной палаты и еще нескольких лиц), отвернулась от нашего писателя. Это крайне огорчило и раздражило Измайлова, но сводить счеты с архангельцами ему было некогда: он скоро отправился в разъезды по губернии и почти все остальное время своего непродолжительного вице-губернаторства провел в странствовании по дебрям и весям далекого севера, разъезжая в «кибитке, уступающей в величине немного Ноеву ковчегу».

Разъезды эти, дурно действовавшие на Измайлова еще во время тверской его службы, здесь, в зимнюю стужу, совершенно расстроили здоровье Александра Ефимовича; притом же ему часто приходилось по делу рекрутского набора или по другим служебным обязанностям заезжать в довольно далекие и глухие местности. Впрочем, бодрое настроение духа и муза не покидали и здесь этой живой натуры. Скрепя сердце отправлялся он всякий раз в столь неприятные

ему разъезды, но это не мешало ему честно исполнять свою миссию, и от наблюдательного и зоркого ока его не укрывалось ничто достойное замечания.

Плодом его разъездов, кроме успешного выполнения своих обязанностей, был обширный доклад о состоянии Архангельского края и населения, к глубокому сожалению до нас не дошедший; литературным же памятником служат его стихотворения и, сверх того, «Письма о самоедах», имеющие для этнографа несомненный интерес. И те и другие в значительной своей части напечатаны. Большее число стихотворений написано Измайловым во время его первого разъезда, сделанного в конце 1828 года. Так, в Шенкурске написал он «рекрутскую песню» (в стиле народной песни)[86], в которой ободрял воинов на служение царю и отечеству; покидая Шенкурск, он сочинил следующую «Надпись на печке» в занимаемой им комнате:

Здесь две недели жил известный литератор —
Измайлов, вице-губернатор.
По утру рекрут он смешил и принимал,
Расспрашивал о «мимоходе»
И как «обносит ум» у рекрут при погоде;
По вечерам стихи хозяюшке читал
Иль, сидя на софе, мечтал
И вздохи в Петербург по ветру посылал.
Был весел, хоть был грудью болен,
Хозяином, хозяюшкой доволен.
Дай Бог здоровья им, добра,
Богатства, счастия... Пора в Мезень, пора!

Кстати, о шенкурских чиновниках; вот как Александр Ефимович описывает их в несколько штрихов: «*Уездный судия* — презабавный старичишка, который и мышонка не поймает; *почтмейстер* — большая каретная лошадь, который вместо „Петербург“ говорить „Петенбрюк“; *окружной лесничий* — le pauvre diable, всегда на вытяжке и пальчики

[86][См. с. 215 наст. изд.]

по квартирам; *уездный стряпчий* — плут...» Из Шенкурска Александр Ефимович отправился в Мезень, где ему пришлось прожить целый месяц и коротко познакомиться с чиновниками этого «скучного» — по отзыву Измайлова — города. Вот в каких стихах он простился с Мезенью [см. с. 266 наст. изд.].

В общем, мезенцы не понравились Измайлову, о чем свидетельствует, между прочим. «Надпись» его, сделанная над кроватью холмогорского лекаря Шелле, на которой он двое суток пролежал больным. Вот что читаем в этой «Надписи»:

По возвращеньи из Мезени,
Где люди все почти так дики, как олени,
Седьмого генваря, с обеда вечер весь
Пробредил здесь
Архангельский виц-губернатор:
В Мезени сглазили, испортили его
И чуть не сделали оленем самого.

Впрочем, не мезенцы, и не земляки Ломоносова, и не шенкурские чиновники привлекали во время разъездов наибольшее внимание Измайлова: его в особенности заинтересовали самоеды, их быт и отношение к ним русских. Для ознакомления с подробностями быта и нравов этого полудикого (во время Измайлова) народа отсылаем интересующегося читателя к упомянутым выше письмам нашего писателя[87]; здесь же отметим то, о чем в свое время наш писатель сообщить в печати не мог, но что крайне возмущало его и о чем он собирался довести до сведения кого следует. Это — крайне бесцеремонное и грубое отношение русских к диким, но беззащитным самоедам. Не говоря о том, что власти обращались с ними до возмутительности жестоко, само русское население нещадно злоупотребляло их простотой и неведением. Русские грабили их и прямым, и косвенным путем: или прямо отнимая и угоняя их

[87] См.: Славянин. 1829. Ч. XII. С. 497—511.

оленей[88], или действуя на них силою водки, до которой самоеды были очень падки; если же русские и продавали им водку (конечно, меновым образом), то брали чуть не вдесятеро дороже. «Третьего дня, — пишет Александр Ефимович своему двоюродному брату 8 марта 1829 г., — были у меня самоеды, которых выбрали было в лесные сторожа. Поверишь ли, что за меру вина, которая стоит в кабаке 20 к., бессовестные промышленники в тундре берут с них по 1 р., по 1 р. 50 к. и даже по 2 рубля, и вино несравненно хуже кабацкого — с большою примесью воды, так что продают его в виде льда, кусками. Платят за вино не деньгами, а мехами и оленями. Лучшего оленя, который стоит 10–15 рублей, промышленники ценят в 2 рубля; итак, 20 копеечная мерка обходится иногда дороже пяти рублей». Но и с этим самоеды мирились, ибо могли водки и не покупать; на грабежи же они нередко и сами отвечали грабежом; но что в особенности озлобляло их, это — посягательство на их свободу и насильственное обращение их в православную веру русскими миссионерами. «Вчера и сегодня, — пишет Александр Ефимович жене 24 декабря 1828 г., — приходили опять ко мне самоеды жаловаться, что их насильно крестят. И сегодня какой-то поп с дьячком грозил им засадить их *в железы*». А в письме от 27 января 1829 г. читаем: «Архимандрит Вениамин[89] велел самоедов парить в бане, чтобы они охотнее крестились...» Да и вообще касательно духовенства Архангельского края, опираясь на письма Измайлова, можно заметить, что оно действовало довольно энергично, хотя и не всегда стояло на высоте своего духовного призвания и святости своего сана; и за духовными лицами, как и вообще за людьми, водились кое-какие грехи, на описание которых наш писатель не поскупился.

[88] Из письма от 23 декабря 1828 г.

[89] Вениамин (в миру Василий Смирнов) — в то время архимандрит Архангельского, а затем Сийского монастыря. С 1824 по 1830 г. занимался обращением в христианство самоедов и, как свидетельствует поданная им записка, успел за этот промежуток крестить до 3000 человек (Христианское чтение. 1851. № 1). Умер в 1848 г. настоятелем Глуховского Петропавловского монастыря.

Так, он говорит, что один священник, в пылу своей чрезмерной ревности к православной вере и патриотизму, сочинил и отправил «нелепейший донос на преосвященного, состоящий в том, что преосвященный Аарон присутствовал при освящении евангелической церкви и будто бы служил молебен за здравие английского короля Георга, тогда как тот отслужил только молебен великомученику Георгию»[90]. В другом письме Александр Ефимович, между прочим, отмечает: «Многие из священников здесь... и весьма буйные. Однажды, на другой день Пасхи, три попа в соборе прибили и раскосматили диакона и бежали за ним по улице с полверсты...»[91] Не особенно одобрительно отзывается Измайлов и о бывшем в его время епископе архангельском Аароне[92]. Это был большой знаток языков и переводчик; между прочим, он подарил однажды Измайлову свой перевод с английского «Еммануил»[93]; писал он также и стихи[94]. Но особенно он любил говорить проповеди, и они наименее ему удавались. Со стороны Измайлова преосвященный как проповедник вызывал довольно едкие остроты, хотя — повторяем — наш писатель с большим уважением относился к духовному сану, будучи человеком весьма религиозным. Из менее резких отзывов его позволим себе привести хотя бы следующие: «У нашего преосвященного Аарона, — пишет он 5 апреля 1829 г., — говорить проповеди охота смертная, но участь горькая». Преосвященный часто прибегал в своих речах к сравнениям и другим фигурам духовного витийства, но они у него не выходили надлежащим образом или были не совсем уместны.

---

[90] Из письма от 13 июля 1828 г.

[91] Из письма от 5 апреля 1829 г.

[92] В мире — Алексей Нарциссов; епископом Архангельским был с 1826 по 1830 г.; умер в 1842 г. Оставил после себя несколько переводов и сочинений. (См. о нем в *Москвитянине,* 1842, т. III.)

[93] По свидетельству Геннади (Справочный словарь. Т. I. С. 1), книга эта в каталогах не указана.

[94] «Преосвященный запотчевал меня стихами, — пишет Александр Ефимович 14 апреля 1829 г., — написал преуморную поэму на сооружение памятника Ломоносову; хочет печатать».

«Третьего дня, — пишет Александр Ефимович 8 марта, — наш преосвященный заставил Спасителя гонять голубей, говорил о кротости ослиной и о каких-то контрактах, заключенных с бесами... А человек, истинно, неглупый». В одном стихотворении, «посвященном» преосвященному, Измайлов, между прочим, так передает какую-то его проповедь:

Царя пожаловал он *видимым Христом*,
Христа ж — в *фельдмаршалы* и даже в *генералы*...[95]

Впрочем, не прибегая более к выпискам, считаем нужным заметить, что не одно духовенство подвергалось такому резкому осуждению Измайлова, особливо в последние месяцы его пребывания в Архангельске. Наш писатель, постоянно раздражаемый выходками и беззаконными поступками Миницкого и правителя его канцелярии, был озлоблен вообще изменившимся отношением к нему чуть ли не всех архангельцев, не умевших ценить его искренность и полное желание добра их же краю. И, быть может, под влиянием такого раздраженного состояния наш писатель выразился однажды так о своих новых знакомых:

В Архангельске, Шенкурске и Мезени,
Где люди хуже, чем олени...
Иной, ей-богу, людоед —
Страшнее диких самоед[96].

Нетрудно догадаться, что Измайлов в данном случае главным образом метил в самого генерал-губернатора, отношения с которым становились для Александра Ефимовича час от часу невыносимее. Однако он долго терпел, ожидая лишь удобного случая «вывести на свежую воду все плутни», и продолжал действовать по-своему.

---

[95] Из письма от 24 июля 1828 г.
[96] [См. с. 274 наст. изд.]

Ни жалованья здесь, ни взяток не беру, —

писал он жене, —

Зато, когда умру,
Не попаду к беса́м в подземные селенья:
Не делал никому по службе притесненья,
А защищал крестьян, сколь мог, от разоренья.
За правду хоть теперь терплю,
А всё ее так, как тебя, люблю.
Амвросий[97] запретил мне ре́вновать лукавым
И беззаконникам: «Иссохнут, как трава!» —
Прощаясь, мне сказал. — Ах, что за голова!
Быть лучше бедным, лишь бы правым.
Архиерея я ослушаться не мог —
За правду же заплатит Бог[98].

Наконец, случай скоро представился. Миницкий однажды вмешался в распоряжения Измайлова по делу коекаких злоупотреблений губернского казначея; затем выразил Александру Ефимовичу свое неудовольствие на то, что тот круто обошелся с одним из его фаворитов; в довершение всего генерал-губернатор повел интриги против Измайлова и в архангельском обществе. Терпение Измайлова, не знавшего низкопоклонства и «коленоподгибательства» (его выраженье), истощилось, и он решил отписать обо всем к министру. Бухарин, хотя и держался взглядов Александра Ефимовича, все же советовал ему сначала не делать такого решительного шага, но, убежденный Измайловым в невозможности действовать иначе, склонился на его сторону и сам отправил в Петербург бумагу о подвигах Миницкого, отношения с которым у этих двух представителей архангельской гражданской администрации из натянутых перешли в открыто враждебные.

«Война началась!» — писал Измайлов жене...

---

[97] Архиепископ Тверской и Кашинский (см. выше).

[98] [См. с. 274 наст. изд.]

Тяжело читать письма Измайлова, в которых он описывает все мельчайшие перипетии завязавшейся борьбы и своих неприязненных столкновений с архангельским обществом; неприятное чувство сжимает сердце, когда видишь, до какого озлобления могли довести люди такого добродушнейшего человека, каким был А. Е. Измайлов. Не будем приводить пространных выписок из этих его писем и стихотворений: они так мелочны, так дышат злобой, что в них порой не узнаешь нашего писателя и не хочется верить, что они вышли из-под его пера.

Жена Измайлова, от которой Александр Ефимович ничего не скрывал, сильно встревожилась и из опасенья, что его могут отставить, умоляла его в своих письмах прекратить «эту войну». Но Александр Ефимович, твердо уверенный в своей правоте и успехе донесений министру, успокаивал ее, совершенно серьезно выставляя ей на вид необходимость решительных мер и всю неосновательность ее страха; часто он упрекал ее в малодушии[99]. Вот, например, как он отвечает на одно из ее писем:

«Сегодня получил от тебя, милая Катенька, письма от 12 ноября. Вместо того, чтоб укрепить мое здоровье[100], они его расстроили. Побойся Бога, не будь так малодушна. Министр сердится на меня: его воля — пусть и побранит... Не брань министра страшит меня, а твои слезы. И так, мой друг, довольно в жизни настоящего, существенного горя; для чего же прежде времени плакать и изнурять себя по пустякам? За что меня отставить? за то, что я берег государево добро? что привел Палату в такое положение, в каком никогда она до меня не была? что соблюдаю в точности присягу? Нет, за это нынешний государь не отставляет, а если бы и отставил, то опять определит и даст еще лучшее место. Лучше быть отставлену за правду, нежели за участие и связь с плутами и ворами. Я надеюсь твердо на Бога... Неужели ты на Него не надеешься?»[101]

---

[99] Ср. его басню «Орел и Сорока», написанную в Архангельске [см. с. 164 наст. изд.].

[100] Заметим, что в Архангельске Измайлов бывал очень часто болен; в особенности он страдал от одышки.

[101] Из письма от 22 ноября 1828 г.

Надежду на Бога он высказывает не раз в своих письмах: «Не беспокойся обо мне, милая Катенька: у меня сильный покровитель и защитник — Бог, *сильнее графа Аракчеева*»[102].

Но на Екатерину Ивановну подобные речи супруга все-таки не действовали успокоительно. Тогда Александр Ефимович (зная, что она привыкла видеть его всегда в веселом настроении), дабы уверить ее, что у него совесть чиста и спокойна, посылает ей ряд писем, в которых отношения свои (купно с Бухариным) к Миницкому описывает в самом шутливом тоне.

«Войска наши, как слышно, размещены по зимним квартирам, — писал он ей 23 октября 1828 г., — а у нас в Архангельске с начала зимы открылась междоусобная война. Один муж уже имел несколько сражений (хотя не генеральных) с своей женой и каждый раз оставался победителем; принял все меры, чтобы не допускать к своей супруге неприятельского войска. Начальник штаба генерала Миницкого — Ш.[103] — искусным и решительным маневром разделил два соединенных корпуса Бухарина и Измайлова; последний принужден отступить; но ретирада его для неприятеля была страшнее атаки. Начальник штаба Ш. ранен не в бровь, а в самый глаз картечью, и даже главнокомандующий получил несколько контузий, которые переносит с примерным терпеньем. Хотя и открыл, было, он недавно с одной маскированной батареи огонь, но выстрелы не причинили никакого вреда».

Или: «Сегодня в два часа пополудни неприятель сделал самый сильный натиск на корпус Измайлова; но он давно

---

[102] Из письма от 19 октября 1828 г.

[103] Шамарин — правитель канцелярии архангельского генерал-губернатора. Между прочим на Шамарина Измайлов написал «быль»: «Воевода и подьячий с приписью», не вошедшую в Собрание сочинений [См. с. 179 наст. изд.]. Стихотворение это в свое время не было пропущено в печать цензором Корсаковым, написавшим: «Или изменить конец, или вовсе исключить» (Отчет Императорской публичной библиотеки за 1889 г. СПб., 1893. С. 668). См. также басню: «Скотское правосудие» [см. с. 176 наст. изд.].

уже приготовился к нападению, и неприятельские войска, командуемые рапортующим больным начальником штаба отретируются со скандалом; а начальник штаба в лазарете и главнокомандующий в обозе получат тяжелые и опасные раны не в генеральном сражении, но в партизанской схватке. В первом деле уже убит один человек — старый атаман разбойников, то есть командир уездных казначеев — губернский казначей»[104].

Или вот, например, как он рисует программу своей будущей деятельности, если его лишат должности:

«Если не дадут мне хорошего вице-губернаторского места, — пойду... в актеры трагические: лет десять еще могу украшать сцену. А не то — в шуты: еще лучше! То-то начну проказить... Всего выгоднее быть шутом»[105]. Но отпор Миницкому кончился для Измайлова и Бухарина плохо. Миницкий, явившись заблаговременно в Петербург, успел оклеветать перед лицом высшего начальства того и другого, и оба его противника должны были оставить свои должности; Измайлов поплатился более своего союзника: он был уволен вовсе от службы. Впрочем, у Александра Ефимовича были в Петербурге сильные друзья и покровители, которые своим заступничеством добились того, что Измайлов был причислен к Министерству финансов. Но этим дело не кончилось. Положение Измайлова, в котором он очутился, было для него слишком тяжело; не говоря о том, что он лишился таким образом средств к существованию, он был глубоко возмущен и таким незаслуженным, несправедливым отношением к нему, которое — отметим — приходилось ему испытывать уже не в первый раз.

«Вся моя вина, — писал он с горечью своему двоюродному брату, — в том, что тверской губернатор зол, архангельский генерал-губернатор глуп, а правитель канцелярии его мошенник и возмечтал о себе, как второй Навуходоносор. Непременно надобно было подличать перед ними или же решительно с ними при первом случае поссориться, ког-

---

[104] Из письма от 25 октября 1828 г.

[105] Из письма от 1 марта 1829 г.

да честь и польза службы того потребуют. Я так и сделал... Пусть говорят обо мне что угодно[106]; но, надеюсь, не скажут по крайней мере, чтобы я подличал перед старшими себя и кривил душой. Пишу, что велит Тот, Им же царие царствуют и сильнии пишут правду... Если бы Спаситель, — заключает свое письмо Александр Ефимович, — сошел опять на землю и определился в российскую службу по гражданской части не в столице, а в *провинции*... не прослужить бы ему и месяца в одной губернии: тотчас бы перевели в другую, а из другой в третью, и т. д.»[107]

Измайлов решил продолжать дело, войти с ходатайством к самому государю и «объяснить ему всё как было». «Les absents sont toujours torts, — писал Александр Ефимович жене 1 мая 1829 г. — Но я в долгу не останусь: выведу всех на свежую воду и отплачу уроду этому...» Для этого нужно было ехать в Петербург, средств же у Александра Ефимовича на дорогу не было, и ему пришлось вести по этому поводу обширную и долгую переписку. Сидя в Архангельске без дела в ожидании денег и не будучи в состоянии заняться чем-либо более серьезным, Александр Ефимович принялся за пересмотр своих бумаг, выправку «старых стишков» и сочинение новых. Так, в конце апреля 1829 года он написал следующую довольно любопытную в автобиографическом отношении «Исповедь», которую посвятил одной из своих знакомых архангельских дам. Вот эта исповедь, сохранившаяся в его рукописях [см. с. 269 наст. изд.].

Наконец деньги и подорожная были получены, и Измайлов начал спешно собираться в Петербург, два с половиной года тому назад им оставленный с смутными и нехорошими предчувствиями, которые, к его горю, оправдались. Скоро всё было готово к отъезду, и немногие хорошие знакомые нашего писателя, с которыми он был в Архангельске в до-

---

[106] Ср. его послесловие к басне «Орел и Сорока», написанной в Архангельске [см. с. 164 наст. изд.]:

> Пускай меня зовут излишне строгим,
> Неосторожным, дерзким, злым *и т. д.*

[107] Из письма от 2 марта 1829 г.

брых отношениях, устроили Александру Ефимовичу трогательные проводы. Бухарин написал ему стихи, хотя и не блестящие, но прочувствованные[108]. Измайлов в ответ прочитал свое стихотворное adieu Архангельску[109], а жене послал письмо, заканчивающееся следующими строками: «Итак, милая Катя, пой по вечерам: „Я жду тебя!“, а потом запоем вместе: „Желанья наши совершились!“ (Е. И. Измайлова выехала из Твери вместе с семейством в Петербург за несколько месяцев до возвращения в столицу самого Александра Ефимовича из Архангельска; причиной такого долгого пребывания в провинции, судя по письмам, были денежные затруднения, из которых семья нашего писателя была выручена лишь содействием проживавшего в Кашине супруга покойной С. Д. Пономаревой.) 16 мая 1829 года Измайлов был уже в дороге.

Оскорбленным, разбитым физически и нравственно прибыл Измайлов в Петербург, где на первое время его ждала участь не лучшая, чем в Архангельске. Прежде всего нужно было позаботиться о приискании средств к жизни, ибо «ни родового, ни благоприобретенного» у нашего писателя не было[110]; жалованья же он не получал, хотя и был, как мы уже заметили, причислен к Министерству финансов чиновником особых поручений. И вот теперь-то, на склоне лет, Александру Ефимовичу пришлось более чем когда-либо изведать, что значит людская неблагодарность и жестокосердие. Ему, этому щедрому благотворителю, еще два-три года то-

---

[108] Вот они:

> Друзей не ум, а сердце избирает.
> Ты испытал со мной, как увлекает
> К душе родной невольное желанье
> Делиться чувствами. А на прощанье
> Ты с нами поделись по-дружески умом.
> Ведь здесь, в Архангельске, большая нужда в нем,
> И совесть обвинит тебя за то сама,
> Измайлов! Грех, — коль нас оставишь без ума.

[109] [См. с. 267 наст. изд.]

[110] Правда, от родителей он получил в наследство деревню Волченки, с *семью* душами крестьян, да и от той отказался в пользу сестры, о чем свидетельствует его дарственная крепость.

му назад по петербургским чердакам и подвалам разыскивавшему бедных и сирых и в буквальном смысле их защитнику и другу, суждено было теперь из-за насущного куска хлеба выносить целый ряд унижений и оскорблений. После долгих и настойчивых хлопот ему удалось, наконец, получить (и то не без больших затруднений) должность преподавателя российской словесности в Пажеском корпусе... И вот, пока шло расследование его дела по поводу архангельской службы — а оно тянулось более года, — Измайлов с семьей жил на крохи, доставляемые ему службой в корпусе и... частными уроками. Наконец, дело его было решено. Следствие показало, что Измайлов (приводим подлинные слова из доклада графа Е. Ф. Канкрина) был виновен только «*в некоторых неприличных выражениях, допущенных им в сношениях с архангельским генерал-губернатором*»[111], а С. И. Миницкий был изобличен в «*предосудительных и пользам службы несоответственных поступках*» и посему от службы «вовсе уволен»[112]. Измайлов был обласкан высочайшими милостями: повелено было «считать Измайлова начальником одного из контрольных отделений департамента государственного Казначейства[113] с производством ему штатного жалованья по 3000 рублей в год»; в ноябре того же 1830 года, как значится в формуляре, он был уволен вовсе от службы с пенсионом в 2000 рублей в год.

Счастье, таким образом, улыбнулось Измайлову, но лучи его уже недолго согревали в один год сильно постаревшего и осунувшегося нашего писателя. Перенесенные невзгоды и тяжкие болезни, одна за другой обрушившиеся на него, совершенно надломили его организм, лишили бодрого и веселого настроения духа и, наконец, внезапная смерть[114]

---

[111] Из доклада графа Е. Ф. Канкрина его императорскому величеству от 8 августа 1830 года (Архив Министерства финансов по департаменту Государственного казначейства, от 11 августа 1830 г., за № 51).

[112] Общий морской список. СПб, 1890. С. 365.

[113] Хотя, нужно заметить, таковая должность была уже упразднена.

[114] А. Е. Измайлов скончался 16 января 1831 года, от удара, последовавшего на лекции в корпусе.

мгновенно прекратила печальный остаток этой разбитой жизни...

На этом мы расстаемся с письмами А. Е. Измайлова, послужившими для нас главным материалом предлагаемого этюда, с письмами, в которых наш писатель явил себя не только правдивым рассказчиком настоящего, но и верным провидцем своей судьбы. Он говорил: «Если и отставит меня нынешний государь, то опять определит и даст еще лучшее место»[115] и «...На мою могилу, когда и внуков уже наших не будет, зайдут добрые люди и помолятся. — „Вот, — скажут, — здесь погребен баснописец Измайлов, которого немногие при жизни умели оценить“...»[116]

И было так, как он говорил.

И. А. Кубасов

---

[115] См. выше.

[116] Из письма от 1 марта 1829 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все произведения, включенные в настоящее издание, публикуются по печатным изданиям, как прижизненным, так и посмертным, и расположены в жанрово-хронологическом порядке.

При жизни Измайлова (далее — И.) лишь басни и сказки, написанные до 1826 г., были собраны автором в книги. Бóльшая часть его стихотворений разных жанров печаталась только в периодике, единственная их книжная публикация при жизни автора появилась в составе «Новых басен и сказок Александра Измайлова» (СПб., 1817). Задумавшаяся вторая — стихотворная — часть «Сочинений в прозе и стихах Александра Измайлова» так и не вышла.

Значительный корпус басен и сказок был напечатан посмертно в издании «Басни и сказки Александра Измайлова» (СПб., 1839), а стихотворения других жанров — в «Собрании сочинений Измайлова» (СПб., 1849), в работах И. А. Кубасова (см. примечания к Приложению), в хронологических и тематических антологиях, выпускавшихся в серии «Библиотека поэта», особенно в книге «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.» (Л., 1959), в литературоведческих статьях и публикациях О. А. Проскурина 1980–1990 гг., посвященных И. и его окружению.

У составителя не было возможности работать с рукописями И., хранящимися в архивах Санкт-Петербурга и Москвы, поэтому годы, выставленные под стихотворениями в квадратных скобках, по большей части соотносятся с датами первой публикации, а некоторые устанавливаются предположительно (впрочем, и сам И. часто ошибался в датировках).

Басни и сказки объединены в один раздел, поскольку четкой концепции, что является басней, а что сказкой, не было и у самого И.: в изданиях 1814 и 1816 гг. и те и другие были перемешаны, а в последующих прижизненных изданиях некоторые произведения печатались то как басни, то как сказки (одна сказка даже была напечатана в журнале как эпиграмма). Эпиграммы и эпитафии также объединены в один раздел по соображениям общности.

В примечаниях к каждому стихотворению указаны через точку с запятой все их прижизненные публикации, какие удалось выявить, через точку — посмертные, если тексты печатались впервые по рукописям или в неподцензурных редакциях. Сведения о персоналиях ввиду повторяемости многих из них вынесены в «Краткий словарь» (см. с. 446). В ссылках на публикации в «Благонамеренном» не отмечается наиболее частая подпись: *И.*

Условные сокращения

Б — журнал «Благонамеренный». СПб., 1818–1826.

Беседа — общество «Беседа любителей русского слова».

БиС-1814 — Басни и сказки Александра Измайлова. [Издание 1-е.] СПб., 1814.

БиС-1816 — Басни и сказки Александра Измайлова. Издание 2-е. СПб., 1816.

БиС-1821 — Басни и сказки Александра Измайлова: С присовокуплением опыта о рассказе басни и разбора некоторых образцовых басен лучших российских фабулистов. Издание 4-е. СПб., 1821. Ч. 1–2.

БиС-1826 — Басни и сказки Александра Измайлова. [То же] Издание 5-е. СПб., 1826. Ч. 1–2.

БиС-1839 — Басни и сказки Александра Измайлова. СПб., 1839.

ВЕ — журнал «Вестник Европы». М., 1802–1830.

ВЛ — журнал «Вопросы литературы».

ВОЛРС — Вольное общество любителей российской словесности.

ВОЛСНиХ — Вольное общество любителей словесности, наук и художеств.

ЖЗТУАК-89 — Журнал 89-го заседания Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, 1902.

ЖРС — Журнал российской словесности. СПб., 1805.

ИзвАН — Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 1.

КМ — альманах «Календарь Муз». СПб., 1826, 1827.

ЛА-1 — Литературный архив. М.; Л., 1938. Т. 1.

ЛГ — Литературная газета. СПб., 1830–1831.

ЛС — журнал Любитель словесности. СПб., 1806.

НА — Невский альманах. СПб., 1825–1831.

НБ СПбГУ — Научная библиотека Санкт-Петербургского государственного университета. Архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств.

НБиС — Новые басни и сказки, также мелкие стихотворения Александра Измайлова: с присовокуплением опыта о рассказе басни. [Издание 3-е.] СПб., 1817.

ОЗ — журнал «Отечественные записки», СПб., 1818–1823.

ОСПиБ — Общество соревнователей просвещения и благотворения.

Памяти Майкова — сборник «Памяти Леонида Николаевича Майкова». СПб., 1902.

ПЗ — альманах «Полярная звезда. Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым». СПб, 1823, 1824, 1825.

ПИ — Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. СПб., 1804. Ч. 1.

ПР-1935 — Поэты-радищевцы. «Библиотека поэта». Большая серия. [М.; Л.,] 1935.

ПРП — Пантеон русской поэзии, издаваемый Павлом Никольским. Кн. 1–12. СПб., 1814–[1817].

ПС — Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. «Библиотека поэта». Большая серия. Л., 1959.

ПСС — Полное собрание сочинений А. Е. Измайлова. М., 1890–1891. Т. 1–3.

Пушкин — Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978. Т. 8.

РО ПД — Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом).

РО РНБ — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург). Фонд Измайлова.

РО РГБ — Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (Москва).

РС — Русская старина. Ежемесячное историческое издание. СПб., 1870–1897, 1900–1918.

РСЭ — Русская стихотворная эпитафия. «Новая библиотека». СПб., 1998.

РЭ-1958 — Русская эпиграмма (XVIII–XIX вв.). «Библиотека поэта». Малая серия. Л., 1958.

С — журнал «Славянин». СПб., 1827–1830.

СИ-1826 — Сочинения в прозе и стихах Александра Измайлова. СПб, 1826. Т. 1. Проза.

СИ-1849 — Сочинения Измайлова (Александра Ефимовича). Издание Александра Смирдина. СПб., 1849. Т. 1–2.

СМ — газета «Северный Меркурий». СПб., 1825–1864.

СО — журнал «Сын отечества». СПб., 1812–1852.

СП — газета «Северная пчела». СПб., 1825–1864.

СПбВ — журнал «Санкт-Петербургский вестник, издаваемый Обществом любителей словесности, наук и художеств». СПб., 1812.

СПбЖ — Санкт-Петербургский журнал. СПб., 1798.

СПиБ — журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» (Труды Вольного общества соревнователей просвещения и благотворения). СПб., 1818–1825.

ССН — Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века / «Библиотека поэта». Большая серия. Л., 1969.

СЦ — альманах «Северные цветы», СПб., 1825–1832.

ТОЛРС — Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. М., 1812–1824.

Ц — журнал «Цветник, издаваемый А. Измайловым и А. Бенитцким». СПб., 1809–1810.

БАСНИ И СКАЗКИ

Происхождение и польза басни (с. 25). ЖРС, 1805, № 1, 1-я ред., под загл.: *Истина во дворце*; БиС-1814, 2-я ред., под загл.: *Происхождение басни*; БиС-1816, 3-я ред., под загл.: *Происхождение и польза басни*. Подражание басне «L'origine des fables», опу-

бликованной анонимно в «Альманахе Муз» (Almanach des Muses. Paris, 1770). Текст 1-й ред. существенно отличается от последующих:

Однажды... кто б поверить мог?
Но было точно так — к Царю, в его чертог,
Однажды *Истина* вошла совсем нагая.
Царь в гневе закричал: «Бесстыдница какая!
Как смела ты войти и кто ты такова?»
— «Я — *Истина*... позволь сказать хоть слова два:
Презренные льстецы престол твой окружают,
Вельможи подданных несчастных угнетают,
Ты преступаешь сам нередко свой закон».
— «Эй! стражи, поскорей ее отсюда вон,
Сей час возьмите и свяжите
И в ссылку, в рудники отправить прикажите!
Вздохнула *Истина,* пошла.
Изо дворца она в дом к *Вымыслу* зашла,
В его одежду нарядилась,
Потом опять к Царю, одевшись, возвратилась,
Его величеству как должно поклонилась,
Сказала шуткой все, что надо было ей...
Как думаете вы? Царь *Истиной* моей,
Лишь только вид ее совсем переменился,
Как самой женщиной любезною пленился.
Со благосклонностью он выслушал ее
И, заблуждение увидевши свое,
Тотчас худое все исправил
И имя тем свое благословлять заставил.

Счастлива та страна, в которой кроткий Царь
Правдиво говорить себе не запрещает!
Счастливей мы стократ, наш ангел государь
Не только Истину в чертог к себе пускает,
Но даже ищет сам ее.
Великий Александр! деяние сие
Век неизгла́димо в сердцах у нас пребудет —
История тебя, потомство не забудет.

Гора в родах («О чудо естества! о страх!») (с. 26). ПИ, с. 35. ЛС, 1806, № 6, с. 253, с поправками. Прочитано в ВОЛСНиХ 13 февраля 1804 г. Подражание басне Лафонтена «La Montagne qui accouche». Иную разработку сюжета см. на с. 75. *Титаны* — в древнегреческой мифологии дети Урана (Неба) и Геи (Земли), сражались с олимпийскими богами, были побеждены и низвергнуты в Тартар. *Перун* — молния.

Мода и Вкус (с. 26). ПИ, с. 105. *Острижена она, да как? — а ля Дюрок* — Ф. В. Булгарин в своих «Воспоминаниях» (ч. II, гл. 3) писал о приезде Ж. К. М. Дюрока в СПб в 1801 г. с поздравлениями по случаю вступления Александра I на престол от Наполеона Бонапарта, тогда еще первого консула Франции: «Дюрок был прекрасный мужчина, чрезвычайно стройный, и одевался щегольски. Волосы у него были темного цвета, остриженные ровно на всей голове и курчавые. Он не пудрился. Впервые увидели мы человека в военном мундире без косы и без пудры. Его прическа вошла в моду между дамами и называлась a la Duroc».

Живописец (с. 27). ЖРС, 1805, ч. II, № 7. Представлена в ВОЛСНиХ до 15 июля 1804 г. Датируется по автографу НБ СПбГУ. Подражание басне Х. Ф. Геллерта «Der Maler». *Бостон* — карточная игра.

Умирающая Собака (с. 30). ЛС, 1806, № 2, 1-я ред., под загл.: *Собака*, с подзаг.: *Из Геллерта*, подпись: *А. И.*; БиС-1814, 2-я ред.; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. В ноябре 1804 г. одобрена к печати в ВОЛСНиХ. Подражание басне Х. Ф. Геллерта «Der Hund».

Кукушка (с. 31). ЖРС, 1806, № 11, 1-я ред., под загл.: *Соловей и Кукушка. Басня из Геллерта*; НБиС, 2-я ред.; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Упомянута среди бумаг ВОЛСНиХ 18 марта 1805 г. Прочитана в ВОЛСНиХ 9 сентября 1811 г., во 2-й ред. Подражание басне Х. Ф. Геллерта «Der Kuckuk». Направлена против переводческой деятельности графа Д. И. Хвостова.

Нежная жена (с. 32). БиС-1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Подражание басне Х. Ф. Геллерта «Die zärtliche Frau».

Медведь и два Охотника (с. 32). Ц, 1810, № 10; СПбВ, 1812, № 10; БиС-1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 3 декабря 1810 г. и 13 марта 1813 г. (с исправлениями). Подражание басне Ж. Лафонтена «L'Ours et les deux Compagnons».

Осел и Конь (с. 33). Ц, 1810, № 12, с. 375, 1-я ред.; БиС-1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. *Чепрак* — подстилка под конское седло.

Утопленница (с. 34). Ц, 1811, ч. 8, № 11, с подзаг.: *Басня*, без подписи; БиС-1814; ВЕ, 1817, № 8; НБиС; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 7 января 1811 г. и 18 января 1817 г. (с исправлениями). Подражание басне Ж. Лафонтена «La femme noyée».

Два Петуха (с. 35). БиС-1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 18 февраля 1811 г. Подражание басне Ж. Лафонтена «Les deux Coqs».

Кошка, превращенная в женщину (с. 35). БиС-1814, 2-я ред.; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 25 февраля 1811 г., в 1-й ред. Подражание басне Ж. Лафонтена «Le Chatte métamorphosée en Femme». 1-я ред. басни была не пропущена цензурой (см. примеч. к сказке «Раскольник Аввакум»).

Совет Мышей (с. 36). СПбВ, 1812, № 1; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 19 апреля 1811 г. Подражание басне Лафонтена «Conseil tenu par les rats».

Дряхлый Лев (с. 38). СО, 1815, № 18; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 17 июня 1811 г., в ранней редакции, оставшейся неопубликованной. Подражание басне Ж. Лафонтена «Le Lion devenu vieux».

Шут в парике (с. 38). СИ-1849, т. 1. ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. Прочитана в ВОЛСНиХ 19 июля 1811 г. Поводом к написанию стало официальное открытие Беседы, первое публичное заседание которой состоялось 14 марта 1811 г. Граф Д. И. Хвостов в своих «Записках о словесности» 1811 г. заметил: «1 августа вышла притча „Шут в маскараде“, скорописная. Сочинение Александра Ефимовича Измайлова. Оное метит на Шишкова, утверждающего неразделимость языков славянского и русского. Притча представляет старика, одетого по обычаю праотцев. Срачица пестрая, с косым воротом и запонкой. Штаны с гультиком, и проч, и проч. Замысел весь клонится на показание, что сам вице-адмирал Шишков смешивает часто неудачно с славянскими обороты и речения французские, и для того на голове у старика парик французский с пудрою. Старик бесится за отступление наше от нравов и речи предков. Маскарад уличает его париком французским. Со стариком ходит молодой человек в таком же странном одея-

нии и именно в шахматном халате. Игра слов целит на фамилию князя Шихматова. Иван Иванович Дмитриев находит подобие не очень близко и потому не очень поразительно. По моему мнению, сия притча исполнена остроты. Описания в ней одежды стариковой очень шутливы и замысловаты. Разговор его ему приличен. Впрочем, в басне сей не находится той простоты и беспечности, кои оживляют сей род. Творение г-на Измайлова есть более полемическое и сатирическое, чем басня» (ЛА-1). *Срачица* — сорочка. *Гульфик* — часть мужских панталон, пристегивавшаяся спереди. *Исподница* — нижнее белье. *Молодой чудак... в шахматном... полукафтанье* — С. А. Ширинский-Шихматов. *Вижду аз...* — И. пародирует архаический стиль, в защиту которого выступал А. С. Шишков. *О!.. но воздержимся еще от удивленья!* — цитата из «Рассуждения о красноречии Священного Писания...» Шишкова, изданного в 1811 г. *За что всех, дедушка, поносишь? / Ты сам парик французский носишь* — Выступая за возвращение к церковнославянской архаике, А. С. Шишков сам довольно часто употреблял заимствованные слова. *...язык прильпе гортани* — не нашелся что ответить. *Франкмасон* — масон.

Стихотворец и Чорт (с. 40). БиС-1814; ПРП, 1814, ч. 2, кн. 3; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 29 июля 1811 г. Подражание басне Х. Ф. Геллерта «Das Gespenst». Направлена против графа Д. И. Хвостова. В письме к Н. Ф. Грамматину от 20 августа 1814 г. И. приписывал быструю распродажу БиС-1814 публикации «Стихотворца и Чорта». Граф Д. И. Хвостов отметил в одной из своих записных тетрадей: «Сей Измайлов на меня писал многие пасквили и сочинил на мое лицо басню „Чорт и поэт“, которая у него из лучших» (РС, 1892, июль). *Платил газетчикам* — граф Д. И. Хвостов щедро платил за хвалебные статьи о нем. *Сцена из Расина* — речь идет о переводе графа Хвостова «Андромахи» Расина. *Прочел трагедию, лирически творенья* — «Лирические творения графа Дмитрия Хвостова» вышли в 1810 г.

Раскольник Аввакум (с. 41). Русский библиофил, 1912, № 4, в статье А. А. Веселовского «Сословие друзей просвещения», где напечатано по копии нач. 1820-х гг., сохранившейся в бумагах литературного общества С. Д. Пономаревой. ИзвАН, где опубликовано по автографу РО РНБ в приложении к статье О. А. Проскурина «Неизученный эпизод полемики о старом и новом слоге». Последняя строка вставлена позже, чернилами иного оттенка, взамен следующих стихов:

Толико был он знаменит!
Немудрено! сперва напрасно волю дали.
Однако же хоть тем раскольников уняли,
Что козыри давать им стали.
Не худо бы у нас *словесникам* иным
Ходить с отличием таким.

Прочитана в ВОЛСНиХ 9 сентября 1811 г. *Раскольником* И. называет А. С. Шишкова, чье сочинение «Рассуждение о красноречии Священного Писания» вышло в 1811 г., а *скитом* — Беседу. Сказка была запрещена цензурой. 21 апреля 1812 г. на запрос попечителя Санкт-Петербургского округа С. С. Уварова, почему цензурой не пропущены басни И. «Раскольник Аввакум» и «Кошка, превращенная в женщину», Санкт-Петербургский цензурный комитет отвечал:

«Цензурный комитет имеет честь донести, что он в 1-й из сих двух басен не находит с своей стороны ничего противного правилам Устава о цензуре, но как имеет словесное приказание его сиятельства г-на министра народного просвещения, объявленное чрез г-на директора департамента в прошлом генваре месяце, чтобы в осуждение и осмеяние старообрядцев не дозволялось ничего печатать, поелику от правительства приняты уже потребные к наставлению их меры, по какой причине в одной книге выкинута целая статья о раскольниках, не заключавшая в себе ничего противного правилам цензуры, то комитет, в исполнение таковой воли министра, принужденным нашелся означенную басню «Раскольник Аввакум» запретить печатать.

Что же принадлежит до другой басни «Кошка, превращенная в женщину», то в оной замечены для исправления сии три стиха, заключающие в себе мысль слишком вольную:

И кошка-женщина спать с мужем уж легла,
Он с нетерпением, бедняжка, дожидался
Минуты роковой...

по исключении которых эта басня напечатана быть может» (РС, 1889). *Часослов* — богослужебная книга, содержащая молитвы суточного богослужебного круга; здесь речь, вероятно, идет о Часо-

слове, выпущенном в Остроге в 1598 г. *Острожская Библия* — первое полное издание Библии на церковнославянском языке, вышедшее в Остроге в 1581 г. *Довлеет* — довольно, достаточно.

Лебедь, Гусь, Утка и Журавль (с. 42). БиС-1814; НБиС; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 9 сентября 1811 г. под загл.: *Лебедь, Гусь и Утка*. Направлена против В. Г. Анастасевича и графа Д. И. Хвостова (отмечено О. А. Проскуриным).

Калмык-Оратор (с. 43). ИзвАН, где опубликовано по рукописи РО РНБ в приложении к статье О. А. Проскурина «Неизученный эпизод полемики о старом и новом слоге». Прочитана в ВОЛСНиХ 21 октября 1811 г. Направлена против С. Н. Глинки, яростного сторонника консерватизма, и его журнальной деятельности, пропагандирующей военный патриотизм и галлофобию.

Молодая вдова (с. 44). СПбВ, 1812, № 1; БиС-1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитано в ВОЛСНиХ 18 января 1812 г. Подражание басне Ж. Лафонтена «La jeune Veuve».

Обман за обман (с. 45). СПбВ, 1812, № 3, с подзаг.: *Басня*; БиС-1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНХ 1 февраля и 7 марта 1812 г. (с исправлениями). Подражание басне Ж. Лафонтена «Le Dépositaire infidèle».

Козел и Лисица (с. 46). СПбВ, 1812, № 4; БиС-1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 22 февраля 1812 г. Подражание басне Ж. Лафонтена «Le Renard et le Bouc». *Обруб* — бревенчатый колодезный сруб.

Волк и Журавль (с. 47). СПбВ, 1812, № 3, с. 281. БиС-1814. БиС-1816, с. 24. БиС-1821, ч. 1, с. 23. БиС-1826, ч. 1, с. 19. Прочитано в ВОЛСНиХ 7 марта 1812 г. Подражание басне Ж. Лафонтена «Le Loup et la Cigogne».

Кащей и его Сосед (с. 48). СПбВ, 1812, № 4; БиС-1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 4 апреля 1812 г. Подражание басне Ж. Лафонтена. *Рублевик* — серебряная монета достоинством 1 рубль.

Филин и Чиж (с. 49). СПбВ, 1812, № 5; БиС 1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 31 мая 1812 г. Направлена против «Беседы любителей русского слова» и ее членов. Граф Д. И. Хвостов в «Записках о словесности», относящихся к 1811 г., писал: «Г-н Измайлов еще написал басню „Филин и Соловей“. Разумеется, что Филин — Шишков, Соловей — Карам-

зин, Филин очень похваляет Ворона, своего соседа, и Сыча, своего ученика» (ЛА-1, с. 376). *Филин* — А. С. Шишков. *Ворон* — возможно, граф Д. И. Хвостов, живший по соседству с Шишковым, на Фурштадтской улице. *Черный Грач* — П. Ю. Львов, автор исторического сочинения «Храм славы российских героев от времен Гостомысла до царствования Романовых» (СПб., 1803); см. стихотв. «Певец, или Певцы в Беседе славено-россов». *Кукушка* — вероятно, С. А. Ширинский-Шихматов, автор поэмы «Ночь на гробах. Подражание Юнгу» (1812). *Сыч* — возможно, С. П. Потемкин; см. стихотв. «Певец, или Певцы в Беседе славено-россов».

Бесхвостая Лисица (с. 50). БиС 1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 31 мая 1812 г., под загл.: *Лисица без хвоста*. Подражание басне Ж. Лафонтена «Le Renard ayant la queue coupee».

Девушка и Чиж (с. 51). СПбВ, 1812, № 6, под загл.: *Лизанька и Чиж*; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 27 июня 1812 г. Подражание сказке французского писателя Мюгерота «Le danger de la liberte».

Летучая Мышь и две Ласточки (с. 52). СПбВ, 1812, № 7; БиС-1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Прочитано в ВОЛСНиХ 8 августа 1812 г. Подражание басне Ж. Лафонтена «La Chave-souris et les deux Belettes».

Учитель и Ученик (с. 53). БиС-1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 16 января 1813 г., в ранней редакции. Подражание басне Ж. Лафонтена «L'Enfant et le Maitre d'ecole». *Тропы и фигуры* — риторические приемы, служащие для украшения речи.

Устрица и двое Прохожих (с. 54). БиС 1814; ПРП, ч. 4, кн. 8; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 13 марта 1813 г. Подражание басне Ж. Лафонтена «L'Huitre et les Plaideurs».

Горлица и Малиновка (с. 55). СО, 1814, № 4; БиС-1814; БиС-1816; ПРП, [1817], ч. 6, кн. 11; БиС-1821, ч. 1; Б, 1822, № 26, с подзаг.: *Посв. А. Я. Е[сиповой]*; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 19 июня 1813 г. под загл.: *Горлица и Голубка*. Подражание басне Ж. П. Флориана «La Tourterelle et la Fauvette».

Павлин, два Гуся и Нырок (с. 56). БиС-1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 3 июля

1813 г. Подражание басне Ж. П. Флориана «Le Paon, les deux Oisons et le Plongeon».

Дитя и семь Нянек (с. 57). СО, 1814, № 1; БиС-1814; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 17 июля 1813 г. *Степной* — степенный.

Снежный ребенок (с. 59). БиС-1814; НБиС; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Подражание сказке Ж.-Б. Грекура «L'Enfant de niege». Текст сказки Измайлова использован в лубочной картинке 1820–1830 гг. под тем же заглавием. *Петров пост* (Петровки) — пост с понедельника 9-й недели после Пасхи до 29 июня, дня апостолов Петра и Павла.

Кот и Крысы (с. 60). СО, 1814, № 36; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне Ж. П. Флориана «Le Chat et les Rats». Подразумеваются события Отечественной войны 1812 г.

Два Крестьянина и Облако (с. 62). СО, 1814, № 37; ПРП, 1814, ч. 5, кн. 9; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне Ж. П. Флориана «Les deux paysans et le nuage».

Наседка (с. 62). СО, 1814, № 37; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1.

Попугай (с. 63). СО, 1814, № 48; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне Ж. П. Флориана «Le Perroquet».

Два человека и клад (с. 64). СО, 1815, № 1; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Подражание басне Ж. Лафонтена «Le tresor et les deux hommes».

Яшка-повар (с. 65). СО, 1815, № 4; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 1. *Кухмистер* (нем.) — повар. *Лозан* — удар прутом.

Купец Мошнин (с. 66). СО, 1815, № 20, с подзаг.: *Сказка*; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Подражание басне Лафонтена «L'ingratitude et l'injustice des hommes envers la Fortune». *Именитый гражданин* — звание, утвержденное в городовом положении Екатерины II и присваиваемое богатым или ученым горожанам. *Банк* — Государственный заемный банк, единственный в России в те годы. *Магистрат* — орган городского самоуправления в России XVIII–XIX вв., городская администрация.

Священник и Крестьянин (с. 68). ВЕ, 1816, № 3 (февраль); БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. *Вечор* — вчера вечером. *Четверик* — мера сыпучих тел. *Саврасая* — светло-гнедая масть лошади. *Вельми* — весьма.

Страсть к стихотворству (с. 70). ВЕ, 1815, № 16, с подзаг. *Басня*; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Направлена против графа Д. И. Хвостова, который, по традиции, идущей от XVIII века, часто писал стихи на разные случаи и события, официальные и частные. *Фабулист* (фр.) — баснописец. *Шпанская муха* — пластырь от нарывов.

Ягненок и Поросенок (с. 72). СО, 1815, № 24;БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне Ж. Лафонтена.

Львица и Свинья (с. 73). ВЕ, 1815, № 14 (июль); БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне Эзопа. В ст. 11–13 И. подражает эпиграмме Г. Валерия Катулла на выход в свет поэмы «Смирна» Г. Гельвия Кинны. *«Георгики»* — земледельческая поэма П. Вергилия Марона.

Водопад и Река (с. 73). ВЕ, 1815, № 14 (июль); БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне Ж. Лафонтена.

Два Осла (с. 74). ВЕ, 1815, № 16 (август), с эпиграфом из Лафонтена; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне Ж. Лафонтена «Les deux Mulets». *Совет* — Государственный Совет, учрежденный в 1810 г.

Гора в родах («Родами мучилась гора...») (с. 75). СО, 1815, № 28; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. См. примеч. на с. 390 наст. изд.

Соловей и Ворон (с. 76). СО, 1815, № 30; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне Ж. П. Флориана «Le Fauvette et le Rossignol».

Воробьи и Овсянка (с. 77). СО, 1815, № 31; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне Эзопа.

Лестница (с. 77). СО, 1815, № 32; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне аббата Л. Лемаршан де ла Вьевиля «Les échelons». Откликом на поражение Наполеона под Ватерлоо 18 июня 1815 г. и его вторичное отречение от престола 22 июня. В СО ст. 9–10:

Князь Меншиков почти уж видел дочь в порфире,
    А умер вместе с ней в Сибири.

Поединок (с. 78). ВЕ, 1816, № 1 (январь); БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1.

Два Кота (с. 79). ВЕ, 1816, № 1 (январь), с подзаг.: *Подражание Флориану*; БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне Ж. П. Флориана «Les deux Chats».

Мартышка и Кот (с. 80). СО, 1816, № 2 (январь); БиС-1816; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне Ж. Лафонтена «Le Singe et le Chat».

Дурак Филатка (с. 81). СО, 1816, № 3; БиС-1816; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2.

Волчья хитрость (с. 82). ВЕ, 1816, № 9 (май), с подзаг.: *Подражание Лафонтену*; НБиС; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне Ж. Лафонтена «Le Loup et les Bergers». *Амуниция* (от франц.) — обмундирование. *Ретирада* (от франц.) — отступление.

Слезы Кащея (с. 83). ВЕ, 1816, № 9 (май), с подзаг.: *Сказка: Almanach des Muses, 1800*, после подписи: *Из поэмы L'interêt par Vigée*; НБиС; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Подражание басне Э. Виже. *Кафедра* — место в церкви для произнесения проповедей.

Карета и Лошади (с. 84). СО, 1816, № 20; НБиС; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. В письме В. М. Перевощикову от 31 мая 1816 г. И. сообщал: «В нынешнем году, или, лучше сказать, в последние два месяца, написал я 5 новых басен, из которых две напечатаны уже в СО. За первую из них, т. е. за «Карету и лошадей», принужден я был поссориться с здешним цензором. Он поправил у меня весьма удачно два стиха: в одном вместо «ей-богу!» поставил: «по чести!», а в другом вместо «бога» — «образ». На вопрос мой, почему вздумалось ему переменять таким образом мои стихи, отвечал он мне с непритворным простодушием, что «ей-богу!» и «бог» противны 3-й заповеди. Вот каковы наши цензоры! <...> Цензоры в нынешнее просвещенное время, право, не умнее тех, которые были в старину при Управе благочиния, — по крайней мере здесь, в С.-П.-бурге. Однако я жестоко его наказал. Он подписал у меня статью для напечатания в СО, в которой я его назвал безграмотным и т. п. После он, видно, одумался, взял у издателя обратно мою бумагу, чтобы показать попечителю. Не знаю, что будет...» (ПС). *Оправить* — оправдать. *Экстракт* — выписка из дела, кратко излагающая суть. *Определенье* — судебное решение, приговор. *Присутствие* — судейская

комната, вообще официальное служебное место. *Чалый* — серая с примесью масть лошади.

Исправление (с. 85). ВЕ, 1816, № 17/18 (сентябрь); НБиС; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Подражание эпиграмме П.-Ш. Руа «Le Libertin vieilli». *Штиллинг* — И.-Г. Юнг-Штиллинг.

Пьяница (с. 86). СО, 1816, № 21; НБиС; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Басня закрепила за И. репутацию писателя «не для дам». В письме П. Л. Яковлеву от 23 сентября 1820 г. И. писал: «Недавно попались мне три вновь прибавленные Воейковым куплета к известной его пиесе „Дом сумасшедших". В 1-м говорит он о Грече, во втором — обо мне, а в 3-м — о Каразине. На меня напал он за *Пьянюшкина;* клевещет, будто я с музою хожу в трактир, будто ем там лук с сельдями, будто дамы меня не читают, и проч. и проч. Ах! он собака! Добро, дам ему себя знать» (Пушкин). *Квартальный* (надзиратель) — начальник полиции в *квартале* (см. ниже), низший полицейский чин. *Обедня* — церковная служба после утрени, литургия. *Пристав частный* — начальник полиции в одной из четырех частей (районов) города. *Квартал* — полицейский участок. *...промена / С бумажки беленькой напрасно не платить* — за размен крупных купюр взималась плата; *беленькая* — двадцатипятирублевая ассигнация. *Два воина... с секирами, в броне сермяжной* — караульные будочники, форменная одежда которых шилась из грубой сермяжной ткани, а оружием была секира на длинном древке. Приведенные стихи А. С. Пушкин использовал для характеристики будочника в повести «Гробовщик».

Два Красавца (с. 88). СО, 1817, ч. 38, № 21, с подзаг.: *Подражание аббату Реиру*; НБиС; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 22 февраля и 15 марта 1817 г. Подражание басне аббата Ж. Реира «Les deux hommes laids». *Феб* — Аполлон. *Мушки* — здесь: рябь на лице, угри.

Пьяница и Судьба (с. 89). ВЕ, 1816, № 17/18 (сентябрь); НБиС, с подзаг.: *Подражание Лафонтену*; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. *Съезжая* — полицейский участок.

Кошки в погребе (с. 90). СО, 1816, № 32; НБиС; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 1. *Полотки* — половинки тушек соленой или вяленой птицы.

Волк и Лисица (с. 91). ВЕ, 1816, № 22 (ноябрь), с подзаг.: *Подражание Лессингу*; НБиС; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1.

Ворона и Кувшин (с. 91). ВЕ, 1816, № 22 (ноябрь), с подзаг.: *Из Эзопа*; НБиС; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Подражание басне Эзопа.

Два Рака (с. 92). ВЕ, 1816, № 22 (ноябрь), с подзаг.: *Подражание Брету;* НБиС; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1.

Возражение Пьяницы (с. 92). НБиС; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 4 января 1817 г. Подражание басне Б. де Ламонне.

Догадливая жена (с. 93). ВЕ, 1817, № 8; НБиС; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 10 мая 1817 г. Подражание басне А. де Баратона «Le Boucher».

Совесть разбойника (с. 93). ВЕ, 1816, № 23/24 (декабрь); НБиС; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 10 мая 1817 г.

Отчаяние матери (с. 94). ВЕ, 1816, № 17/18, без загл., в разделе «Эпиграммы»; НБиС; БиС-1821, ч. 2.

Два друга (с. 94). НБиС; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 4 января 1817 г. *Катерингоф* — Екатерингоф (Царское Село, ныне — г. Пушкин).

Каприз госпожи (с. 95). ВЕ, 1817, № 8; НБиС; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 8 февраля 1817 г. под загл.: «Каприз барыни». *Давиче* — незадолго до того.

Олень и Овца (с. 96). СО, 1817, № 27, с подзаг.: *Подражание Федру*, подпись: *И*. СИ-1849, т. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 19 апреля 1817 г. Подражание басне Федра.

Павлин, Щегленок и Воробьи (с. 96). СО, 1817, № 40; ТОЛРС, 1817, ч. 9, кн. 14; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 19 апреля 1817 г.

Вишня и Птицы (с. 98). СО, 1817, № 20, с подзаг.: *Из Эзопа*; НБиС; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 10 мая 1817 г. Подражание басне Эзопа.

Кащей и Лекарь (с. 98). Б, 1818, ч. 1; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 17 января 1818 г. *Пять алтын* — серебряная монета достоинством 15 к. *Гривна* — здесь: гривенник — серебряная монета достоинством 10 к. *Грош* — медная монета достоинством в 2 к. *Полушка* — медная монета достоинством в ¼ к. *Рейнвейн* — сортовое вино, производимое из винограда, возделываемого на Рейне. *Лафит* — сорт красного вина, производимого в Бордо.

Купец Брюханов (с. 100). Б, 1818, ч. 1; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 31 января 1818 г. Подражание басне Геллерта «Der ungeratene Sohn». *...от дяди Рыфмоскрыпа племяннику* — отсыл к стихотворению Я. Б. Княжнина «От дяди стихотворца Рыфмоскрипа», где есть следующие стихи:

О, ужас!.. толщиной он с Проптера казался,
Но спичкой стал, когда от драмы опростался —

с авторским примечанием: «Известный английский купец своею чрезвычайною толщиною». *Капот* (фр.) — зимний женский головной убор. *Щечить* — таскать украдкой.

Простодушная (с. 103). Б, 1818, № 5; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 30 мая 1818 г. «Сонник» — под таким названием выходили многочисленные толкователи сновидений. *Банк* — см. примеч. к сказке «Купец Мошнин». *Предводитель в уезде* — уездный предводитель, выборная должность в органах дворянского самоуправления. *Зарайские соседки* — в Зарайске находилось имение М. А. Каменева-Любавского. *Филиппов пост* — пост с 15 ноября до 25 декабря по старому стилю, от дня св. апостола Филиппа до Рождества. *Кузнецкий Мост* — торговая улица в Москве, где раньше располагались модные лавки. *Собранье* — Благородное собрание, где происходили балы. *Святки* — время от Рождества до Крещенья, т. е. от 25 декабря до 6 января по старому стилю. *Штаб-офицеры* — чины от майора до полковника; *обер-офицеры* — от прапорщика до капитана. *Ротмистр* — чин в кавалерии, соответствовавший капитану. *Феникс* — здесь: чудо, редкий по дарованиям человек. *Польский* — полонез, обычно открывавший бал. Быть *в дезабилье* (фр.) — быть не вполне одетым. *Шлафрок* (нем.) — халат.

Несчастный любовник (с. 105). Б, 1818, № 9, с подзаг.: *Подражание Геллерту*; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 22 августа 1818 г. *Вертер* — герой романа И. В. Гёте «Страдания юного Вертера».

Служанка (с. 106). Б, 1819, № 1; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 28 ноября 1818 г. Подражание басне Ж. Обера «La servante». ...у *Моста Тючкова* — Тучков мост в Санкт-Петербурге, соединяющий Петроградскую сторону и Васильевский

остров. *Маклер* — посредник при заключении торговых сделок. *Комиссар* — казначей в морском ведомстве. *Мичман* — низший офицерский чин в российском флоте. *...у Покрова* — на Покровском острове в СПб., названном по церкви Покрова Богородицы. *Полушка* — см. примеч. к сказке «Кащей и Лекарь».

Крестьянин и Кляча (с. 107). Б, 1819, № 2, с подзаг.: *Сказка*; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 9 января 1819 г.

Лев и Лисица (с. 108). Б, 1819, № 4, с подзаг.: *Подражание Ламоту*; БиС-1821, ч. 1; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 20 февраля 1819 г. Подражание басне Ламотта «Le Renard et le Lion».

Смерть и Стихотворец (с. 110). СИ-1849, т. 1. ССН, где напечатана по автографу РО РНБ. Прочитана в ВОЛСНиХ 6 марта 1819 г., в ВОЛРС 14 ноября 1821 г. Написана на графа Д. И. Хвостова. При жизни И. не публиковалась. В письме И. И. Дмитриеву от 20 марта 1819 г. И. писал: «Я хотел было напечатать ее в своем журнале; но теперь ничего не буду печатать и писать против гр. Д. И. Вчера получил я от симбирского баснописца, *крошки Маздорфа*, письмо, которое тронуло меня до слез. Полтора уже года он без места, болен, имеет жену и маленькую дочь, которые едва ли не умирают с ним от голода. Он просил моего пособия, с тем однако, чтобы я не объявлял о нем в журнале. Сегодня известил я о бедственном его положении гр. Д. И. и сегодня же получил от него для доставления г. Маздорфу сто рублей, которые взял он в счет жалованья своего в Сенате» (РА, 1871). *Креп* (фр.) — тонкая прозрачная ткань для вуалей. *Шандал* (фр.) — подсвечник. *В театре здесь меня еще не увенчали* — И. высмеивает Хвостова как переводчика «Андромахи» Расина; в 1778 г. во Французском театре лавровым венком был увенчан бюст Вольтера. *Не получил еще я золотой медали* — Российская академия по уставу 1818 г. стала награждать золотыми и серебряными медалями «стихотворения, красноречивые и другие сего рода сочинения, признанные академиею отличными». *Тот жив, бессмертен тот* — цитата из ранней ред. «Надгробия М. И. Кутузову» графа Хвостова: «Тот жив, бессмертен тот, отечество кто спас». *Депрео* — Н. Буало-Депрео. *Дай притчи мне мои поправить и посланья* — Хвостов бесконечно переправлял свои стихи для каждого нового издания. *Россомаха* — пародийное обы-

грывание названия трагедии Ж. Расина «Андромаха», переведенной графом Д. И. Хвостовым. *Елизиум* (элизиум, др.-греч. миф.) — поля в царстве мертвых, куда попадают души людей, отмеченных особой милостью богов. *Благонамеренный* — каламбурный намек на журнал «Благонамеренный»; Измайлов часто жаловался, что Хвостов донимает его присылкой дурных стихов. *...и эпитафию себе...* — Хвостов написал несколько автоэпитафий. *Плутон* (др.-греч. миф.) — бог царства мертвых. *Тартар* (др.-греч. миф.) — место наказания грешников, находящееся ниже царства мертвых.

Клятва Пьяницы (с. 111). Б, 1820, ч. 9, № 1; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2.

Собака и Вор (с. 112). СПиБ, 1821, ч. 14, № 6; БиС-1821, ч. 2; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛРС 18 апреля 1821 г. и в ВОЛСНиХ 21 апреля 1821 г. *Пашпорт* — паспорт. *Гривна* — см. примеч. к сказке «Кащей и Лекарь». *Надзиратель* (квартальный) и *частный* (пристав) — см. примеч. к сказке «Пьяница». *Водонос* — коромысло.

Сметливый эконом (с. 115). СПиБ, 1823, ч. 23, кн. 2, № 8; Б, 1823, № 12; БиС-1826, ч. 2. ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. Прочитана в ВОЛСНиХ 20 октября 1821 г. и на публичном собрании ОСПиБ в доме Г. Р. Державина 22 мая 1823 г. *Хемницер говорит: где сборы, / Тут и воры!* — цитата из басни И. И. Хемницера «Побор львиный». *Комиссариатский* — служащий Комиссариатского департамента Военного министерства, снабжавшего войска обмундированием. *За вычетом на госпиталь* — такие вычеты из жалованья делались только у служащих военного ведомства и интендантов. *Полушка* — см. примеч. к сказке «Купец Мошнин». *Сажень* — русская мера длины, 2,13 м.

Встреча двух Подруг (с. 116). ПЗ на 1823 г.; Б, 1823, № 1; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в заседании ВОЛРС 13 декабря 1821 г. Направлена против графа Д. И. Хвостова. В письме И. И. Дмитриеву от 15 января 1823 г. И. писал: «Я думал, что он рассердится на меня за сказку *Встреча двух подруг.* Ничего не бывало — так же ласков, как и прежде» (РА, 1871). *Двух жен отправил уж к Смоленской* — т. е. на Смоленское кладбище, где находилась церковь Смоленской Божией матери. *Холмогорский певец* — М. В. Ломоносов.

Золотая Струна (с. 118). ПЗ на 1823 г. ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. Подражание бас-

не О. Патрю «La corde d'or». В основе лежит реальное происшествие, случившееся при выборах в члены Академии художеств на заседании 13 сентября 1822 г. В письме к И. И. Дмитриеву от 8 октября 1822 г. И. так передает его подробности: «...А. Н. Оленин, в последнем заседании Академии художеств, предложил в почетные члены графа Д. А. Гурьева и графа В. П. Кочубея. Вице-президент, бывший издатель „Сионского вестника", А. Ф. Лабзин, спросил его, по какой именно причине предлагает он их в почетные члены. — „Потому, — отвечал Оленин, — что они любят художества и очень близки к государю". — „Позвольте же, ваше пре[восходительст]во, и мне предложить в почетные члены человека, который также любит художества и весьма близок к государю". — „Извольте, мы вам будем благодарны". — „Имею честь предложить лейб-кучера е[го] и[мператорского] в[еличества] Илью Ивановича", — сказал Лабзин. Хотели было, говорят, записать это в журнал» (РА, 1871). После этого инцидента А. Ф. Лабзин был выслан в Симбирск.

Блины (с. 119). Б, 1824, № 2; БиС-1826, ч. 1. ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. Прочитана в ВОЛСНиХ 12 января 1822 г.

Так да не так (с. 120). СПиБ, 1823, № 8; Б, 1823, № 20, с примеч.: «Читана в торжественном собрании высочайше утвержденного Общества любителей российской словесности 22 числа мая нынешнего года»; БиС-1826, ч. 2. ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. Прочитана в ВОЛСНиХ 25 января 1823 г., с подзаг.: *Сказка, посвященная Д. М. Княжевичу*. Прочитана на публичном собрании ОСПиБ в доме Державина 22 мая 1823 г. Печатная редакция сказки:

Был жадный воевода
(Давно его уж прибрал Бог),
Богатым друг, враг бедного народа,
Без взяток дня пробыть не мог!
Однажды поутру пришел к нему приятель,
Питейных сборов содержатель,
И говорит: «Из Питера сейчас
Я получил письмо; мне пишут, что в Правленье
К вам с той же почтою отправлен уж указ

Сената, чтобы мне отдать за долг именье
Корнета Тройкина. Вот делай одолженье!
Наличных у меня взял тысяч шестьдесят,
А за имение дадут ли пятьдесят?..
Но сам я виноват; введите во владенье».
— «Не можно, братец, сделать *так*».
— «Как?
Сенат велел, так сделать должно».
— «Я говорю, что *так* не можно».
— «Помилуйте, Сенат...»
— «Всё знаю, брат!
Пускай велел Сенат отдать тебе именье:
Мы по сенатскому указу исполненье
Сегодня ж сделаем, — однако всё не *так*».
— «Ах! извините! ну, какой же я дурак!
Забыл вам доложить: ко мне вчера прислали
Из Оренбурга две прекраснейшие шали;
Из них одну...»
— «Да обе уж пришли: я подарю жену,
Другую — дочери». — Проситель поклонился
И с шалями чрез пять минут назад явился;
А воевода тот же час
Послал подьячего в Правленье,
И написали там откупщику как раз
Указ
О вводе во владенье.
И взятки брать ведь надобно уменье!
Вот воевода мой хоть глуп, но не дурак:
Он ничего не делал *так*.

Питейных сборов содержатель — откупщик. *Правленье* — губернское правление, гражданская палата которого ведала передачей права собственности на недвижимость.

Макарьевнина уха (с. 121). Б, 1823, № 5, с примеч. к ст. 3: «Лещи по нужде идут здесь в рифму, а в уху совсем не годятся»; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 22 февраля 1823 г. Связана с полемикой, которую вел И. и литераторы его круга (Н. Ф. Остолопов, Б. М. Федоров) против «союза поэтов» (А. А. Дельвиг,

В. К. Кюхельбекер, Е. А. Баратынский) на страницах Б. *Баловень-пиит* — см. примеч. к басне «Черный кот».

Певчие (с. 122). НА на 1827 г. БиС-1839. Прочитана в ВОЛСНиХ 12 апреля 1823 г. и в ВОЛРС в 1823 г. *Богдашей называли* — имя Богдан («Богом данный») обычно давалось подкидышам. *Регент* — руководитель церковного хора. *Аршин* — старинная русская мера длины, 71,12 см. *Крылос* (искаж. от греч. *клирос*) — место в церкви (обычно справа от алтаря), где стоит хор певчих. *Форейтор* (нем.) — кучер, управляющий передней парой лошадей при запряжке цугом. *Ключница* — служительница, заведующая хозяйством в поместье или частном доме.

Бегун и Кляча (с. 123). Б, 1823, № 12; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 12 апреля 1823 г., под загл.: *Кляча и Бегун,* и на публичном собрании ОСПиБ в доме Державина 22 мая 1823 г. *Обшивни* — род саней.

Приказные синонимы (с. 124). Б, 1823, № 43; БиС-1826, ч. 2. И. обыгрывает двойное значение слова «доложить». В письме к П. Л. Яковлеву от 31 октября 1824 г. И. писал, рассказывая об обеде с И. В. Слёниным 29 октября: «В тот день обедали мы с ним в клубе за общим столом. Сидели немцы да подьячие из здешних судебных мест. Последние искоса поглядывали на меня: Слёнин говорит, что часто достается мне от них за сказку *Доложить,* которою их дразнят» (ПС). *Крестовик* — серебряный рубль Павла I, на оборотной стороне которого четырежды повторенный вензель императора составляет крест. *Повытчик* — начальник отделения в приказе. *Экстракт, определенье* — см. примеч. к басне «Карета и Лошади».

Лгун (с. 125). Б, 1824, № 1; ПЗ на 1824 г.; БиС-1826, ч. 2. Прочитана в ВОЛСНиХ 20 сентября 1823 г. Направлена против П. П. Свиньина, собиравшего и публиковавшего в своем журнале чрезвычайно приукрашенные и преувеличенные сведения о разнообразных самородках и «гениях-самоучках»; см. также басню «Кулик-астроном». *Тюльери* (Тюильри) — королевская резиденция в Париже. *Маркитант* — мелочной торговец при армии. *Коломенский мясник, / Софрон Егорович Кулик* — И. пародирует загл. статьи П. П. Свиньина «Федор Алексеевич Семенов, мясник-астроном в Курске» (ОЗ, 1822, ч. 9). *Кале* — порт на севере Франции.

Роза и Репейник (с. 127). Б, 1823, № 17, под загл.: *Репейник и Роза*; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 13 сентября

1823 г. Направлена, скорее всего, против А. А. Дельвига, соученика А. С. Пушкина по Царскосельскому лицею.

Мачиха и Пасынок (с. 128). Б, 1824, № 3; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 13 сентября 1823 г.

Кулик-астроном (с. 128). ДЖ, 1824, № 24; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ в 1824 г., с подзаг.: *или Свинья и Лисица*. Направлена против П. П. Свиньина, см. примеч. к сказке «Лгун».

Слон и Собаки (с. 129). ЛГ, 1831, № 23, 21 апреля. БиС-1839. Направлена против Ф. Б. Булгарина. История ее написания рассказана Ф. В. Булгариным в рецензии на СИ-1849 (СП, 1849, № 142, 30 июня). И. выступил в Б с критикой литературных обзоров А. А. Бестужева (Марлинского) «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823) и «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» (1824). Булгарин встал на защиту Бестужева, напечатав заметку в «Литературных листках» (1824, № 6), приложении к журналу «Северный архив», где процитировал стихи из басни «Пьяница и Судьба»: «С прямой дороги сбился. / И где ж? — у полыньи, каналья, очутился». В письме к И. И. Дмитриеву от 4 апреля 1824 г. И. писал: «Препровождаю также новую мою басню: *Слон и собаки*. Согрешил, окрестил в полынье третьего дня после исповеди басурмана-поляка, Гречева ученика и клеврета, самозванца, критика и поэта» (РА, 1871). И. дважды пытался напечатать басню в 1824–1825 гг. в Б и в альманахе «Мнемозина», но цензура ее не пропустила. В письме к П. Л. Яковлеву от 11 октября 1824 г. сообщал: «Бируков не пропустил басни моей „Слон и Собаки“, хотя я вымарал из нее и поляка, и кобеля. Узнай, напечатают ли ее или нет в «Мнемозине» (ПС). Почти через год, в письме к нему же от 1 сентября 1825 г., И. пишет: «Вчера был я в цензуре. Бируков мне сказывал, будто показывал министру басню мою „Слон и Собаки“ и тот, наморщившись, вскричал: „Как это можно! Впрочем, если он (т. е. я) будет усиливаться, чтобы пропустили его басню, то скажите ему, что я велю пропустить на него сатиру“. — „Хоть три“, — отвечал я. — Чорт знает! Булгарин приворожил к себе Бирукова: у него всё пропускает, а на него — ничего». За 9 дней до смерти И. отправил басню О. М. Сомову, при письме от 7 января 1831 г., и она была напечатана в ЛГ. *Брылан* — Ф. В. Булгарин, напавший на Свиньина в фельетоне «Свидание Зерова с самоучкою, или Разговор о всякой

всячине» («Литературные листки», 1823, № 4; 1824, № 2) за статьи о самоучках, напечатанные в ОЗ (см. примеч. к сказке «Лгун» и басне «Кулик-астроном»). *Пудель Брех* — Н. И. Греч. *Слон* — сам И., отличавшийся изрядным телосложением. *В родню хоть толст, / Да не в родню, быть может, прост* — цитата из басни И. А. Крылова «Слон на воеводстве». *Волынский двор* — Слоновый двор на углу Невского проспекта и Литовского канала в СПб. *Завирашка* — А. А. Бестужев.

Собака и Секретарь (с. 131). КМ на 1826 г., с подзаг.: *Быль и сказка*; БиС-1826, ч. 1. *Гектор* — любимая собака С. Д. Пономаревой. *Поэты-баловни* — А. А. Дельвиг и Е. А. Баратынский, литературные противники И. в ВОЛРС и соперники в салоне С. Д. Пономаревой, умершей 4 мая 1824 г. *Уволили на теплы воды* — отставили под благовидным предлогом. *Цирюльня* — старое название парикмахерской, в которой помимо бритья и стрижки делали кровопускания и рвали зубы. *Гауптвахта* — помещение для содержания под стражей арестованных военных.

Черный Кот (с. 133). Б, 1825, № 1; НА на 1825 г.; БиС-1826, ч. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ в 1824 г. Посвящена вдове П. А. Никольского. И. давал эту басню А. А. Дельвигу для публикации в СЦ, но он ее не напечатал. В письме к П. Л. Яковлеву от 6 января 1825 г. И. писал: «*Черного* моего *кота* собиратель не заблагорассудил поместить; а какой пренизкий поклон отвесил мне за него Слёнин. Впрочем, я не в претензии...» (Пушкин, с. 167). *Мурлычет и ворчит* — цитата из басни И. А. Крылова «Кот и повар». *Жестокосердием превосходил судей / В республиках* — Имеется в виду якобинский террор во время Великой французской революции. *Ну не хочу и не хочу* — постоянная поговорка С. Д. Пономаревой. *И поминай как звали* — цитата из басни И. И. Дмитриева «Заяц и Перепелка». *Тартюф* — лицемер, ханжа из одноименной комедии Мольера.

Свекровь и Невестка (с. 136). Б, 1825, № 7; НА на 1825 г.

Фадей с фонарем (с. 138). БиС-1839, под загл.: «Гордей с фонарем» и заменой имени в тексте. РС, 1875, № 12. ССН, где напечатана по автографу РО РНБ. Направлена против Ф. В. Булгарина и продолжает полемику, начатую в сказке «Слон и собаки» (см. примеч. к ней). В письме к И. И. Дмитриеву от 4 апреля 1824 г. И. сообщал: «Месяца два или три назад, за обедом у издателей

Полярной звезды, торжественно обещал я ему бессмертие. Сдержу слово, напишу сказку: *Фадей Чугунный лоб*» (РА, 1871). *Насмешник Николай* — Н. И. Греч, известный своим остроумием. *Александр-Колотушка* — сам И. *Павлушка* — П. П. Свиньин.

Дура Пахомовна (с. 139). НА на 1826 г.; Б, 1826, № 1, с примеч.: «Из „Невского альманаха" на 1826 год. — Свое перепечатывать можно»; БиС-1826, ч. 2. «*Не дай Бог с дураком связаться*» — цитата из басни И. А. Крылова «Пустынник и медведь». *Маркитант* — см. примеч. к сказке «Лгун». *Синюшка* — пятирублевая ассигнация. *С секирою, в броне сермяжной* — автоцитата из сказки «Пьяница». *Надзиратель* — см. примеч. к басне «Собаки и Вор». *Съезжая* — см. примеч. к сказке «Пьяница и Судьба».

Судья Фадей (с. 140). РС, 1875, № 12. ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. Поводом для написания явилась критика Ф. В. Булгариным в «Литературных листках» (1824, № 8) перемен и поправок, сделанных И. в некоторых стихах В. А. Озерова при издании его сочинений (СПб., 1824). *Ротмистр Брамербас* — персонаж из сказки И. И. Дмитриева «Причудница», названный по имени героя комедии Л.-Х. Гольберга «Якоб фон Тибое», чье имя стало нарицательным для обозначения грубого и хвастливого солдафона. *Приказ* — старое название различных правительственных учреждений, в том числе судебных. *Подьячий с приписью* — чиновник, скреплявший бумаги своей подписью. *Крючки* — придирки, извороты. *Вырос в Польше* — намек на происхождение Ф. В. Булгарина, который был родом из Польши.

Два Попугая (с. 142). БиС-1826, ч. 1, с подзаг.: *Быль (В альбом Е. Г. и К. Г. Сер...вым)*. *Арнд* — Н. Ф. Арендт.

Стрелки (с. 143). СЦ на 1826 г., с подзаг.: *Басня*; Б, 1826, № 7. В письме П. Л. Яковлеву от 16 августа 1825 г. И. писал: «С Дельвигом виделся в среду в лавке Слёнина; пили вместе пенник и закусили ржаным пирогом с луком. Бар[он] Дел[ьвиг] женится 3 ч[исла] будущего месяца. Он пополнел. Кланяется тебе. Мы поменялись с ним стихами: он дал мне сонет Туманского на его свадьбу, а я дал ему новую свою басню „Стрелки", которую при сем посылаю вчерне, как она вылилась из головы... авось разберешь» (Пушкин).

Помещик и Управители (с. 144). КМ на 1827 г. БиС-1839. *Лишилися куражу* — приуныли (фр. courage — смелость). *Казен-*

ная палата — одна из палат губернского правления, ведавшая сбором налога на винокурение.

Гордюшка-книгопродавец (с. 147). БиС-1839. ПСС, т. 1, под загл. «Павлушка-книгопродавц». В автографе РО РНБ под загл. «Матюшка-книгопродавец». Речь идет о М. И. Заикине. В письме П. Л. Яковлеву от 17 сентября 1826 г. И. пишет: «Матюшка Заикин зажилил у меня 10 р. и насказал мне грубостей за Слёнина и Смирдина. — За это написал я сказку: „Торгаш-Матюшка“[1]». В письме к нему же от 26 сентября 1826 г. продолжает: «Рассмешить ли тебя ссорою моею с Матюшкою Заикиным? <...> Эка память! И забыл, что писал уже об этом. Однако надобно сказать о последствиях. В прошедший понедельник является ко мне утром Матюшка в самое то время, когда я писал о себе записку для представления министру. Является, кланяется, просит у меня прощения. Жалко стало — простил его и дал слово не печатать своей сказки. После того услышал я, что у Матюшки был консилиум из всех братьев под предводительством отца, маститого Ивана Заикина. Были в этом комитете и почетные члены — ученые пьяницы. Сочинили на меня какую-то жалобу и просили Смирдина, чтобы тот пошел в свидетели, якобы слышал от меня, что сказка точно написана на Матюшку Заикина. Но Смирдин отказался быть свидетелем. По просьбе их разодрал он мою сказку, которая, однако, ходит теперь везде по рукам. По просьбе Матюшки какой-то из подряженных им словесников написал и на меня какую-то басню или стихи. Не читал еще — достану, так и тебе пришлю» (Пушкин). *«Оракулы»* — популярные гадательные книги. *Одна почтенная старушка* — см. сноску. *Авантаж* (франц.) — выгода. *«Деяния Петра»* — многотомный свод материалов к биографии Петра I, составленный И. И. Голиковым. *Три безжалостных сестры* — Фурии (Эринии).

Бабушка и Внучка (с. 150). СП, 1827, с подзаг.: *Быль*. БиС-1839. ССН, где напечатана по автографу РО РНБ. 17 февраля 1827 г. И. из Твери писал к П. Л. Яковлеву, что сочинил «на тверских дамигриц и на вертушек-девиц» сказку и сразу же по сочинении отослал к губернатору на бал в Дворянское собрание, чтобы прочесть стихотворение вслух, но тот не осмелился этого сделать. 31 марта

[1] Не сказка, а быль! Матюшка купил у сестры покойного Хемницера оригинал его басен, трагедию «Китайский сирота», и проч. и проч. за 200 р!!! (*Примеч. И.*)

тому же адресату И. сообщал: «„Бабушка и внучка“ наделала тревоги. Первый раз от сооружения Твери началась в ней литературная, или паче словесная битва» (ПС). А в письме И. И. Дмитриеву от 6 июля 1827 г. он рассказывал о развитии событий: «В заговенье на масленице, когда я сидел болен, что не в состоянии был ни писать, ни читать, сочинил я сказку: *Бабушка и Внучка*, которую напечатал в *Северной пчеле*. Одна из здешних бабушек, о которой вовсе не думал я, приняла эту сказку на свой счет и наняла какого-то рифмача-семинариста написать на меня пасквиль. Я отвечал и написал по просьбе всех почти здешних граждан, для соблюдения благочиния в церквах, другую сказку: *Дворянка-буянка*. Эти две сказки наделали такого шума в Твери, что многие уездные дворянки-буянки не смеют теперь приехать в Тверь. Сколько подражателей мне нашлось! Семинаристы, подьячие, купцы, мещане начали писать стихами. Точно как бы я привез сюда какую заразу, которая от меня распространилась» (РА, 1871). Сказку приняла на свой счет дворянка А. Д. Жеребцова и стала настраивать против И. тверское общество (см. примеч. к стихотв. «Слезное прошение тверских дам-сплетниц»). *Котильон* — бальный танец, который состоял из нескольких самостоятельных танцев (мазурка, вальс, полька и др.); длится обычно долго. *Бостон, вист, мушка* — карточные игры.

Дворянка-буянка (с. 152). СИ-1849, т. 1. ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. Сказка наделала много шума в Твери, о чем 6 июля 1827 г. И. писал И. И. Дмитриеву (см. примеч. к сказке «Бабушка и внучка»). В письме к П. Л. Яковлеву от 31 марта — 1 апреля 1827 г. И. писал: «Артиллерийские и уланские офицеры просят преубедительно написать сказку на старую злую девку Храповицкую, которая в соборное воскресенье так толкнула в соборе одну девушку, что та полетела с ног. Ну как не уважить такой просьбы! Начал вчера у заутрени, а сегодня во время вечерни, может быть, кончу» (ПС). *От ужаса у них приподнялись пучки* — низшие церковнослужители связывали волосы сзади в пучок. *Архиерей* — старший в епархии священник из черного монашествующего духовенства, неофициальное название для владык церкви с титулом епископа и выше. *Протоерей* (протоиерей) — протопоп, настоятель собора, церкви. *Чепёшница* — та, что носит чепец, головной убор дворянок.

Собака на сене (с. 153). БиС-1839.

Тьмака (с. 154). БиС-1839. *Тьмака* — речка в Твери.

Кулачные бойцы (с. 155). БиС-1839. В письме И. И. Дмитриеву из Вологды от 21 мая 1828 г. И. писал: «Версты за две от Грязовца сломалась у меня коляска. Если бы не это несчастие, то не написать мне басни: *Кулачные бойцы*» (РА, 1871). *Полугарное вино* — водка.

Заветное пиво (с. 156). НА на 1829 г. БиС-1839. ССН, где напечатана по автографу РО РНБ.

Две Козы (с. 158). НА на 1830 г., с подзаг.: *Подражание Лафонтену*. БиС-1839. Подражание басне Ж. Лафонтена «Les deux chevres». *Шустер* (нем.) — здесь: простолюдин. *Направо кругом* — военная команда. *Исправник барин мой! / Майор!.. — И мой осьмого также класса* — военный чин майора соответствовал чину штаб-лекаря. *Драбант* (нем.) — телохранитель. *Брамербас* — см. примеч. к сказке «Судья Фадей». *Штаб-лекарь* — старший военный врач. *Оператор* — хирург, делающий операции.

Змея и Свинья (с. 159). БиС-1839.

Скупой и Окулист (с. 160). СЦ на 1829 г. БиС-1839. *Бумажки трех цветов* — ассигнации, бумажные деньги синего, белого и красного цвета. *Метроман* — одержимый страстью к стихотворству (метроманией). *Оператор* — см. примеч. к басне «Две Козы».

Фортуна и Достоинство (с. 162). БиС-1839.

Выставка мануфактур (с. 162). БиС-1839.

Собачья зависть (с. 163). БиС-1839.

Орел и Сорока (с. 164). БиС-1839. *Асессор* — чиновник 8-го класса, майор.

Чиж и Стриж (с. 165). БиС-1839. *Кокошник* — русский народный головной убор в виде полукруга. *Десятский* — выборный полицейский.

Фонарь (с. 167). БиС-1839.

Клеветник (с. 167). БиС-1839, с подзаг.: «Подражание французской басне: Квакер и собака». *Ретирада* — см. примеч. к басне «Волчья хитрость». *Квартальный* — см. примеч. к сказке «Пьяница». *В аду клеветников змеям предпочитают* — аллюзия на басню И. А. Крылова «Змея и Клеветник» (1814). Перинная линия — улица в СПб, идущая параллельно Невскому проспекту вдоль Гостиного двора. *Суд Страшный* — частый сюжет русских лубочных

картинок. *Травник* — пиво, в которое вместо хмеля кладутся пряные и дурманящие травы.

Буфетчик и Дворецкий (с. 169). БиС-1839.

Канарейка и Соловей (с. 171). ЛГ, 1830, № 15, с подзаг.: *Переведена с немецкого*. БиС-1839. Источник не найден.

Обманчивая наружность (с. 173). СЦ на 1830 г. БиС-1839. *Отставлен с крестиком* — с награждением за службу. *К своим собакам звал соседских по билетам* — выражение «по билетам» употреблялось применительно к приходящим учителям, которые за данный урок получали квитанцию, оплачиваемую позднее. *Наружность иногда обманчива бывает* — цитата из басни И. И. Дмитриева «Нищий и собака». *Или в грязи свинья, / Иль ядовитая змея* — отсылка к реплике змеи из басни И. «Змея и свинья»: «Марай же и врагов своих, Коль хочешь быть страшна для них». Обе басни И. продолжают полемику с П. П. Свиньиным.

Скотинин и Свинья (с. 175). БиС-1839.

Скотское правосудие (с. 176). СЦ на 1830 г. БиС-1839.

Волк и Овца (с. 177). БиС-1839.

Воевода и Подьячий с приписью (с. 179). Сборник в память А. Ф. Смирдина. СПб, 1858, т. I. Точками в квадратных скобках отмечены очевидные лакуны, имеющиеся в первой публикации. О том, что послужило поводом к написанию, см. в Приложении. *Подьячий с приписью* — см. примеч. к сказке «Судья Фадей».

Шут (с. 181). СИ-1849, т. 1. Осталась незавершенной.

Два пути (с. 182). Печатается по факсимиле, приложенному к кн.: «И. А. Кубасов. Александр Ефимович Измайлов. Опыт биографии его и характеристики общественной и литературной деятельности» (СПб., 1901).

РАЗГОВОРЫ

N. N. и N. (с. 184). ЛС, 1806, № 11; НБиС.

Мать и Дочь (с. 185). Ц, 1809, № 1, 1-я ред., под загл. *Разговор матери с дочерью*; НБиС, 2-я ред. Текст в редакции Ц:

Мать

Приятную тебе скажу я, друг мой, весть.

Дочь

Скажите, маменька.

Мать

Жених тебе уж есть:
Отец поговорить об нем велел с тобою.

Дочь

Вы видели его? Хорош ли он собою?

Мать

Вчера у князя мы играли с ним в бостон,
И нам понравился обоим очень он:
Умен, достаточен и знатного же рода...

Дочь

А сколько лет ему?

Мать

Да... шестьдесят два года.

Дочь

Неужто вы меня хотите погубить?
Могу ли, маменька, я старика любить?

Мать

А почему ж не так? Он женится по страсти;
Имение его в твоей всё будет власти:
Сто тысяч с деревень дохода одного...

Дочь

Извольте, маменька, иду я за него.

Разговор в царстве мертвых (с. 186). Современник, 1857, № 5, где впервые напечатано М. Лонгиновым без указания имени автора. К. Н. Батюшков. Сочинения (М.; Л.: Academia, 1934), где напечатано Д. Д. Благим по списку из архива К. Я. Грота, в котором стоит подпись: «Батюшков». Возможно, что К. Н. Батюшков при-

нимал какое-то участие в написании и распространении стихотворения (см. примеч. к стихотв. «Певец, или Певцы в Беседе славенороссов»). *«Памела Русская»* — «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки» (1789). *«Храм славы»* — «Храм славы российских ироев от времен Гостомысла до царствования Романовых» (1803). *Похвальные слова мужам великим* — «Похвальное слово великому государю царю Алексею Михайловичу» (1806), «Пожарский и Минин, спасители Отечества» (1810), «Боярин Матвеев» (1813) и др. *«О духе россиян»* — «Твердость духа некоторых россиян» (1803). *«Для добрых»* — «Для добрых. Сочинения и переводы» (1801). *«Меншиков»* — «Князь Меньшиков и в ссылке великий человек» (1811). *«Советы офицерам»* — «Совет молодым офицерам» (1810). *Тартар* — см. примеч. к сказке «Смерть и Стихотворец». *Шихматов* — С. А. Ширинский-Шихматов.

Князь Ш[аховской] и актриса Е[жова] (с. 189). ИзвАН, где опубликовано (с незначительными купюрами) по автографу РО РНБ в приложении к статье О. А. Проскурина «Неизученный эпизод полемики о старом и новом слоге». Сборник «Арзамас», т. 1 (СПб., 1994). Является откликом на чтение А. А. Шаховским в заседании Беседы 23 февраля 1812 г. 2-й песни ирои-комической поэмы «Расхищенные шубы», в которой содержались пародийные нападки на Н. М. Карамзина, В. Л. Пушкина и В. А. Жуковского. *Пушкин* — В. Л. Пушкин. *Макар* — камердинер Шаховского. *Другой Хвостов* — А. С. Хвостов.

Дядя и Племянник славенофилы (с. 190). НБиС. Датируется по автографу НБ СПбГУ. Направлен против идейных и эстетических позиций Беседы, и в первую очередь А. С. Шишкова. *Славенской* — церковно-славянский язык. *Печерский патерик* — Киево-Печерский патерик, древнерусское собрание рассказов об основании Киево-Печерского монастыря и его первых насельниках (XIII–XVII вв.). *Минеи-Четии* («Великие Минеи-Четии») — составленное митрополитом Макарием (XVI в.) собрание житий святых с последующими поучениями и словами. *Солецизм* — ошибка против правил языка и синтаксиса. *Галлицизм* — слово или выражение, заимствованное из французского языка. *Чтоб рифма кончилась всегда на имена* — намек на поэтическую практику С. А. Ширинского-Шихматова, который никогда не употреблял в стихах глагольные рифмы. *Пожарских, Мининых* — Среди произведений, написанных членами Беседы,

были эпическая поэма С. А. Ширинского-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807) и похвальное слово Г. В. Геракова «Пожарский и Минин, спасители отечества» (1810).

Цензор и Сочинитель (с. 193). СИ-1849, т. 1. ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. Датируется по автографу НБ СПбГУ. И. неоднократно претерпевал притеснения со стороны цензоров, многие стихотворения были опубликованы только посмертно. *Устав* — «Цензурный устав», принятый 9 июля 1804 г.

Граф N. и его Секретарь (с. 196). ВЕ, 1817, № 12 (июнь); НБиС. Прочитан в ВОЛСНиХ 8 февраля 1817 г. В автографе РО РНБ «Разговор» имел окончание, позже зачеркнутое Измайловым. После последней ремарки «Подписывает» следовало:

Нет, нет, на это вот нельзя уж согласиться.
Достойнову дать чин!

Секретарь

Всех более трудится...

Граф

Ни разу в праздники с почтеньем не был он
И смеет умничать! Нет, нет, из списка вон.
(Вымарывает.)

Богатый и Бедный (с. 197). Б, 1821, № 1, с. 71, подпись: *И.*; под загл.: *Разговор Сытого с Голодным*. СИ-1849, т. 1.

Пролог (с. 198). ВЛ, 1983, № 8. *Вы добрый человек; я бедная вдова* — И. через журнал занимался благотворительностью. *Анаграмма* — род поэтического упражнения, в котором путем буквенной перестановки в слове получается одно или несколько других слов. *Шарада* — стихотворение, в котором искомое слово составляется из нескольких других, называемых по косвенным признакам (см. раздел «Шарады»). *Акростих* — стихотворение, в котором начальные буквы стихов или полустиший образуют слово или предложение. *Забавен ваш журнал для своего лишь круга* — Перефразированная характеристика Б из статьи А. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность

в течение 1823 года». *Вы площадной поэт, писатель не для дам!* — «Писателем не для дам» И. назвал А. Ф. Воейков в сатире «Дом сумасшедших» (см. предисловие). *Не струшу в бешенстве Роланда самого...* — «Неистовым Роландом» прозвали князя П. А. Вяземского за ряд полемических выступлений в печати. *Граф* — Д. И. Хвостов. *Моргун Евграф* — Е. И. Мечников (ср. «Элегия на отставку гр[афа] Д. А. Г[урьева]», «На перемещение М[ечникова]» и «Письмо светлейшего князя Сатаны к его пре[восходительст]ву Е. И. М[ечников]у»).

ПЕСНИ

Таврический сад (с. 202). ПИ; НБиС. Прочитано в ВОЛСНиХ 21 июня 1802 г., утверждено к публикации на экстраординарном заседании 6 февраля 1804 г. *Таврический сад* — пейзажный парк при Таврическом дворце в Санкт-Петербурге.

Опасности от воды (с. 203). ПИ, 1-я ред.; ЛС, 1806, № 8, 2-я ред.; ВЕ, 1816, № 23/24 (декабрь), 3-я ред.; НБиС. СИ-1849, т. 1, со сноской: *Положена на музыку Грибовичем.* Переложение стихотворения Ш.-Ф. Панара «Chanson à boire». *Фаэтон* (др.-греч. миф.) — сын бога Солнца Гелиоса, не справившийся с управлением колесницей отца. *Латона* (Лето, др.-греч. миф.) — любовница Зевса, мать Аполлона и Артемиды; когда она, родив детей и скитаясь по Ликии, попросила воды у местных жителей, они замутили воду в озере Мелита, и Латона превратила их в лягушек. *Данаиды* (др.-греч. миф.) — дочери царя Даная, убившие своих мужей в первую брачную ночь. *Астрея* (др.-греч. миф.) — дочь Зевса и Фемиды, управляла миром в золотом веке.

На новый 1824 год (с. 205). Б, 1824, № 2, с подзаголовком: *Стихи сии петы при встрече нового года в беседе у Я. К. и Е. Н. К[айдановых]*, и примеч.: *Музыка покойного Н. М. Кудлая.*

Песня («Пусть дурачатся глупцы...») (с. 206). Б, 1824, № 12. *Что мне нужды в свете сем страсти разбирати?* — Песня из «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова. *Тартюф* — см. примеч. к басне «Черный кот».

Песня («Пусть задорный пес Фадей...») (с. 208). РС, 1875, № 12. ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу

РО РНБ. *В полынье его крестил...* — ср. басню «Слон и собаки». *Вор* — здесь в старом значении: обманщик, самозванец. *За язык, в пример другим...* — см. сказку «Лгун».

Наводнение (с. 208). ВЛ, 1983, № 8, где напечатана О. А. Проскуриным по автографу РО РНБ. Парафраз собственной песни И. «Опасности от воды». Картина наводнения 7 ноября 1824 г., увиденная поэтом из окна департамента государственного Казначейства, показалась ему комической. О жертвах и разрушениях стало известно лишь двумя днями позже. В письмах П. Л. Яковлеву, написанных в ноябре-декабре 1824 г., И. подробно рассказывает о той негативной реакции, которую вызвали его стихи в обществе:

9 ноября: «Вчера проснулся я по обыкновению в 5 часов и давай с грусти писать стихи на потоп тою же мерою, как „Опасности от воды“».

10 ноября: «Не пришла бы мне в голову блажная мысль писать стихи на потоп, если бы я увидел во время наводнения хоть одно трагическое происшествие, а то был так счастлив, что видел почти одни только комические, например: заголившуюся молочницу, плывущую свинью и т. п.»

25 ноября: «Греч и Булгарин ругают меня не на живот, а на смерть. Вчера сказывали мне, что раскритиковали они мои стихи на наводнение. Терплю и молчу — но скоро, скоро я их проучу. Едва ли не они распустили слух, будто Милорадович призывал меня за эти куплеты и мыл мне голову».

3 декабря: «Мог ли я ожидать, что куплеты мои *на наводнение* чуть ли не стоили тебе жизни? Однако и граф Хвостов написал на этот случай стихи маленькие и большие[2]. <...> А мои куплеты

[2] Граф Хвостов помимо известного послания «К N. N. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября», в первой редакции законченного 11 ноября 1824 г., 9 ноября сочинил следующую автоэпиграмму:

ПО СЛУЧАЮ НАВОДНЕНИЯ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

Потоп инова разорил,
Иным спаситель был.
Читатели стихов нимало не вздохнули,
Что все творения Хвостова потонули.

(РО ПД, ф. 322, архив графа Хвостова, № 33, л. 27.)

на наводнение наделали здесь много шума. Всякий день спрашивают меня: был ли я у Милорадовича? Сколько дней сидел в крепости? и т. п.»

4 декабря: «Булг[арин] спрашивает меня: „Знаешь ли, что о тебе говорят?“ — „Что я сижу в крепости“. — „Нет, что тебя позвали к Милорад[овичу] и что ты отравился“. Это говорили Гречу в Английском клубе Яценков и Жуковский. Я сказал, что это неправда: Измайлов не трусливого десятка. После того Греч подтвердил мне это же самое. — Наконец Сомов шепнул мне за секрет, что спас меня от неминучей погибели... Булгарин. Видишь, как было дело. Кн[язь] Шах[овской] представлял графу, что непростительно шутить во время всеобщего несчастья. Граф сказал: „Надо проучить“. Но Булгарин отсоветовал — сколько из дружбы ко мне, столько же и из приязни ко всем вообще литераторам» (Пушкин, с. 163, 165–166).

Бутка — караульная сторожка. *В броне сермяжной* — автоцитата из сказки «Пьяница».

Сыну моему Мише, отеческое поздравление и наставление в день его именин (с. 210). СИ-1849, т. 1. Старший сын И. Михаил учился в Медико-хирургической академии.

На отъезд в Тверь (с. 212). С, 1829, ч. XII. РА, 1871, № 6, где ст. 3–4 в строфе 3 читаются так:

Встречу винных приставов,
Надзирателей-плутов.

Бежецкая вице-губернаторская песня (с. 213). СИ-1849, т. 1. *Стентор* — «медногласый боец», персонаж «Илиады» Гомера, отличавшийся невероятно зычным голосом.

Шенкурская рекрутская песня (с. 215). СИ-1849, т. 1. *Как на матушке на Неве-реке* — Матросская песня из «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова: «Как во городе во Санктпитере, / Что на матушке на Неве-реке...»

СМЕСЬ

Смерть (Из Мальгерба) (с. 216). СПбЖ, 1798, ч. I, 1-я ред.; Ц, 1809, ч. III, 2-я ред.; НБиС. Переложение 19 и 20-й строф сти-

хотворения Малерба «Consolation à M. Du Périer sur la mort de sa fille». В СПбЖ ст. 1–4:

О смерть! свирепее тебя кто может быть?
Ты просьбам нашим не внимаешь,
Со смехом уши затыкаешь
И оставляешь нас рыдать и слезы лить.

Сонет одного ирокойца, написанный на его природном языке (с. 216). ПИ. Прочитано в ВОЛСНиХ 13 февраля 1804 г.

Верный любовник (с. 217). ЖРС, 1805, № 3.

Стихи на кончину Ивана Петровича Пнина (с. 218). ЖРС, 1805, № 10. Прочитаны в ВОЛСНиХ 7 октября 1805 г. На траурном заседании ВОЛСНиХ 23 сентября 1805 г., через 6 дней после смерти Пнина, И. произнес еще и прозаическую речь. *О воспитании* — сочинение А. Ф. Бестужева, *почтенного друга Пнина*, «О воспитании военном относительно благородного юношества» публиковалось в СПбЖ в течение всего 1798 г.; в 1803 г. оно было издано отдельной книгой, под загл.: «Опыт военного воспитания относительно благородного юношества, начертанный по расположению знаменитого итальянского законоискусника Фаланжери, писавшего о науке законодательства. Дополненный краткими рассуждениями и нужными примечаниями, к предмету воспитания касающимися» (СПб., 1803).

Приятная смерть (с. 221). Ц, 1809, № 4, подпись: *И*; НБиС. Прочитано в ВОЛСНиХ 28 июля 1806 г.

На рождение младенца (с. 221). НБиС.

Новый Нарцисс (с. 222). НБиС.

Учение Сократа (с. 222). Ц, 1810, ч. VII; НБиС. Прочитано в ВОЛСНиХ 13 августа 1810 г. Переложение стихами отрывка из «Писем к Эмилии о мифологии» (1786) Ш.-А. Демутье.

На кончину генерал-фельдмаршала князя М. Л. Голенищева-Кутузова Смоленского (с. 223). СО, 1813, № 19; «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», ч. 1 (М., 1814); НБиС.

Завещание Наполеона Бонапарте (с. 224). СО, 1814, № XXXII (20 апреля), 2-е прибавление, под загл.: *Завещание Н. Бонопарте*, без разделения на нумерованные части, с пропуском ст. 5–8. НБиС.

С. Д. П[ономаревой], с книжкою моих басен (с. 226). ВЛ, 1983, № 8. Эпиграф взят с титульного листа 3-й части «Полного собрания стихотворений графа Хвостова» (СПб., 1817), содержащей его басни и сказки. *Эзоп наш, граф Хвостов* — автоцитата из стихотворения «Разговор в царстве мертвых». *Язык скотов он знает как природный* — ср. с эпиграммой «Вралёв наш фабулист примерный...». — *П. П.* — P. S.

С. Д. П[ономаревой] на день ее рождения (с. 227). Б, 1822, № 1, подпись: *Баснин*. *Мнемозина* — древнегреческая богиня памяти, мать Харит (Граций). *Евфрозина* (Евфросина) — одна из Харит.

Жене моей, по случаю подаренной ею мне табакерки (с. 228). Б, 1822, № 1. Сведений о художнике *Мале* не обнаружено. *Департамент* — департамент государственного Казначейства, где И. служил. *Общества учены* — И. состоял кроме ВОЛСНиХ и в ВОЛРС.

К N. N. о саде Г[анина] (с. 229). СИ-1849, т. 1. Прочитано в ВОЛСНХ в первой половине 1821 г. под загл.: «Краткое описание сада Ганина». Е. Ф. Ганин устроил возле своего дома в Санкт-Петербурге, на набережной Невы, небольшой сад, собрав на ограниченном пространстве множество непременных атрибутов загородных императорских парковых ансамблей. Его собственная статья «Описание сада г. Ганина» была напечатана И. (Б, 1824, № 17–18, с. 352) под псевдонимом: *Любитель изящного*, с насмешливым примеч. издателя: «Напечатано со всевозможной точностью. Издатель не переменил ничего, но расставил только, для удобства читателей, знаки препинания, коим почтенный автор, по-видимому, объявляет решительный остракизм». *Молочница* — копия царскосельской статуи «Молочница с разбитым кувшином» (1816) работы скульптора П. П. Соколова, созданной на сюжет басни Ж. Лафонтена «La Lautière et le Pot au lait» и изображающей девушку над разбитым кувшином. *Любим* и *Валерьян*, / *Ельвира* и *Иван* — драмы Ганина «Любим» (1819), «Валериан, или Муж двух жен» (1820) «Ельвира, или Роза» (1821), «Джонс, или Добродетельный Иван» (1821). *Клоринда* — персонаж поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим», возлюбленная Танкреда. *Львица* — И. убедил самого Ганина сыграть эту роль в спектакле для рабочих Ольхинской бумажной фабрики, а в своих «Сатирических ведомостях», публиковавшихся в Б с начала 1823 г., в разделе «Приглашения», не преминул высмеять незадачливого сочи-

нителя: «Потребна актриса для роли Львицы в драме: Джон, или Добродетельный Иван. — Явиться на пробу в маленький лубочный театр, что на Неве у ледяных гор». *Фридерик II* — Фридрих II. *Бот... перевозить народ* — неточная цитата из притчи (басни) графа Д. И. Хвостова «Бот и Нева» (1803).

К читателям *Благонамеренного* (с. 231). Б, 1822, № 14.

В альбом В. И. П[анаеву] (с. 232). СИ-1849, т. 1. *Мой фаворит пиит* — видимо, А. С. Пушкин, «Руслана и Людмилу» которого И. защищал от нападок консервативной критики на страницах своего журнала (Б, 1820, № 18). *Идиллии* — «Идиллии Владимира Панаева» (СПб., 1820), печатавшиеся до издания отдельной книгой в СО и Б.

В альбом С. Д. П[ономаревой] (с. 233). КМ на 1826 г., под загл.: *В альбом N.N.*

Элегия на отставку гр[афа] Д. А. Г[урьева] (с. 234). «Остафьевский архив князей Вяземских», т. II (СПб., 1899). ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. Отставка графа Д. А. Гурьева, казнокрада, пользовавшегося высочайшим покровительством, была с радостью воспринята обществом. В письме П. Л. Яковлеву от 3 мая 1823 г. И. писал: «Для первого дни дал Бог неожиданную радость — нового министра финансов. О старом поплакал Взметнев и еще кой-кто. Я не плакал, ей-богу, не плакал. Получил ли, любезнейший племянник, Элегию на удаление? Меня уверили, что на праздник эти стишки посланы к тебе. В среду они написаны, а в четверг читал уж их и гр[аф] Милорадович. Что-то будет сочинителю!» (Пушкин). *В подвалах винных, в кабаках, / Все вопиют* — Гурьев своими распоряжениями предоставил виноторговцам возможность для неплохой наживы. *Румяны* — Обресков румянился. *Граф* — Гурьев.

На перемещение М[ечникова] (с. 234). ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. В конце 1824 — начале 1825 г., Мечников, пользовавшийся особым покровительством графа Д. А. Гурьева (см. примеч. к стихотв. «Элегия на отставку гр[афа] Д. А. Г[урьева]»), был освобожден от должности директора Горного департамента и Горного корпуса и назначен сенатором. *Друг Сатанин* — Мечников. *Восстань, великий Петр* — Сенат был создан по указу Петра I. *Евграшка* — Е. И. Мечников.

Молитва питейных чиновников (с. 234). ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. Посвящено назна-

чению Е. И. Мечникова сенатором (см. примеч. к стихотв. «На перемещение М[ечникова]» и эпиграмме «Отставлен ты — хвала судьбе!»). *Совет* — Государственный совет. *Контролер* — проверяющий отчетность.

Письмо светлейшего князя Сатаны к его пре[восходительст]ву Е. И. М[ечникову] (с. 236). ПС, где напечатано Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. См. примеч. к стихотв. «Молитва питейных чиновников». *Али-паша* был жестоким правителем, вел изменническую политику по отношению к России и другим европейским державам.

Завещание друзьям (с. 236). Б, 1824, № 1, с. 70. Прочитано в ВОЛСНиХ 20 сентября 1823 г.

На болезнь С. Д. П[ономаревой] (с. 237). Б, 1825, № 7, с. 222, подпись: *И*. НА на 1825, с. 226, подпись: *А. Изм*. *Гигея* (Гигиейя) — древнегреческая богиня здоровья.

К читателям и читательницам *Благонамеренного* (с. 238). Б, 1824, № 6, с. 431. Речь идет о книге Филарета «Слово при открытии попечительства о бедных духовного звания» (М., 1823), частями публиковавшийся Гречем в СО в начале 1824 г.

Кантата на кончину С. Д. П[ономаревой] (с. 240). КМ на 1826 г., с. 131.

Любительнице кошек (с. 241). Б. 1824, № 6, с. 431.

На отъезд приятеля в Москву (с. 241). СИ-1849, т. 1, с. 248. *Ревель* — старое название г. Таллин. *Бир-суп* (нем.) — пивной суп. *Саламата* — простонародное кушанье, густой кисель из гречневой или пшеничной муки с маслом. *Тук* (церк.-слав.) — жир.

Слёнина лавка (с. 243). РА, 1864, вып. 7–8. РС, 1875, № 12. ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. Пародия на «Три песни» Жуковского. В письме П. Л. Яковлеву от 20 октября 1824 г. И. так описывает реальную историю, положенную в основу стихотворения: «Третьего дня встретился я с ним [Булгариным. — *М. А.*] у Смирдина. „Здравствуй, крестник!“. — „Здравствуй, папинька!.. Нет ли чего на меня?“ — „Есть!“. С сим словом подал я ему презлейший на него пасквиль, присланный ко мне из Георгиевска под названием „Улан“. Эта статья Радожицкого написана хоть не совсем складно, но ладно! Тут собрано все, что Булг[арин] врал о военной службе, — как 300 всадников перескочило через него, когда он лежал под бревном, и проч. и проч. — „Дай мне, я напе-

чатаю“. — „Нет, любезный крестник, сам снесу к Ал. Степановичу (Бирукову. — *М. А.*), а если он не пропустит, то, по назначению сочинителя, отошлю к Воейкову“. — Булгарин выскочил за мною на крыльцо, с полчаса продержал меня там, предлагал мир, звал к Гречу в четверг, словом, вился около меня, как сука. — „Во втором № «Благ[онамеренного]» есть мне какая-нибудь загвоздка? — „Да я еще не принимался за тебя“. — „А эпиграмма?“ — „Какая эпиграмма?“. — „На меня да на Шишкова!“ — „А, брат, на воре шапка горит, а <...> про себя говорит!“. Жаль, что нельзя с подробностию передать всего нашего разговора» (Пушкин). *Три новые сказки* — См. басни и сказки И. «Слон и собаки», «Фадей с фонарем» и «Судья Фадей»; к ним примыкают эпиграмма «Ну, исполать Фадею...» и песня «Пусть задорный пес Фадей...». *Не граф ли?* — т. е. граф Д. И. Хвостов. *Польский задорный наш пес* — Булгарин по национальности был поляком. *И крестному батьке* — см. басню «Слон и собаки». *Язык ему надо немножко присечь* — Н. И. Греч отличался словоохотливостью. *С поляком бездушным я бился вдвоем* — см. басню «Фадей с фонарем». *Безграмотный ротмистр* — см. сказку «Судья Фадей», где упоминается ротмистр Брамербас. *Судьею его посадил я в Приказ* — См. сказку «Судья Фадей» и примеч. к ней.

Моя молитва (с. 245). Б, 1825, № 7.

На приезд Я. И. Г[оворова] (с. 245). КМ на 1826 г. Вызвало издевательский отзыв Н. А. Полевого в рецензии на альманах КМ на 1826 г., изданный И. и П. Л. Яковлевым («Московский телеграф», 1826, № 2); см. примеч. к стихотв. «Дружеское послание издателю „Телеграфа“ Н. А. Полевому».

А. Ф. Смирдину (с. 247). Сборник в память А. Ф. Смирдина, СПб., 1858, т. I. Точками в квадратных скобках отмечена лакуна, имеющаяся в первой публикации. В письме П. Л. Яковлеву от 17 сентября 1826 г. И. пишет: «Со Смирдиным можно иметь дело. Истинно он самый лучший и честнейший изо всех здешних книгопродавцев» (Пушкин, с. 188). *«Оракулы»* — см. примеч. к сказке «Гордюшка-книгопродавец».

Дружеское послание издателю «Телеграфа» Н. А. Полевому (с. 248). НЛО, 1999, № 40, в статье О. А. Проскурина «Конец благих намерений». Написано как парафраз послания «На приезд любезного друга Я. И. Г[оворова]», над которым издевался в своем журнале Н. А. Полевой. В письме П. Л. Яковлеву от 26 февраля

1826 г. И. писал: «Мщение! мщение! любезный племянник! Полевой... *ах! он купчишка! ах, злодей!* обругал наш *Календарь Муз*, разругал твою прозу в мои стихи!

Натужимся, напрем, за перья! Отомстим
  И знать себя ему дадим!

Видно, захотел бессмертия! Хорошо, *кабачник,* узнает, каков *альманачник!*[3]» (Пушкин). В письме И. И. Дмитриеву, написанном во время Пасхи, от 15 апреля 1826 г. И. сообщал: «Вместо красного яичка посылаю к вашему превосходительству безделку, которая не стоит и простого яйца, но которая, может быть, рассмешит вас, — *Дружеское послание издателю Телеграфа*. Я защищал его против *Брылана* и *сухощавого пуделя*, а он, неблагодарный, обругал наш *Календарь Муз* и особенно послание мое *к сердечному другу доктору Яше*, описателю гиперборейских стран и сопернику, по мнению некоторых ученых епископов и кутейников, Бюффона и Гуфланда!» (РА, 1871). *Телеграф* — журнал «Московский телеграф». *Он лоб Медный* — см. сказку «Лгун». *Вор Павлушка* — П. И. Свиньин (см. примеч. к песне «Пусть задорный пес Фадей...»).

«В Палате, в гостях ли, иль дома сижу...» (с. 251) ЖЗТУАК-89. В первой строке И. обыгрывает начало стихотв. «Слёнина лавка». *Дамы-игрицы* — основным развлечением провинциальных дам была игра в карты (см. примеч. К сказке «Бабушка и Внучка»). *Все подле себя табакерку держу* — см. стихотв. «Жене моей, по случаю подаренной ею мне табакерки».

Ответ на слезное прошение тверских дам-сплетниц (с. 251). ЖЗТУАК-89. *Слезное прошение* было написано неким тверским семинаристом по просьбе А. Д. Жеребцовой, принявшей сказку «Бабушка и Внучка» на свой счет (см. примеч. к этой сказке).

Приглашение на обед (с. 252). РА, 1871, № 6. И. обыгрывает оду Г. Р. Державина «Приглашение к обеду». *Преосвященный* — Амвросий.

И. П. Мятлеву, на отъезд его из Твери (с. 253). ЖЗТУАК-89. И. познакомился с Мятлевым в СПб и в письме И. И. Дмитриеву от 15 апреля 1826 г. похвально о нем отозвался: «...Иван Петрович,

[3] Новое слово, изобретенное Полевым (*Примеч. И.*).

прекрасный молодой человек, страстно любит словесность и начинает сам упражняться в ней с большим успехом» (РА, 1871); ему же в письме из Твери от 6 июля 1827 г. сообщал: «Третьего дня уехал отсюда И. П. Мятлев, который просил меня засвидетельствовать Вашему высокопревосходительству его почтение» (там же). *Патронам нашим незабвенным* — родители И. П. Мятлева оплачивали образование дочерей И.

А. И. Пономареву, на подаренный им мне бухарский булатный нож, который получил он от П. Л. Я[ковлева] (с. 255). ЖЗТУАК-89. П. Л. Яковлев служил в составе секретной миссии в Бухаре.

М. Ф. О[хлестышеву] на отъезд его из Твери (с. 255). СИ-1849, т. 1.

Кашинским и калязинским рекрутам (с. 257). СИ-1849, т. 1. *Кашин, Калязин, Бежецк* — уездные города Тверской губернии.

Молитва *Благонамеренного* (с. 258). С, 1829, ч. 9.

Волга в Твери (с. 259). Памяти Майкова, с. 233. ЖЗТУАК-89, с. 49.

Инструкция жене моей, тверской вице-губернаторше (с. 259). РС, 1875, т. XIV, № 12, с примечанием П. А. Измайлова, сына поэта: «В семействе нашем сохранилось предание, будто эта инструкция доведена была кем-то до сведения покойного императора Николая Павловича. И государь, при прочтении ее, много смеялся». ПСС. ЖЗТУАК-89, 4-й пункт отдельно, под загл.: *Добавление к «Инструкции жене моей Тверской Вице-Губернаторше». Пункт 4-й, а прежний четвертый должен быть пятым.*

Певцу Кубры (с. 263). Памяти Майкова. *Кубра* — многократно воспетая графом Д. И. Хвостовым речка в родовом его поместье Выползова Слободка, располагавшемся недалеко от Переславля-Залесского. *Ра* — древнее название реки Волга.

А. М. Л[азаревой] (с. 264). Архангельский историко-литературный сборник (СПб., 1844), с искажениями, под загл.: *Послание Александра Еф. Измайлова. Из альбома*. СИ-1849, т. 1. *Соломбало* — бывшее предместье города Архангельска, расположенное на Соломбальском острове, образуемом протоками реки Северной Двины, где при Петре I были основаны корабельная верфь и адмиралтейство. *Бар* — мелководная гряда при устье реки. *Зунд* — пролив, разделяющий Швецию и о. Зеланд (Дания).

Прошение стерлядей (с. 265). СИ-1849, т. 1. Обращено, по-видимому, к И. Я. Бухарину. Пародия на приказное прошение, которое принято было скреплять собственноручной или писарской подписью по абзацам.

Прощание с Мезенью (с. 266). Памяти Майкова.

Прощание с Архангельском (с. 267). СИ-1849, т. 1. *Свистин* — П. П. Свиньин (см. Приложение).

Моя исповедь (с. 269) Памяти Майкова (не полностью). ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. *К. С. М.* — видимо, одна из знакомых дам И. в Архангельске. Подробно о событиях, послуживших причиной к написанию стихотворения, см. в Приложении. *Ей-богу* — см. примеч. к басне «Карета и лошади». *Воров бесстыдно защищая* — строки, направленные против С. И. Миницкого. *Проповедник буйный* — архангельский епископ Аарон. *Люстр* (лат.) — пятилетие. *Параграф седьмой* — седьмая заповедь: «Не прелюбы сотвори». *Галатея* — журнал мод.

Жене моей Катеньке в день рождения («Вот, ангел мой, тебе...») (с. 273). СИ-1849, т. 1. *Сергий Чудотворец* — Сергий Радонежский, основатель Троице-Сергиевой лавры, которую И. посетил по дороге из Твери. *Павел* — младший сын И. *Поскребыш* — последний ребенок.

Инструкция зятю моему и жене его, а моей дочери (с. 274). СИ-1849, т. 1. Точками в квадратных скобках отмечена лакуна, имеющаяся в первой публикации. *Яко же Сарра послушаше Авраама...* — 1-е Послание апостола Петра, III, 6.

Жене моей Катеньке в день рождения («Чем подарить тебя в день твоего рожденья...») (с. 277). СИ-1849, т. 1. *Словесности учитель* — см. Приложение.

Воззвание к Фебу (с. 278). СИ-1849, т. 1. *Натали* — Наталья, средняя дочь И.

НАДГРОБИЯ

Покойнице матушке (с. 280). НБиС, под загл.: «Покойной моей матери М. З. И[змайловой]». РСЭ.

Надгробие девице Даниловой (с. 280). Ц, 1810, № 1, подпись: *И.* НБиС. РСЭ.

Доброму нашему родителю (с. 280) НБиС. РСЭ. Была выбита на памятнике Е. Ф. Измайлову на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге («Петербургский некрополь», т. 2. СПб., 1912).

Эпитафия, написанная по просьбе для неизвестного, от сестры к брату (с. 281). РСЭ, где была напечатана по автографу РО РНБ.

Надгробие Г. Р. Державину (с. 281). СО, 1816, № 29, под загл.: *Эпитафия Гавриилу Романовичу Державину*; НБиС. *Фелица* — условно-поэтическое имя, под которым Державин воспел императрицу Екатерину II в нескольких своих одах.

Надгробие П. А. Никольскому (с. 281). ПРП, ч. 6, кн. 12; НБиС. РСЭ.

Надгробие В. А. Озерову (с. 282). ПРП, ч. 6, кн. 12; СО, 1816, № 42; НБиС. РСЭ. *Мельпомена* — Муза драматиеской поэзии. *Эдип, Фингал, Димитрий, Поликсена* — герои трагедий Озерова «Эдип в Афинах» (1804), «Фингал» (1805), «Димитрий Донской» (1807) и «Поликсена» (1809). *Ехидна зависти...* — намек на отношения В. А. Озерова и А. А. Шаховского.

Надгробие младенцу (с. 282). Б, 1821, № 17/18.

Надгробие М. В. Милонову (с. 282). Б, 1821, № 23/24. *Бедный поэт* — Милонов перевел предсмертную элегию Н.-Ж.-Л. Жильбера «Le poète malheureux».

Надгробие С. П. Власову (с. 282). Б, 1824, № 2.

Надгробия Софье Дмитриевне Пономаревой (с. 283). Б, 1824. № 8. РСЭ, где напечатана по автографу РО РНБ. Заключительный моностих был выбит на памятнике, установленном на Волковом кладбище в СПб. *Последние два стиха взяты из прежней моей надписи...* — см. «Надпись к портрету С. Д. П[ономаревой]».

НАДПИСИ И ЭКСПРОМТЫ

Надпись на дверях судебной палаты царей Гренадских (с. 284). Ц, 1809, ч. II, 1-я ред.; НБиС, 2-я ред., под загл.: «На дверях судебной палаты Мулея-Гассема, короля Гренадского (Из Флориана)». ПР-1935. Переложение отрывка из псевдоисторического романа Ж.-П. Флориана «Gonzalve de Cordove». *Мулей-Гассем* — Мулей Абул Гашим.

Надпись к эстампу *добродетельной римлянки*, которая кормила в темнице грудью своего отца, осужденного на голодную смерть (с. 284). ЛС, 1806, № 4, подпись: *А. Изм...* НБиС.

На русскую пляску гг. Дюпора и Даниловой на Большом театре 9 июня 1809 года (с. 285). НБиС.

Надпись к портрету И. А. Крылова, поставленному насупротив портрета гр[афа] Д. И. Хвостова (с. 285). ВЛ, 1983, № 8.

Надпись к портрету С. Д. П[ономаревой] (с. 285). Б, 1820, № 18.

В альбом С. Д. П[ономаревой] (с. 285). СИ-1849, т. 1. Прочитана в ВОЛСНиХ 21 апреля 1821 г.

С. Д. П[ономарев]ой, по случаю пробы комедии: Провинциальный Адонис, в которой она играла роль слуги Ивана (с. 286). КМ на 1826 г.

На чтение в одном домашнем литературном обществе двух молодых поэтов (с. 286). Б, 1825, № 1, в статье «Сатирические ведомости».

Надпись к кеглям (с. 286). СИ-1849, т. 1.

Княгине Е. С. Хилковой, в день ее ангела, 5 сентября, с баснями (с. 287). ЖЗТУАК-89.

Надпись на низких дверях в сенях В. П. Голубева (с. 287). ЖЗТУАК-89. О В. П. Голубеве сведений обнаружить не удалось.

[Надпись на стене квартиры в Сергиевом Посаде под эстампом, представляющим Аполлона и Муз] (с. 287). РА, 1871, № 6, в письме к И. И. Дмитриеву от 24 мая 1828 г. из Вологды, в котором И. сетовал: «Все стены и двери исписаны глупейшими стихами, разумеется, русскими».

Надпись на дверях бывшей моей приемной (с. 288). С, 1830, № 11. ЖЗТУАК-89, под загл.: *Надпись над дверями в моей передней.*

ЭПИГРАММЫ И ЭПИТАФИИ

«У мужа коль с женой бывает сходен нрав...» (с. 289). ЖРС, 1805, № 8, подпись: *А. И.*

«Послушай, секретарь...» (с. 289). ЛС, 1806, № 11, под загл.: *Награждение чином*. ВЕ, 1816, № 17/18 (сентябрь); НБиС. Прочитана в ВОЛСНиХ 9 марта 1807 г.

«Остановися, гражданин!» (с. 290). Ц, 1809, № 1, подпись: *И.*; НБиС. *Под Полтавой* — Полтавская битва, произошедшая 27 июня 1709 г.; переломный момент русско-шведской войны 1700–1721. *Под Кистрином* — во время Семилетней войны прусская крепость Кюстрин была осаждена русскими войсками с 5 по 12 августа 1758 г. *Бендеры* — во время русско-турецкой войны крепость Бендеры была взята штурмом 15 сентября 1770 г.

«Я месяц в гвардии служил...» (с. 290). Ц, 1809, № 2, подпись: *И.* ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ; в примеч. приводится другая редакция, находящаяся в составе рукописного сборника сочинений И., хранящегося в РО РГБ:

Шесть лет во флоте я служил,
А тридцать лет в деревне жил.
В отставке я курил табак,
Наливки пил, учил собак,
Сам птиц стрелял, крестьян сам сек —
Вот в чем провел почти весь век.

«Ты друг мне?» — «Друг». — **«А чем докажешь?»** (с. 290). Ц, 1809, № 3, подпись: *И.*, 1-я ред.; НБиС, 2-я ред.

«Под камнем сим лежит губернский предводитель...» (с. 291). Ц, 1809, № 7, подпись: *И.*; НБиС.

«Под камнем сим лежит судья высокородной...» (с. 291). Ц, 1809, № 7, подпись: *И.*

«Граф встал?» — «Изволил встать». — **«Пожалуй, доложи...»** (с. 291). Ц, 1809, № 11.

«Уж ты ассесор, брат?» — «Так точно...» (с. 291). Ц, 1809, № 11.

«Прохожий! Надпись чти сию с благоговеньем...» (с. 292). Ц, 1809, № 12, подпись: *И.*

«Здесь *Людоморова* могила...» (с. 292). Ц, 1810, № 7, подпись: *И.*; НБиС.

«Вралев наш фабулист примерный...» (с. 292). Ц, 1810, № 9, без подписи; СО, 1814, № 38; НБиС. В автографе РО РНБ — Хвастон, в Ц — Мевий, в СО — Шутов. Направлена против графа Д. И. Хвостова.

«Под камнем сим лежит великий генерал...» (с. 293). РЭ-1958.

«Смеются Простину…» (с. 293). СПбВ, 1812, № 1, подпись: *И.*; НБиС. Прочитана в ВОЛСНиХ 11 января 1812 г.

«Клариса в чепчике степенном и салопе…» (с. 293). СПбВ, 1812, № 1, подпись: *И.*; НБиС. Прочитана в ВОЛСНиХ 11 января 1812 г. Подражание эпиграмме Ж.-Ф. де Сен-Ламбера «Le jeune Egle quoique tres peu cruelle…». *Пенелопа* — героиня «Илиады», жена Одиссея, по ночам распускавшая, в ожидании мужа, саван, сотканный за день.

«Три сына у меня, не сходны все лицом» (с. 293). СПбВ, 1812, № 1, подпись: *И.*; НБиС. Прочитана в ВОЛСНиХ 11 января 1812 г.

«Клит был плохой поэт…» (с. 294). СПбВ, 1812, № 3, подпись: *И.*; НБиС. Прочитана в ВОЛСНиХ 7 марта 1812 г.

«Вздурился толстосум, наш откупщик богатый…» (с. 294). СПбВ, 1812, № 3, подпись: *И.* Прочитана в ВОЛСНиХ 7 марта 1812 г.

«О ужас! О досада!» (с. 294). СПбВ, 1812, № 6; ТОЛРС, 1817, кн. 13, с примеч.: «Сие не относится к переводам Кострова и Гнедича». НБиС. Прочитана в ВОЛСНиХ 31 мая 1812 г. Подражание эпиграмме, приписываемой Ж. Расину «Contre „Le Troade“ de Pradon» («Против „Троады“ Прадона»). По предположению А. Н. Егунова, адресат — А. С. Шишков, в 1806 г. издавший свой прозаический перевод XVI песни «Илиады», сделанный с английского перевода (см.: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв., М.; Л., 1964).

«Прелеста овдовела…» (с. 294). СО, 1814, № 38; НБиС. Прочитана в ВОЛСНиХ 16 января 1813 г. В автографе РО РНБ — Лизетта, в СО — Клариса.

«Что наш больной?» — «Сегодня приобщался…» (с. 295). СО, 1814, № 38; НБиС.

«На столп дорожный Петр, философ наш, походит…» (с. 295). СО, 1814, № 38.

«Напрасно Лизу свет поносит…» (с. 295). СО, 1814, № 38; ВЕ, 1816, № 17/18 (сентябрь); НБиС.

«Что так ты похудел?» — «Не сплю вот третью ночь!» (с. 295). СО, 1814, № 42. НБиС.

«Во всем счастлив Филет…» (с. 296). СО, 1814, № 42; НБиС.

«Наш общий друг Дамон…» (с. 296). СО, 1814, № 42; НБиС.

«Как на французов зол Хвастон!» (с. 296). РЭ-1958. Речь идет о хвостовском переводе трагедии Расина «Андромаха» (1794, 1811), неоднократно переиздававшемся.

«В боях щадила смерть его...» (с. 296). СИ-1849, т. 1. РСЭ. *Вралев* — граф Хвостов.

«Что на Ж[уковско]го наш Шутовской взбесился?» (с. 297). РЭ-1958, где впервые была напечатана по автографу РО РНБ. *Шутовской* — Шаховской. Поводом для эпиграммы послужила пьеса Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», в которой под именем Фиалкина был высмеян Жуковский. *Асмодей* — черт, персонаж баллад Жуковского «Громобой» и «Вадим», известных под общим назв. «Двенадцать спящих дев».

«Подлон начальнику дочь отдал в услуженье...» (с. 297). ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ.

«Когда б Глупон-рифмач хоть сотню бедным дал...» (с. 297). СО, 1815, № 5, подпись: *И*. Направлена против графа Д. И. Хвостова. И. занимался благотворительностью и требовал этого от всех. Например, он пожертвовал в 1815 г. последние 100 экземпляров своих Басен для продажи в пользу вдовы и семейства покойного художника И. И. Теребенева (см. объявление в СО, 1815, № 5), а это была приличная сумма, если учесть, что цена одного экземпляра была 2 р. 50 коп. Хвостов также довольно активно занимался благотворительностью, но И. об этом тогда не знал (см. отрывок из письма И. И. Дмитриеву от 20 марта 1819 г. в примеч. к сказке «Смерть и Стихотворец»).

Разговор в книжной лавке («Что, есть у вас Кутузова портрет?») (с. 297). СО, 1816, № 23; НБиС. ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. *«Наука побеждать»* — книга, написанная Суворовым.

«Здесь пьяный положен Софрон...» (с. 298). РСЭ, где напечатана по автографу РО РНБ.

«Прочь с глаз, сударыня, ты стен должна стыдиться...» (с. 298). СО, 1816, № 23; НБиС. *С ног походит на Вулкана* — т. е. хромой; *Вулкан* (римск. миф.) — бог огня, бог-кузнец, был хромым.

Разговор при входе на обсерваторию («Швейцар! вот на! возьми билет...») (с. 299). СО, 1816, № 23; НБиС. В основе эпиграммы прозаический анекдот, приведенный Ж.-Ф. Мармонтелем в «Eléments de littérature plaisante»: «Одна дама, отправля-

ясь в обсерваторию смотреть затмение, сказала своей спутнице, боявшейся опоздать: „Ничего, г. Кассини — мой друг, он повторит для меня“».

«Ты побледнел как смерть, и слезы на глазах!» (с. 299). СО, 1816, № 23; НБиС.

«Что это? В новом ты кафтане...» (с. 299). ВЕ, 1816, № 17/18 (сентябрь); НБиС.

«Молва напрасно трубит...» (с. 300). ВЕ, 1816, № 17/18 (сентябрь); НБиС.

«Корнет наш Ипполит...» (с. 300). ВЕ, 1816, № 17/18 (сентябрь); НБиС.

«Я видел вас вчера в трагедии моей...» (с. 300). СО, 1816, № 45; НБиС.

«Когда ты, папенька, играть в банк перестанешь?» (с. 301). СО, 1816, № 45; НБиС. Подражание эпиграмме А. Баратона «L'Habitude». *Банк* — карточная игра.

«Каких лишились бы прекрасных мы стихов...» (с. 301). СО, 1816, № 52, без подписи; НБиС. Направлена против графа Д. И. Хвостова. *Оселок* — точильный камень.

«Не верят, что Хвастон...» (с. 301). ВЕ, 1817, № 1; НБиС. В ВЕ — Смрадон. Направлена против графа Д. И. Хвостова. *Там нет козла* — существовало обыкновение держать в конюшне козла, который якобы помогал против домового. В действительности же дело было в том, что запаха козла боялись ласки и другие мелкие хищники, пробиравшиеся в конюшни к лошадям.

«Не знаешь ты моей печали...» (с. 301). СО, 1817, № 22; НБиС. ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. Подражание эпиграмме П.-Д. Экушар-Лебрена «Dialogue entre un pauvre poète et l'auteur».

«Не знаю, как отмстить мне моему злодею...» (с. 302). СО, 1817, № 20, подпись: *И.*

«Бывало в старину дадут судье — и правы...» (с. 302). СО, 1817, № 21, подпись: *И.*; НБиС.

«Ветрана по уши в тебя, брат, влюблена...» (с. 302). СО, 1817, № 27, подпись: *И.* Подражание эпиграмме М.-А. Сент-Амана «Laure m'offre sa main; moi, je refuse Laure...», которая, в свою очередь, является подражанием эпиграмме М. Валерия Марциала «Nubere Paulla cupit nobis; ego ducere Paullam...»

«Всю проповедь отца Тарасия хоть кинь...» (с. 303). НБиС.

«Верзилин истинно велик!» (с. 303). СИ-1849, т. 1. *Аршин* — мера длины, 71,12 см. *Пуд* — старинная русская мера веса, 16,38 кг. *Золотник* — мера веса, 4,3 г.

«Конечно, зол Глупон...» (с. 303). Б, 1818, № 3. СИ-1849, т. 1. ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. В СИ-1849 — Филон.

«Ну, милая, прощай: пора уж, я спешу...» (с. 303). Б, 1818, № 3. Переработанное в эпиграмму сатирическое стихотв. «Верный любовник».

«Все бьют у нас челом перед судьей Фомой...» (с. 304). Б, 1818, № 3.

«Всё только с книгами! Не посидит с женою!» (с. 304). Б, 1818, № 4. Написана на сюжет историческою анекдота о Дж. Драйдене.

«Я русский дворянин; родился я в Малмыже...» (с. 304). Б, 1818, № 5.

«Прохожий: дальше, прочь! под камнем сим лежит...» (с. 304). Б, 1818, № 5. РСЭ.

«Я слышал, не живешь ты более с женой?» (с. 305). Б, 1818, № 6.

«Вот на, возьми определенье...» (с. 305). Б, 1818, № 9. *Определенье* — см. примеч. к басне «Карета и Лошади». *Голос* — мнение.

«Теперь вы замужем!.. и не узнаешь вас!» (с. 306). Б, 1818, № 11.

«Здесь Пустельгин лежит — не так-то был умен...» (с. 306). Б, 1819, № 1.

«Здесь лавка Глазунова?» — «Тут...» (с. 306). ВЛ, 1983, № 8.

Подражание князю Кантемиру («Послушаешь одних, так очень глуп Дамон...») (с. 306). Б, 1818, № 12, с примеч.: «Каюсь пред всеми в грехе: эта эпиграмма украдена мною у покойного князя А. Д. Кантемира». ПС, где напечатана Г. В. Ермаковой-Битнер по автографу РО РНБ. И. использовал эпиграмму А. Кантемира «На Брута» (1730):

Умен ты, Бруте; порук тому счесть устанешь;
Да и ты же, Бруте, глуп; как то может статься?
Изрядно, и как я мню, могу догадаться:
Умен ты молча; а глуп, как говорить станешь.

«Сейчас же выходи со мною...» (с. 307). Б, 1819, № 9.

«Что так ты пасмурен?» — «Не спрашивай... жена...» (с. 307). Б, 1819, № 11.

«У Лицемерина жена...» (с. 307). Б, 1822, № 1, подпись: *Баснин.*

«О, цензор! о, злодей!» (с. 308). Б, 1822, № 1, подпись: *Баснин.*

Эпитафия латинскому стихотворцу Галлу (с. 308). Б, 1822, № 43, под загл.: «Надгробие несчастному поэту» и авторским примеч. к нему: «Галлу, который влюблен был в прелестную и ветреную Цитерису или Ликорису. См. X эклогу Виргилия „Галл“». СИ-1849, т. 1.

Сочинитель к х... (с. 308). НЛО, № 2, где опубликовано по автографу РО РНБ в статье О. А. Проскурина «„Писатель не для дам“?». Купюры в тексте принадлежат И.

«Я раньше выйти не могла...» (с. 309). НЛО, № 2, где опубликовано по автографу РО РНБ в статье О. А. Проскурина «„Писатель не для дам“?».

Примечание к пиесе П. Л. Я[ковлева] «Искусство отказывать» (с. 309). ВЛ, 1983, № 8. *«Искусство отказывать»* — юмористический очерк П. Л. Яковлева (Б, 1824, № 4).

«Отставлен ты — хвала судьбе!» (с. 309). СИ-1849, т. 1. Направлена против Е. И. Мечникова. Другой вариант эпиграммы опубликован Г. В. Ермаковой-Битнер в ПС под загл.: «Совет новому сенатору»:

   Покорен будь судьбе:
В Сенат от горных удалися;
А коль умен, то отравися,
Да *есть ли яд-то по тебе?*

«Бесчестен наш Змеяд, однако любит *честь*...» (с. 310). СИ-1849, т. 1. Направлена против Е. И. Мечникова. Другой вариант эпиграммы опубликован в РЭ-1958:

Бесчестен М[ечников], однако любит *честь,*
В Сенате хочется ему повыше сесть.
А почему ж не так? Его потешить можно
И на кол посадить перед Сенатом должно.

«Ну, исполать Фадею!» (с. 310). РС, 1875, № 12. *Против отечества.* В 1812 г. Ф. Булгарин сражался на стороне Наполеона против русских войск. *«Сын Отечества»* — исторический, политический и литературный журнал (1812–1852). До восстания декабристов в нем печатались статьи К. Рылеева, В. Кюхельбекера и др. После 1825 г., когда соредактором Н. Греча стал Ф. Булгарин, журнал приобрел откровенно реакционный характер.

Несчастья Андромахи (с. 310). РС, 1875, № 12. Направлена против перевода графа Д. И. Хвостова трагедии Ж. Расина (1794, 1811) и оригинальной трагедии П. А. Катенина «Андромаха» (1823–1827). Связана с публикацией III действия трагедии Катенина в «Русской Талии» (1825). В письме к П. Л. Яковлеву от 19 декабря 1824 г. И. писал: «Прочел, однако, отрывок из хваленой Катениной „Андромахи“. Если вся трагедия такова, как напечатанные в „Русской Талии“ сцены, то Хвостов может гордиться перед Катениным. Сам увидишь» (Пушкин). *Андромаха* — в древнегреческой мифологии жена троянского героя Гектора, плененная после его смерти Неоптолемом, сыном Ахилла. *Пирр бедную вдову в отчаянье привел* — Пирр, сын Ахилла, согласно трагедии Расина, преследовал Андромаху, грозя убить ее сына, если она не проявит к нему благосклонность. *Китайчатый* — сделанный из китайки, желтой хлопчатобумажной ткани. *Заставил говорить без смысла по-славянски* — архаичность языка трагедии Катенина отмечалась критикой.

«Господь послал на Питер воду...» (с. 311). РА, 1871, № 6, в письме к И. И. Дмитриеву от 15 апреля 1826 г. Имеется в виду «Послание к N. N. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября» Хвостова (НА на 1825 г.).

«В Хвостова притчах мы читаем, что петух...» (с. 311). РА, 1871, № 6, в письме к И. И. Дмитриеву от 15 апреля 1826 г., где к ст. 1 имеется авторское примеч.: *Не складно, но ладно — для графа.*

«Как у тебя, брат, красен нос!» (с. 311). КМ на 1827 г.

«Твои портреты очень схожи...» (с. 311). СИ-1849, т. 1. *На лица пишешь* — т. е. подразумеваешь конкретное лицо.

«Чудак ты, Клим, из чудаков...» (с. 312). СИ-1849, т. 1.

Эпитафия зайчику (с. 312). СМ, 1831, № 67 (5 июня), с примеч.: «Настя — имя дочери сочинителя. Сия пьеса в числе некоторых других доставлена мне покойным автором за несколько време-

ни до кончины его. *Изд.*» РСЭ. *Настя* — младшая дочь И. *Стикс* (др.-греч. миф.) — река в царстве мертвых.

Эпитафия Ласточке (с. 312). СИ-1849, т. 1. РСЭ.

«Коль *теплое* дадут местечко мне, пойду…» (с. 312). СМ, 1830, № 9, подпись: *Ал. Изм*. СИ-1849, т. 1.

ШАРАДЫ

«Слог *первый* у меня то место означает…» (с. 313). Б, 1819, № 1.

«Слог *первый* у меня есть буква, или знак…» (с. 313). Б, 1819, № 3.

«Как *первая* моя, так и *вторая* часть…» (с. 313). Б, 1819, № 6.

«Читатель! *первое* мое ты, верно, ел…» (с. 314). Б, 1819, № 9.

«Читатель! *первое* мое предлог…» (с. 314). Б, 1819, № 16.

«Слог *первый* — литера, *вторый* же слог — река…» (с. 314). Б, 1819, № 8.

«Слог *первый* — имя старика…» (с. 315). Б, 1819, № 21.

«Два слога *первые* — растенье…» (с. 315). Б, 1821, № 23/24.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

Певец, или Певцы в Беседе славено-россов (с. 316). Современник, 1856, № 5, Смесь, под загл.: «Певец в Беседе славянороссов». Сохранилось во множестве прижизненных списков; наиболее полный из них, находящийся в архиве А. Н. Оленина в РО РНБ, опубликован О. А. Проскуриным в кн.: К. Н. Батюшков. Избранные сочинения (М.: Правда, 1986). Написано совместно с К. Н. Батюшковым и является пародией на гимн В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812). В письме к Н. Ф. Грамматину от 17 марта 1813 г. И. сообщил о появлении «Певца в Беседе славяно-россов» и привел отрывок из него. Принадлежащая перу И. часть стихотворения (в несколько иной редакции, с добавлением стихов, отсутствующих в остальных списках, и с разбивкой на строфы) опубликована Д. Д. Благим по автографу РО РНБ в кн.: К. Н. Батюшков. Сочинения (М.-Л.: Academia, 1934):

ПАРОДИЯ НЕКОТОРЫХ КУПЛЕТОВ ИЗ «ПЕВЦА ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ»

Хвала отважным рифмачам!
  Шихматов в юны лета,
Коль верить Балдуса речам,
  Осьмое чудо света.
Потемкин, слава наших дней,
  И Бунина девица!
В Беседе говорят о ней:
  «Стихи плесть мастерица».
Театра нашего хвала,
  Грузинцев, Висковатов!
Их Мельпомена родила
  На гибель сопостатов.

Хвала, читателей тиран,
  Хвостов неутомимый!
Стихи твои, как барабан,
  Для слуха нестерпимы.
Наскучил людям и чертям,
  И день и ночь он пишет,
А похвалы своим трудам
  Ни от кого не слышит.
Он за поэму — прочь идут,
  За оду — тут зевают,
Лишь за посланье — все бегут
  И уши затыкают.

Хвала, псаломщик наш, старик
  Захаров — преложитель,
Ревет он, аки вол иль бык,
  Лугов пустынных житель!
Хвала тебе, грач черный, Львов,
  Ковач речений смелый,
И Палицын, гроза чтецов,
  В Поповке поседелый!

Хвала, наш пасмурный Гервей,
   Обруганный Станевич,
И с польской торбою своей
   Холуй Анастасевич!

Хотя сам И. тем самым признал за собой авторство только этого отрывка, скорее всего, он так или иначе участвовал в работе и над всеми остальными частями стихотворения. М. И. Гиллельсон в рецензии «Ценный вклад в историю русской поэзии» на выход ПС высказывал предположение, что И. не просто соавтор Батюшкова, но «именно ему принадлежит замысел этой широко известной пародии на шишковистов» (XVIII век. Сб. 5. М.; Л., 1962). Точками в квадратных скобках обозначены два пропущенных стиха, отсутствующие и в остальных списках стихотворения. *Славено-россы* — прозвище, данное членам Беседы сторонниками Н. М. Карамзина в связи с попытками А. С. Шишкова доказать, что русский и церковнославянский языки являются лишь «наречиями» единого «славенороссийского языка». *Балладо-эпико-лиро-комико-эпизодический гимн* — подзаголовок пародирует название «Гимна лиро-эпического на прогнание французов из Отечества» Г. Р. Державина (1813). *Тредьяковский* — В. К. Тредиаковский. *«Телемахида»* — «Тилемахида», эпическая поэма В. К. Тредиаковского, являющаяся переложением нравоучительного романа Ф. С. Фенелона «Похождения Телемака, сына Улиссова». *С Роленем за плечами* — Перевод «Древней истории» и «Римской истории», многотомных сочинений Ш. Роллена, сделанный В. К. Тредиаковским. *Сумбур* — Г. Р. Державин. *И галлицизмы пишет!* — см. разговор «Дядя и племянник славенофилы». *Славенофил, седой дед* — прозвища А. С. Шишкова, данные сторонниками Н. М. Карамзина. *«Барды»* — драматическая поэма С. П. Жихарева. *...Шахматов безглагольный...*— С. А. Ширинский-Шихматов в своих стихотворных сочинениях сознательно избегал глагольных рифм. *Меня в Пиндары крючит!* — А. С. Шишков считал С. А. Ширинского-Шихматова, и не без оснований, самым значительным из молодых поэтов. *Холодных шуб родитель...* — А. А. Шаховской, автор ирои-комической поэмы «Расхищенные шубы», содержащей насмешки над Н. М. Карамзиным и его сторонниками. *Весталка* — А. П. Бунина, так и не вышедшая замуж

и «оставшаяся в девицах»; строки, ей посвященные, написаны, очевидно, Батюшковым, поскольку И. лишь перечисляет ее среди других писателей (см. выше). *...протяжный Львов* — П. Ю. Львов любил употреблять в своих сочинениях многокорневые («долгими») слова. *И Палицын, гроза чтецов...* — стихи А. А. Палицына считались труднопроизносимыми. *Обруганный Станевич* — с резкой критикой литературной деятельности Е. И. Станевича выступили М. Т. Каченовский, А. Ф. Воейков и др. *Холуй Анастасевич* — В. Г. Анастасевич в своих сочинениях называл слуг «холуями» (на польский манер). *Соколов* — чтец в Беседе, провиантский чиновник. *Кто пишет так, как говорит...* — формула, выражающая стилистическую программу сторонников Н. М. Карамзина. *Пролог* — свод сокращенных житий святых, а также поучительных слов отцов церкви. *К завтрене* — к заутрене.

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

Рыжий конь (Элегическая или романтическая поэма) (с. 324). Б, 1823, № 42, с подзаг. *Элегия, или поэма (Подражание лорду Бейрону)*; СИ-1826. *Лорд Бейрон* — Дж. Г. Байрон. *...синих и алых книжек* — бумажные обложки журналов были голубого или розового цвета. *Оттопырен карман...* — цитата из стихотв. А. А. Дельвига «До рассвета поднявшись, извозчика взял / Александр Ефимыч с Песков...», пародирующего «Замок Смальгольм» В. А. Жуковского. *Милютины лавки* (Милютин ряд) — торговые здания на Невском проспекте в СПб, построенные в 1735 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

***И. А. Кубасов*. Вице-губернаторство баснописца Измайлова в Твери и Архангельске (с 1827 по 1829 год). Этюд по неизданным материалам**. *Кубасов* Иван Андреевич (1875–1937) — историк литературы и библиограф, составитель «Каталога изданий Императорской академии наук» (СПб., 1912–1916), автор единственной монографии об И.: «Александр Ефимович Измайлов. Опыт биографии его и характеристики общественной и литературной дея-

тельности» (СПб., 1901), частями публиковавшейся в РС (1900, № 6–9; 1901, № 1–2), а также целого ряда статей о русских писателях конца XVIII — начала XIX в. (Д. И. Фонвизине, А. С. Пушкине, К. Ф. Рылееве, А. А. Бестужеве-Марлинском, А. И. Одоевском, Д. В. Веневитинове и др.). Воспроизводимая здесь (в адаптированном к наст. изд. виде) работа Кубасова, являющаяся расширенным описанием последних лет жизни и творчества И., была опубликована в сб. Памяти Майкова. Многие материалы и письменные источники, которыми пользовался автор при ее написании, на сегодняшний день безвозвратно утрачены. *Майков* Леонид Николаевич (1839–1900) — литературовед, библиограф, исследователь русской литературы XVII–XIX вв.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1779 *14 (25) апреля.* Родился от дворян Владимирской губернии (д. Волченка Вязниковского уезда) Е. Ф. и М. З. Измайловых.

1786 *8 (19) ноября.* Записан каптенармусом в лейб-гвардии Преображенский полк.

1791 *13 (24) мая.* Произведен в сержанты.

1792 Поступил в Горный кадетский корпус, где «особенно занимался словесными науками».

1796 Окончил курс в Горном кадетском корпусе.

1797 *3 (14) января.* Уволен по состоянию здоровья от военной службы, определен к статским делам с чином губернского секретаря. — *Март.* Определен в Экспедицию о государственных доходах. — *Август.* Начал службу в Экспедиции.

1798 *Март.* Первая публикация — стихотворение «Смерть (Из Мальгерба)».

1799 Издание первой части сатирического романа «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества».

1800 Получил чин титулярного советника.

1801 Издание второй части романа «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества». — «Бедная Маша. Российская, отчасти справедливая, повесть». — Получил место столоначальника Экспедиции с чином коллежского асессора.

1802 *3 (15) мая.* Принят в ВОЛСНиХ. — Смерть матери. — *21 декабря (2 января 1803).* Исключен из ВОЛСНиХ вме-

сте с Н. Ф. Остолоповым за пропуски заседаний Общества и попытку публикации своих сочинений в московских журналах.

1803 *15 (27) марта*. Восстановлен в ВОЛСНиХ. — Женился на Екатерине Ивановне Сотниковой.

1804 Издание трактата «Рассуждение о нищих, каким образом можно уменьшить у нас, в России, великое число оных и доставить всем прочим безнужное пропитание безо всякого на то иждивения от казны».

1805 Стал цензором ВОЛСНиХ.

1806 *Ноябрь-декабрь*. В «Любителе словесности» напечатана повесть «Ибрагим и Осман, или Трудись, делай добро и будешь счастлив».

1807 Издание трактата «Вчерашний день, или Некоторые размышления о жалованьи и о пенсиях». — Избран секретарем ВОЛСНиХ (до 1812).

1808 Получил чин надворного советника. — Родился сын Михаил.

1809 Издание журнала «Цветник» (с А. П. Бенитцким). — Награжден орденом св. Владимира 4-й степени. — Родилась дочь Анастасия.

1810 Продолжение издания журнала «Цветник» (с П. А. Никольским). — Родилась дочь Наталья.

1811 Назначен советником Экспедиции с чином коллежского советника. — Родилась дочь Софья.

1812 Главный редактор «Санкт-Петербургского вестника». — Родился сын Александр.

1814 «Басни и Сказки», издание 1-е. — Смерть отца. — Родился сын Павел.

1816 *26 февраля (9 марта)*. Избран в члены Московского общества любителей словесности, вместе с Гнедичем, Жуковским и Крыловым. — Избран президентом ВОЛСНиХ (до 1826). — «Басни и сказки», издание 2-е. — «Опыт о рассказе басни».

1817 Издание «Сына Отечества» во время заграничного путешествия Греча. — Доиздание XI и XII частей «Пантеона российской поэзии» после смерти П. А. Никольского. — «Новые басни и сказки, также разные мелкие стихотворения, с присовокуплением опыта о рассказе басни» (изда-

ние 3-е). — Разборы басен И. И. Хемницера, И. И. Дмитриева и И. А. Крылова.

1818 Издание журнала «Благонамеренный» (до конца 1826). — Вступление в масонскую ложу Избранного Михаила.

1820 Знакомство с С. Д. Пономаревой, участие в деятельности ее литературного салона.

1821 *Май.* По преобразовании Экспедиции переведен в департамент государственного казначейства и назначен начальником отделения. — *Лето.* Участие в создании дружеского общества «Сословие друзей просвещения» (С. Д. П.) в салоне С. Д. Пономаревой. — «Басни и Сказки», издание 4-е, в 3-х частях.

1824 *9 (21) февраля.* Награжден орденом св. Анны 2-го класса. — Подготовка издания «Сочинений В. А. Озерова». — *4 (16) мая.* Смерть С. Д. Пономаревой. — *24 ноября* (*6 декабря*). «Пожалован в 5-й класс со старшинством от декабря 3-го дня 1815 года».

1825 Издание «Календаря Муз» на 1826 г.

1826 «Опыт о рассказе басни, с присовокуплением разбора некоторых образцовых басен лучших российских фабулистов» (отдельное издание). — «Басни и сказки», издание 5-е, в 3-х частях. — «Сочинения в прозе и стихах Александра Измайлова» (вышел только 1-й том). — *5 (17) ноября.* Назначен вице-губернатором в Тверь. — Издание «Календаря Муз» на 1827 г. — Прекращение издания «Благонамеренного».

1828 *31 марта (12 апреля).* Переведен вице-губернатором в Архангельск.

1829 *22 марта (3 апреля).* Причислен к Министерству финансов для особых поручений.

1830 *3 (15) октября.* Вышел в отставку, с пенсионом по 2000 р. (ассигнациями) в год.

1831 *16 (28) января.* Умер от апоплексического удара в Санкт-Петербурге. Похоронен на Смоленском кладбище.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Аарон (в миру Нарциссов Алексей Захарович) (1771–1841) — Архангельский епископ (1826–1830 гг.).

Аввакум Петрович (Кондратьев), протопоп (1620/21–1682) — религиозный деятель, духовный предводитель раскола, писатель и богослов.

Александр I Павлович (1777–1825) — император (с 1801 г.).

Али-паша (1741–1822) — албанский правитель, сераскир Румелии.

Амвросий (в миру Протасов Алексей Иванович) (1762–1831) — архиепископ Тверской и Кашинский (1826–1831 гг.).

Анакреон Теосский (ок. 570–478 до Р. Х.) — древнегреческий поэт.

Анастасевич Василий Григорьевич (1775–1845) — писатель, библиограф и издатель; член ВОЛРС.

Аракчеев Алексей Андреевич, граф (1769–1834) — государственный деятель, член Государственного Совета, фаворит *Александра I*.

Аристотель Стагирит (384–322 до Р.Х.) — древнегреческий философ.

Арендт Николай Федорович (1785–1859) — врач-хирург, доктор медицины и хирургии; впоследствии лейб-медик императора Николая I.

Байрон Джордж-Ноэль Гордон, лорд (1788–1826) — английский поэт-романтик, сочинения которого были чрезвычайно популярны в России в 1820-е гг.

Баратон А. де (ок. 1650–1725) — французский поэт-сатирик.

Баратынский Евгений Абрамович (1800–1844) — поэт.

Барков Иван Семенович (1732–1768) — поэт и переводчик.

Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) — поэт, эссеист, критик.

Беницкий Александр Петрович (1782–1809) — поэт, издатель (вместе с И.) журнала «Цветник»; член ВОЛСНиХ.

Бестужев Александр Александрович (1797–1837) — поэт и критик, декабрист, член Северного тайного общества, соиздатель К. Ф. Рылеева по «Полярной звезде», впоследствии известный прозаик (под псевдонимом Марлинский); автор нашумевших литературно-критических обзоров «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823) и «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» (1824), опубликованных в «Полярной звезде»; сын А. Ф. Бестужева.

Бестужев Александр Федорович (1761–1810) — писатель, издатель (вместе с И. П. Пниным) СПбЖ; отец А. А. Бестужева.

Бируков Александр Степанович (1772–1844) — переводчик; член ВОЛСНиХ; цензор «Благонамеренного» (с 1821 г.).

Бобров Семен Сергеевич (1763–1810) — поэт, переводчик; член ВОЛСНиХ.

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825) — духовный и светский композитор, директор придворной капеллы, автор многочисленных концертов для хора.

Брусилов Николай Петрович (1782–1849) — писатель, переводчик, издатель «Журнал российской словесности» (1805 г.), вологодский губернатор (1820–1834 гг.)

Буало-Депрео Никола (1636–1711) — поэт-сатирик; автор дидактической поэмы «О поэтическом искусстве».

Бунина Анна Петровна (1774–1829) — поэтесса и переводчица.

Бухарин Иван Яковлевич (1772–1858) — губернатор Архангельска (1827–1829), начальник И. по службе.

Валерий Катулл Гай (ок. 87–54 до Р.Х.) — древнеримский поэт.

Валерий Марциал Марк (ок. 40 — ок. 102) — древнеримский поэт-эпиграмматист.

Вергилий Марон Публий (70–19 до Р.Х.) — древнеримский поэт.

Веревкин Михаил Иванович (1732–1795) — драматург и переводчик.

Взметнев Петр Алексеевич (1780-е — 1870-е) — действительный статский советник, приближенный *Гурьева Д. А.*

Виже Луи Жан Батист Этьен (1768–1820) — французский поэт-баснописец.

Висковатов Степан Иванович (1756–1831) — драматург; член Беседы.

Витгенштейн Петр Христианович (1768–1842) — фельдмаршал русской армии, герой Отечественной войны 1812 г.

Власов Семен Прокофьевич (1789–1821) — химик и физик, изобретатель-самоучка, из крепостных.

Вольтер (наст. имя Франсуа-Мари Аруэ, 1694–1778) — французский поэт, драматург и философ-просветитель.

Галл Корнелий Гай (69–26 до Р.Х.) — римский полководец и поэт.

Ганин Егор Федорович (1755–1829) — богатый купец первой гильдии, драматург-дилетант.

Геллерт Христиан Фюрхтенготт (1715–1769) — немецкий поэт и просветитель.

Гельвий Кинна Гай (ок. 85–44 до Р.Х.) — древнеримский поэт.

Гераков Гавриил Васильевич (1775–1838) — писатель и педагог, преподаватель истории в Первом кадетском корпусе, автор многочисленных патриотических сочинений.

Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832) — немецкий поэт, прозаик, драматург и естествоиспытатель.

Глазунов Иван Петрович (1762–1831) — петербургский книгопродавец и издатель.

Глинка Сергей Николаевич (1775–1847) — поэт, прозаик, историк; издатель журнала «Русский вестник» (1808–1820).

Гнедич Николай Иванович (1784–1833) — поэт, переводчик «Илиады».

Говоров Яков Иванович (1779–1828) — врач, доктор медицины, автор медицинских сочинений; член ВОЛСНиХ.

Голиков Иван Иванович (1735–1801) — сын курского купца, историк, составитель монументального труда «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (1788–1797).

Гольберг Фриер Людвиг (1684–1754) — датский драматург.

Гомер (VIII в. до Р.Х.) — древнегреческий поэт, с именем которого связаны «Илиада» и «Одиссея».

Гораций Флакк Квинт (65–8 до Р.Х.) — древнеримский поэт.

Грамматин Николай Федорович (1786–1827) — поэт, переводчик и филолог; член ВОЛСНиХ.

Грекур Жан-Батист (1684–1743) — французский поэт и баснописец.

Греч Николай Иванович (1787–1867) — писатель и журналист; член Беседы; издатель «Сына Отечества», позднее компаньон Булгарина по «Северной пчеле».

Грибович Степан Григорьевич (между 1766 и 1769 — после 1833) — композитор, учитель пения в придворной певческой капелле.

Грузинцев Александр Николаевич (1779–1840-е) — поэт и драматург.

Гурьев Дмитрий Алексеевич, граф (1751–1825) — министр финансов (1810–1823).

Данилова (Перфильева) Мария Ивановна (1793–1810) — танцовщица, ученица *К. Л. Дидло*, напарница *Л.-А. Дюпора,* несчастная любовь к которому свела ее в могилу.

Дашков Дмитрий Васильевич (1788–1839) — переводчик, прозаик, критик; один из основателей литературного общества «Арзамас».

Дельвиг Антон Антонович, барон (1798–1831) — поэт и критик; соученик А. С. Пушкина по Царскосельскому лицею; издатель «Северных цветов» и «Литературной газеты».

Демутье Шарль-Альбер (1760–1801) — французский писатель и драматург.

Державин Гавриил Романович (1743–1816) — поэт и государственный деятель; председатель 2-го разряда Беседы.

Дидло Карл Людовик (1767–1837) — балетмейстер Санкт-Петербургского театра и учитель школы танцев.

Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) — поэт, баснописец.

Драйден Джон (1631–1700) — английский поэт и драматург; автор «Опыта о драматической поэзии».

Дубенский Николай Порфирьевич (1779–1841) — директор Департамента разных податей и сборов (с 1819 г.), управляющий Департамента государственных имуществ, после ревизии дел которого попал под суд.

Дюпор Луи-Антуан (1782–1853) — артист балета, балетмейстер и хореограф; выступал в Петербурге и Москве (1808–1812).

Дюрок Жерар Кристоф Мишель (1772–1813) — французский полководец, гофмаршал двора Наполеона Бонапарта.

Ежова Екатерина Семеновна (1788–1836) — комическая актриса, гражданская жена *Шаховского*.

Екатерина II Алексеевна (1728–1796) — императрица (с 1762 г.).

Жанлис Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен де (1746–1830) — французская писательница, автор популярных сентиментальных романов.

Жильбер Николя-Жозеф-Лоран (1750–1780) — французский поэт.

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) — поэт, переводчик, критик.

Заикин Матвей Иванович (1782–1854) — книгопродавец и издатель.

Захаров Иван Семенович (1754–1826) — писатель; сенатор; председатель четвертого разряда Беседы.

Зоил (IV в. до Р. Х.) — древнегреческий филолог и критик, нападавший на поэмы Гомера.

Измайлов Ефим Федорович (1749–1814) — отец писателя.

Измайлова Матрона Захарьевна (1750–1802) — мать писателя.

Измайлова (урожд. *Сотникова*) Екатерина Ивановна (1787 — сер. 1850-х) — жена писателя.

Кавелин Петр Александрович (1785–1815) — армейский офицер; умер от ран, полученных под Бородиным.

Кайданов Яков Кузьмич (1779–1855) — врач и естествоиспытатель, профессор Медико-хирургической академии; член ВОЛСНиХ.

Каменев-Любавский Михаил Александрович (годы жизни неизвестны) — двоюродный брат И.

Канкрин Егор Францевич, граф (1776–1845) — министр финансов (1823–1844 гг.)

Кантемир Антиох Дмитриевич, князь (1708–1744) — поэт-сатирик, дипломат.

Каракалла Септимий Бассиан (186–217) — древнеримский император (с 211 г.).

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — поэт, прозаик, автор «Истории государства Российского».

Каталани Анджелика (1779–1849) — итальянская певица, с большим успехом гастролировавшая в России в 1820-е гг.

Катенин Павел Александрович (1792–1853) — поэт, драматург, переводчик, критик.

Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) — профессор Московского университета, писатель и издатель.

Кикин Петр Андреевич (1775–1843) — художник-дилетант; сенатор, статс-секретарь Александра I; член Беседы.

Княжевич Дмитрий Максимович (1788–1844) — писатель и филолог; член ВОЛСНиХ.

Княжнин Яков Борисович (1742–1791) — поэт и драматург.

Козлов Василий Иванович (1792–1825) — писатель и переводчик; соредактор газеты «Русский инвалид», сотрудник газеты «Северная пчела».

Коленкур Арман-Огюст-Луи де (1772–1821) — французский дипломат, министр иностранных дел, приближенный Наполеона Бонапарта.

Корнель Пьер (1606–1684) — французский драматург-классицист.

Костров Ермил Иванович (1755–1796) — поэт, переводчик «Илиады» Гомера (I–IX песни).

Кочубей Виктор Павлович, князь (1768–1834) — государственный деятель, член Государственного Совета.

Красовский Василий Иванович (1782–1824) — поэт и переводчик; один из основателей ВОЛСНиХ, цензор (1804–1813).

Крылов Иван Андреевич (1768–1837) — баснописец и драматург; член Беседы.

Кудлай Николай Михайлович (1768–1825) — композитор, учитель придворного певческого хора.

Кутузов Михаил Илларионович, князь Смоленский (1745–1813) — полководец, главнокомандующий русской армией (с 1812 г.).

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797–1846) — поэт, прозаик и критик, соученик А. С. Пушкина по Царскосельскому лицею, участник восстания декабристов.

Лабзин Александр Федорович (1768–1834) — вице-президент Императорской академии художеств, писатель-мистик; член Беседы.

Лазарева Анна Михайловна (годы жизни неизвестны) — жена мореплавателя и флотоводца Михаила Петровича Лазарева (1788–1851), архангельская знакомая И.

Ламонне Бернар де (1641–1728) — французский поэт, автор шутливых стихотворных сказок и эпиграмм.

Ламотт Антуан-Удар де (1672–1731) — французский писатель и баснописец; критик басен Ж. Лафонтена.

Леванда Иоанн Васильевич (1734–1814) — проповедник, протоиерей Киево-Софийского собора, преподаватель Киевской духовной академии.

Лемаршан де ла Вьевиль Л. (годы жизни неизвестны) — французский баснописец, автор книги «Басни» (1804), аббат.

Лобысевич Петр Павлович (ок. 1764 — после 1817) — стихотворец-любитель.

Львов Павел Юрьевич (1770–1825) — писатель; член Беседы.

Малерб Франсуа (1555–1628) — французский поэт-классицист.

Манштейн Христофор-Герман (1711–1757) — русский и прусский полководец, участник русско-турецкой (1735–1739) и русско-шведской войны (1741–1744), автор книги «Записки о России 1727–1744».

Марин Сергей Никифорович (1776–1813) — поэт и драматург; член Беседы.

Мармонтель Жан-Франсуа (1723–1799) — французский поэт и прозаик.

Мечников Евграф Ильич (1770–1836) — горный инженер, директор Горного департамента и Горного корпуса (1817–1824).

Милонов Михаил Васильевич (1792–1821) — поэт-сатирик; член ВОЛСНиХ.

Минин Захарьев Сухорукий Кузьма (ум. 1616) — нижегородский гражданин, деятель антипольского ополчения 1612 г.

Миницкий Степан Иванович (1766–1840) — вице-адмирал, архангельский генерал-губернатор и главный командир Архангельского порта.

Мулей Абул Гашим (2-я пол. XV в.) — король Гренады.

Мятлев Иван Петрович (1796–1844) — поэт, впоследствии прославившийся своей макаронической поэмой «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой» (1840).

Наполеон I Бонапарт (1760–1826) — французский полководец и государственный деятель, император Франции (1804–1815).

Нарышкин Александр Львович (1760–1826) — обер-гофмаршал, обер-камергер, главный директор императорских театров (1804–1819).

Николай I Павлович (1796–1855) — император (с 1825 г.).

Никольская Анна Яковлевна (годы жизни неизвестны) — жена Никольского П. А.

Никольский Павел Александрович (1790–1816) — писатель и переводчик; издатель (вместе с И.) журнала «Цветник» (1810) и «Пантеона русской поэзии» (1814); член ВОЛСНиХ.

Обер Жан-Луи (1731–1814) — французский баснописец, аббат.

Обресков Михаил Алексеевич (1759–1842) — директор Департамента внешней торговли (1810–1823); сенатор.

Озеров Владислав Александрович (1769–1816) — поэт и драматург.

Оленин Алексей Николаевич (1763–1843) — художник, археолог, писатель; член Государственного Совета; директор Императорской публичной библиотеки; президент Императорской академии художеств.

Ореус Иван Максимович (1787–?) — вице-директор Департамента внешней торговли (с 1829 г.).

Остолопов Николай Федорович (1783–1833) — поэт, критик и теоретик поэзии; автор «Словаря древней и новой поэзии» (1821); член ВОЛСНиХ.

Охлестышев Михаил Федорович (1782–1829) — генерал-лейтенант, начальник 6-й пехотной дивизии.

Павел I Петрович (1754–1801) — император (с 1796 г.).

Палицын Александр Александрович (ок. 1750–1816) — поэт, переводчик, архитектор; организатор литературно-художественного кружка «Поповская академия» в деревне Поповке Сумского уезда Харьковской губернии; посещал заседания Беседы.

Панаев Владимир Иванович (1792–1859) — поэт, критик,

Панар Шарль-Франсуа (1694–1765) — французский адвокат и писатель.

Патрю Оливье (1604–1681) — французский адвокат и писатель.

Петр I Алексеевич (1672–1725) — царь (с 1682), император (с 1721).

Переплетчиков Иван Иванович (годы жизни неизвестны) — книготорговец, владелец книжных лавок в Москве и Петербурге.

Перевощиков Василий Матвеевич (1785–1851) — поэт и прозаик, преподаватель истории в Казанском университете.

Пиндар (522–438 до Р.Х.) — древнегреческий поэт-лирик.

Пинетти (артистический псевдоним Жан-Жозеф де Вильдаль, кавалер Пинетти, маркиз де Мерси, 1750–1803) — итальянский фокусник и иллюзионист, изобретатель мнемотехники; гастролировал в России (1799–1801).

Писарев Александр Иванович (1803–1828) — драматург-водевилист и поэт.

Пифагор Самосский (570–490 до Р.Х.) — древнегреческий философ и математик.

Пнин Иван Петрович (1773–1805) — поэт, публицист, издатель «Санкт-Петербургского журнала».

Платов Матвей Иванович, граф (1751–1818) — генерал русской армии, атаман Донского казачьего войска, герой Отечественной войны 1812 г.

Платон (в миру Петр Егорович Левшин, 1737–1812) — митрополит Московский, богослов, оратор и духовный писатель.

Пожарский Дмитрий Михайлович, князь (1578–1642) — боярин и воевода, предводитель антипольского ополчения 1612 г.

Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) — писатель, критик, публицист, историк, издатель журнала «Московский телеграф» (1825–1834).

Пономарева Софья Дмитриевна (1794–1824) — хозяйка литературного салона, посещавшегося членами ВОЛРС; адресат многих стихотворений И.

Потемкин Сергей Павлович, граф (1787–1858) — поэт и прозаик; член Беседы и ВОЛРС.

Прадон Никола (1644–1698) — французский драматург; автор трагедии «Троада»; объект насмешек французских поэтов-эпиграмматистов.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837).

Пушкин Василий Львович (1766–1830) — поэт; член ВОЛСНиХ; дядя А. С. Пушкина.

Радклиф Анна (1764–1823) — английская писательница, автор популярных готических романов.

Расин Жан (1639–1699) — французский драматург-классицист, автор трагедии «Андромаха».

Реир Жозеф, аббат (1735–1812) — французский поэт-баснописец, проповедник.

Розенберг Иван Иванович (1766–1829) — директор департамента государственного Казначейства (с 1821 г.).

Роллен Шарль (1661–1741) — французский историк и педагог.

Руа Пьер-Шарль (1683–1764) — французский поэт.

Румянцев Петр Александрович, граф Задунайский (1725–1796) — полководец и государственный деятель, генерал-фельдмаршал.

Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826) — поэт-декабрист, издатель альманаха «Полярная звезда».

Свиньин Павел Петрович (1787–1839) — писатель, журналист, художник и путешественник, издатель журнала «Отечественные записки» (1818–1823).

Семенов Федор Алексеевич (1794–1860) — курский астроном и метеоролог-самоучка; сын крупного торговца мясом; впоследствии член Русского географического общества.

Сен-Ламбер Жан-Франсуа де (1716–1803) — французский поэт, член Французской академии.

Сент-Аман Марк-Антоний Жерар (1591–1661) — французский поэт.

Слёнин Иван Васильевич (1789–1836) — петербургский издатель и книгопродавец.

Соколов Павел Петрович (1764–1835) — скульптор, академик Императорской академии художеств.

Сомов Орест Михайлович (1793–1833) — журналист, поэт и переводчик.

Станевич Евстафий Иванович (1775–1835) — писатель и переводчик; член Беседы.

Суворов Александр Васильевич, князь (1730–1800) — полководец, генералиссимус русской армии.

Тассо Торквато (1544–1595) —итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1575).

Теньер (Тенирс) Давид Младший (1610–1690) — фламандский художник-жанрист, писавший преимущественно картины простонародной жизни: деревенские праздники, крестьянские свадьбы, пирушки в харчевнях, изображал курильщиков, пьяниц, картежников и нищих.

Теребенев Иван Иванович (1780–1815) — художник, скульптор и гравер; член ВОЛСНиХ.

Тимковский Иван Осипович (1768–1837) — директор гимназий и училищ Петербургской губернии, цензор (1804–1821).

Томсон Джеймс (1700–1748) — английский поэт; автор описательной поэмы «Времена года».

Тредиаковский Василий Кириллович (1703–1769) — поэт, филолог, переводчик.

Туманский Василий Иванович (1800–1860) — поэт, государственный деятель; член ВОЛРС.

Уваров Сергей Семенович, граф (1786–1855) — попечитель Санкт-Петербургского учебного округа (1811–1822), президент Академии наук (с 1818 г.); участник литературного общества «Арзамас».

Федоров Борис Михайлович (1794–1875) — поэт, драматург, журналист; член ВОЛСНиХ.

Фенелон Франсуа-Салиньяк (1651–1715) — французский писатель, автор нравоучительного романа «Похождения Телемака», трактата «О воспитании девиц».

Филанджиери Гаетано (1752–1788) — итальянский экономист и публицист, философ-просветитель; автор книги «Наука о законодательстве» (1780–1788).

Филарет (в миру Дроздов Василий Михайлович) (1782–1867) — духовный писатель и проповедник, митрополит Московский и Коломенский (с 1826 г.).

Флориан Жан-Пьер Шарль (1755–1794) — французский поэт-баснописец и романист.

Фонтенель Бернар Ле Бовье де (1657–1757) — французский писатель и публицист.

Фридрих II Великий (1712–1786) — король Прусский (с 1740 г.), полководец и писатель.

Хвостов Александр Семенович (1753–1820) — поэт, переводчик, дипломат; председатель третьего разряда Беседы; двоюродный брат графа Д. И. Хвостова

Хвостов Дмитрий Иванович, граф (1757–1835) — поэт, баснописец и переводчик; сенатор, член Беседы.

Хилков Степан Александрович, князь (1786–1854) — генерал, герой Отечественной войны 1812 г.

Хилкова Елизавета Семеновна, княгиня (ум. 1856) — тверская помещица, жена Хилкова С. А.

Цертелев Николай Андреевич, князь (1790–1869) — писатель, фольклорист, этнограф.

Чулков Михаил Дмитриевич (1740–1793) — поэт, прозаик, издатель сатирических журналов и компилятивных сборников.

Шамфор Себастьен-Рош Николя де (1740–1794) — французский писатель, критик и моралист.

Шаховской Александр Александрович, князь (1777–1846) — поэт, драматург и прозаик; член Беседы.

Шешковский Степан Иванович (1727–1794) — государственный деятель, начальник Тайной экспедиции в царствование Екатерины II.

Ширинский-Шихматов Сергий Александрович, князь (1783–1837) — поэт, автор эпических поэм «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» и «Петр Великий»; член Беседы.

Шишков Александр Семенович (1754–1841) — писатель, переводчик, лингвист, публицист; организатор и духовный руководитель Беседы, председатель ее 1-го разряда; президент Российской академии; адмирал.

Эзоп (VI в. до Р.X.) — древнегреческий баснописец, основоположник жанра басни в европейских литературах.

Экушар-Лебрен Понс-Дени (1729–1807) — французский поэт-одописец.

Юлий Цезарь Гай (100–44 до Р.Х.) — древнеримский политик, полководец и писатель.

Юнг (правильно Янг) Эдвард (1681–1765) — английский поэт, автор поэмы «Плач, или Ночные мысли» (1742).

Юнг-Штиллинг Иоганн-Генрих (1740–1817) — немецкий писатель-мистик.

Яковлев Павел Лукьянович (1796–1835) — фельетонист и очеркист, постоянный сотрудник «Благонамеренного»; член ВОЛСНиХ; двоюродный племянник и многолетний адресат писем И.

Яценков Григорий Максимович — переводчик, цензор, издатель «Духа журналов» (1815–1821) и «Журнала мануфактур и торговли» (1826–1827).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Литературно-художественное издание

ИЗМАЙЛОВ Александр Ефимович

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Ответственный редактор *О. Старикова*
Компьютерная верстка: *С. Валишин*

ISBN 978-5-94282-587-4
9 785942 825874